

ISSN 0131-6656

СМОЛО

ШАРЛЬ ЭКСБРАЙ • БЕСПОЛЕЗНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

5'93

РЭЙ БРЭДБЕРИ • КРИЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА

НИКО ПИРОСМАНИШВИЛИ. *Женщина с кружкой пива.* (Читайте стр. 1)

5'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 19.02.93.
Подписано к печати 24.03.93.

Формат 84×108½.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 422 900 экз.

Заказ № 171.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок

212-11-27 — отдел писем

257-33-79 — отдел молодежных
проблем

251-04-10 — отдел литературы
и искусства

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

5 (1543) МАЙ

© Издательство «Пресса»,

© «Смена», 1993.

Проза

4

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. «УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИКИ!»
Криминальная повесть

88

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВ. ИСХОД С СОСТРАДАТЕЛЬНЫМ НАКЛОНЕНИЕМ
Рассказ

136

РЭЙ БРЭДБЕРИ. КРИЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА
Рассказ

154

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ. НИКОН
Исторический очерк

222

ШАРЛЬ ЭКСБРАЙЯ. БЕСПОЛЕЗНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
Детектив*Поэзия*

71

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ*Человек и общество*

76

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: «НАДЕЯТЬСЯ ТОЛЬКО НА СЕБЯ»

103

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ЗУБРЫ

116

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. БАНКОВСКИЕ СЮЖЕТЫ*Культура, музыка, искусство*

124

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. КОЛЛЕКЦИЯ

178

ИРИНА БЕСПАЛОВА. ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК...

На нашей
обложке:
фотозюда
Владимира
Чейшвили

192

ПИТЕР БРАУН, СТИВЕН ГЕЙНС. ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ ОТДАЕШЬ

219

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ. ПЕСНИ ДЛЯ ОДИНОКИХ ИНЖЕНЕРОВ

Спорт

150

ВАЛЕРИЙ ЛОКТЕВ. ЧЕРЕЗ ЖЕНСКОЕ БЕДРО

149,153

ВАШИ ПИСЬМА

279

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ, ЮМОР

6•93

3

■ ГОР ВИДАЛ. «ГОРЯЧЕЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ»

Действие детективного романа известного американского писателя Гора Видала происходит в небольшом курортном городке Истхэмптоне, где обычно собираются так называемые «сливки общества». Во время купания на глазах у всех тонет жена известного художника. Убийство это или самоубийство? Вопрос волнует тех, кто собрался в богатом особняке миссис Вииринг «Норт-Дюн».

За расследование параллельно с официальной полицией в лице инспектора Гривза берется владелец фирмы по связям с общественностью Питер Сарджент.

■ СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ. «ЖЕНСКИЙ КРУГ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

«... полюбить Петра было трудно. В зрелые свои годы царь мог внушать уважение, даже восторг — к его уму, гениальным государственным мерам и военным подвигам, но любви он не мог вызвать, несмотря на его величавую фигуру, редкую силу мускулов, безукоризненное сложение и красивое, судя по описаниям современников и по многим портретам, полное, смуглое лицо, обрамленное черною кудрявою гривой».

■ АГАТА КРИСТИ. «КАК РАСТЕТ ВАШ САД?»

АНОНС:

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

"УДАЧИ ТЕБЕ"

Рисунки БОРИСА СОПИНА

СЫЩИК!

Собираясь зайти к Классику, Гуров обошел его дом, оглядел соседние строения и выяснил, что примыкающий дом пустует. Видимо, готовили домишко то ли к сносу, то ли к капитальному ремонту — внутренности вытряхнули, а кирпичный остов бросили.

И вот теперь, выйдя от Классика, сыщик направился к этому заброшенному людьми и Богом дому. Проскочил под дождем два десятка метров и нырнул в проем, который некогда закрывала дверь. Позиция у него получилась очень удобная. Подъезд дома, где жили Сильвер с семьей и одинокий Классик, находился рядом и даже в такой темноте и ненастье отлично просматривался. Крыша здесь протекала, но имелся просторный сухой угол, отгороженный остовом кровати. Судя по газетным обрывкам, банкам и целому стакану, в этом углу недавно проживали. В общем, место было замечательное, и сыщик быстро обустроился, соорудив сиденье из двух ящичков. Он закурил — огонек увидеть не могли, а дым сквозь дождь не выхолзет. Гуров довольно усмехнулся — да я здесь и до прибытия самолета могу отсидеться.

Транквилизатор сильный, но в сон все равно клонило. Еще бы, вторые сутки заканчиваются, а я уже не мальчик, рассуждал Гуров, наблюдая за подъездом. Вот и познакомился с артистом Куприным по кличке Классик. Что и говорить — умен Классик, образован, даже талантлив. Хоть и пьет не в меру, но не алкоголик. Ситуацией владеет. И что же я выяснил? Да практически ничего, ни на шаг не продвинулся. Отчасти Сильвера высветил. Его разбудил Капитан, сообщив, что к соседу среди ночи пожалует гость. Если он убийца, то должен был зайти на огонек. И дело не в нервах. В подобной ситуации даже естественно зайти к соседу в поисках информации, благо и предлога не требуется. Но Сильвер не пришел. Просто предупредил коллегу о предстоящем визите и лег спать. То, что семейный, тоже говорит в его пользу. Хотя дело не в этом, мало ли убийц, имеющих семью. Как говорится, хватает. Но все же мой убийца, рассуждал сыщик, уверен, одинокий волк, чтоб мне с места не сойти. Гуров качнулся на ящичке и тут же увидел подбежавшую к подъезду фигуру. Зонт, семенящая походка — явно женщина. Ночная бабочка выпорхнула из гостиницы и ищет покоя и тепла? А может, оперативник выдернул из дома знакомую проститутку и сказал, мол, хочешь спокойно работать, смотайся к артисту цирка, взгляни, как он живет. Подождем, решил Гуров, останется надолго, значит, случайно сюда залетела, а быстро выскочит, стало быть, за мной началась охота.

Не прошло и нескольких минут, с другой стороны к подъезду приковыляла сгорбленная мужская фигура. Алкаш и братец

пожаловал, что ж, в жизни случаются совпадения и почище. Гуров закурил новую сигарету и вынул из кармана фляжку коньяка, которую прихватил из номера Юдина. Вытряхнул на ладонь таблетку, сунул под язык, запил спиртным.

Первой из подъезда появилась женщина. Прикрывшись зонтиком, побежала сквозь дождь и через несколько секунд пропала в темноте. Сыщик напряженно вглядывался, решил, что должны мелькнуть автомобильные фары, но ничего не увидел. Они не дураки, машину оставили за углом, а фары потушили или же машину развернули в обратную сторону. Интересно, кто у них сейчас командует, ведь Фриценко уже нет. Может, опер, который руководил моим задержанием. На такое дело генерал должен послать лучшего и наиболее верного. Я врзал ему только ногой, а ведь следовало добавить еще, серьезно вырубить. Сыщик осуждающе покачал головой.

А вот и горбун... Не засиделся у сестренки. Двинулся он не в сторону, откуда пришел, а следом за девицей. Ясное дело, машина-то одна, хоть и мафия, а совдеповская, нищая. Что же ты теперь предпримешь, неприятель?

Сыщик нагнулся, чуть не носом елозя по сырým доскам, оглядел пол, не остались ли следы. Сигареты он гасил о подошвы, а окурки выщелкивал в замусоренный угол. Этот домик я бы на их месте обязательно осмотрел, решил Гуров. Прихватив ящичек с вещдоками, направился к проему, где некогда были двери, ведущие во двор. Послышался звук приближающегося мотора. Сыщик выскользнул из дома-скелета, свернул за дворовые постройки. Прислушался. Если они захватили собаку, та, конечно же, унюхает, и тогда конец. Пса из «Беретты» вырубить несложно, но будет много шума, и начнется погоня. А шансы все у противника, который отлично знает город. Не стрелять же в них, в этом случае не отмыться. Юдин не свидетель. Фриценко убит, цирковые могут подтвердить лишь то, что я скрывался. Придется в крайнем случае подранить одного-двух. А они откроют огонь на поражение. Есть ли у них собака?

Хлопнула дверь машины, послышались шаги и собачий визг. Знакомый голос опера, который недавно рассуждал, где удобнее прикончить зарвавшегося москвича, громко произнес:

— Товарищ полковник, вы окружены, выходите по-хорошему. Нам разрешено стрелять.

Гуров опустил ящичек с вещдоками в стоявшую рядом бочку, набросал сверху ветошь, достал «Беретту».

— Поедем в контору, потолкуем. Не доводите до крайности! Я знаю, вы недавно были в доме, сейчас здесь, спрятаться вам больше некуда! — Опер говорил уверенно.

Умница, отдал ему должное Гуров, тебя-то я подстрелю первым. Опер точно не знает, что я был у артиста, он сказал, что в доме. Значит, Классик не убийца. Все, надо думать о жизни, а я — черт знает о чем. Сыщик оттянул затвор, проверил патронник, сейчас только осечки и не хватает. Пса надо оглушить до прыжка, когда он выскочит из-за угла, иначе опоздаю.

— Не желаете? Я при свидетелях вас предупредил! Пускай собаку.

— Мухтар, след! Ищи!

Откуда след? Взяли мои ботинки из номера? Раздался визг, замелькали лучики карманных фонарей, сыщик расслабился и поднял пистолет.

Собака выскочила во двор, метнулась к дому. Боковым зрением сыщик наметил путь отхода. Вот пес уже рядом, за углом слышалось его напряженное дыхание. Но неожиданно оно сорвалось на лай, высокий, пронзительный. Собака метнулась куда-то в сторону, громко лая, и начала преследование, явно удаляясь.

— Кошка, мать твою! — сказал громко проводник и длинно выругался. — Уж и бил сукиного сына смертным боем, чего не делал! Бесплезно! Как кот почует — конец, никакой работы.

— Но след он взял? — спросил опер.

— Взял, только чей? Кошачий? Судя по голосу — кошка, у него на человека голос ниже.

— Это мы с тобой дома уясним! — сказал опер. — Всем светить на пол, нужен свежий окурок, кто найдет, получит бутылку.

— Мухтар! Мухтар! Ко мне! — надрывался проводник.

Гуров положил пистолет в карман, перевел дух. Бардак, он везде бардак, от министра до собаки. Значит, гонка со стрельбой отменяется. Правильно ищешь, опер, но окурка не найдешь. Куда же ты теперь, недобитый? Скорее всего кинешься к сотоварищам-уголовникам, велишь зарезать меня на улице, когда я вылезу на свет Божий...

— Все, поехали! Ты останься здесь, может, он зайвится, — сказал опер, но в голосе его звучала безнадежность. — Если придет, стреляй без предупреждения. Не высовывайся, иначе он уложит тебя.

— Да я его в жизни не видел! — возразил молодой голос.

— Узнаешь сразу, по походке, у нас так никто не ходит, — рассмеялся опер и добавил серьезно: — Ты в очереди на жилье стоишь? Считаю, что выстреливаешь себе квартиру в центре.

Взревел мотор и застучал, удаляясь.

Пристанище тебе, пацан, определили обтянутое тряпчочкой с венком наверху. Но я позабочусь, чтобы ты жил дольше. Сыщик представил, как мальчик устраивается на ящиках, только у него нет ни коньяка, ни таблетки. Из него мог бы вырасти хороший оперативник, а его либо выгонят, либо превратят в преступника, возможно, убьют. Гуров вынул свой ящичек из бочки, тихо вздохнул, что ж, такова жизнь.

Он подошел к дому со стороны двора. Определив окна Классика, толкнул одно, открывшееся без скрипа, и легко впрыгнул в комнату. Артист сидел в прежней позе, только в бутылке заметно поубавилось. Гуров присел за бюро и собрался кашлянуть, но Классик неожиданно спросил:

— А вы, господин полковник, уверены?

Сыщик смешался:

— Вы увидели меня во сне?

— Я вижу порой больше, чем мне бы хотелось.

— Ну если так, то, может, подскажите, кто из цирковых живет двойной жизнью?

— Николай Иванович Куприн по кличке Классик, — улыбнулся артист. — Я поставил бы этого человека на первое место. Вы ищите убийцу. Как я представляю, преступник физически силен, ловок, не вызывает у окружающих никакого подозрения.

— Верно.

— Значит, Классик — фигура вполне подходящая. — Артист спокойно говорил о себе в третьем лице. — Куприн пьет, любит пофантазировать. Возможно, у него какая-то гайка соскочила с резьбы, и он решил, что волен распоряжаться человеческими жизнями по своему усмотрению.

— Но сыщик приехал до убийства мальчика. — Гуров решил подыграть артисту. — Значит, Классик убил не из любви к искусству, а убрал опасного свидетеля. А уж убийство начальника уголовного розыска вообще ни в какие ворота не лезет. В данном случае убийца преследует определенную цель — деньги, очень большие деньги.

Вытянутое лицо Классика походило на гуттаперчевую маску, из-под густых ресниц поблескивали глаза, легкая улыбка кривила тонкие губы.

— Деньги? — Казалось, артист разочарован. — Если деньги, то Классик нам не подходит. — Он взял бутылку, посмотрел, сколько осталось, и налил в стакан несколько капель. — Какая пошлость — убивать людей из-за денег!

— А из-за чего можно убивать?

— Мне трудно ответить, не пробовал. Я абсолютно немеркантилен. У меня один костюм. — Классик указал на манекен. — Кстати, вас такая манера хранения не удивила?

Сыщик понял, что тонет в бессмысленной болтовне, и разошелся:

— Людей убивают, вы что-то знаете. Вместо того чтобы помочь, занимаете странную позицию...

Классик открыл глаза и посмотрел недоуменно:

— Я лишь говорю на вашем языке, господин полковник. Терпите, сейчас вам отmassирую копчик. Я же про вас все знаю. Вы поссорились с местными бандитами, забрали у них оружие и документы. — Он указал пальцем на деревянный ящичек, стоявший у ног Гурова. — Вас преследуют, хотят убить, а улики отобрать. Следует отметить подобное желание. И как поступаете вы, нравственный человек?

— Нормально поступаю, бегу, — огрызнулся Гуров.

— Думаете, что рискуете лишь своей жизнью? Пустое, господин полковник. Ванюшку убили по вашей вине. Не знаю, как Семен Григорьевич погиб, но полагаю, тоже не без вашего участия. Теперь вы взбесили волчью стаю. Убегаете, и куда же вы ведете эту стаю? К Колесникову, бескорыстному труженику. У Лешки наследили, бросились сюда. Решили все разом — и от стаи укроюсь, и человека на зуб попробую. Вы, господин полковник, уйдете своей кровавой тропой, как пишут в романах, а мы останемся рядом со взбешенной стаей.

— Я ее уничтожу. — Голос сыщика сорвался.

— Это ваша война. Уничтожьте — прекрасно, а коли промахнетесь? Что будет с нами? — спросил артист. — Кто вам дал

право затягивать в кровавую драку необученных, безоружных людей?

— Прекратите! У вас истерика. Вы несете чушь! Выпейте и успокойтесь!

Классик послушно допил остатки, опустил пустую бутылку под стол и жалобно сказал:

— Кончилась, больше нету. Ну ничего, к Сильверу пойду, он Божий человек, спасет.— Артист вздохнул.— Но Саша меня ругать будет, а я так стыжусь, переживаю.

— Прошу вас, перестаньте.— Гуров вынул из кармана фляжку коньяка.— Что за человек Александр Аверков?

— Чужая душа потемки.

— А конкретнее? И не считайте, что закладываете приятеля, вы помогаете найти и обезвредить убийцу. Ваше мнение, Сильвер способен убить за деньги?

— Смешно!

— Отвечайте аргументированно. Слушаю.

— Александр Аверков, по кличке Сильвер,— обыкновенный русский мужик. Одной рукой ворует, другой раздает.

— Но себе оставляет.

— Обязательно.— Классик задумался.— Саша способен убить, только защищая семью. А за деньги — нет, головой отвечаю.

— Спасибо.— Гуров хотел отдать коньяк, но, взглянув в умиротворенное лицо артиста, решил, что еще рано.— Пожалуй, я прилягу на часок. А вы закройте дверь, если они явятся, я уйду, а вы скажете, что держал вас под дулом пистолета.

— Ложитесь. А что сказать, я сам соображу.

Гуров улегся за китайской ширмой на широченную низкую кровать и сразу же провалился в глубокий сон.

Проснулся сыщик внезапно, словно от толчка. Непроизвольно выхватил пистолет, бросил взгляд на свой ящичек. Прислушался. Было тихо. Окна затянул утренний туман. Сыщик вышел из-за ширмы. Артист все так же сидел в кресле. Стенные ходики показывали начало девятого. До прилета Орлова оставался час. Сыщик проспал около трех часов и чувствовал себя превосходно.

— Доброе утро, Николай Иванович.

Артист приоткрыл глаза, кивнул. Его челюсти мелко дрожали, он через силу улыбнулся и спросил:

— Как спали?

— Отлично, у вас превосходная кровать.— Сыщик вынул фляжку с коньяком, налил граммов шестьдесят, зная, что артисту сразу больше не выпить.

Классик взял стакан трясущейся рукой, виновато улыбнулся.

— Отличный напиток,— сказал он, проглотив коньяк.

Гуров тут же налил ему вторую порцию. После третьей Классик легко поднялся, потянулся тонким сильным телом.

— Случалось, незваные гости меня обворовывали, допивали неприкосновенный запас.— Он рассмеялся.— Редко кто принесет с собой... Да еще французский коньяк!

Он внезапно притих и спросил:

— И что дальше?

— Мне нужен телефон,— ответил Гуров.

— Понятно. Можно позвонить от Сильвера. Но... Минуточку. Артист вышел. Вернулся с телефонным аппаратом и включил его в розетку.

— У нас параллельный, но мой аппарат сперли. Все собирался купить, да теперь цены, сами знаете. Могу чем помочь?

Сыщик задумался.

— Ну если так хочется... Зайдите в цирк, осмотритесь. Если увидите хоть одного постороннего человека, позвоните сюда. Но по коду — выждите два гудка, затем набирайте номер снова.

Гуров позвонил Юдину.

— Ты один?

— Да. Лев Иванович, аэропорт не принимает, туман. У моего знакомого нервишки шалют, может не дожидаться посадки.

— Понял. — Гуров растерялся. То, что в ближайший час здесь не появится генерал Орлов, просто беда.

— Извини, Борис Андреевич, тебе придется в гостинице задержаться, иначе меня убьют.

— Что мне делать?

— Ждать. Придумай себе какое-нибудь занятие, из номера не выходи.

— Хочешь, я вывезу тебя из города?

— Возможно. Я обдумав. Жди.

Уехать заманчиво, хотя и не так просто, как полагает Юдин. Но все же, как бы дороги ни контролировали, выбраться из города я сумею. Все бросить? Обождем, решил сыщик, обождем прибытия московского рейса.

После звонка Левы уснуть Орлов не смог. Повертевшись с боку на бок, он поднялся и отправился в ванную. Тщательно выбрился, наодеколонился и, разглядывая себя в зеркале, начал придумывать легенду для начальства. Нет на свете такого генерала, у которого не было бы начальника. А Лева хорош! Срочно прилетай, да еще возьми с собой прокурора и старшего офицера из инспекции! Можно подумать, что Лева вырос на грядке у рачительного хозяина, где его холили, заботливо оберегая даже от легкого майского ветерка. Лева точно ненормальный.

Орлов вышел из ванной расстроенный и сердитый. Жена с первого взгляда все поняла, но спросила буднично:

— Сварить яйцо или лучше яичницу?

— Без разницы, мать, — буркнул Орлов. — Мне надо отъехать на пару дней, подскажи, что начальству врать.

— Левины штучки, — убежденно сказала жена. — У него всегда не как у людей. — И забеспокоилась: — Он здоров?

— Раз звонит, значит, в порядке.

— Ничего не значит, может, лежит раненый.

— Тыфу на тебя! — раздраженно сказал Орлов. — Так что начальству доложить?

— Скажешь, приболел, начнут трезвонить, могут и явиться! Вот! У нас нет дачи. Тебе предложили участок, пятнадцать соток, ты поехал взглянуть.

— Не поверят...

— И не надо. Это уже их забота. У тебя остались дни от прошлогоднего отпуска.

— Да... мысль интересная,— усмехнулся Орлов и позвонил своему заму.

Трубку долго не снимали, наконец послышался недовольный голос:

— Кто это?

— Некто Орлов. Неужто разбудил?

— Петр Николаевич, извините. Где горит?

— Врач, пожарник и оперативник должны держать аппарат у подушки и отвечать по первому треньканью.

— Оперативник,— пробормотал зам.— Я давно чиновник, товарищ генерал.

— Хорошо, что напомнил, полковник. Я вынужден на пару дней отъехать, вернусь и с руководством этот вопрос утрясу. А вы, пожалуйста, загляните около девяти к генерал-лейтенанту, скажите, что я звонил, у меня семейные неурядицы. Договорились?

— Конечно, товарищ генерал! Все выполню, товарищ генерал!

Звонить ночью в прокуратуру и начальнику управления кадров Орлов не собирался. Объяснить свою просьбу о немедленном вылете было совершенно невозможно. Даже не смешно заявить с ходу: я послал полковника Гурова в командировку, город коррумпирован, есть основания полагать, что начальник УВД преступник. Лева, я тебя туда послал, я тебя и вытащу. Больше ничего сделать не смогу. Какой бы компромат ты на Илью Фомина ни добыл, не мы его назначали и не нам его снимать. Вернемся в Москву, доложим, и наше дело телячье. А от моего молодого заместителя надо как-то избавляться. Нехороший парень мой зам, нехороший.

Заместитель Орлова проработал на партийной работе лет десять. Последние годы трудился в аппарате ЦК, а когда партия рассыпалась, его пристроили в милицию. Он был неглуп, хорошо знал правила игры и неукоснительно им следовал.

Когда полковник Гуров прищемил генералу Фомину хвост, тот стал искать, на кого можно опереться, кто там в министерстве из НАШИХ. Быстро установил, что зам. начальника Гурова происхождением из гнезда генсеков. Последовал звонок, обмен дежурными приветствиями, после чего Илья Николаевич сказал:

— Ваш Гуров творит на моей земле самоуправство. Он подставился местным «авторитетам». Его могут прибить, а я не хочу попасть в молотилку нынешней команды и распутившейся прессы.

— Естественно,— осторожно ответил содельник.— Чем могу помочь?

— Твой шеф, ведь он не из НАШИХ?

— Абсолютно.

— Он не собирается ко мне в гости?

— Мне ничего не известно. Попробую взять дело под контроль. Выясню — позвоню.

— Договорились, я твой должник.

Когда Орлов среди ночи сообщил, что исчезает на несколько

дней, заместитель все понял и, разъединившись, начал набирать номер.

После того как капитан Стаднюк вернулся и доложил, что Гурова взять не удалось, генерал собрал экстренное совещание.

— В городе находится полковник Гуров, — объявил он. — Выполняется специальное задание Москвы. Полковник мне не представляется, в нашей обстановке не разобрался, схлестнулся с домоносными «авторитетами». По имеющимся оперативным данным, Крещеный (так звали местного крестного отца) дал команду москвичу ликвидировать. Несмываемый позор и соответствующие санкции падут на наши головы, если мы позволим бандитам пролить кровь нашего гостя и коллеги. Место нахождения полковника в настоящее время неизвестно, может, он уже захвачен либо убит. — Илья Николаевич искренне перекрестился. — Мы должны сделать все от себя зависящее и спасти товарища. Центр поиска — мой кабинет, и я не выйду из него до конца операции. Докажем Москве, что мы умеем работать и не надо действовать за нашей спиной. Майор Фрищенко по вине самонадеянного москвича уже убит. Розыск Гурова возглавляет капитан Стаднюк. Участковым проверить свои территории. Оперативникам вытащить агентуру, проинструктировать. Сотрудникам ГАИ перекрыть шоссе, проверять каждую машину. Возможно, дай Бог, полковник жив и здоров и захочет из города тихонечко смотаться: нагадил нам и убыл в свою столицу. Я полагаю, товарищи, что так не годится, потому приказываю: при обнаружении полковника Гурова вежливо, но настойчиво предложить проследовать сюда, в мой кабинет.

Генерал тяжело выдохнул, оглядел собравшихся и как бы через «не могу» веско произнес:

— В случае неповиновения применить силу.

Скрипнули стульями, кто-то громко спросил:

— Вплоть до оружия? — Раз важняк, руками с москвичом не совладать.

— Такую команду дать не имею права. Решайте, товарищи, по обстановке. Нельзя всю ответственность на одну шею валить, действуйте самостоятельно. Все свободны. Капитан Стаднюк, задержитесь.

Когда все вышли, опер показал начальству большой палец и сказал:

— Восемь человек у меня в руках, они готовы на все. Я повидал Крещеного...

— Стоп, капитан. — Генерал поднял руку. — Ваши агентурные дела меня не интересуют.

— Не смешите, генерал. В бардаке девки тоже носят кресты, даже в храм заглядывают.

Генерал провел ладонью по лицу и промолчал. Сейчас без этого блатняка не обойтись, значит, надо терпеть. Стаднюк, словно подслушав его мысли, согласно кивнул и сказал:

— Се ля ви, генерал, придется потерпеть. Значит, Крещеный согласился помочь, уже дал указания, потом мы ему кое-что отстегнем, не пообедем. Когда деловые заговорят, агентура и доносчики всех мастей услышат, тогда наши по-

рядочные, — он усмехнулся, — напишут рапорты. К утру на вашем столе, генерал, появятся бумаги, в которых будет сказано, что на полковника Гурова объявлена охота и мы делаем все, что в наших силах. А от чьей руки погиб полковник — значения не имеет.

— А ваши удостоверения, личное оружие, но главное, подробный рапорт? Все это Гуров наверняка спрятал. Вы его прикончите, а мина всплывет.

— Какая мина, генерал? — удивился Стаднюк. — Мы и не будем скрывать, что пытались доставить его в контору, а полковник офицеров оглушил и скрылся. Последовательность событий нельзя восстановить: когда были получены сигналы о нависшей над ним опасности, когда его пытались спасти, а он оказал сопротивление. Даже комиссию по расследованию назначать не будут. Выразят сожаление, и все. Да вспомните, ни одна комиссия никогда и ничего толком не расследовала. Приедут, надут щеки, испишут гору бумаги и убудут воссиять.

— Умен. — Генерал одобрительно покачал головой. — Почему же ты только капитан?

— А мы по разным лестницам карабкаемся, Илья Николаевич, — ответил Стаднюк. — Вы по парадной, а я по пожарной. Я не тщеславный, были бы деньги настоящие, а звезды, поклоны — мишура.

— Тоже верно. — Генерал замолчал, обдумывая, где может проступить слабина в плане Стаднюка. — Все ты рассудил верно, одно плохо. Начальник Гурова генерал Орлов — из сыщиков, если он...

— Стоп, генерал, — дерзко перебил Стаднюк. — Настоящих сыщиков нам тут не надо.

— Орлов — большой начальник, ему не прикажешь...

— Бросьте, генерал, нет начальника, у которого над головой лишь небо да звезды!

Зазвонил телефон, заместитель Орлова наконец прорвался к генералу, сообщил, что шеф вылетает первым рейсом.

— Что присоветуешь? — спросил генерал в трубку, кивая Стаднюку и жестом объясняя, что дело плохо.

— Шеф умный, но неуправляемый. Взятки не берет.

— Как остановить?

— У тебя на столе «вертушка». Верти, приятель.

— Стой! Кто из начальников Орлова из НАШИХ?

— Пожалуй, Бабурин Фрол Кузьмич. Удачи!

Генерал положил трубку, долго молчал.

— Что задумался, генерал, хреновые у нас дела? — спросил Стаднюк.

— Иди работай, капитан, до прибытия московского рейса мало времени осталось, — сказал генерал. — Сделаю, что могу, но ты особо не надейся.

Оставшись один, генерал переставил «вертушку» с приставного столика к себе поближе, снял трубку и неожиданно почувствовал прилив сил. Нет, нас голыми руками не возьмешь, поборемся, еще посмотрим, кто кого.

Облава

Вылет самолета в порт назначения задерживался. Пассажиров попросили из здания аэропорта не отлучаться, о времени посадки пообещали сообщить дополнительно.

В это время Орлов находился не в аэропорту, а в кабинете своего начальника. Фрол Кузьмич Бабурин позвонил Орлову в пять утра и недовольно произнес:

— Здравствуйте, Петр Николаевич, мне только что сообщили, что вы собрались отлучиться. Убедительно прошу этого не делать.

— Фрол Кузьмич, я не сержант срочной службы, а вы не ротный старшина, — ответил опарашенный неожиданным звонком Орлов. — Я генерал и за свои поступки отвечаю.

— Мне позвонил начальник городского управления Фомин, кстати, тоже генерал, и сообщил о художествах, которые вытворяет ваш Гуров. Полнейший беспредел!

— Согласен. — Орлов успокоился, в его тоне зазвучала Ironia. — Конечно, беспредел. Вот слетаю, разберусь и доложу.

— Вы никуда не полетите! Или желаете, чтобы я сейчас, в пять утра, разбудил министра и он лично попросил вас воздержаться от поездки? — Голос Бабурина дрожал от напряжения. Больше всего он боялся, что этот бывший опер сейчас шмыгнет носом и заявит, что с удовольствием перебросится с министром парой слов. От выбившихся из низов, грубых и неотесанных людей всего можно ожидать.

Нехитрые мысли Бабурина опытному сыщику были ясны. Он не боялся министра, если надо, можно и разбудить, ничего страшного. Но для этого должен существовать повод посерьезнее, чем склока между подчиненными. Черт с тобой, молокосос. Я вылечу к Леве не утренним, а вечерним рейсом, он потерпит, решил Орлов и ответил:

— Я поболтаю с министром чуть позже, а к вам загляну в девять, обсудим поступивший донос. — И, не ожидая ответа, положил трубку.

Ровно в девять утра они сидели друг против друга. Их разделяли стол, цели и задачи, а объединяла взаимная неприязнь.

Бабурин был опытным царедворцем, служба в номенклатурных войсках научила многому, в том числе и общаться с малокультурными хамами. Но в прошлой жизни плебеи смотрели подобострастно и открывали рот лишь в том случае, если их спрашивали. Сегодняшняя ситуация даже для многоопытного Бабурина оказалась внове. Он перекладывал на столе бумаги, не зная, с чего начать. Понимал, мужик в мятом костюме, что сидел напротив, хитер и, главное, плохо управляет. Бабурин пришел к такому выводу еще месяц назад, когда на совещании раздавал указания. Присутствующие молча записывали, а Орлов, шмыгнув носом, неторопливо произнес, мол, прежде, чем проглотить, следует тщательно разжевать. Еще тогда Бабурин подумал, что от этого мужика надо избавиться.

Орлов прекрасно видел, что Бабурин его боится и не хочет ссориться, опасается потерять лицо. Конечно, можно было на этого хлыща наплевать и улететь, но Орлова удерживали в Москве два соображения. Первое — вечерний самолет в девятнадцать, а несколько часов такой волк, как Лева, наверняка продержится. Второе — здесь можно получить дополнительную информацию, которой Гуров не располагал.

— Так вот. — Бабурин понял, что молчание становится неприличным. — Я хотел бы знать, с каким заданием вы послали полковника Гурова?

— Сугубо оперативным. — Орлов пожал плечами. — Полковник Гуров — старший оперуполномоченный по особо важным делам, задание соответствует его должности. Вернется с отчетом, я приложу свой рапорт, и вы ознакомитесь с деталями операции.

— Хорошо. — Бабурин начал раздражаться, что было непозволительной роскошью для человека его ранга и положения. — Тогда обрисуйте задачу в общих чертах.

— Задача оперативника одна — защищать человека. А общих черт в нашей работе не бывает, у нас все очень конкретно.

— Вы не желаете отвечать?

— Я отвечаю. — Орлов вновь пожал плечами. — У Гурова возникли непредвиденные обстоятельства, он попросил меня прилететь. — Генерал демонстративно посмотрел на часы.

— Никуда вы не полетите! — Бабурин шлепнул ладонью по столу. — Мне звонил генерал Фомин, сообщил, что после прибытия вашего опера в городе начались убийства!

— К сожалению, в нашей работе такое случается. — Орлов выгнул губы, постарался на них взглянуть, отчего лицо его приобрело идиотское выражение.

— Ведите себя прилично, генерал!

— Извините, непроизвольно... — забормотал Орлов. Он расстроился, вспомнив предупреждения жены, что когда он, забываясь, гримасничает, то похож на макаку.

— Слушайте внимательно, — уверенно произнес Бабурин. Увидев гримасу Орлова, он успокоился. Такой кретин не может быть опасен. И Фрол Кузьмич Бабурин подробно обрисовал обстановку в городе. Что, по агентурным данным, уголовники охотятся за Гуровым, а последний скрылся и на связь с правоохранительными органами не выходит. С особым удовольствием Бабурин произносил слова «криминогенный», «связь», «агентура», не замечая, как бледнеет и вытягивается лицо Орлова, как на лбу у него заблестели капельки пота.

— Поймите, вам следует сидеть тихо, иначе эта история выплывет вас на пенсию. И скажите спасибо...

— Значит, Гурова сейчас убивают, — спокойно произнес Орлов и взглянул на часы.

— Если он выйдет на связь...

— Вряд ли. — Орлов не обращал на начальника внимания, говорил сам с собой. — Убить его — дело сложное. Однако генерал милиции в союзе с «авторитетами»... — Внезапно он жестко взглянул на Бабурина: — Ты молись, Фрол Кузьмич, молись за

Левино здоровье. Если его убьют, я тебе не только погоны, я тебе уши поотрываю!

Орлов резко поднялся и покинул кабинет. Бабурин застыл в кресле. Страшный мужик. Если, не дай Бог, что ему в голову ударит, так просто изобьет. Бабурин по глазам подчиненного понял, что тот все сможет.

Узнав, что самолет задерживается, Гуров взгрустнул. И не потому, что опасался за свою жизнь. Он хотел как можно быстрее спихнуть местную мафию на плечи Орлова, чтобы самому вплотную заняться цирком. Гуров был осторожным, расчетливым и рациональным. И если бы знал масштаб осуществляющейся против него операции, то мгновенно все бросил и постарался бы выскользнуть из города. Сыщик ситуацию оценивал неверно. Генерал без исполнителей ничего не может.

Опер, недобитый капитан, опасен, рассуждал Гуров, но у него верных людей не больше пяти-шести человек. Другое дело, если имеет выход на местных «авторитетов»-уголовников. Серьезные цеховики ему помочь откажутся и денег не дадут. Им шум, комиссии, приезд в город начальства ни к чему. Но когда капитан пригрозит, что москвич способен коррумпированную милицейскую верхушку города разрушить, то бизнесменам, которые еще не отмылись и полностью не легализовались, замена милицейских властей нежелательна. Новая метла, пока не измочалится, всегда метет чисто. В общем, капитан деньги на мою ликвидацию может получить. А за серьезные деньги могут взяться и серьезные исполнители. Только времени у капитана в обрез, сейчас туман, а через час ведро, самолет приземлится, и Петр, шмыгая носом, войдет в главный кабинет.

Гуров тихо рассмеялся. История завернулась крутая. Петр прибудет и разберется, а мне надо вернуться к Рогожину.

Сыщик вытянулся на кровати Классика, положил рядом пистолет и закрыл глаза.

Рогожин. Медведь. Я изначально допустил ошибку, полагая, что в клетку собираются положить контрабанду. Груз уже на месте, и, видимо, давно. Поместили его где-то за рубежом, рассчитывая, что он беспрепятственно проследует к месту назначения. Спутала карты Австралия. Надо было выяснить, где гастролировали «Русские медведи» и куда собирались. Тогда бы не терять время зря. Если в клетке груз на миллионы долларов, то охотиться за ними могут несколько групп. Отсюда противоречивость действий, путаница.

Я могу ошибаться и подгонять ответ под условия задачи. Роговой? Он обобрал «авторитетов» «Корпорации», лишился боевиков. Как он установил связь с Иксом, который собрал группу и шарашит тщательно выбранные жертвы? А если наоборот? Икс вышел на Рогового, и теперь они действуют сообща. А может, Роговой тут совсем и не замешан? Но использовать клетку, как контейнер, путешествующий без границ и таможни по всему миру, для этого требуется голова. Похоже на Рогового.

А мои соседи? Люди Рогового? Пожалуй, нет. Парень простоват. Ольга? Красивая, волевая, себе на уме, с мужем неоткровен-

на. Преследует свои цели, похоже, криминальные. Не годится. Роговой не станет пользоваться услугами женщины, не доверится. Он серьезный финансист, а не пустоголовый сыщик.

Гуров вспомнил ее глаза, губы... Если она не в деле, найду обязательно. А если в деле? Она ведь звонила в Москву. Кому? Здесь тупик, об этом подумаю позже.

Вернемся к Рогожину. Гиганта прихватили, видимо, шантажом. У артиста на руках малый ребенок, весом пудов в двадцать. Естественно, Рогожин прикрывает собой беззащитного друга. И я не имею права его осуждать. Когда он почувствовал опасность, то, не поняв происходящего, обратился за помощью. Теперь ему прочистили мозги, и он клянет себя, Петра и больше всего меня. Собирается переделывать клетку. Наверное, ему сказали откровенно, дескать, в твоей клетке нам кое-что переслали. Ты отдаешь нам это кое-что, а мы оставляем тебя и медведя в покое. Иначе первым умрет медведь. Как все просто.

И все-таки здесь что-то не складывается. Сначала отравленное мясо, выстрел, а через некоторое время, мол, отдай по-хорошему. Скорее всего я прав, действуют две силы. Одна хочет просто отнять, вторая просит отдать.

Цирк полон прокурорских, и в ближайшие сутки артист клетку не вскроет, груз не вынесет. Торопить его не будут, слишком велика ставка, чтобы рисковать. К тому же шантажист должен опасаться и убийцу, как боевую фигуру противника. Эх, знать бы, с кем встречался ночью Рогожин.

Шантажиста не определить, но к убийце подобраться можно, а от него прямая дорога к Иксу. Он меня приведет к хозяину только в том случае, если будет убежден, что я его не раскрыл. А если я его выявлю, соберу улики и арестую, он будет молчать, как рыба. Начать следует с пустяка — выяснить, кто убийца.

Икс! Взять его важнее, чем посадить генерала Фомина голый задницей на раскаленную сковородку. Конечно, уголовник менее опасен, чем коррумпированный генерал. Но Фомин уже клиент Петра и прокуратуры, а Икса еще надо раскрыть... Кто он? Кто? Думай, сыщик, думай, фантазируй, просчитывай.

Лет ему примерно тридцать с небольшим. Он преступник новой формации, но не соплик. Образование, разумеется, высшее. Юрист? Может, он из наших, из спецслужб? Или комсомольско-партийного происхождения? Как же собрал свою команду, откуда такие связи? Икс не пахан, не «авторитет» уголовного мира, иначе информация о нем дошла бы до нас. Скорее всего пришел со стороны, но лес, в котором ведет охоту, отлично знает, иначе давно бы прокололся. Он из спецслужб! Наш доморощенный милицейский, может, бывший розыскник. Знает полковника Гурова в лицо? Вот оно! Я же сразу почувствовал, что моя журналистская легенда не работает, решил, что протекло из Москвы, из окружения Петра. А меня просто узнали здесь, на месте. Значит, Икс заходил в цирк или гостиницу? Нет, так близко не подойдет. А как узнал? Господи, да я же под своим именем! Убийца в цирке узнал, что приехал журналист, сообщил шефу — некто Гуров Лев Иванович собирает материал для журнала. Допустим, я рассуждаю верно, что мне это дает? Очень

даже немало. У убийцы с Иксом постоянная связь. Наверняка телефонная, опытный человек воздержится от встреч, предпочтет держаться в стороне. Где он укрылся? В гостиницу не пойдет, снимать квартиру не станет, чтобы не оставлять свидетеля. Остается загородная резиденция с городским телефоном. А значит, имеет приятеля среди местных «авторитетов» либо опять же в верхнем эшелоне милиции. Эх, Фриценко, был бы ты жив...

Сыщик взглянул на часы. Хозяин отсутствовал около часа. Многовато. В цирке сейчас делать нечего, а репетировать Классик не в состоянии. После опохмела у него сейчас состояние приподнятой эйфории, может сболтнуть, проговориться.

В кабинете Колесников распивал чай со своей командой. Обсуждали замену номера в вечерней программе. Травмировался один из акробатов, и прикидывали, как изменить программу.

Капитан, сидя за столом, помалкивал, ножом передвигал куски торта, симметрично заполняя образовавшиеся пустоты.

Присутствовали: главный администратор, как всегда в элегантно костюме, за его спиной примостилась Матильда, Сильвер сверкал золотым зубом, Классик блаженствовал после французского коньяка, рыжий конюх Вася из уважения к Капитану прикрыл татуировки рваной ковбойкой, но заправить ее в штаны сил не хватило, жонглер, руководитель группы акробатов и хозяйка кошек-виртуозов. Заглянула на минуту разобиженная амазонка, она расплнела, и Капитан отлучил ее от чаепития, пригрозив, что, если не приведет в порядок свою задницу, снимет номер с программы.

С делами уже покончили, и все поглядывали на дверь. Обычно после совещания любили просто посидеть и поболтать, но о чем трепаться сейчас, если зарезали Ванюшку?

— Николай Иванович, ты вечером в манеже или замену искать? — спросил Капитан.

Классик знал, что обращение к нему по имени-отчеству означает высшую степень недовольства, широко открыл глаза и обиженно забормотал:

— Алексей, абсолютно беспричинно подозреваете артистов.

— Товарищ начальник, вопрос не по делу! — сорвался Сильвер, молчать было уже невозможно. — Вы не видите, они опохмелившись, им сейчас море по колено, а вечер далеко. А вот где они раздобыли горючее? Я их по утру ждал и даже приготовил стопарь, а они не соизволили заглянуть.

Сильвер встретился взглядом с Капитаном. Вспомнил, что о ночном госте приказано молчать, театрально хлопнул себя по лбу и фальшиво произнес:

— Прошу прощенья, Классик! Я же сам ночью к вам заглянул, вы дремали, думаю, проснутся, тяжело будет, я на комод и оставил маленькую.

Никто не вникал в треп Сильвера, но сейчас все обратили внимание, как он азартно врет.

Убийца слушал внимательно с самого начала и, скрывая радость открытия, на всякий случай опустил глаза.

В дежурной части УВД менялась смена. Седоголовый капитан, явно пенсионного возраста, с красными, как у кролика, глазами, сдавал дежурство. Принимавший лейтенант, облизывая пересохшие с перепоя губы, с отвращением листал журнал регистрации происшествий.

— Нападение на капитана Стаднюка и его шайку не регистрировали? — спросил он.

— Не было никакого нападения, а если и было, так то военная тайна, — ответил капитан, засовывая в сумку пустые пакеты, ложки, кружку, которые приносил из дома на дежурство.

— Весь город говорит, а у нас тайна, — криво усмехнулся лейтенант.

— Деревня ты, вчера от сохи, — добродушно сказал капитан. Впереди маячили трое суток отдыха, хотелось быть великодушным, и он пояснил: — Стратегия! Генерал розыск москвича объявил. Стрелять не разрешил, но и дураку ясно, коли человек целый наряд обесточил, то он вне закона. Делай с ним, что хошь.

— Слыхал, кто задержит басурмана, тому квартира вне очереди. — Лейтенант отбросил журнал регистрации, взглянул на длинноволосого сержанта, который стоял по другую сторону барьера, как истукан. — У Митрофановны, что на углу, вчера пиво давали.

Капитан хохотнул, подхватил свою сумку, но выйти за барьер не успел, зазвонил телефон. Капитан автоматически снял трубку:

— Дежурный.

— Ты, ментяра, отряхни пыль с ушей, подтяни штаны и двига́й к цирку. Человек, которого вы ищете, в желтой одноэтажке, в комнате клоуна, — произнес низкий мужской голос и бросил трубку.

— Какой человек? — Капитан мысленно уже сидел дома и, хлопнув стаканчик самогона, хлебал горячие щи.

— Какой человек? — Дернул ушами лейтенант. — Чего передали?

Капитан вернулся в суровый мир реальности. Мне завтра на пенсию, квартиру не видать, как своих ушей, а тут шанс. Если сразу стрелять, то никакой опасности. А если я промахнусь и схвачу пулю, то мне ни пенсия, ни квартира не понадобятся.

Дверь распахнулась, и в дежурку тяжело вошел капитан Стаднюк, за ним ввалились оперы.

— Я у себя, — бросил на ходу Стаднюк и, мазнув взглядом по лицам, рванулся к барьеру:

— Что? Где? Говори, паскуда!

— На Ленина, в желтой одноэтажке...

В кровь ударил адреналин, ни сонливости, ни усталости, Стаднюк буквально катапультировал из дежурки, молодые оперы еле попевали. Опергруппа влетела в «Жигули» и исчезла.

— И слава Богу! — Сменившийся с дежурства капитан, хотя и не был верующим, широко перекрестился.

Константин Васильевич Роговой, обжора и жизнелюб, налитый жиром и силой, сильно сдал, даже похудел. На недавно

доснившимся лице кожа обвисла, появились морщины. В операцию он вложил практически всю наличность, и, хотя кризис и инфляция Рогового не коснулись, кушал он уже без прежнего аппетита. Последнее время Рогового назойливо преследовала одна и та же фраза: «Рассчитали на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...» С этими идиотскими словами он засыпал, а поутру, плохо отдохнувший, бормотал: «Рассчитали на бумаге...»

Хотя возвращение многомиллионного груза Роговой связывал не только с Кириллом Труниным, но, чтобы последний не заподозрил подвоха, Патрон решил ему позвонить. Роговой не любил тратить собственные деньги. Использовать служебный телефон все же посчитал опасным и потому начал звонить из дома.

Но одно дело попросить секретаршу соединить с номером и совсем другое — дозваниваться лично. Частые гудки врывались в трубку после первой, второй и любой другой цифры, порой гудков удавалось избежать, но тогда трубка, видимо, оскорблялась и хранила гордое молчание.

Кирилл Трунин тоже пребывал в скверном расположении духа, не подозревая, что к нему на связь прорывается Патрон. Честно сказать, молодой хищник уже и забыл старого руководителя. По-житейски оно понятно, Трунин выяснил, где можно взять драгоценный груз, и делить добычу не собирался. Даже ребенок знает, что целое яблоко больше половины.

Трунин нервничал. Ну зачем этот маньяк убрал мента и уложил труп рядом с миллионами долларов. Теперь там людей, как на базаре в воскресный день. Придется выжидать. Правда, есть и хорошая новость — самоуверенный гений сыска Гуров сцепился с местными ментами. Прекрасно. К тому же ментов много, а Гуров один. Теперь ему не до медведей, своих забот хватает.

Трунин от ожидания устал. Спиртное себе запретил пить, налегал на кофе и совсем ошалел от него. Расхаживал по барским хоромам, пинал мебель, радуясь, если на полированных ножках оставались следы. Надо что-то придумать, отказаться от первоначального плана и найти другое решение. Остаются грабеж и разбой. Детину пристрелить или зарезать. А что делать с медведем? Если его убить, как потом из клетки вытащить? А ведь какая была прекрасная идея — отравить медведя. Расчет верный: хозяин бы его похоронил и уехал, пустую клетку оставил. Сорвалось. Тогда решили подстрелить Рогожина во время прогулки, без охраны хозяина отравить медведя — дело плевое. Так стрелок первый раз в жизни промахнулся. Повторно стрелять Трунин запретил, прибыл чертов сыщик.

Ожил телефон. Трунин подошел к аппарату и снял трубку.

— Слушаю.

— База? — спросил знакомый голос.

— Ты так и не объяснил, какого черта зарезал мента. Ненормальный.

— Естественно, — радостно согласился убийца. — Потому ты сидишь в тепле и безопасности, а я бегаю по горячим углям.

— Ладно, извини, — миролюбиво произнес Трунин, испугав-

шись, что убийца с его неуравновешенной психикой выйдет из-под контроля. — Каждый делает, что умеет. Надеюсь, ты понимаешь, что если мы дело закончим удачно, то сможем ловить рыбу на Кубе, где ее ловил Хемингуэй.

— Красиво, Кирилл, говоришь. И убедительно. Только я устал, хочу на покой. Этот сыщик напугал меня, и я только что сдал его ментам.

— Как? — обрадовался Трунин. — Гуров задержан?

— Надеюсь, что его пришили. Твой приятель местному начальству все любимые мозоли отдал.

— Молодец, ты большая умница, не ожидал. Как тебе удалось?

— Объясню при встрече. Я придумал, как можно забрать товар. Но хочу договориться — получаю половину.

— Ты слышал байку о шкуре неубитого медведя? — спросил Трунин и рассмеялся, поняв, что получился прекрасный каламбур. — Если мы шкуру получим, как ни дели — до конца жизни хватит. Но помни, без меня тебе товар не реализовать.

— Знаю. Вышей за удачу, вечером позвоню.

Трунин положил трубку, вытер вспотевший лоб и довольно улыбнулся. Вот тебе и Гуров, гордость и слава МУРа, самовлюбленный супермен. Он достал из холодильника бутылку «Посольской», такое событие грех не отметить. Начал готовить закуску, как вновь проснулся телефон. Звонок был настойчивый, явно междугородний. Старый боров, больше некому, решил Трунин и снял трубку.

— Здравствуй, как здоровье? — спросил Патрон.

— Здравствуйте, Константин Васильевич, спасибо за заботу, — радостно откликнулся Трунин. — Как вы, давление не беспокоит?

— И тебе спасибо, слышу, у тебя отличное настроение. Неужто победил?

— Еще нет, но, как выражаются спортсмены, выиграл промежуточный этап.

— Поясни.

— Сошел с дистанции наш общий друг.

Роговой обрадованно затаил дыхание.

— Сведения точные?

— Как я могу проверить, съездить в морг?

— Значит, слухи, — разочарованно произнес Роговой. — Тогда не радуйся, нашего друга видели и в реанимации, я сам на венки деньги давал. Ну, раз он тебя за горло не держит, радуйся. Что еще нового?

— Выжидаю. Не волнуйтесь, как только будут новости, сразу сообщу.

Трунин, хотя и списал Патрона в запас, не хотел с ним раньше времени ссориться. Кто знает, какие скрытые резервы имеются у старого «авторитета»? Если заподозрит неладное, может пригласить сюда крутых ребят. Только разборки сейчас и не хватает.

Роговой слушал молодого содельника и грустно улыбался. Мысли и намерения пашенки видел отчетливо, словно на экране телевизора. Роговой сам обманывал партнера. Когда же убедил-

ся, что Трунин также ведет двойную игру, расстроился и искренне загрустил. Как жить, если никому нельзя верить?

— Патрон, вы подготовили запасные каналы транспортировки? — пел Трунин. — Если мы получим груз, в чем я не сомневаюсь, это только полдела.

— Я вложил миллионы, связи, мозги, каков твой вклад? — спросил Роговой. Следовало разговаривать серьезно, чтобы пащенко ничего не заподозрил. — За десять процентов прибыли я мог бы нанять подразделение ОМОНа, которое разнесло бы поганый цирк за несколько минут...

— И забрало бы все, а финансиста и организатора прикончило, — перебил Трунин и почему-то довольно хохотнул.

После длинной паузы Роговой сказал:

— Хороший у нас разговор получается, доверительный. Звони, желаю удачи, сынок.

Обжаривая в камине нанизанные на шампур колбаски и глядя на капаящий шипящий жир, Роговой задумался. Обезвредили Гурова или это лишь сопливые измышления мальчишки? Если сыщика ликвидировали, то прекрасно. Живой Гуров — значит, арестованный Кирилл Трунин. Если он на допросах и заговорит, что маловероятно, все равно никаких улик против Рогового ни Гуров, ни кто-либо другой не получит.

Зазвонил телефон. На аппарате зажегся номер абонента, который вышел на связь. Патрон взглянул на табло, звонили из города, с которым Роговой только что разговаривал, но не Трунин. Патрон снял трубку, глухо сказал:

— Дежурный администратор.

— Константин Васильевич? — раздался напряженный женский голос. — Константин Васильевич, это я. — Роговой узнал своего агента.

— Слышу, ты откуда говоришь? Я же тебе запретил...

— Я звоню с чужого телефона, нужен ваш совет. У меня неприятности!

— Говори, — обреченно ответил Роговой и терпеливо выслушал сбивчивый, но толковый доклад агента.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Охота

Капитан Стаднюк решил подкатить на машине прямо к дому. Полковник наверняка услышит шум мотора, выскочит через окно во двор и начнет уходить дворами, тут его и прикончат. Пристрелит москвича он, капитан Стаднюк, чтобы уж наверняка, без накладок. Он оглядел свою команду. Двое ребята верные, уже по уши в крови. Деньги берут давно, один дом строит, второй только машину купил, в долги влез. Обратной дороги у них нет. А вот лейтенант Шукин — парень гнилой. Напрасно его вчера с собой взял. Теперь он в курсе дела, если припечет, может поплыть и расколоться. Когда Москва узнает, что Гуров убит, сюда понаедут. Начнут мотать, и Шукин окажется крайним.

— Стой! — скомандовал капитан перед въездом на улицу

Ленина.— Проверить оружие, снять с предохранителя, патрон дослать. Я здесь выйду, через десять минут трогайтесь. Действуйте, как при обычном задержании, то, что он полковник, вас не должно интересовать. Человек напал на сотрудников милиции, генерал приказал задержать и доставить в контору. Вопросы?

— Товарищ капитан, вы же его знаете, он так просто не дастся,— чуть заикаясь, сказал лейтенант.

— Преступник идти в тюрьму никогда добровольно не желает,— усмехнулся капитан.

Лейтенант сжался и покраснел. Другие оперативники спокойно вынули пистолеты и передернули затворы.

— Взять желательно без стрельбы. Но если преступник схватится за оружие, сами понимаете,— многозначительно произнес Стаднюк.— Если в доме никого не окажется, двигайтесь во двор. Услышите стрельбу, бегите на выстрелы. Вопросы? Нет? Прекрасно. Через десять минут двигайтесь.

Стаднюк подходил к дому задними дворами. По дороге он все продумал. Стрелять без предупреждения. Для верности дважды. Забрать у покойника пистолет и застрелить из него Щукина. Пистолет выгереть и вложить в руку покойника. Всадить надо две или даже три пули, это произведет на прокуратуру и на жителей города впечатление. Кажется, у лейтенанта недавно родился наследник, тем лучше. И пусть приезжают хоть сто комиссий, а дело забирает Прокуратура России. Никогда не установить, кто выстрелил первым, а кто защищался.

Капитан Стаднюк пристроился за сараем, до окон не более десяти метров. Не успел достать оружие, как послышался шум мотора, скрип тормозов. Стало быть, услышал и москвич. Сейчас! Какое окно? Створка одного из них приоткрыта, подготовился, подлюга. Ну, давай, прыгай! Рама скрипнула, Стаднюк чуть было не нажал курок, но в оконном проеме никто не показался, видимо, ветер шевельнул раму.

Стаднюк ждал. Время тянулось. Непонятно, сколько прошло — минута или пять? Неужели полковник подчинился и сейчас садится в машину? Плохо. Придется вывозить за город и там убивать. А, ладно, повесим убийство на уголовников. Однако хреново! Наверняка кто-то видел, как москвич садился в нашу машину. Центровые быстро определяют, что полковник укрывался здесь, прочешут улицу и свидетелей найдут. Капитан не успел дорисовать мрачную картину до конца, как из окна выглянул оперативник и тихо позвал.

— Товарищ капитан!

Стаднюк вышел из укрытия.

— Взяли?

— Нет никого, открыто, и ни души. А Классик куда-то запропастился.

Гуров сидел у окна в доме напротив, пил чай без сахара и наблюдал за происходящим. Улица была узкая, сыщик мог даже в своих преследователей если не плюнуть, то без труда швырнуть камнем.

Из машины вышли трое, капитана среди них не было. Гуров

удивился. Но когда через несколько минут из дома появились четверо, стало ясно, что капитан пришел со двора, через окно. Сопровождение не проводили, сели в машину и укатили.

Перед тем как Классик ушел на разведку и пропал, сыщик спросил у него, с кем из соседей он дружен. Клоун смущенно улыбнулся и ответил, что его в городе все знают и любят. И вообще люди вокруг хоть и несчастные, но хорошие. Аннушка, вон домишко напротив, окна с занавесочками в горошек, исключительно душевная. Прибирается у него, а денег не берет, будто святая.

Когда сыщик отметил, что Классик по неясным причинам задерживается, он подхватил ящичек с вещдоками и вышел из дома. Осмотревшись, пересек улицу. Святая Аннушка объяснений незнакомца, что приехал к Николаю Ивановичу Куприну, да вот того дома нет, слушать не стала. Махнула мокрой ладошкой, сказала, что у нее стирка, болтать недосуг, и ушла на кухню. Хитрые цепкие глазки Аннушки совершенно не соответствовали ее легкому беззаботному тону. Сыщик понял, что хозяйка не поверила ему, но раз Николай Иванович послал, видимо, так надо. Сложившаяся ситуация Гурова вполне устраивала. Он приставил стул к приоткрытому окну, уселся и, прихлебывая кипяток, наблюдал за происходящим.

Милицейский «жигуль», разбрызгивая грязь, укатил. В комнату беспумно проскользнула Аннушка и простодушно сказала:

— Что-то все Николашу ищут! Вы поджидаете, власти подкачтывались. Я Николашу час назад видела, веселый шагал, слава, Господи.

Гуров схватил ящичек, швырнул под кровать.

— Никому! В этом ящичке жизнь вашего Николая! — И вылетел на улицу. В комнате Классика схватил телефонную трубку. Повезло, Капитан оказался на месте и ответил сразу.

— Классик у тебя? — спросил Гуров.

— Только что вышел.

— Немедленно верни. Потом запри дверь и возьми трубку. — Гуров смотрел на часы, прикидывая, сколько времени понадобится Стаднюку, чтобы очухаться и вернуться в цирк. Хоть он и опер, а придурок, что укатил.

Капитан к телефону не возвращался. Гуров взял аппарат, подошел к окну взглянуть на цирк, не идет ли клоун. Из-за угла вылетела милицейская машина и, завизжав тормозами, проехала юзом. Из нее выпрыгнул Стаднюк, взбежал по ступенькам.

— Он у меня, что дальше? — Голос у Колесникова был ровный, будто работал не в цирке, а старшим опергруппы.

— Сейчас явится милиция, захочет увезти Куприна.

— Уже стучат, — перебил Колесников.

— У вас сейчас кто репетирует?

— Зачем?

— Не перебивайте, слушайте и выполняйте! Клоуна милиции не отдавайте! Костями ложитесь, не отдавайте! Я знаю, у вас есть селектор, вызовите к своему кабинету мужиков. Зовите!

— Не ломайте дверь, сейчас открою! — крикнул Колесников. Через секунду Гуров услышал: — Внимание! Говорю я! Всех

мужчин немедленно прошу подойти к моему кабинету. Вася, если ты на арене и слышишь меня, подойди с мальчиками. Мою дверь ломают какие-то бандиты, разберись с ними. Они кричат, что милиция, но я не верю, а у меня в столе выручка за весь месяц.

— Молодец, Капитан! Вы большая умница, Алексей Иванович! — закричал Гуров.

— Я себя, любимого, давно знаю, — ответил польщенный Колесников. — Что дальше?

— За дверью утихли? — спросил Гуров.

— Ясное дело.

— Верно, им такая толпа свидетелей ни к чему. Они хотели Классика забрать, обвинив, что он укрывал особо опасного преступника. Им надо разузнать, куда я от него ушел. Могли изувечить, мол, оказал сопротивление.

— Моего Классика изувечить?! — возмутился Колесников.

— Все. Теперь они ничего не сделают. Постарайтесь надолго не отходить от телефона, можете понадобиться.

— Вы сами-то в безопасности?

— Как в теплой ванне, — ответил сыщик и положил трубку.

Гуров взглянул на часы: начало десятого. Туман рассеялся час назад, и аэропорт открыли, значит, московский рейс прибудет около одиннадцати. Сыщик позвонил Юдину и спросил:

— Ты один?

— В номере один, а в вестибюле толкуются, — ответил Юдин. — Рейс из Москвы ожидается в десять пятьдесят.

— Борис Андреевич, признайся, я тебе сильно надоел? — стараясь говорить как можно мягче, произнес сыщик.

Юдин искренне рассмеялся.

— Лев Иванович, выкладывай, что требуется сделать.

— Мне так неловко, — скромничал Гуров, — но если настаиваешь, пожалуйста, подскочи в аэропорт, встретить своего приятеля, а заодно прихвати еще трех человек. — Он запнулся: — Хотя, возможно, лишь одного. — И подробно описал внешность Орлова, даже сообщил, какого цвета у него плащ. Сыщик знал, что форму генерал не наденет, а плащ у него единственный.

Състного в доме Классика сыщик не нашел, зато отыскал бритву «Жиллет», наверняка ее кто-то подарил, такая дорогая вещь была актеру не по карману.

Во время бритья сыщик поглядывал в окна, наблюдая за улицей.

Классика он заметил еще издали. Тот шел бодро, разговаривал сам с собой, даже жестикулировал. Как Гуров и ожидал, опер не стал «приглашать» артиста на допрос при таком количестве свидетелей. Скандал местных властей не устраивал.

Артист вошел и, увидев сыщика, обрадовался.

— Вы здесь? Товарищи мечутся как ошпаренные, вас ищут. — Артист положил на стол сверток, который держал в руках. — Леша прислал с барского стола.

Дар Колесникова оказался царским: домашняя колбаса, хлеб, отварная картошка и соленые огурцы.

— А они не вернутся? — спросил Классик, раскладывая еду

по шербатым тарелкам.— Мне Алексей выходной предоставил.— Он достал граненый стакан и, скрывая смущение, продолжал: — За сегодняшний день я должен сольный концерт в Доме культуры отработать.

Сыщик запер дверь, задернул на окнах занавесочки. Из этого дома надо уходить, нельзя подвергать человека смертельной опасности. Но прежде следует выяснить, где и при каких обстоятельствах протекла информация, почему налетели оперативники. Сыщик достал из кармана фляжку, налил граммов сто, прикрыл стакан ладонью и сказал:

— Сначала расскажите мне, с кем вы виделись и о чем говорили после того, как ушли из дома.

— Не бойтесь, меня не развезет.— Классик отстранил руку Гурова и сделал глоток.— Я знаю, что вам требуется. Как всегда, сгубила выпивка, но я не проболтался. Так уж случилось.

Артист подробно передал разговор в кабинете Колесникова. Перечислил присутствующих, даже кто и где сидел.

— Молодец, Николай Иванович,— задумчиво произнес сыщик, а про себя подумал: «Почему я уперся в служащих цирка и начисто исключил артистов? Шарахаюсь из стороны в сторону...»

Гуров поставил на стол фляжку с остатками коньяка.

— Передайте в другую посуду, фляжку я унесу. Аннушка, что живет через дорогу, человек верный?

— Без комментариев,— ответил Классик, сливая коньяк в кружку, которая в далекой молодости была антиквариатом.

— Я сейчас уйду, а вы загляните к ней, скажите, что я ваш друг. Пусть о моем визите молчит, а ящичек, он у нее под кроватью, побережет.

— Передам, не волнуйтесь.— Классик критически осмотрел Гурова.— В таком виде, господин полковник, я вас никуда не пущу. Здесь не Москва — вышел из дома и затерялся в толпе. При вашей внешности будете на улицах, как «рыжий» на арене.— Он залез в необъятный, изгрызенный временем комод, обронив через плечо:

— Раздевайтесь, господин полковник.— И начал вынимать из темного чрева комода пиджаки, брюки, халаты и комбинезоны. Вещи артист сваливал в кучу, затем длинными ловкими пальцами выбирал из нее одежду наугад, оценивал, поглядывая на гостя.

Через несколько минут полковника Гурова одели с ног до головы. Были выбраны ботинки на толстой подошве, почему-то разного цвета и фасона. К счастью, это не бросалось в глаза — на них гармошкой опускались широкие засаленные штаны. Поверх пиджака Классик на него надел нечто среднее между плащом и пальто. С внутренней стороны плащ-пальто был пришит толстый кусок ваты, что превращало человека в горбуна. На минуту задумавшись, Классик снова нырнул в недра чудо-комода и извлек огромный парик. Нахлобучив его на голову Гурова, он застонал от восторга — седые лохмы закрывали лоб, уши и шею сыщика, и вдобавок возле носа Гурова болталось пенсне со шнурком.

— Можете идти, господин полковник. Если вас хоть одна собака узнает, я, Куприн Николай Иванович, по кличке Классик, никогда не выйду на арену цирка.

Сыщик покрутился перед трюмо и с сомнением спросил:

— А меня не упрячут в дурдом?

— Обижаете.— Классик поманил Гурова к подоконнику и, тыкая в него пальцем, загадочно произнес: — Потрите ладони.

Сыщик взглянул на пыльный, опутанный паутиной подоконник и понял замысел артиста. Обреченно вздохнув, он провел по нему руками, затем, как бы умываясь, потер лицо.

— Последний штрих! — воскликнул Классик и продолжил наставления: — Двигайтесь медленно, и невольно вы начнете шаркать. Руки держите в карманах. У вас очень крупные кисти, не стоит их показывать.

Новая одежда имела внутренние карманы, в которых некогда прятались живые курицы и полированные рояли. Сыщик опустил туда два пистолета, подаренную Ольгой зажигалку и кое-какую электронику из кейса, что привез Юдин.

— А если у вас проведут обыск и найдут мою одежду?

— Не найдут.— Классик лукаво улыбнулся и указал на манекен.— Я сейчас его переодену, в жизни не найдут. С Богом!

Гуров сидел на сырой лавочке в сквере — крохотном пятачке, покрытом жалкой растительностью. По сторонам единственной дорожки, блестящей лужами, кособочились еще две скамейки. На одной, несмотря на хмурое утро, играли в домино, на другой сидела женщина с коляской. Сыщик был доволен, так как оказался не одинок и не привлекал внимания. Двери гостиницы «Центральная» хорошо просматривались отсюда. Лучшего места не придумаешь, отметил Гуров. Грязную, замусоренную площадку окольцовывали серые облупившиеся дома. Ярким пятном выделялась только коммерческая палатка, желтая, с голубыми прозрачными окнами, через которые смотрели на угрюмых прохожих разнокалиберные бутылки, пачки, коробки. Площадь была страшновата, но ему она нравилась. Ведь всего час назад он не мог и мечтать, что будет сидеть на удобной скамейке, в нескольких шагах от гостиницы, и спокойно осматривать площадь старинного русского города.

За долгие годы работы в розыске сыщик ни разу не гримировался и чувствовал себя неловко. Наверное, так ощущает себя студент театрального училища, впервые вышедший на сцену. Сыщик расслабился, представил, что крайне устал, у него болят ноги и поясница и очень хочется выпить, кстати, последнее соответствовало действительности. Сейчас, сидя на скамейке, сыщик так вошел в образ, что начал подремывать. Стекла пенсне были простые, но Гуров приспустил пенсне на кончик носа и взирал на мир поверх мутного стекла. И видел много интересного.

Опорный пункт оперативники устроили в коммерческой палатке. Один человек там сидел безвылазно, трое ходили по площади. Время от времени они заскакивали в палатку погреться, передохнуть, принять вовнутрь. Видимо, они тоже ждали прибытия московского рейса. Фланеры быстро устали,

маскировались небрежно. Пустые сумки и чемоданы, которые по замыслу должны придавать им вид людей, спешащих по делам, стали обременительны, и неумехи своей бутафорией чуть ли не размахивали. Вскоре торопливая походка перешла на прогулочный шаг, а затем фланеры замерли. Один подпер водосточную трубу, другой присел на ступеньки высокого крыльца. А третий, в приличном плаще и шляпе, подстелил газетку и уселся на мокрый камень, поставив солидный чемодан у ног. Вот уж веселятся пенсионеры, которые с утра до вечера сидят у окон и не только каждого прохожего, любую бродячую собаку в лицо знают. Сыщик поежился. Сколько же глаз рассматривают седого горбатого старика в сползающем на кончик носа пенсне? Старик долго привлекать внимания не может, ну, появился чудак, опустившийся интеллигент, сыщик знал, что многие пенсионеры-наблюдатели — прекрасные психологи. Особо хитрый может принять незнакомого старика за переодетого опера.

Так, с наблюдателями я разобрался. А где же боевики, где исполнители? И тут справа будто сквозняком потянуло, знакомые мурашки поползли по коже, предупреждая об опасности. Сыщик не повернулся, лишь глубже опустил руку в карман, подхватив лежавший у колена пистолет. Затем покосился на соседнюю лавочку. Молодые крепкие парни, бросив костяшки домино, разливали водку. Тот самый случай, когда «на всякого мудреца довольно простоты». Сыщик вспомнил, что засек «доминиоников» мгновенно, однако отложил знакомство на потом, увлекся наблюдением за фланерами, палаткой и забыл о них. А еще считает себя гениальным сыщиком. Странно, что под лопаткой еще не торчит заточка. Как Гуров и ожидал, «коллеги» взяли в долю уголовников. Теперь они ждут условного сигнала. Но если машина остановится у гостиницы и человек быстро поднимется к дверям, этим ребятам не успеть. Значит, в вестибюле у них кто-то есть.

— Главный вертухай прибыл, — сказал один из парней, вытирая губы ладонью.

— Мороз-воевода дозором обходит владенья свои, — отозвался второй, видно, любитель русской словесности.

У палатки остановилось такси, из машины выскочил знакомый сыщику опер и скрылся за дверью. Скорее всего он прибыл из аэропорта, значит, сейчас и «вольво» появится.

— И на кой мы влезли в это дело? Мусора дерутся, пусть глотки друг дружке перережут. Я думаю...

— Ты! Падла задумчивая! — перебил говорившего уверенный голос. — Знаешь, сколько за дохлого мента нам отстегнуть обещают?

— Да откуда они возьмут, нищие начальнички? Нюрка, жена участкового, к моей бабе прибежала столыжник на хлеб занять. Смехота!

Сыщик продолжал сидеть боком к бандитам, напряженно вспоминал, где и когда он слышал этот уверенный, с чуть заметным присвистом, голос. Гурову казалось, что он видит тонкие губы, черную дырку на месте правого переднего зуба, но

не рисковал повернуться и взглянуть. Встретишься взглядом — и конец, никакой маскарад не спасет.

— Не все нищие, есть и с монетой. — Говоривший вышил и смачно сплюнул. — Капитан Стаднюк — мужик крутой и при солидных деньгах.

Двое выпивали и помалкивали. Остальные продолжали беседовать. Который со знакомым свистом — лет сорока, определил сыщик, а второму — не больше двадцати. Старший — «в авторитете» и с самомением, младший — «шестерках», в компании, видимо, недавно, самоутверждается. Как бы подтверждая предположения сыщика, молодой сказал:

— Клык, ты все знаешь, кто же Фриценку порезал?

И сыщик вспомнил. Лялин Трофим Федорович, пятьдесят второго года рождения, родился в Ростове, клички: Клык, Могила, Свистун, в девяностом был задержан за разбой, получил семь лет особого режима. В прошлом году прошла ориентировка — Лялин бежал, группу настигли, перестреляли...

— Кто да кто? Не наше дело. Тут московские разборки. Потому и Гуров прибыл, Лев Иванович. Довелось как-то беседовать, век не забуду.

— Бил сильно?

— Кто же в МУРе не бьет? Там порядок, комната без окон, изоляция, чтобы крик не услышали, наденут браслеты и лупят, пока не устанут, — просвещал Клык молодого содельника.

Гуров слушал без интереса. Следил за палаткой, в которую вошел приехавший опер, отметил, что наблюдатели по прибытии начальства оживились, изображали старание. Сыщик чувствовал — произошло что-то непредвиденное. Почему нет «вольво», скоростная машина не могла так отстать от «Волги», даже если выехала из аэропорта значительно позже. К тому же ни у знакомого Юдина, ни у Орлова с сопровождающими вещей нет, багаж ждать не надо. Наконец опер вышел из палатки, неторопливо, вразвалочку, направился к лавочкам. Сыщик невольно напрягся, подвинул пенсне и закрыл глаза. Капитан прошел в метре от полковника.

— Распивать в общественных местах запрещено, — сказал капитан и, чтобы парни поняли шутку, громко расхохотался.

— Налить? — спросил Клык.

— Плесни чуток, замаялся. Где же эта сука укрылась?

К гостинице подкатила «вольво». Вышел незнакомый сыщику мужчина, вылез из-за руля Юдин, запер машину. Значит, Орлов не прилетел. Видно, у местного генерала рука такая длинная, что дотянулась до Москвы, нажала кнопку, и Орлова перехватили. Сыщику очень хотелось курить, но вынимать дорогие сигареты, тем более зажигалку было нельзя. И вообще любое движение крайне опасно.

Капитан проглотил полстакана водки, бросил в рот корочку хлеба. Уголовники смотрели на него с одобрением. Клык спросил:

— И долго нам тут?

— Не знаю, Трофим, ни черта не знаю. Побудьте еще часок и мотайте. Но, как стемнеет, возвращайтесь.

Сыщик отметил, что капитан назвал уголовного не по кличке, а по имени. Профессионал! Чтоб тебя...

— Я не на службе, капитан, бабки в вашей конторе не получаю.— В голосе Клыка уверенности не было, чувствовалось, что он лишь старается не уронить себя в глазах подчиненных.

И капитан понял его правильно, потому не огрызнулся, а миролюбиво сказал:

— Ты бы не светился, Трофим, присел на скамеечку. Среди своих ты в законе, а среди моих в розыске. Какой-нибудь ретивый опознает, стрелять начнет. Нам шум ни к чему, да мент случайно и попасть может.

— За заботу поклон, капитан.— Клык хотел ответить ехидно, а получилось достаточно искренне.— Если знать, что полкаш зайвится, так и сутки, и поболее ждать согласен, но я нутром чую, мы тут пустышку тянем.

— Всякое бывает.— Капитан усмехнулся.— Как говорится, знал бы прикуп — жил бы в Сочи. Кстати, что за гриб у вас под боком устроился?

Сыщик осторожно снял пистолет с предохранителя. Первым капитана, затем Клыка, пока молодые очухаются, успею добежать до гостиницы. По городу не уйти. Закроюсь в номере Юдина. А они пригонят ОМОН. Повесят в номере и объяснят, мол, двинулся ваш полковник. А уж какие потом придут комисси, что Петр раскопает и докажет, даже думать неинтересно.

Ноги у сыщика ослабли, во рту пересохло.

— Местный, я узнавал,— соврал Клык.— Дремлет, наверное, с голодухи доходит. Я решил его не гнать, при нем мы не так светимся.

— Умный, потому и на свободе,— сказал капитан.— Ты с этим делом,— он щелкнул по стакану,— осторожнее.

— Не сомневайся, капитан.— Клык был явно собой доволен, хотя ребята и знали, что он старика не проверял, но лапшу навесил ловко. Старшой, он и есть старшой.

Капитан зашагал к гостинице, Клык подмигнул парням, которые довольно улыбались. Сыщик понимал, что Клык сейчас подойдет, возможно, ударит. Тогда я завалюсь на бок, левой прикрою голову и начну бессвязно причитать. Но сыщик ошибся. Уголовник подошел, сел рядом и миролюбиво сказал:

— Здорово, отец. Как жизнь, на хлеб хватает?

Гуров попался на простейший трюк. Следовало откинуться на спинку скамейки, но сыщик поверил, что последует разговор, и сидел не двигаясь. Клык быстро провел ладонью по лицу «старика», скинул пенсне и твердо взял за подбородок. Они посмотрели друг другу в глаза. Реакция сыщика была молниеносной. Не успел Клык даже моргнуть, как дуло пистолета уперлось ему в бок.

— Убью сразу! Сиди! — прошипел Гуров и громко запричитал: — Я старый человек! Не надо, прошу!

Уголовники находились за спиной Клыка, видеть пистолет и лицо сторбленного «старика» не могли, да и не приглядывались. Они открывали вторую бутылку, готовили закуску.

— Ты меня знаешь, Клык?! Один жест, слово, и подавишься собственным языком. Твоих щенков перестреляю мигом.

— Брось рыдать, отец, я пошутил,— громко сказал Клык. Он хотел отойти, но сыщик левой рукой обнял его за плечи, крепко прижал к себе.

— Прикажи им уйти, скажи, что догонишь! Ну? — Гуров вдавил ствол пистолета ему под ребро.

— Братва, закрывай обед, топайте,— приказал Клык.— Отец тут интересные вещи толкует, послушаю и догоню.

— Тебе налили, Старшой! — радостно сообщил молодой и разговорчивый.

Пистолет так давил, что Клык еле сдерживал стон.

— Слушай, сука! Тебе сказано! — взревел Клык.— Чтобы через секунду духу вашего не было.

— Не пыли, Клык. Видать, старика вербуешь. Но, окромя песка, из него ничего не посыпется.

Уголовники, собрав манатки, ушли. Сыщик разомкнул объятия, отобрал у Клыка нож и пистолет и, нацепив пенсне, спросил:

— Значит, я тебя на допросах бил?

Клык перевел дух:

— Сейчас ты банкуешь, будет и мой черед. Куда пойдём? — Он ощерился, дыхнул перегаром.

Гуров поднялся, обхватил Клыка за плечи:

— Я старый больной человек. Ты помогаешь мне, идем не торопясь. И помни — пуля уже прилипла к твоему животу. Твоя смерть на кончике твоего языка.

Юдин поселил своего знакомого в гостинице, велел из номера не выходить и прошел в свой люкс. Вот я и стал оперативником, рассуждал Юдин, развалившись в кресле. Полковник все-таки заставил работать на себя. Судя по всему, у Гурова произошла осечка, и его могут здесь убить. А от Гурова до Юдина — только руку протяни. Я порвал с «Корпорацией», уважаемый, небедный человек, так что же мне нужно, куда я лезу? Будь я проклят, если, вышутавшись из этой истории, хоть раз встречу с проклятым полковником. Он ненормальный, псих, гладиатор. А я — здравомыслящий человек.

Дверь внезапно распахнулась. В гостиную влетел незнакомый мужчина, не удержался на ногах и упал. Следом вошел высокий горбатый старик. Прикрыв дверь, он запер ее на ключ и взглянул на хозяина поверх пенсне.

— Что вам нужно? — осевшим голосом произнес Юдин.— Вы ошиблись номером. Я сейчас...

— Налей выпить,— перебил Гуров. Стянул парик, горбатый балахон бросил на пол.— Извини, Борис, за гостя.— Он указал пистолетом на лежавшего неподвижно человека.

Юдин, понимая, что от него ничего не зависит, опустился в кресло:

— Пустяки. Очень приятно. Будьте как дома. А вы, господин полковник, обслужите себя сами.

— Рад бы, да руки заняты.— Сыщик указал пистолетом на

лежавшего неподвижно Клыка. — Борис Андреевич, не откажи в любезности, срежь с портъеры шнур, намочи его водой и дай сюда.

— Да гореть мне в вечном огне, если еще когда-нибудь... — пробормотал Юдин, поднимаясь с кресла...

Мокрым шнуром Гуров связал Клыку руки за спиной, согнул ногу, притянул к связанным кистям.

— Если вздумаешь кричать, ударю железом по голове и воткну кляп. — Сыщик ухватил Клыка за шиворот, поволок в ванную. Вернувшись, налил коньяку и залпом выпил. Закурив, уселся напротив Юдина. — Так на чем мы остановились? Знакомого привез, а генерала не встретил, мне это известно. Что же делать? Понимаешь, Борис Андреевич, наша беда в том, что мы следуем за событиями, а не направляем их. Удачно работаем только в контакте. Но удача — дама капризная, может и отвернуться. Так что же делать? Правильно! Перехватываешь инициативу!

На коммерсанта смотрели темные, мрачные глаза, выражение их не соответствовало легкому, ироничному тону.

Юдин вздохнул:

— Я сегодня отбываю в Москву.

Он ожидал, что сыщик начнет отговаривать, попытается задержать, и в который раз не угадал.

— Ты прав, — спокойно согласился Гуров. — В каком номере твой гость и как его зовут?

— В триста восьмом, он сам представится.

— Конспирация? — Гуров улыбнулся.

— От меня ты больше ничего не узнаешь, — раздраженно бросил Юдин.

— А недавно мы были почти друзьями. — Гуров закурил новую сигарету. — За помощь тебе искренне благодарен. Считаю, что мы в расчете. Я на полчаса загляну в триста восьмой, побеседую. А ты, пожалуйста, спустись к администратору, оплати номер за двое суток вперед, скажи, что будешь работать и просишь не беспокоить. После этого мы пожмем друг другу руки, ты заберешь своего приятеля, сядешь в шикарный лимузин и с чистой совестью — на свободу.

— Договорились. — Юдин поднялся. — Я сяду за руль безусловно шикарного лимузина с абсолютно чистой совестью и укачу именно на свободу. А что с этим? — Он указал на дверь ванной.

— А ничего. С этим я разберусь.

Сыщик поднял с полу хламиду, оружие тяжело оттягивало полы, и быстро вышел из номера. Спустился на второй этаж. Ключ от своего номера сыщик предусмотрительно не сдавал. Проверив метки, которые оставил перед уходом, он выяснил, что в номер заходили, но в чемодан не лезли, кейс не трогали, значит, была лишь уборщица. Гуров принял душ, переделался, бутафорскую одежду забросил под кровать.

Исчезновение Клыка, конечно, вызвало переполох. След «старика» обнаружить еще не успели, но нацупают в течение ближайшего часа, а может, и раньше. В одиночку из гостиницы сыщик ушел бы без проблем, но надо увести с собой Клыка, он

свидетель и сработает против местной коррупции не хуже оставленных у Аннушки вещдоков. Как уйти из гостиницы вместе с уголовником, сыщик пока не знал. Он подхватил чемодан, кейс, оглядел номер, в который больше никогда не вернется, вышел в коридор. У двери номера Сосниных сыщик приостановился. Ольга притягивала Льва Гурова... Но сейчас есть дела поважнее. Гуров обозвал себя «сопляком» и взбежал на третий этаж. Предстоял очень серьезный разговор с человеком, которого привез Юдин из аэропорта.

Кричать генерал уже не мог, голос сел. Илья Николаевич с ненавистью посмотрел на капитана Стаднюка и просипел:

— Вели чаю принести.

Пока готовили чай, генерал подошел к книжной полке, заставленной нечитаными томами «основоположников и учителей». Повернул полку — учителя уплыли в стену, а на их место выдвинулся бар. Генерал выпил, взял горсть миндаля и вернулся к столу.

— Я в вашей работе не разбираюсь, — тихо заговорил он, стараясь не смотреть на Стаднюка. — Но ты мне объясни, каким образом один человек успешно бьется против «машины»?

— Машины уже нет, так, отдельные шестеренки болтаются, — ответил Стаднюк. — Партия рассыпалась, что говорить о нас, грешных.

Бывший секретарь вздохнул и хлебнул чаю. Стаднюк видел, что начальник держится на пределе, и решил ему потрафить:

— Вы самую трудную задачу решили здорово и отсекли Гурова от Москвы. Мы его изловим, дайте срок.

— Уже слышал. — Лесть смягчила генерала, даже голос вернулся. — Но он выкрал вашего уголовного. Не понимаю, как можно здорового мужика утащить из-под носа стаи ищеек? Не понимаю! Вы отдаете себе отчет, чем это вам грозит? Связь с преступниками, коррупция, тут уж Москва вцепится мертвой хваткой.

Стаднюк взглянул на часы, ему следовало разыскивать Гурова и Клыка, а он только зря терял время.

— Даже если полковник уйдет от нас и доставит Лялина в прокуратуру, Клык прекрасно знает: если заговорит, его убьют в камере. Илья Николаевич, покончим с этим вопросом, он вас не касается, я пришел по другому делу.

— Сейчас нет другого дела! — Голос генерала вновь набрал силу. — Я хочу видеть Гурова. Живого или мертвого! Лучше мертвого!

— Но прежде необходимо решить другой вопрос. — Стаднюк запнулся. — Скажем так, некоторые очень влиятельные лица в городе хотят открыть завод по производству вина.

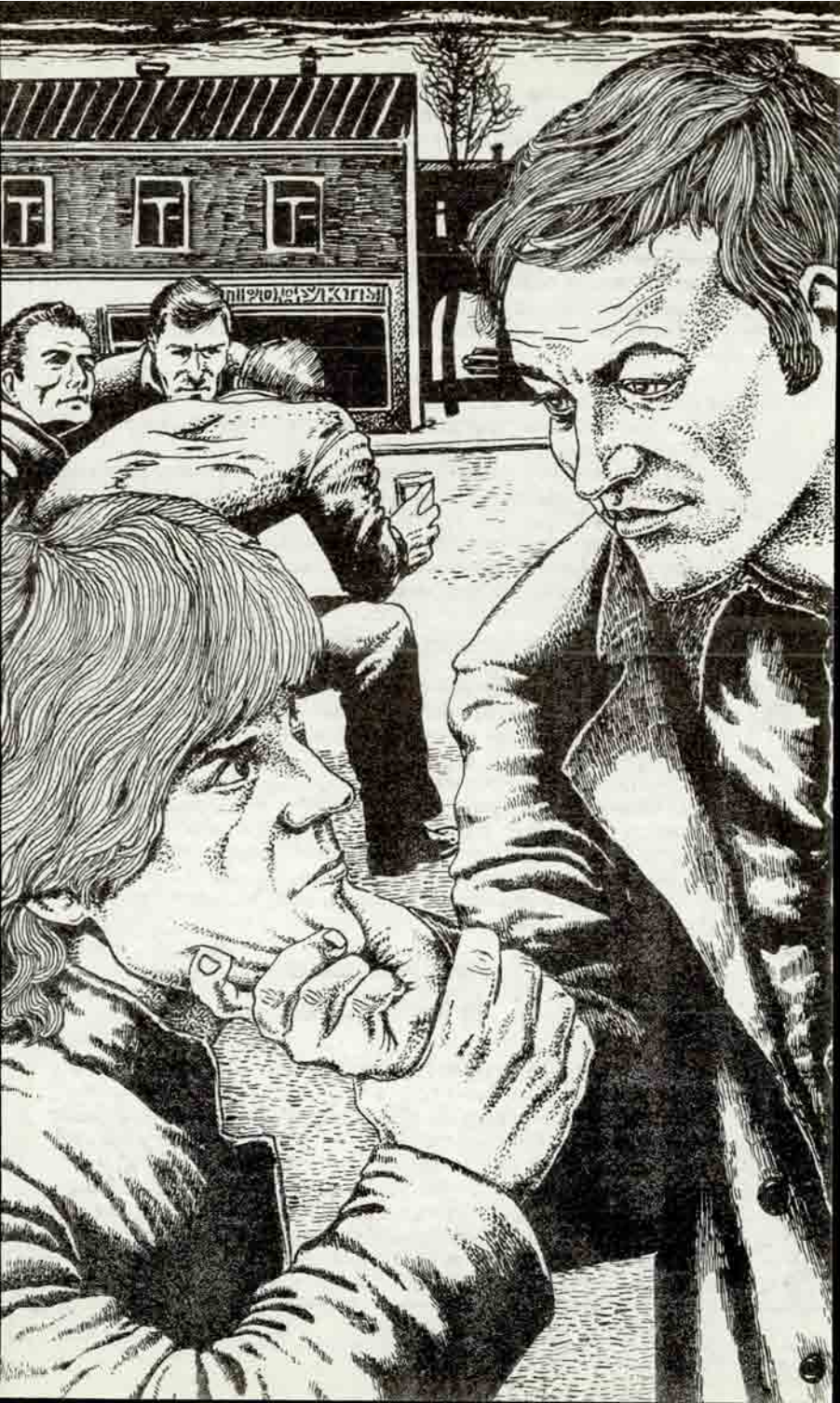
— Кажется, сейчас все разрешено, какие проблемы?

Стаднюк усмехнулся:

— Люди хотят получить гарантию, что им будет предоставлен режим наибольшего благоприятствования.

— Это решают мэр и горсовет.

— Горсовет ничего не решает, а с мэром у них отношения не

сложились. Начальник УВД обладает реальной властью, люди хотят получить его гарантии.

— Ну, допустим. — Генералу польстило, что кто-то считает его столь могущественным. — А что твои люди предлагают взамен?

— Тело Гурова — пустяк, аванс. В дальнейшем вы получите колоссальную поддержку. В области и городе они контролируют все, а разные министры, спикеры и президенты слишком далеко.

Генерал задумался. Ясно, предлагают вступить в мафию. В принципе ничего нового. В главную мафию он вступал, будучи еще лейтенантом. И неплохо жил, надо признаться.

— Передайте, я согласен. Надеюсь, заявления и рекомендации не требуется?

— И билет не выдадут, и взносы не будешь платить. Только получать. Однако, — Стаднюк замаялся, подбирая слова помягче, — я вас соединю, товарищ генерал. Вы представитесь и скажете лишь одно слово «согласен».

— Я столько слов в своей жизни говорил! — рассмеялся генерал. — Одним больше! Сегодня сказал, завтра забыл, слово к делу не подошьешь.

— А и не требуется, у людей память отличная. Прежде чем сказать, подумайте, генерал. У них все на слове держится. Выговор не объявят и отнимут не билет, а жизнь.

— Не заговаривайся!

Предупреждая начальника, Стаднюк беспокоился не о генеральской жизни, а о своей. Если золотопогонник с ума сбрендит и начнет с «авторитетами» крутить привычную для «партайгеноссе» вольнку, его пришьют. А позже вспомнят, кто неверного присоветовал. Нет уж, пусть, роденький, все знает наперед и поостережется.

— Будем звонить, товарищ генерал, или как?

— Так что же, вы мне прикажете с Крещеным разговаривать?

И как такой идиот в секретари выбился, подумал Стаднюк, область командовал, вот потому мы без порток и ходим.

— Крещеный — уголовник, — спокойно ответил капитан. — А я вас соединю с человеком, который если пожелает, то Крещеного зарежут в одночасье.

глава одиннадцатая

На финишной прямой

Некоронованный хозяин города Лев Ильич Бунич выслушал генерала. Ответил коротко:

— Я вас понял, — морщась, словно проглотил горькое лекарство, положил трубку.

Лев Ильич пребывал в скверном настроении. Он мечтал быть честным бизнесменом и не желал иметь дел с криминалом. А жизнь заставляла стлкиваться с отребьем. Свою деятельность Бунич осуществлял под вывеской скромного СП. Не имел офиса, руководил из собственной квартиры, обходился одним секретарем да двумя охранниками. Правда, секретарь свободно владел

тремя европейскими языками, стенографировал и печатал на машинке. Телохранителей Бунич пригласил из Москвы, там он имел квартиру, но не переезжал окончательно, предпочитая быть первым «в деревне», чем вторым «в городе». Телохранители — братья-близнецы — классные профессионалы рукопашного боя, стрелки, водители. Они не пили, не курили, но деньги любили так самозабвенно, что полностью уравнивали свои неземные достоинства. Эта любовь устраивала Бунича, платил он братьям в валюте и столько, что об измене не могло быть и речи.

Бунич тяжело вздохнул, вызвал секретаря, кивнул на кресло и после длинной паузы огорченно сказал:

— Генерал, естественно, согласился.

Секретарь знал, что поздравлять не следует, и обронил:

— Известный мерзавец.

— Может, уехать отсюда? Только не говори ничего про Москву и Питер! Как мне надоела уголовщина, Боже мой! Хочу в тихую цивилизованную страну.

Далее последовал монолог, который секретарь слышал несчетное количество раз. Но молчание и терпение наряду со стенографией, переводами и машинкой входили в прямые обязанности секретаря. За нарушения Бунич удерживал из зарплаты, которую по западному образцу выплачивал каждую пятницу. Порой секретарь не выдерживал и объявлял:

— Извините, шеф, но я выскажусь на несколько баксов.

На что Бунич неизменно отвечал:

— Говори, у богатых свои привычки. — Закрыв глаза, выслушивал возражения или совет, после чего выносил приговор: — Ты наговорил на столько-то долларов.

Надо отдать Буничу должное, случалось и обратное:

— Прекрасный совет, с меня причитается.

Сегодня секретарь молча выслушал стенания, жалобы и проклятия.

— Где Гуров? — неожиданно спросил Бунич.

— Засел в «Центральной».

— На что рассчитывает? — Бунич в который раз вздохнул. — Позови мальчиков.

Когда братья вошли, Бунич оглядел их сильные, ловкие фигуры, так обычно собачник профессионально оглядывает своих дорогих любимцев, и сказал:

— Надо одного человека изъять из «Центральной», доставить ко мне.

И тут произошел беспрецедентный случай. Один из братьев — кто из них кто, не знал ни Бунич, ни секретарь — возразил:

— Этого человека лучше убить, шеф.

Бунич ошарашенно взглянул на секретаря, затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Вдвоем мы спеленаем его, как ребенка, но к нему трудно подойти.

Бунич сидел неподвижно, застыл и секретарь.

Немного стоят деньги и власть, Буничу было себя жалко. Он никогда не видел Гурова, но в прошлом году очень серьезный

человек сказал ему, что есть такой Гуров Лев Иванович. Если ваши пути пересекутся, то ты тихо перейди на другую сторону. Сам Роговой об этом парня расшибся. Когда Буничу донесли, что полковник в городе, он подумал: хорошо бы организовать обед, посидеть с ним за одним столом, поговорить и понять, почему талантливый человек посвятил жизнь такой грязной работе. Но события понеслись вскачь. Бунич ничего не знал ни о медведях, ни о наркотиках, не понимал, с какой целью в тихий провинциальный город ввалился, словно слон в посудную лавку, старший опер по особо важным делам. Когда зарезали в цирке мальчишку, Бунич лишь пожал плечами, но после убийства начальника уголовного розыска призадумался. А когда узнал, что Гуров схлестнулся с местной властью и началась борьба на уничтожение, решил, что такой шанс упускать нельзя. Бунич давно знал, что генерал УВД — человек гнилой, но, увидев, что его можно взять голыми руками, не удержался...

— Вы еще здесь? — Бунич открыл глаза, взглянул на братьев удивленно.

Охранники молча вышли, Бунич повернулся к секретарю и сказал:

— Через сорок минут мы уезжаем.

Гуров провел в номере гостя около получаса. Тот был вял, на вопросы отвечал неохотно, и сыщик удивился, зачем вообще он прилетел. И все-таки Гурову удалось выяснить, что существует группа преступников, занимающихся вымогательством под угрозой применения изощренных пыток. Во главе ее стоит мужчина лет тридцати с небольшим, среднего роста и телосложения, одет в неприметный костюм, носит дымчатые очки, видимо, накладные усы, говорит тихо, интеллигентно.

Имя свое гость назвать отказался. Гуров и не настаивал. Человек этот был полностью сломлен. Если преступников удасться задержать, свидетелем в суде он быть не способен. Как гость рассказал, его взяли на улице. Ударили по голове, бросили в машину и отвезли куда-то под Москву. Время в пути он не помнит. В большой комнате его привязали к креслу, рядом горел камин, в огне которого лежали щипцы, перед креслом стоял телевизор. Мужчина, разговаривавший с пленником, находился все время за его спиной, лишь дважды подошел к камину подбросить дров. Преступник знал характер бизнеса пленника, размер оборачиваемого капитала. Условия были просты: отдать все, и его оставят в покое. Если он обманет, его захватят, снова привезут сюда, и вот тогда...

В этом месте у гостя задрожала челюсть. Он долго не мог справиться со стаканом воды. Сыщик дал ему сигарету, отвлек посторонним разговором. Позже выяснилось, что ему показали видеозапись страшных пыток, которые совершались именно в этой комнате.

— Качество записи было плохое, так ведь любители, — закончил гость. — Но, что надо, я разглядел, никогда не забуду.

Сыщик хотя и жалел сидевшего напротив человека, но злился на его слабость и глупость. Смотрел он, конечно, отрывок из

фильма ужасов. Какую-нибудь пятую или шестую копию, что придавало съемке достоверность, да рядом еще камин с раскаленным железом, тихий голос за спиной... И вот результат.

— А вы не обращались...

— Меня бы привлекли по какой-нибудь статье, а в лагере...

— Вы меня не поняли,— спокойно сказал Гуров.— Вам следует обратиться к врачу, привести себя в порядок. Я найду этих людей. Не назову вашего имени. Не буду вас допрашивать. Большое спасибо, что приехали. Успокойтесь. Борис Андреевич отвезет вас в Москву.

— Ну, получил, что требовалось? — воинственно спросил Юдин, открывая сыщику дверь своего «люкса». — Наверняка добил несчастного, он и так-то чуть живой.

— Уже собрался.— Гуров кивнул на чемодан.— Перейди в номер своего протеже, я останусь здесь.

Сыщик заглянул в ванную, Клык отполз к стене, пристроился боком. Хмель уже испарился, злость и гонор прошли.

— Слушай, будь человеком, отвяжи ногу, затекло, сил нет.

Гуров сходил за ножом, перерезал веревку на ноге и, схватив Клыка за шиворот, рывком поставил на ноги, но тот не удержался, свалился на край ванной.

— Охолонулся, герой? — спросил Гуров. Он подрезал шнур и на руках.— Разотри, и давай спереди завяжем.— Сыщик знал, что сопротивления преступник сейчас оказать не способен, он еле шевелил скрюченными пальцами.

— Интеллигент...— просипел Клык.

— Другого ругательства не знаешь? — усмехнулся сыщик.— Ну давай, быстро растирай руки, а то у нас впереди дорога...

Клык покорно протянул руки, устало сказал:

— Какая дорога, полковник? Люди видели, как я в гостиницу вошел, доложат Стаднюку. А тот вмиг сообразит, какой «горбатый старик» со мной сюда притопал. Нам и на улицу выйти не дадут. Две пули тебе, две мне, в мою лапу пушку пристроят. Картина! Рецидивист убивает героя-полковника, убийцу настигает возмездие! Местные менты еще награды получат...

— Красивые слова, сиди тихо.— Сыщик показал на крышку унитаза.— Постараемся, чтобы возмездие настигло кого следует.

— Дурак! А еще важняк и полковник!

— Лев Иванович,— позвал Юдин,— если гостиница окружена, то не только вас, но и нас не выпустят.

— Штыком и гранатой пробилась ребята...— пропел Гуров.— Меня давно интересовал вопрос, как можно, идя на Одессу, вернуться к Херсону?

Братья-охранники были похожи, как две капли воды. У них имелись имена, фамилии, все как положено, но хозяин и окружающие называли их Левый и Правый. Они редко ходили поодиночке, были крайне молчаливы. В город приехали три года назад. Однажды столкнулись с милицией и с парнями Крещеного. Милиционер отлежался в госпитале, одного бандита тихо похоронили, больше инцидентов не было.

Братья ни с кем не общались, жители на них не обращали внимания, а менты и уголовники обходили стороной.

К гостинице братья шли неторопливо. Внимательно осмотрели площадь, все заметили: и ментов, и уголовников. Обменялись улыбками и начали подниматься по ступенькам к центральному входу. Здесь их догнал капитан Стаднюк.

— Он в гостинице, — негромко сказал опер, — но в каком номере, неизвестно.

Братья ничего не ответили, на капитана даже не взглянули. В холле увидели двух мужчин, сидевших за канцелярским столом, еще одного, который изучал план эвакуации в случае пожара.

— Эти люди вам не помешают, — продолжал Стаднюк. — Что вы думаете делать? Наверное, он заперся...

Братья повернулись, словно по команде, и вышли на улицу.

Откуда-то издали доносились шум, музыка, даже цокот копыт. Братья переглянулись и увидели, как из боковой улицы, которая вела к цирку, на площадь начала выливаться яркая, пестрая толпа.

Возглавлял шествие оркестр, вокруг него, сдерживая лошадей, гарцевали амазонки. Над ними возвышались два клоуна на ходулях, изображая дирижеров, и не в такт размахивали длинными рукавами балахонов. Степенно выступали «Русские медведи». Седая голова Миши и бурая Гоши были величественны, как и положено артистам мирового класса. Группа акробатов то собиралась в колонну, то рассыпалась. Артисты крутили сальто, бегали на руках. Классик в ярком гриме, но в обычном костюме, с галстуком-бабочкой, жонглировал канотье и тростью, подмигивая бегущим рядом мальчишкам. Следом шла четверка коней, помахивая роскошными султанами. Они везли огромную фуру, на которой висели, сидели, даже стояли на руках люди. Правил четверкой директор Колесников, знаменитый Капитан, который, восседая на высоких козлах, приветствовал публику.

Артисты и сопровождавший их народ в мгновение запрудили площадь, смяв своей массой и милиционеров, и уголовников.

Близнецы оценили ситуацию и отошли в сторону от дверей. На верхнюю ступеньку легко взбежал Капитан. К нему присоединились Сильвер, Классик, администратор Жуков с Матильдой.

— Друзья! Сограждане! — крикнул Капитан, поднимая руку и призывая к вниманию.

Площадь притихла.

— Сейчас все бастую! Мы, артисты, как и многие из вас, больше трех месяцев не получаем зарплату! У вас дети! У нас дети и звери! Они ни черта не понимают в шоковой терапии, они хотят кушать!

Толпа зашумела, одобрительно заорала. Колесников вновь поднял руку.

— Мы, артисты, понимаем, что человека можно лишить последнего куса хлеба, но нельзя лишить зрелищ. Мы бастовать не будем. Здесь! — Капитан указал на дверь гостиницы. — Здесь остановился один чиновник, и мы пришли, чтобы спросить у него, на сколько дырок нам еще следует затянуть пояса? Мы

пойдем и потолкуем, а желающие могут посмотреть представление. Классик, твой выход! Музыка, туш!

Колесников, Сильвер, клоуны в балахонах и акробаты ушли в гостиницу. Оркестр грянул туш. Классик взмахнул тростью и крикнул:

— Красота спасет мир!

Толпа раздалась, и на площадку перед гостиницей вылетели амазонки.

Мальчишки отпихивали капитана Стаднюка все дальше от центральных дверей. Он не сопротивлялся. Понял, что снова проиграл, и, пятясь под напором любопытных, искал взглядом близнецов. Лишь у них оставались шансы перехватить Гурова и Клыка. Милиционеры и уголовники в этой чехарде растворились и потеряли всякую инициативу. Но как Стаднюк ни поднимался на носки, как ни крутил головой, охранников Бунича видно не было.

Гуров и Юдин стояли у окна, смотрели на запруженную людьми площадь, на гарцующих амазонок.

— Ну вот, Борис Андреевич, как и обещал, вы можете уезжать. Большое вам спасибо, — сказал Гуров.

Юдин внимательно посмотрел на сыщика.

— Что же, они все ваши должники?

Гуров рассмеялся и не ответил.

— Удачи. — Юдин руки не подал, резко повернулся и направился к двери. На пороге он задержался и, выругавшись, бросил: — Звони, черт бы тебя побрал!

Коммерсант вышел, и тут же в номер ввалились артисты. Ряженые скинули балахоны и маски, акробаты прикрыли дверь. По слаженности, с какой действовали, можно было подумать, что номер многократно репетировали. Сыщик вывел из ванной Клыка, разрезал веревки, накиннул на него балахон, нацепил маску. Оделся сам. В коридоре артисты разделились и пошли в разные стороны.

Внизу, в вестибюле, гремел скандал. Директор цирка кричал на директора гостиницы:

— Как это никто из Росцирка не приезжал? Ты мне, Витя, не заправляй, я тебя сызмальства знаю!

— Леша, мы же друзья! Ты что? — Директор гостиницы прижимал к груди руки, смотрел жалобно.

— Виктор Кузьмич, грех на душу берете, — говорил укоризненно администратор Жуков. — Нам ссориться ни к чему.

— Александр Валентинович, как можно? — бормотал директор гостиницы.

— Витька! — Сильвер взял его за лацканы пиджака. — Я тебя не люблю! Я тебя очень не люблю!

В вестибюль вышли ряженые и акробаты, присоединились к группе администраторов гостиницы и цирка и общей толпой вывалились на улицу.

Внизу у гранитных ступенек важно расхаживали Миша и Гоша.

— Господин депутат, — ластился Рогожин к медведю, — я за вас голосовал.

Медведь громко урчал, положив могучую лапу на плечо артиста, кивал согласно.

— Я всем говорю, что господин депутат — человек совестливый! — крикнул Рогожин. — И нашу землю нам вернет непременно.

Медведь стоял на задних лапах, опустив голову. Неожиданно он вздыбился, поднял передние лапы и, оскалившись, грозно зарычал. Рогожин при своем двухметровом росте казался маленьким и беззащитным. Сначала публика разразилась хохотом, затем испуганно шаркнулась.

Сыщик стоял рядом с Клыкком, сквозь прорези маски внимательно наблюдал за окружающими. Милиция и уголовники могут не понять, кто мы, рассуждал сыщик. Но убийца — цирковой, он не обманется, может ударить. Заточка в опытной руке страшнее пистолета.

— Очнись, депутат! — закричал Рогожин, успокаивая медведя. — Кто чей слуга, мы давно разобрались. — И вложил сквозь намордник кусок сахара. — Не отдашь землю, подохнем оба с голодухи. — Артист похлопал медведя по мощным бокам. — Ну, ты жирку накопил, прoderжишься подольше...

Медведи, провожаемые аплодисментами, тронулись в сторону фуры. Сыщик огляделся. А если один из этих ловких гимнастов и есть убийца? Сыщик толкнул стоявшего рядом Клыка, прошептал:

— Когда мы пойдем, обними меня за плечи.

— Ну ты мозга, полковник, ну ты мозга, — прохрипел в ответ Клык.

Капитан поблагодарил почтеннейшую публику за внимание, заверил, что каждый вечер цирк зажигает огни и артисты ждут дорогих гостей. Амазонки тронули нетерпеливых скакунов, раздвинули толпу, цирковой кортеж развернулся в сторону своего дома. Оркестр грянул марш.

— Мальчики, в фуру! — скомандовал Колесников.

Клык обхватил Гурова за плечи.

И тут произошла заминка, преступник и сыщик разделились. Чья-то мощная рука помогла Гурову вскочить в фуру, за ним последовали Сильвер, Жуков с Матильдой, Классик. Сыщик попытался выпрыгнуть, но увидел, что гимнасты забросили в повозку Клыка. Гуров облегченно вздохнул и снял маску. Раздался смех, и фура, скрипя и раскачиваясь, покатила с площадки.

Рецидивист и убийца Трофим Федорович Лялин, по кличке Клык, лежал на войлочной подстилке. Полосатый балахон и хохочущая маска валялись рядом. Под левой грудью Клыка темнело небольшое пятно, даже не верилось, что такая пустяковая рана может оказаться смертельной.

В фуре было тесно и темно, Клык сидел между гимнастами. На него не обращали внимания. Когда приехали и, толкаясь, с шутками и прибаутками начали выскакивать из крытой повоз-

ки, Клык завалился на бок. Гуров бросился к телу, которое было еще теплым, затем выпрыгнул из фуры и схватил раскрасневшегося Капитана за руку:

— Алексей Иванович!

— Ну что еще! — Директор рассмеялся. — Ребята, цирк закончен, начинается повседневная работа! Всем по местам. Кто вечером занят, готовятся. Штабу собраться у меня! — И повернулся к Гурову: — Ну? С тебя вроде бы причитается?

Директор и сыщик стояли в сарае, в котором хранилась цирковая утварь, и смотрели на труп.

— Как же это? — выдохнул через силу Капитан. — Значит, ты, полковник, прав, убийца из наших... моих ребят. Что теперь? Прокуратура, допросы, могут в камеру упрятать, а там наши продажные менты с палками...

— Я вас в грязную историю втянул, я и вытяну, — перебил Гуров. — Этот человек — убийца, находится в розыске, но закон есть закон и допрашивать, конечно, будут. Думаю, что ситуацию я сумею переломить, но на всякий случай... Ваша версия такая: приехали к «Центральной», побалагурили и уехали. Ни полковника Гурова, ни рецидивиста Клыка в гостинице не видели. Я сейчас пойду с вами в кабинет, скажем, что я сей минут и прибыл. Ребята не дураки, сообразят.

— И убийца! — Капитан расправил плечи, дернул подбородком. — Собственными руками...

— Без мелодрам, «шестерку» от гостиницы сюда перегнали?

— Во дворе у Аннушки стоит. — Капитан протянул ключи. — А этот? — кивнул на труп.

— Моя забота. Пусть полежит, сарай запири. Когда прибывает московский вечерний рейс?

— В девятнадцать. — Капитан взглянул на часы. — Не скоро, только четырнадцать. Чего же они своего? — Он прикрыл Клыка попоной.

— Этот нож был для меня, обознались. Балахоны и маски одинаковые. — Сыщик отвернулся.

Гуров не нашел в себе мужества признаться, что практически отвел удар убийцы от себя, когда вынудил Клыка обнять его за плечи. Тогда он подумал, что убийца не в силах решить, кто под каким балахоном. И, оберегая свою жизнь, подставил человека под нож.

Колесников почувствовал замешательство Гурова, спросил:

— Что-то не так?

Когда Капитан и Гуров прошли в директорский кабинет, весь штаб был уже в сборе.

— Вот, ребята, знакомый вам полковник Гуров Лев Иванович. Столкнулись у дверей, и я зазвал на чай.

Кто-то хмыкнул.

— Здравствуйте, слышал, вы представление у гостиницы устроили?

Откликнулся, конечно, Сильвер:

— О, Лев Иванович, давно не виделись! Ну, ясное дело, идет человек мимо, почему не заглянуть на чашку чая.

— Здравствуйте, — ответил администратор Жуков, потерся о руку жены и лукаво улыбнулся.

Капитан резал торт, довольно поглядывая на свою команду.

— Я, конечно, от чая не откажусь, — сказал Гуров, усаживаясь на стул верхом, — но вообще-то зашел попрощаться. А что-то Рогожина я никогда на ваших чаепитиях не видел?

— А он, известно, медведь, — сверкнул золотым зубом Сильвер.

— Сильвер! — сказал Капитан. — Останешься без торта.

— Ясное дело, хромого Сильвера обидеть легко, тем более лично Капитану...

— Я рад, что встретил таких замечательных людей, — сказал Гуров. — Должен всех вас поблагодарить и принести свои извинения. Я перед вами виноват. И прибыл обманом... — Он замолчал.

Ну, сейчас или никогда! Сыщик напрягся. Либо я разыграю единственный козырь, либо проиграюсь в пух. Гуров видел, что присутствующие ждут, внимательно наблюдают за ним и верить ему здесь никто не собирается. Действительно, с чего вдруг полковник милиции начнет оправдываться перед артистами цирка? Сыщик взглянул на Классика и неожиданно произнес:

— Прошлой ночью мы беседовали с Николаем Ивановичем, и он сказал, что я артист скверный.

— Классик может, он такой! — сорвался Сильвер и быстро добавил: — Молчу! Навеки!

— Нет, почему же, валяйте дальше. Ваши реплики снимают с моего выступления театральность. Я не артист, перед людьми говорить не привык.

Заговорить всех, отвлечь. Вместе со всеми расслабится и убийца. Он должен мне поверить.

— Алексей Иванович, я вам говорил, мол, уверен, что убийца — цирковой? Говорил?

— Ну? — Капитан растерялся. Сыщик ни о чем не предупредил, и вопрос его застал врасплох. — Говорил, только я не верил.

— И правильно делали. Я ошибался. — Гуров встал и направился к двери. — Пейте чай, лопайте торт, а я пойду к медведям, стакан приму. За подозрения уж извините. Больше ничего не скажу, а хотел... — Гуров вышел. За дверью громко заговорили...

Пусть выговорятся, чем больше слов, тем вернее убийца запутается. Сыщик прошел в администраторскую, как и следовало ожидать, дверь была открыта. Гуров набрал номер и, услышав ответ Капитана, сказал:

— Ты их не выпускай, я скоро вернусь. — Положив трубку, он прошел к медведям.

Рогожин тоже пил чай и приходу Гурова не удивился.

— Как мы сегодня смотрелись?

— Отлично. — Гуров присел. — Завтра землю отдадут, и номер пропал. Михалыч, налей контрабанды грамм несколько.

Рогожин выудил из-под стола заморскую бутылку, налил граненый стакан.

— Когда у них отнимут землю, они другую подлость сотворят. Сыщик взял стакан. Слегка пригубив, прополоскал рот, сплю-

нул в стоявшее неподалеку ведро. Остатки вылил на ладонь и протер шею и пиджак. Рогожин смотрел на него из-под лохматых бровей, ждал, когда гость заговорит о главном.

— Я уже все знаю. Спрашивать ни о чем не буду, — сказал Гуров. — Товар лежит в поддоне клетки, его можно изъять хоть сейчас. Только это ничего не даст. Мне нужен убийца, организатор и истинный владелец наркотика. Тебе предложили пол вскрыть, наркотик отдать. Обещали оставить в покое.

Рогожин не выдержал напряжения и отвернулся.

— Обманут, уж поверь мне, — спокойно продолжал сыщик. — Люди, занимающиеся наркобизнесом, свидетелей не оставляют. А то, что к тебе подослала женщину и ты решил, что опасность невелика, так это просто ловкий ход. Женщина лишь игрушка и будущая жертва. А ты здоровенный старый дурак. И спасти тебя может только полковник Гуров.

Сыщик встал и легкой танцующей походкой вышел в коридор. Он отлично понимал — сильного и упрямого Рогожина сразу к откровенности и сотрудничеству не склонить. И добивался одного — чтобы артист задумался, остановился. И наркотик-крючок, на который и ловилась вся зубастая стая, не ушел бы из поля зрения. Сейчас Рогожин действительно задумался и до следующей встречи с места не двинется. А без его помощи преступники в клетку, охраняемую могучим Гошей, не заберутся.

— Чаепитие продолжается? — сказал Гуров, входя в кабинет. — Когда вы только репетируете? — Он прошел мимо предполагаемого убийцы, чтобы тот почувствовал запах алкоголя и занял свое место.

— Мы пьем чай и работаем. А некоторые пьют ханку и вынуждают работать на себя, — огрызнулся Капитан. — Послушайте, полковник, вы можете объяснить, что у нас творится? — Этот вопрос попросил его задать сыщик, и Капитан все выбирал подходящий момент.

— В пределах допустимого могу. — Гуров откинулся на спинку стула, потерял равновесие и чуть не упал.

Так как это получилось случайно, а потому естественно, кто-то из артистов хмыкнул.

— Друзья, шутки в сторону. Двух человек убили. — Гуров уселся плотнее. — Почему убийца заявился к вам, сказать не могу. Я уже признался, что грешил на циркового. Ошибался, извинился. Компетентные органы разберутся, виновных накажут.

— Всю жизнь слышу, — сказал Классик и зевнул, — что завтра будет лучше, а виноватые понесут наказание.

— Они не понесут, а потащат. И не наказания, а мешки, — встрял Сильвер.

— Не на манеже! — Капитан хлопнул ладонью по столу. — Вы объяснитесь, полковник...

— Либо господин полковник, либо Лев Иванович, будьте любезны, — перебил Гуров, стремясь подчеркнуть, что никаких приятельских отношений между ними нет.

— Вы пришли в дом, — Капитан дернул подбородком, — нача-

ли искать преступника, а теперь заявили — извините, обозначился? И привет? Вы уедете, а мы останемся друг на дружку глядеть. А убийца так и будет разгуливать?

— Час назад зарезали уловника, — ответил Гуров. — Я убийцу не установил, но понял, что он из уголовного мира. У убийцы хозяин неподалеку осел, он имел неосторожность говорить по междугороднему телефону с Москвой. Сегодня же, думаю, к вечеру, мы номер и адрес узнаем, хозяина возьмем, он своего исполнителя нам с потрохами и отдаст. — Сыщик словно загнулся. — Ну, тут дела чисто оперативные, цирк к ним отношения не имеет. Вы артисты...

— И наше место в буфете, — сорвался Сильвер.

Капитан вновь шлепнул ладонью по столу. Хотел на Сильвера прикрикнуть, но присутствующие засмеялись, начали вставать, разговаривать. Сильвер под шумок захромал к двери и тихо выскользнул из кабинета.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На финишной прямой

(продолжение)

— Михаил Семенович, вы должны понять... я одинока, мне страшно. — Женский голос звучал напряженно. Затем, после паузы, раздались всхлипывание, мягкий щелчок. Пленка кончилась.

46

Гуров сидел в «Жигулях», портсигар-магнитофон лежал на приборном щитке.

Запись эту сыщик обнаружил утром, когда сидел в засаде у Аннушки. Вступив в борьбу с местной мафией, он напрочь забыл о портсигаре и о пудренице, которую Юдин подарил очаровательной Ольге Дмитриевне. Сыщик вынул портсигар из кармана машинально, включил, хотел вновь прослушать разговор Ольги с мужем, а услышал эту фразу. Сыщик прослушивал ее вновь и вновь и не мог понять, Ольгин это голос или нет. Пудреница, подаренная Ольге, могла перекочевать в сумку другой женщины. Запись была очень слабая, забивалась шумами, значит, с расстояния, близкого к критическому.

Мигнул красным глазом и запищал лежанший на соседнем сиденье передатчик. Я кое-что угадал, самодовольно подумал сыщик и повернул ключ зажигания. Убийца поверил и двинулся на встречу с хозяином.

Машины были у двух работников цирка, и к обоим сыщик прикрепил «клопы».

И вот одна из машин с «клопом» двинулась. Сыщик пристроился на расстоянии в три километра. Миновали центр, проскочили окраины и наконец выехали на шоссе. Все, как и предполагалось...

Когда цирк загремел оркестром и двинулся восвояси, Стаднюк понял, что Гуров и Клык отбыли в фуре. Он не испугался, а дал отбой милиции, парням Крещеного сказал, что они могут расхо-

даться, и отправился в Управление на ковер.

Выслушав доклад подчиненного, генерал начал закипать, но опытный опер опередил взрыв:

— А чего нам волноваться, товарищ генерал? Вам по телефону дали согласие, следовательно, мы как бы передали эстафетную палочку и полковник уже не наша головная боль.

— А чья? — тоном ниже спросил генерал. — В случае провала...

— Простите, Илья Николаевич, такого быть не может, — перебил Стаднюк. — Если они сказали «да», значит, уверены.

— Сейчас уверены, потом передумают.

— Они люди солидные.

— Солидные. — Генерал вышел из-за стола, начал расхаживать по кабинету. — Не понимаю, ты, опытный опер, имеешь людей, власть и ничего не можешь, а они... — генерал хлопнул по телефону, — могут.

— У них деньги, — вздохнул Стаднюк. — Они за информацию могут заплатить столько, сколько мы с вами, товарищ генерал, получаем за год. Город небольшой, прослушивается полностью, людям нужны деньги. Да что объяснять, я своей шкурой дорожу не меньше вашего, успокойтесь. Через час-другой вам сообщат, что вопрос улажен, а мне передадут документы и оружие.

— Так кто городом правит? Когда у власти стояли мы...

Стаднюк подошел к полке и спросил:

— Вам чего, Илья Николаевич? — Не глядя на опешившего генерала, оперативник плеснул в два бокала коньяку и продолжил: — При большевиках правили деньги, и сегодня они командуют.

— А при Сталине? — выдохнул генерал.

— Я не историк. — Стаднюк выпил. — В Кремле, конечно, правили Сталин и Берия, а в России — все те же деньги.

После разговора с начальством генерал Орлов прибежал в свой кабинет, на ходу бросив секретарше, что «его нет», «он болен», возможно, «его уже хоронят». Он заметил на столе лист бумаги, на котором рукой секретарши было написано: «Связь в городе через Алексея Ивановича Колесникова».

Мягко заурчал аппарат прямой связи. Орлов крутанул головой, сказал:

— Мне уже без разницы, господин министр, — и трубку не снял.

Наверное, этот Бабурин, поганец, не постыдился явиться к министру. Ничего, меня выгонят, но и тебя терпеть не станут. Рассуждения Орлова прервала секретарша. Поставив перед ним чашку кофе, она спросила:

— А если позвонят от министра?

— Верочка, радость моя, покойники не беседуют даже с президентами.

— Я ни с кем, кроме вас, работать не буду. — Верочка хлопнула носом. — Значит, мне работу искать?

— Отстань, хитровка! Я двуличный, меня реанимируют.

В это же время в своем номере выясняли отношения супруги Соснины. Муж крутил в руках зажигалку, которую Ольга передала Гурову.

— Как тебя понять, дорогая? — Сергей старался говорить спокойно, не повышая голоса. — Каким образом к тебе попала зажигалка, хотя сосед уже вторые сутки отсутствует?

— Элементарно. — Ольга пыталась держаться уверенно и надменно, но за истекшие сутки явно сдала. Под глазами проступили круги, а к вискам пролегли морщинки. — Слышу, соседнюю дверь открывают, выглянула и увидела уборщицу. Я и зашла в номер, спросила, куда сосед пропал. А на тумбочке у кровати моя зажигалка лежит. Будут еще вопросы?

— Будут. — Сергей снял с зажигалки верхнюю крышку, раздался щелчок, затем звук крутящегося телефонного диска, пауза и голос Гурова:

— Борис Андреевич, извини, забыл спросить, каким бизнесом занимается мой сосед? — Пауза. — Спасибо. А красавица жена участвует? Точно? То-то чувствую, мадам не на отдыхе, занимается каким-то делом. Девушка очень озабочена, нервничает... У меня ощущение, что Ольга Дмитриевна собралась в тюрьму. Пока!

— Ну и что ты хочешь сказать? — Ольга попыталась возмутиться, но не получилось. Голос прозвучал жалобно, даже просительно.

— Я не говорю, я слушаю, — ответил Сергей.

— А мне нечего тебе сказать! Он мент, и мозги у него настроены на одну волну! А мне, дуре, почудилось...

— Ольга! — перебил Сергей, подошел, обнял жену за плечи. — Оленька, женщина хочет нравиться, кружить головы мужикам. Я все понимаю. — Он говорил мягко, искренне. — Я верю, ты ни во что серьезное не вмажешься, однако...

— Не бойсь, — Ольга отстранилась, глянула зло, — полковнику сейчас не до нас...

Машина, которую преследовал сыщик, остановилась. Судя по показанию прибора слежения, находилась она на расстоянии восьмисот пятидесяти метров. Уже давно стемнело, и на таком расстоянии рассмотреть что-нибудь было невозможно. Сыщик изучал карту, на этом километре шоссе никаких строений не отмечалось. Конечно, другая машина могла подойти с противоположной стороны, и встреча прошла прямо на шоссе. Но сыщик чувствовал, что убийца просто остановился, чтобы проверить обстановку. То, что он сел на хвост убийце, уже не было сомнений. Любым случайностям и совпадениям тоже есть предел.

Машина тронулась. Быстро набирая скорость, начала уходить. «Жигули» сыщика были мощнее и легко удерживали дистанцию. Сейчас он свернет на проселок, понял сыщик, и там через пару километров — госдачи. У этого «деятели» охраны быть не должно. Я окажусь против двоих, безусловно, вооруженных, хорошо подготовленных. На моей стороне преимущество внезапного нападения. В доме возможна сигнализация, так что тихо не войти.

Впереди сверкнули фары, послышался удар. Гуров включил

дальний свет, увидел съехавшую в кювет машину «Скорой», остановился в нескольких метрах и выскочил на шоссе.

— Помощь не нужна? — спросил он, подбегая к санитару.

Сильные руки схватили сыщика за голову, залепили лицо мокрой маской. Он качнулся и невольно глубоко вздохнул. Голова закружилась, тело обмякло.

Бунич сидел за письменным столом, раскладывал пасьянс, изредка поглядывая на сидевшего напротив секретаря. Наконец пасьянс сложился, Бунич довольно оглядел карточные ряды, как полководец свои войска.

— Так где же сейчас близнецы и знаменитый полковник? — Бунич откинулся в кресле.

Секретарь не ответил, поняв, что вопрос риторический.

— Чую я запах наркотиков. А знаешь, почему? Наш гость Трунин несколько раз разговаривал с Москвой. Одного абонента удалось засечь, оказалось, что это старый пират Роговой Константин Васильевич. Скверный человек, плохо кончит. Его зарежут либо блатные мальчишки, либо власти определяют в «Матросскую Тишину».

Секретарь слушал внимательно, хотя вся информация шла к шефу именно через него.

— Вот ты меня осуждал, что я разрешил Трунину занять обкомовскую виллу...

Секретарь изобразил на лице недоумение.

— Осуждал, знаю. — Бунич смешал карты, начал тасовать. — Конечно, этот пройдоха, даже с хорошими рекомендациями, нам не нужен. Но если бы я его не принял, не знал бы о причастности к городу Рогового, не понял бы и зачем ворвался в наш мирный быт полковник Гуров.

— Напрасно вы связались с генералом, — неожиданно сказал секретарь.

Бунич отложил колоду, взглянул на секретаря, прищурился.

Выслушивать замечания от секретаря было неприятно, но он сдержался, понимая, что самая грубая ошибка руководителя — это нежелание иметь рядом с собой умных подчиненных.

— Вот наглец! Думаешь, я сам не знаю? Однако! — Бунич достал из кармана бумажник, вынул пятьдесят долларов и положил на стол.

— Спасибо. — Секретарь взял купюру.

Послышался шум подъезжающих автомобилей. Секретарь отдернул занавеску, всмотрелся в темноту и сказал:

— «Рафик» и «Жигули». Значит, все прошло успешно.

Бунич не ответил, он раскладывал пасьянс.

Гуров очнулся от удара по лицу. Вторая пощечина окончательно вернула его к реальности. Он открыл глаза, и тут же ему сунули пузырек с нашатырем. Глубоко вздохнув, Гуров с удивлением отметил, что руки свободны. Оглядел салон «Рафика». Сидевший рядом санитар молча указал на дверь. Выпрыгнув из машины, сыщик на ходу проверил карманы. Пистолет забрали, а документы не тронули. Странно. Он увидел свои «Жигули».

небольшой дачный дом. Взглянул на часы. Девять. Значит, в отрубе был недолго, однако убийца ушел, и вся операция провалилась. Кроме «санитара», который тоже вышел из машины, никого не было видно. Вырубить парня, сесть в машину... «Санитар» стоял в двух шагах, смотрел в землю. Неожиданно сыщик почувствовал, что ему с этим спокойным парнем не справиться. И смотрит он не в землю, а следит за его ногами. Значит, профессионал. Не уголовник, не оперативник, кто же? Может, попробовать.

— Не надо,— сказал «санитар» и сделал шаг в сторону.

— Не надо, так не надо,— миролюбиво согласился сыщик.

«Санитар» тихо рассмеялся. Распахнулась дверь, и в освещенном проеме появился второй «санитар», точная копия первого.

— Пройдите в дом, господин полковник.— Братец на крыльце шире распахнул дверь.

Сыщик поднялся на крыльцо, прошел маленькую прихожую и очутился в небольшой, скромно обставленной комнате.

— Здравствуйте, Лев Иванович, проходите, садитесь,— сказал Бунич, он смешал пасьянс и разглядывал гостя с явным интересом.— Давно хотел с вами встретиться и поговорить.

Секретарь вкатил столик с кофейником и бутылками. Молча вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Как в кино.— Гуров налил в чашку кофе и сел в кресло.— Манера приглашения у вас несколько странная, но, как известно, у богатых свои привычки. Говорите, не отказывайте себе ни в чем.

— Почему богатый? — Бунич удивился.— Откуда такая осведомленность?

Гуров усмехнулся и пожал плечами. Он давно уже навел справки о городе. Фамилию Бунича назвали первой и подробно описали внешность. Сыщик узнал его сразу.

— Вы, Лев Ильич, серьезный финансист, представитель новой волны. Так какого черта вяжете в уголовщину?

— О-ля-ля! — Бунич вышел из-за стола, тоже налил себе кофе.

— У меня одна просьба.

— Пожалуйста, если в моих силах, буду только рад.

— Не предлагайте мне деньги.

— Я хочу предложить вам не деньги, а бартерную сделку.

— Хорошо.— Сыщик допил кофе, достал из кармана таблетку и положил под язык.— Вы хотите получить документы и оружие местных бандитов. Что предлагаете взамен?

— Одного типа, который обосновался неподалеку. Полагаю, он вас интересуется,— ответил Бунич, скрывая раздражение.

Он давно не разговаривал с человеком, у которого реакция быстрее, чем у него самого.

— Зачем мне что-то отдавать, когда я могу все получить бесплатно?

— Вы переоцениваете свои возможности,— сухо заметил Бунич.

— Случается,— согласился Гуров.— Однако вы не обладаете полной информацией.— Он посмотрел на часы.— Сейчас в горо-

де уже находится человек, который вытряхнет убудка генерала не только из кресла...

— Не находится! — перебил Бунич. — Орлова задержали в Москве.

Гуров рассмеялся, покачал головой.

— Теперь вы переоцениваете возможности коррупции. Но не будем спорить, давайте проверим. Если он прилетел, у нас состоится один разговор, если нет, то другой.

— Куда будете звонить и кто поручится, что вам дадут правдивый ответ?

— Позвоню директору цирка, в остальном... Вы человек умный, решите сами.

— Договорились. — Бунич поставил перед сыщиком телефон, себе подвинул параллельный. — Одно лишнее слово, и я отключаю телефон.

Гуров кивнул, снял трубку. После первого гудка Колесников ответил:

— Слушаю.

— Гуров.

— Они прибыли...

— Хорошо. — Сыщик положил трубку. — Теперь слушайте внимательно, уважаемый господин Бунич. Не пытайтесь реанимировать покойника. Немедленно уезжайте из этого дома. От города до дачи тридцать минут езды, оперативные машины пройдут за двадцать. Вот эти минуты у вас и есть. Наша сделка будет выглядеть так: вы мне отдаете человека, который прячется неподалеку, а я молчу о «санитарах» и вашей роли в происходящем.

— А как они узнают, откуда вы звонили?

Гуров не ответил, взглянул на часы.

— Допустим, я соглашусь. Какие гарантии, что вы будете молчать?

— Мое слово, — ответил сыщик.

— Что ты вытворяешь? — кричал Кирилл Трунин, схватив убийцу за лапкан пиджака. — Конечно, ты сумаспешный. — Он оттолкнул гостя. — Я должен был это понять давно. Хотел убить сыщика, а зарезал уловника!

— Ну, ошибся, с кем не случается? — сказал убийца и ласково улыбнулся. — Все равно красиво получилось. Убрать свидетеля под носом знаменитого сыщика. В этом что-то есть! А?

Трунин смотрел на содельника с недоумением и страхом.

— А Гуров тебя не того... не расколот?

— Да нет, он в другую сторону попер, полагает, что Клыка зарезали сотоварищи. — И убийца начал переставлять бутылки, выбирая, из которой налить. — Он же везде логику ищет: кому мешал, кто заинтересован... Что я существую, конечно, догадывается, хочет ко мне подобраться, но с другого бока.

— С какого еще бока? — нетерпеливо спросил Трунин.

— Через тебя. — Убийца налил водки и, смакуя, выпил.

— Не понял. — Трунин тряхнул головой. — Гуров понятия не имеет, что я вообще существую.

— Это ты так считаешь. А у сыщика свой резон. Ты же сам говорил, что он умница.— Он вновь налил.

— Не напивайся!

— Понимаю,— вздохнул убийца, но выпил.

— Подожди, давай спокойно, с самого начала.— Трунин переставил стул, сел напротив содельника.— Почему через меня, как тебе это стало известно?

— Полковник сам заявил, прилюдно.— Убийца ласково взглянул на Трунина.— Промашка вышла, Кирюша. Ты с Москвой разговаривал? Сыщик тебя высчитал и скоро сюда прибудет.

— Не я звонил, сюда звонили. Такой звонок здесь засечь нельзя.— Трунин напрягся.

— В этом я не специалист. Сыщик сказал, что организатор всех безобразий живет за городом, разговаривал с Москвой, мы этот звонок засекли, сегодня товарища, то есть тебя, Кирюша, возьмем, а он, отмываясь, нам убийцу и отдаст. Стало быть, ты меня отдашь? Скажи?

— Ты что? Ты понимаешь? — Трунин вскочил.

— Кайф ловлю, глядя на тебя, умника,— убийца улыбнулся.

Трунин выхватил пистолет, передернул затвор. Убийца вытянул руку, тыкая в Трунина пальцем, расхохотался.

— Умора! — Он вытер выступившие слезы.— Не мешай! Такой кайф, может, раз в жизни случается! Сядь, я сейчас еще вышью и поедем.

— Извини.— Трунин вытер лоб, опустил пистолет.— Ну и нервы у тебя!

— В нашем деле нервы надо в порядке содержать,— согласился убийца.— Иначе пропадешь. Собирай вещи.— Он откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Один из охранников вскочил в «Рафик» и укатил в темноту, второй вернул Гурову пистолет и с флегматичным видом присел на крыльце.

— У вас дисциплина,— сказал Гуров.

— У меня деньги,— ответил Бунич, кивнув секретарю на стоявшую поодаль «Волгу».— Не торжествуйте, Лев Иванович. Это не ваша победа, а мое поражение, моя грубая ошибка.

— Что делать, я столько раз ошибался, даже перестал надеяться, что поумнею.

Но Бунич не желал сдаваться:

— Вы полагаете, я испугался? И вправду поверил, что через тридцать минут сюда придут оперативники?

— А напрасно не поверили.— Гуров понял, что убийцу он упустил и торопиться теперь некуда.

— Я хочу честно жить и работать. Платить налоги. Хочу построить дом инвалидов. Хочу помогать людям. Думаете, мне дают возможность? Как же! — Бунич зло рассмеялся.— Указы! Постановления! Ничего не работает! Я хотел посадить генерала на цепь. Пусть охраняет. На меня затмение нашло! Какой он, к черту, сторожевой пес. Просто шелудивая шавка, шастает по дворам и хватает куски.

— Вы пообещали меня убрать?

— Да. Только он подразумевал вашу смерть, а я — тихий отъезд. Москва генерала не поддержит, дни его сочтены. А такая собака мне даром не нужна. И этот, что затаился, тоже не нужен. — Он помолчал и неожиданно добавил: — Если почистите город, я вам памятник поставлю.

— Памятник рано, — возразил Гуров. — Кто он такой, ваш сосед?

— Понятия не имею, никогда не видел. Позвонил партнер из Москвы, попросил пустить человека. Я несколько дач купил за бесценок, мне не жалко. Еще партнер предупредил, чтобы я с ним не встречался и никакой связи не поддерживал.

— Если я вашего постояльца сегодня не задержу, вам придется имя своего партнера назвать.

— Но не под протокол?

— Естественно, — согласился Гуров. — Поехали. Скорее всего опоздали, однако взглянуть и на пустую нору любопытно.

Гуров вел «Жигули» следом за «Волгой». Прибор слежения погас, значит, машина убийцы ушла за десятикилометровый диапазон. Сыщик другого и не ожидал. Внезапно «Волга» остановилась. Подбежал охранник. Указав на двухэтажную виллу, бесшумно исчез. Надо этими близнецами заняться, где-то они серьезную подготовку прошли, подумал сыщик, выходя из машины. Он переложил пистолет в боковой карман, хотя был уверен, что оружие уже не понадобится, и направился к темнеющему за деревьями зданию. Дорожка, покрытая гравием, поскрипывала, и сыщик сошел на газон. Такие предосторожности он принял просто так, по привычке. Подойдя к вилле, Гуров остановился. Два окна были освещены. Не влететь бы в засаду. Гуров внимательно огляделся, заметил следы протекторов, с сомнением посмотрел на дверь. Придется входить, хотя интуиция подсказывала, что этого делать не следует. Может, обойти здание, выставить стекло и проникнуть с обратной стороны? Если его ждут, то там, в темноте, прихлопнут быстрее, чем здесь. А если там никого нет?

Гуров решительно поднялся по ступенькам и, прислонившись спиной к стене, резко ударил ногой по двери. Она распахнулась. Из дома прогремел выстрел. Сыщик удивился, что поймались на такой простой номер, не выждали, пока он войдет.

— Будете держать круговую оборону? — громко спросил он. — И много у вас патронов?

Через открытую дверь на крыльцо проникал тусклый свет. Гуров прислушался. Тихо. Преступник, конечно, в доме, ведь не соорудил же он допотопный самострел, откроешь дверь, оно и стрельнет?

Снова раздался выстрел, затем второй, третий, всего Гуров насчитал шесть. Неожиданно наступила тишина.

Что-то здесь не так. Это не ловушка, уговаривал себя сыщик, но входить в светлый проем двери не хотелось. И все-таки он вошел. Осторожно заглянул в комнату. На полу лежал человек, около его руки валялся пистолет. Убедившись, что опасности нет, Гуров медленно вошел. Отшвырнув ногой пистолет, он присел

и заглянул незнакомцу в лицо. Тот был еще жив, на его губах пузырилась кровь.

Кирилл Владимирович Трунин умирал. На этот раз убийца промахнулся. Клинок не пронзил сердце, а прошел рядом, пробил легкое.

Сыщик взглянул на рану. Две такие он уже видел, на груди Фрищенко и Клыка, Иван Иванович был убит ударом под лопатку. Носовым платком Гуров вытер Трунину губы. Почему он решил, что убийца будет предупреждать, спасти своего шефа?

— У вас пробито легкое, дышите спокойнее, — сказал Гуров, взял с кресла подушку и подложил ее Трунину под затылок. — Держитесь, сейчас я вызову врача.

Трунин боли почти не чувствовал, лишь жгло в груди, да кровь скапливалась во рту. Вот он, великий сыщик Гуров. Гуманист. Защитник убогих и сирых. Плевать ему на Трунина, он хочет выведать имя убийцы. Трунин не знал, кого больше ненавидит — убийцу Ленечку или сыщика. Сумел бы, убил обоих. Как же он проморгал? Ведь давно понял, что Ленечке верить нельзя. Почему не выстрелил? Без Ленечки он не смог бы взять героин, а тот не сумел бы его реализовать... Трунин сказал об этом. Ленечка хихикнул и согласился. Они должны были схватиться только при дележке денег. Это было так очевидно, что Кирилл Владимирович потерял бдительность.

Сумасшедший убийца Ленечка... как его теперешняя фамилия? Что-то очень русское, расхожее...

Сыщик разговаривал по телефону. Торопитесь! Хочет спасти! Подстрелить бы его...

Гуров позвонил в цирк, сообщил, где находится, попросил срочно прислать «Скорую». Затем соединился с неотложкой, описал симптомы, спросил, что делать, чем можно помочь. Равнодушный голос ответил, что справок по телефону не дают, а в принципе надо меньше пить.

Лицо Трунина покрылось потом. Гуров смочил полотенце и осторожно приложил его ко лбу Трунина. Сел рядом на пол и мягко, доброжелательно заговорил:

— Надо выкарабкаться. Вы человек молодой, сильный, захотите жить — справитесь. Врач скоро будет. Я пытаюсь вам помочь. Мне не нужно имя убийцы. Я задержу его без вашей помощи.

Сестры милосердия из меня не получится, подумал сыщик, глядя на бледный профиль с пульсирующей жилкой на виске.

Трунин вздохнул, в горле у него забулькало. На губах вздулся розовый пузырь, а жилка на виске замерла.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Оплата счетов

В генеральском мундире Орлов выглядел стройнее и даже выше. Он разгуливал по гостиной «люкса», который оставил уехавший Юдин, и разглядывал все с мальчишеским любопытством. Зажигал и гасил торшеры, щупал шелковые портьеры, провел ладонью по кожаному креслу.

Гуров наблюдал за другом с улыбкой. Так смотрит старший брат на младшего, который прибыл из деревни в столицу.

— Веди себя прилично, на тебе генеральский мундир, — не выдержал Гуров.

Орлов опустился в кресло и задумчиво произнес:

— Тебя, значит, не убили.

— Ну, извини. — Гуров развел руками.

— М-да. — Орлов достал белоснежный платок, которым его снабдила заботливая жена, вытер лицо. — Дай попить...

— Попить или выпить? — Гуров открыл холодильник.

— И то, и другое. Сколько же стоит такой номер? Ты что, начал взятки брать?

— В определенном смысле, — согласился Гуров, выставляя на стол бутылки, стаканы, ведро со льдом.

Они выпили, не чокаясь, молча. Сыщик закурил, а генерал потер нос и тяжело вздохнул.

Победа оказалась такой быстрой и легкой, что друзья, готовившиеся к тяжелой схватке, растерялись. Они ходили на военачальников, которые ворвались в город, где их встретили не орудийными залпами, а почетным караулом и приветственным маршем.

В городской прокуратуре Гуров сдал оружие и документы, отобранные у местных оперативников, приложил к ним список лиц, которых требовалось допросить. Оказалось, что прокурор уже обо всем осведомлен, сообщил, что генерал, к сожалению, исчез, есть сведения, что отбыл в Москву. Заместитель начальника УВД, человек высоконравственный, уже начал служебное расследование. При задержании подозреваемых было оказано вооруженное сопротивление, и три человека погибли. Сообщив об этом, прокурор посмотрел на лежавшие на столе офицерские удостоверения, которых тоже было три, и слащаво улыбнулся. Полковника Гурова завтра допросят, прокурор рад познакомиться с генералом Орловым, для города такой гость большая честь. Но, право, не стоило беспокоиться. Полковнику следовало сразу обратиться в прокуратуру, и закон уже давно бы восторжествовал.

Гурову захотелось задать несколько вопросов. Например, где находился высоконравственный замнач последние трое суток? Или как прокурор представлял визит к нему человека, на которого ведется облава всеми силами УВД? Дошел бы он до дверей прокуратуры?

У сыщика были и другие вопросы, но он взглянул в строгое, даже суровое лицо своего начальника и друга и от вопросов воздержался. Генерал же сказал, что не сомневался в объективности и профессиональном мастерстве городских правоохранительных органов. А прибыл сюда, как и полковник Гуров, по другому вопросу. Зашел лишь с визитом вежливости.

Теперь они сидели в номере. Часы показывали начало первого, давно пора было ложиться спать, но друзья понимали, что если не выговорятся, то не заснут.

— Не тяни, скажи, как в Москве? — спросил Гуров.

— Что конкретно тебя интересует? — Орлов поднялся, снял мундир. — Кремль? Мавзолей?

— Петр, не валяй дурака! — рассердился сыщик. — Под каким предлогом тебе удалось вылететь?

Орлов усмехнулся:

— Разговор был неинтересный. Теперь или я, или мой начальник должны из министерства уйти. Расскажи лучше ты, но коротко и подробно.

Гуров молча протянул свой рапорт, в котором в хронологической последовательности изложил события двух последних суток. Орлов просмотрел рапорт, отложил и вздохнул.

— Горбатого могила исправит. Ты в одиночку у мафии города войну выиграл, а в рапорте «захватил», «уехал», «вошел», «вышел».

— Я не писатель, — ответил сыщик. — И ничего мы с тобой не выиграли. Тутушный генерал в Москве отмоется, основных свидетелей, которые могли его изобличить, убили. Прокурора ты видел. Как было, так все и останется. Попритихнут на месячишко — не более того.

— Так уж и ничего? — обиделся Орлов. — Ты живой и здоровый. Этого мало? Да и люди в городе увидели, что при всем беспределе нормальные менты не перевелись. Тоже мало? Не прибедняйся. Мы еще «ловим мышей». Теперь обрисуй ситуацию с медведями и наркотиками, а заодно и кого на обкомовской даче резали?

Сыщик рассказал о своих предположениях и закончил довольно пессимистично:

— Убийцу я установлю, но с доказательствами тяжело. Если не безнадежно. Ты, конечно, завтра с приятелем своей боевой молодости поговоришь, дожмешь его, а толку? Ну сдаст он мелкую сошку. Прямой связи с боссом у него нет. Уверен!

Орлов выбрался из низкого кресла, потянулся:

— Давай спать, утро вечера мудренее.

Утром в гостиницу прибыл «высоко нравственный» заместитель исчезнувшего генерала. Полковник благоухал французским одеколоном, перед Орловым стоял по стойке смирно, что в милиции в принципе не принято, смотрел на генерала подобострастно, а на Гурова грустно, даже с укоризной.

— Крайне неприятная история, товарищ генерал. Убежден, что мой шеф все объяснит министру. Я, со своей стороны, ознакомлю вас с ситуацией на месте. — Полковник смотрел не в лицо Орлова, а на генеральские лампасы.

— Ситуация хреновая. Как же это вы, скопом, одного убить не сумели? — Орлов кивнул на Гурова.

— Клевета! Оговор! Я обращусь... — Лицо полковника запылало.

Гуров не выдержал и расхохотался. Громко и искренне, как не смеялся много лет.

— Обратитесь, полковник, в «Матросскую Тишину». Надеюсь, вам выделят там кабинет! — Гуров платком вытер слезы.

Орлов отошел к окну, подчеркивая, что к происходящему отношения не имеет.

— Но доказательства? — Лицо полковника из пунцового стало бледным. — Существует презумпция невиновности! Категориче-

ски утверждаю, что лично я не имел никакого отношения к происшедшим событиям. Все узнал лишь вчера и приказал виновных задержать.

— Кого именно и за что? — ласково спросил Гуров, понимая, что полковник глуп и, если его прищучить, он закопает своего шефа по самую маковку.

Понял это и Орлов. Он напрягся, ожидая продолжения. Доказательств, что Гурова пытались ликвидировать, после смерти троих милиционеров действительно не было. И если этот болван сейчас запутается и «поплывет», тогда начнут «колоться» и подчиненные.

— Как кого? — Полковник растерялся. — Виновных, конечно. Гуров занялся гостем основательно.

— Отдавая приказ, вы назвали фамилии. Как же вы их узнали?

— Да они же рапорта написали. — Полковник пожал плечами. — Утеря личного оружия и служебных удостоверений.

Орлов не знал, радоваться или грустить. Лева, конечно, умелец, может из топора суп сварить, но полковник-то, оказывается, клинический идиот.

— Написали? Рапорта? — Гуров развеселился, начал расхаживать по номеру. — Тогда полный порядок! Рапорта вы генералу Орлову, пожалуйста, уж предъявите... Полковник, лапушка вы моя, то-то я полюбил вас с первого взгляда... Товарищ генерал, разрешите подбросить полковнику еще несколько вопросов?

— Валяй. — Орлов направился к лестнице, ведущей на второй этаж. — Дай бумагу, пусть пишет, а я должен в Москву позвонить.

Не понимая, что происходит, полковник потел, крутил головой. Проводив генеральские лампы растерянным взглядом, он повернулся к Гурову:

— Какую бумагу? Что писать?

— Это позже. Слушайте внимательно, попытайтесь понять.

— Не дурак.

— Ну, конечно. Господи, Боже мой, вы умница. А теперь соображайте быстро. Ведь ваша шкура не дешевле шкуры сбежавшего шефа.

Гуров прошелся по номеру.

— Пока из ваших слов в действиях оперативников уголовного преступления не усматривается. — Гуров взглянул на полковника с сожалением. — Вы не понимаете, что несете чушь и, пытаетесь прикрыть беглеца, лезете в петлю? Ваш генерал приказал застрелить неудобных свидетелей. Не лезьте в чужое дерьмо. Иначе вы становитесь прямым соучастником тягчайших преступлений. В ваших показаниях нет ни капли логики.

— Уже показания? — Полковник попытался улыбнуться.

— По той ерунде, что городите, можете оказаться в прокуратуре и давать показания. Или вы полагаете, ваш слащавый прокурор — последний прокурор в России? Почему по оперативникам открыли огонь на поражение? Как могло получиться, что три опытных, вооруженных опера не ухлопали никого из нападавших? Вы их перестреляли как домашних уток. Почему? Отвечу.

Потому что и задерживать не собирались. Я видел капитана Стаднюка. Покойник один уложил бы двоих как минимум. Генерал Орлов наверняка захочет побеседовать с людьми, которые проводили задержание и перестреляли своих коллег.

Сыщик вынул из бюро стопку бумаги и положил ее перед полковником.

— Что писать? — Полковник дрожащими пальцами мямл листки.

— Правду. Одну только правду. — И Гуров направился в кабинет к генералу Орлову.

Орлов с «высоко нравственным» полковником уехали в прокуратуру. Сыщик собрался наведаться в цирк. Когда он подошел к «Жигулям», услышал женский голос:

— Лев Иванович, подождите!

Сыщик с недоумением посмотрел на женщину и удивился, какое на него затмение нашло, что он чуть не влюбился в нее.

— Здравствуйте. — Ольга протянула руку. — Что у вас с лицом?

Гуров непроизвольно провел ладонью по лицу.

— Нет, вы не испачкались. — Ольга постаралась улыбнуться. — Такое выражение бывает у памятников. Да вы вроде не узнаете меня? Не носили на руках, не целовали?

— Почему вы не уехали? Я же предупредил вас...

— Вы меня предупредили? В первый раз слышу. Что с вами, полковник?

— Со мной ничего, я в порядке. Извините, спешу. — И сел в машину.

То, что зажигалка была магнитофоном, сыщик понял с первого взгляда, а взял ее у Ольги на всякий случай. Вдруг бы потребовалось протолкнуть супругам какую-нибудь дезинформацию. Не поняв, какую роль в происходящем исполняет Ольга, он пожалел женщину и наговорил в магнитофон несколько предупреждающих фраз. Если же ты совета не поняла, я больше ничего не могу сделать для тебя, милочка, подумал сыщик, выезжая со стоянки.

Гуров приехал в цирк и сразу прошел в зал. Усевшись в верхнем ряду, смотрел на репетирующих актеров, но ничего не видел перед собой. Он думал.

Убийца. Наркотики. Главный руководитель скорее всего старый знакомый Константин Васильевич Роговой. На даче убит Кирилл Владимирович Трунин. Данные в Москву переданы, проверяются, но через покойника на Рогового выйти не удастся. Дорога к нему только через наркотик, когда Патрон захочет его получить. Но не стоит так далеко заглядывать. Сейчас следует решить другие вопросы. Связная, видимо, Ольга. Когда заговорит Рогожин, тогда установим точно, тут нет проблем. Теперь убийца. След протектора, оставленный у дачи, характерный. Слепок сделан, но он доказывает лишь факт, что машина в данном месте была. Владелец машины заявит, что он никуда не ездил. А так как его машина стоит у дома, то любой мог воспользоваться. Значит, остается одно — заставить убийцу броситься с ножом на человека. И в этот момент прихватить его.

Сыщик знал, что, кроме Льва Ивановича Гурова, никого подставить под нож не имел права. А он с такой симпатией и любовью относился к себе. Да если я каждому маньяку, вину которого не могу доказать, начну себя подставлять, сколько мне жизней нужно иметь?

Убийца сильно двинулся по фазе, это сомнений не вызывало. Сыщик достаточно перевидал на своем веку. И нормальных людей, и психов, совершавших убийства, порой совершенно немотивированные. Много лет назад, когда Гуров только начал работать в МУРе, он помогал следователю прокуратуры закреплять доказательства по одному делу. Инженер-строитель — человек непьющий, тихий, ни в быту, ни на работе о нем плохого слова не сказали — застрелил приятеля. Они коллекционировали магнитофонные записи, обменивались пленками. Однажды приятель раздобыл редкую запись, а переписать не дал. Тогда «тихий» инженер пришел к приятелю домой и выстрелил хозяину в глаз из самодельного пистолета. Молодой сыщик десятки раз повторял один и тот же вопрос: «Так за что вы убили человека?» И десятки раз спокойно и рассудительно инженер отвечал: «Он же не дал мне переписать пленку». Врачи признали инженера абсолютно нормальным.

Сегодняшний убийца, без сомнения, сумасшедший. Маньяк. Ни однорукий парнишка, ни майор Фрищенко опасности для него не представляли. А уж убийство Трунина? Ведь чего проще — приехал, забрал начальника и уехал. Город большой. Не захотел делить добычу? Глупости, там, судя по всему, и на десятерых хватит, да самому и не реализовать. Видно, так Трунин и рассудил, потому не уберется, даже с пистолетом в кармане.

Сыщик сидел в полумраке, смотрел на освещенную арену. Шустрых пуделей сменили гимнасты, которые четко и слаженно устанавливали снаряды. Как заставить убийцу проявить себя? Он меня, конечно, боится. Но зарезать полковника-мента так сладко! Только дай повод, в миг бросится. А нож всегда при нем. Ведь Фрищенко убийца встретил случайно.

По характеру ран оружие колющее и обоюдоострое; возможно, лагерного производства. Лезвие выскакивает из рукоятки, длинной не менее двадцати сантиметров. Солидно. Где держит? В кармане таскать тяжело, а из-за пояса его незаметно не вытащишь. Все должно быть естественно, повторяемо. Так где же? Пиджак, левая пола, там бывает кармашек для зажигалки. Достал зажигалку, прикурил, положил ее на место и... Атаку отбить можно, главное — вызвать ее. При каких условиях убийца, человек легко возбудимый, схватится за нож? Если я скажу, что он оставил на месте преступления улику. И она у меня в кармане, а я сейчас иду в прокуратуру. Вопрос: почему не передал улику приехавшему на место следователю? Ответ: ночью власть в городе принадлежала мафии. Недурственно и достаточно правдоподобно. Теперь, что собой представляет улика? Оброненный на месте преступления предмет? Что можно обронить и не заметить? Пачку сигарет? Убийца не курит. Оставить пальцы на стакане или бутылке? Так он, гаденыш, всю посуду со

стола сложил в раковину, тщательно вымыл, а для верности еще и водой залил. Ручки кресел и дверей вытерты. За что он мог схватиться и забыть? Попробую восстановить действия преступника после убийства.

У него в руке нож, с которого капает кровь. Он проходит в ванную, моет нож и руки, в раковине, где лежит посуда, затыкает сток, полотенцем протирает мебель и дверные ручки, наливает в ведро воды и заливает пол в комнате. Все, можно уходить.

Как убийца выходил на крыльцо? На дверных ручках отпечатков не нашли. Перчатки? Нет. Иначе бы эксперты сказали. Носовой платок? Скорее всего.

Так как же быть с уликой? Стоп. Убийца быстр в момент нападения. В повседневной жизни его движения неторопливы, расчетливы, последовательны. Он человек обстоятельный. Значит, когда он вышел на крыльцо, вполне мог прихлопнуть ладонью дверь. Для верности. В знак того, что дело закончено. Главное, он никогда не вспомнит, прижал он дверь рукой или нет. И если я заявлю, что он оставил на внешней стороне двери отпечатки...

— Ну, сыщик, вперед!

Прибыл в цирк Орлов, сверкнув генеральскими погонами, и исчез за железной дверью медвежьей обители.

Гуров расположился в кабинете Колесникова. Взяв кружку с чаем, с отвращением взглянул на торт.

— Оттого у вас такое пузо, Капитан. Лопаете торты с утра до ночи.

Сильвер скосил хитрый глаз.

— Директор должен обладать весом.— И рассмеялся.

Капитан подписывал какие-то накладные. Дернув подбородком, он сердито сказал:

— Вы, полковник, не знаю, из чего сделаны. Слышал, ночью еще одного порешили, а вам все хрен по деревне. Когда убийцу поймают? Вчера вроде обещали.— И швырнул Сильверу одну из бумаг.— Ты меня придурком считаешь? Перепиши по-людски, воруи, но меру знай!

— Труженика обидеть, что два пальца обмочить.— Сильвер забрал свои бумаги и захромал к двери.

— Ну? — Капитан навалился на стол.— Большой молодец, нашего говеного генерала прихлопнул. Я слышал, он в Москве парится и отмывается. Не вернется?

— Вряд ли.— Гуров взглянул на часы.— Думаю, генерал уже арестован.

— Поймайте убийцу, полковник, и будете стоять в бронзе!

— Ловят бабочек, Капитан. Убийц устанавливают и задерживают.— Сыщик закинул ногу на ногу, улыбнулся.

— Что-то вы больно веселый. Слышал, из Москвы большой генерал прибыл?

— Большой? — Гуров скорчил гримасу.— Росту среднего, мне так.— Он провел ладонью под ухом.— Но вот с такой головой.— И сомкнул руки в кольцо.

— Значит, урод,— сказал Капитан.— Выйдет на пенсию, пусть приезжает, мы ему номер поставим, будет народ веселить.

— Передам.— Сыщик посерьезнел.— У меня к вам просьба.

— Не надо,— быстро ответил Капитан и выставил перед собой ладони.

— Стерпите,— сказал Гуров и изложил свою просьбу.— Сейчас сюда генерал заявится, так вы о нашем разговоре помалкивайте, ему пока ничего знать не следует.

— Это почему, раз у него такая голова...

— В огромной голове огромное количество мыслей помещается, часто лишние,— перебил Гуров.— Договорились?

В дверь постучали, и, не ожидая ответа, в кабинет вошел генерал Орлов. Он обменялся с Колесниковым рукопожатием и заговорил так, будто они знакомы многие годы:

— Алексей Иванович, вы один из отцов города, неформальный лидер. Используйте ситуацию и наведите порядок в милиции. Соберите в мэрии авторитетных, уважаемых людей и помогите кадрам УВД подобрать людей на должности участковых.

— А генерал? — спросил Колесников.

— Вашего генерала его подчиненные и прокуратура продали с потрохами. Он в Москве задержан. Пришлют другого генерала. Но не обольщайтесь: генерал, даже распрекрасный, навести в городе порядок не может, а участковые могут. Я вам позже расскажу, как подобрать нужных парней. А пока забираю своего сыщика, нам надо потолковать.

— Толкуйте здесь, Петр Николаевич,— Колесников вышел из-за стола,— я пойду на конюшню, дела.

Когда он вышел, Орлов повернулся к Гурову, взглянул, словно прицеливаясь, и сказал:

— Чую, у тебя новости. Выкладывай.

— Да ты что? — удивился сыщик.— Это у тебя новости: был в прокуратуре, говорил с Москвой, затем с Рогожиным. А я лишь беседовал сам с собой, да в затылке чесал.

— Лева, ты врать не умеешь, вижу, что-то придумал. Рассказывай.

— Петр, не изображай Вольфа Мессинга. Что Рогожин?

Орлов знал упрямство своего друга. Не хочет говорить, уговаривать бесполезно. Он погримасничал и сказал:

— Как ты и предполагал. Шантаж. Говорила с Михаилом женщина, он убежден, что она к уголовщине не причастна. Угрожают убить медведя. Требуют достать из-под пола посылку, но кому передать, пока не сообщили. Михаил пол вскрыл, вытащил тючок, килограммов двадцать. На ощупь мягкий. Вскрыть я не стал, нужен специалист.

— Что ты решил? — спросил Гуров.

— Решение простое. Боюсь, выполнить его будет сложно. Содержимое посылки надо вытряхнуть и изготовить «куклу». Вложить в нее граммов сто наркотика, затем проследить путь следования. Получателя задержать.

— Константин Васильевич Роговой,— сказал Гуров.

— Заклинило тебя на этом толстяке. Дело не в получателе, а в исполнителях транспортировки. Если это героин, то стои-

мость около двадцати миллионов долларов. Следовательно, исполнители будут высококлассные. А у нас кто? Вот бы сюда опергруппу МУРа, того же Станислава Крячко с ребятами.

— Можно позвонить. — Гуров взглянул на часы. — Сейчас пятнадцать, на вечерний рейс не успеют. Наркотик заберут или этой ночью, или завтра поутру.

— Значит, ты, да я, да мы с тобой, — усмехнулся Орлов. — Признаться, из меня помощничек хреновый.

— Не прибедняйся.

— Нужна засада. А генералы, известно, говорить-руководить горазды, а сидеть-терпеть, бежать-драться... — Орлов вздохнул. — Был конь, да изъездился.

— Бежать и драться — операцию провалить. А наблюдать я людей найду.

— Местных ментов брать нельзя. Там чистых и нечистых — пятьдесят на пятьдесят. Не угадаешь. Хоть один мерзавец попадет — провал.

— Нам Колесников своих ребят даст, — ответил Гуров. — Парни ловкие, сильные, выносливые.

— Зачем артистам ввязываться?

— Уже ввязались. К тому же сегодня мне еще больше задолжают. А люди они гордые, самолюбивые, долги всегда отдают.

— Ты сумеешь задержать убийцу?

— Нет, убийцей займемся завтра, — ответил Гуров. И честно посмотрел другу в глаза, тем самым опровергая мнение генерала, что сыщик Гуров врать не умеет. — Ты возвращайся в прокуратуру, а я займусь подготовкой группы наблюдения. Инструктажем. Встречаемся в гостинице часиков в десять-одиннадцать.

— Ты никаких глупостей не задумал?

— Обижаешь, генерал, мне уже пятый десяток.

Орлов взглянул на друга с сомнением. Пробурчав невнятно «известный авантюрист», он ушел.

Сыщик с довольным видом уселся в кресле Капитана, выгнул из нижнего ящика стола хлеб и колбасу, начал сооружать бутерброд.

Первым явился Сильвер. Заявив, что нынче колбасу едят только начальники, достал из кармана краюшку ржаного хлеба с салом. Затем пришел Классик. От него слегка попахивало, но он был, как сам выразился, «трезв до неприличия». Потом дверь не закрывалась. Прибыл администратор Жуков в сопровождении неизменной Матильды. Практически все, кто был накануне, когда сыщик заявил, что готовится арест убийцы и его руководителя. Последним вошел хозяин, принес огромную коробку с тортом. Гуров вышел из-за стола, но Колесников остановил его.

— Сидите уж, как-никак вы полковник, а я только Капитан. Сидите и рассказывайте, кого вы вчера схватили и как наша доблестная милиция в очередной раз лопухнулась.

— Рассказывать нечего...

— Не положено, — изрек Сильвер.

— Совершенно секретно, — добавил Классик.

— Вы что же, мою колбасу кушаете? — сказал Колесников. — Безобразие!

— Так мы вам со всей прямою и объявляем! — заявил Сильвер.

Колесников собрал людей и направил разговор по просьбе сыщика. Он, следуя наставлениям полковника, объявил сегодня выходной. Вечернее представление перенес на утро воскресенья, приписав в афише, что желающие могут билеты сдать, а пришедшие дети получают гостинцы.

— Ну, чего-то нельзя сказать, а чего-то и можно, — сказал кто-то из гимнастов.

— Я опоздал. — Гуров развел руками. — Когда приехал, хозяин был уже...

— Мертвец! — перебил Сильвер.

— Живой, даже разговаривал, но до приезда «Скорой» не дотянул.

— Если говорил, то имя убийцы назвал, — убежденно произнес Капитан.

— Назвал, — неохотно ответил сыщик. — Только не имя, а кличку.

— Значит, «махровый»!

— Сильвер, Классик, Капитан, — улыбнулся Гуров. — Вы все «махровые»?

— Я точно «махровый», только пьяница, — сказал Классик. — А какая кличка? Может, мы знаем?

— Возможно. Но этот вопрос вам зададут в прокуратуре.

Колесников начал активно наступать:

— А следы? Как ни читаешь о доблестных сыщиках, они всегда что-нибудь да найдут. И преступнику конец.

— Бумага все стерпит. — Гуров оглядел собравшихся, мазнул взглядом по предполагаемому убийце. — Нашли след машины у крыльца. Одна покрывка с дефектом, эксперты сняли слепок. Мы машину, конечно, найдем, но хозяин заявит, что был дома и не знает, кто и куда ночью на его машине ездил.

— А отпечатки пальцев? — гнул свое Колесников.

— Преступник не сопливый пацан, а опытный, профессиональный убийца, — ответил Гуров. — Он все вымыл, протер, даже ручки дверей не забыл. Но нашел я-таки один пальчик. — Сыщик достал из нагрудного кармана квадратик пленки, взглянул на свет. — Только чей он?

Присутствующие слушали затаив дыхание. Высказался, конечно, Сильвер:

— Вы же его смажете!

— Пленка двойная, отпечаток на внутренней стороне. Вот если этот пальчик совпадет с отпечатками владельца машины, тогда петля. — Гуров убрал пленку и погладил нагрудный карман.

— Как же он все вымыл, а отпечаток оставил? — спросил Колесников.

— Как говорится, на всякого мудреца... — улыбнулся Гуров. — Убийца на крыльцо вышел, дверь ногой закрыл и, расслабив-

шись, рефлекторно рукой прихлопнул. Это я так предполагаю, может, все иначе было, жизнь покажет.

— Странно, Лев Иванович, у вас одна-единственная улика, а вы ее в кармане таскаете? — спросил Колесников и продолжал: — Ведь там следователь прокуратуры присутствовал, чего вы ему пленочку не передали?

Вопросы эти подготовил сыщик, боялся, что их задаст себе убийца и не найдет ответа.

— Потому! — Он изобразил смущение. — Отдашь кому попадо, пленку подменят, и с концами. Вот сейчас из Москвы прибыли, местные власти показания дают, кто не сильно увяз, перекрестился. Я сейчас в прокуратуру, — Гуров взглянул на часы, — там в присутствии генерала оформим, копию сделаем.

Сыщик словно опомнился, что слишком много болтает, и резко сменил тон:

— Все, пресс-конференция окончена, доживем до завтра. Алексей Иванович, у меня колесо спустило, а запаски нет. Пешком пойду, скажи, как побыстрее добраться.

— Не Москва, у нас все недалеко. — Колесников взял лист бумаги, начал чертить и объяснять.

Артисты расходились, заговорив о своих профессиональных делах. Лишь Сильвер пытался поправить Капитана, давал советы и все талдычил про какой-то проходной двор. Классик ткнул длинным пальцем в чертеж и сказал, что в этом месте яма.

— Стоп, господа артисты! — крикнул Колесников. — Минуточку! Кто там убер, вернитесь! Я вам дал выходной не для того, чтобы вы бросились к ящику и смотрели на рыдания богатых! Сегодня генеральная уборка. Привести в порядок свои помещения, проверить реквизит, что надо чинить, тащите сюда. Я буду здесь и все проверю. Кто схалтурит, намылю холку!

Когда все разошлись, Колесников спросил:

— Как я смотрелся?

— Класс! — Сыщик показал большой палец.

— Не скажете, кто?

— Остерегусь. Но, думаю, не твой служащий.

— Артист? — Колесников дернул подбородком. — Легче, но все равно дерьмо. А он вас не зашибет? Может, подстраховать?

— От удара ножом не подстрахуешься. Но вот подождать меня в определенном месте было бы неплохо. Я для того и попросил вас людей от выступлений освободить, а из цирка не выпустить.

Все работали. Сыщик болтался без дела, ждал наступления темноты, чтобы создать для убийцы условия наибольшего благоприятствования. Он был предельно внимателен. Не давал никому оказываться у него за спиной. Не проходил близко от портьер, боковых проходов, старался держаться среди людей, хотя и помнил, что Клыка зарезали в толпе.

— Господин полковник, сказали, что торопитесь, а сами бро-

дите словно тень отца Гамлета? — сказал подошедший Классик, подмигнул и показал в кармане фляжку коньяка. — Может, по глоточку?

— А штрафные санкции? — улыбнулся сыщик. Классика он исключал полностью, однако фляжку отклонил: — Только после вас.

Артист все понял. Лицо у него вытянулось еще больше. Хлебнув из фляжки, он сказал:

— Ну, конечно, а то у меня другой возможности не было.

— Извините, рефлекс. — Сыщик сделал несколько глотков, спохватился: — Хотите, я у Капитана займу бутылочку? Мне он не откажет.

— Спасибо за заботу...

— И вам спасибо. Всего наилучшего, мне пора. — Сыщик ощутил, как тепло разлилось по телу. Он напряг мышцы, расслабился, кивнул артисту и направился к выходу.

Гуров шел по проезжей части, чтобы не проходить мимо дворов и подъездов. В начале седьмого мартовская хмарь уже наполнила, дома окутывались темнотой. Сыщик старался ни о чем постороннем не думать. Только смотреть, слушать, ощущать. На улице ни души, где-то прогрохотал грузовик, из тускло светящегося окна донеслась музыка, тут же пропала. Справа на тротуаре мелькнула фигура. Мужчина. Гуров вытер ладони. Почему я уверен, что убийца ударит ножом? У него ведь должен быть пистолет с глушителем. Нет, из пистолета неинтересно и опасно. Надо же забрать пленку с отпечатком. Нож вернее, и совсем другое удовольствие. Знаменитый сыщик, а ты ему сердце проткнул и в глаза смотришь. Кайф! И кто появится неожиданно, тот увидит — стоят обнявшись два человека. Знакомая картина, трезвым в такую погоду на улице делать нечего.

Гуров шел, не останавливаясь. На тротуаре показались мужчина и женщина. Сыщик обрадовался. Стыдно признаться, но понял, что на какое-то время опасность отступила. Свидетели убийце ни к чему.

— Я тебя ненавижу! Иди куда хочешь! Можешь домой не возвращаться! — визгливо кричала женщина.

— Матильда, дорогая моя, — отвечал мягкий баритон, в голосе звучала ирония. — Твоя ревность даже не смешна. Ну что подумает о нас человек?

— Ничего плохого, — ответил Гуров, подходя к Жукову с супругой. — Ревность неотделима от любви. А любовь во все времена явление прекрасное и довольно редкое.

— Лев Иванович, вы настоящий мужчина и джентльмен. Матильда поправила прическу, подняла накрашенную бровь. От этого лицо не стало кокетливее, просто перекосилось. — Александр утверждает, что идет за бутылкой, а я убеждена, что это предлог. Заявится часа через три пьяный, будет говорить, что встретил друзей, а от самого будет разить дешевыми духами профессионалки.

Жуков держался, как всегда, спокойно. Гуров давно отметил, что в администраторе непонятным образом сочетались достоинство, ирония и некоторая пришибленность. Сыщик объяснил это просто: человек стесняется своей вульгарной глупой супруги и старается нести крест достойно. Отсюда подчеркнутая эlegantность и ироническая улыбка — ну, тещу я свой горб, что поделаешь, извините, могила исправит.

— Матильда, дорогая, одно из двух. — Жуков достал сигареты, угостил Гурова, щелкнул зажигалкой. — Либо ты идешь со мной в магазин и обратно, либо возвращаешься домой. Я приду ровно через двадцать минут.

— В магазин? — фыркнула Матильда. — Там ты будешь с мужиками пить из одного стакана.

Сыщик жадно курил. Пока он был один, то курить остерегался, боялся спровоцировать выстрел.

— Дорогая, у нас в стране плохо с посудой. — Жуков взглянул на Гурова. — Извините, Лев Иванович, вы идите. Нашим интеллигентным беседам окончания не предвидится.

— Да-да, конечно, я пошел, — рассеянно ответил сыщик.

— Проваливай! — Матильда оттолкнула мужа. — Если через тридцать минут тебя не будет, я запираю дверь. — Она застучала каблучками по асфальту и свернула в ближайший двор.

— Так и живем, — усмехнулся Жуков. — Каждому свое. Вы женаты?

— Был. — Сыщик взглянул на администратора, увидел в его руке зажигалку. По спине пробежали мурашки. В груди словно натянули струну.

Как просто! Они в паре! Женщина! Зажигалка! И он обошел меня, встал справа... Сейчас он опустит зажигалку под полу пиджака... Я так и представлял. Я гений! Не поднимать взгляда. Смотреть на его руки и ноги. Курить.

— Идемте, до угла нам по пути. — Жуков взял сыщика под руку, щелкнул зажигалкой.

Он на секунду оказался чуть позади сыщика. Гуров не видел правой руки убийцы. Понял, что опаздывает, и подсек спутнику ноги. Жуков упал на колени. Ударить ногой в голову, отпрыгнуть и выхватить пистолет? Нет. Надо доиграть спектакль до конца. И сыщик бросился бежать. Он всегда хорошо бегал, но что может бежать так быстро, даже не подозревал. И все-таки слышал, как убийца приближался. Пистолет он не достанет, для этого надо замедлить бег. Бежать мне еще два квартала, если не успею, брошусь под ноги, собью. Только не поскользнуться, не упасть. Топот и тяжелое дыхание приближались, но неожиданно сбились с ритма, чуть отделились. Он достал пистолет, понял сыщик. Метнулся в сторону и услышал слабый хлопок выстрела. Гуров резко остановился и издал дикий вопль.

Вспыхнули фары стоявших по обеим сторонам улицы машин. Распахнулись дверцы. Цирковые бежали к Гурову, но он видел только белую голову Рогожина и через минуту оказался в объятиях гиганта.

Жуков, ослепленный светом, споткнулся и, задыхаясь, упал на колени. Его тут же окружила толпа.

— Брось пистолет, паскуда, у тебя на всех патронов не хватит! — кричал Капитан.

— Сейчас я эту сучку на свет выдерну, — шептал Рогожин, обнимая могучей рукой сыщика за плечи. — Ну ты, парень, солист, нет слов. Солист.

Гуров, вытирая пот, еле прошептал:

— Даму не трогать! Молчи, ты ничего не знаешь!

Орлов сидел в кресле и, разглядывая Гурова, качал головой.

— А может, тебе у них остаться?

— У кого? — рассеянно спросил сыщик.

Орлов хохотнул:

— У цирковых. У тебя хорошо получается. Или в каскадеры пойдешь? Слышал, они свою лигу создали.

— Подумаю, — серьезно ответил сыщик. — Мне преступники и генерал Орлов надоели до смерти...

Роговой и Бунич разговаривали по телефону, стараясь не употреблять непарламентских выражений.

— Доставить ваш груз в Москву и получить десять процентов? — спросил Бунич. — Мысль интересная...

— Два миллиона зеленых за простую транспортировку. — От переполняющей его злости Роговой слегка заикался.

— Десять, и, как говорил классик, «торг здесь неуместен».

— У вас с головой все в порядке? Покажитесь врачу.

— Кто мне мешает забрать все?

— Три, — сказал Роговой.

— Вы не понимаете сложившейся обстановки. У вас связь через женщину, чей муж взят два часа назад при попытке совершить убийство. — Бунич выдержал паузу. — Рядом прогуляются, просто изымают от безделья два лучших сыщика России. Прилетайте. Верите свой товар. За скромные деньги я помогу вам транспортом и людьми.

— Не говорите глупостей, меня знают в лицо.

— Так пришлите кого-нибудь, — подсказал Бунич. — Или вы остались без людей? Ну как же, одного убили, второго арестовали. Вы — старый, жирный, подлый боров. Вы обманули всех и остались один. Я — ваш последний шанс. Задумали-то вы гениально. Но поскупились и наняли дерьмовых исполнителей. Вы разорились.

— Хорошо, вы получите десять миллионов, — просипел Роговой.

— Предупреждаю...

— Не надо, знаю, — перебил Роговой. — В этот раз я расплачусь полностью. — И положил трубку.

Бунич вызвал секретаря. Тот явился мгновенно, сел напротив.

— Тебе ситуация в городе и цирке известна. Стоит нам связываться?

— Нет, я считаю партию законченной.

— Твой гонорар два миллиона долларов.

У секретаря были отличные нервы, но, услышав сумму, он закашлялся, ослабил узел галстука.

— Я понимаю, получив такие деньги, ты от меня уйдешь. Захочешь самостоятельности. Мне жаль, я ценю тебя. Если все пройдет удачно, мы можем стать партнерами.

— Я благодарен, хозяин, надо подумать.

— Думай. И пригласи близнецов.

Когда братья явились, Бунич впервые предложил им сесть. На бесстрастных физиономиях братьев появилось замешательство. Поняли они хозяина с полуслова и дружно покачали головами.

— Извините, хозяин, покойнику деньги ни к чему,— ответил один, другой согласно кивнул.

— Наркотики не расстрельная статья,— возразил Бунич.

— Если начинать, то с убийства полковника, а это верная вышка.

— Согласен, риск велик, но в случае удачи каждый получает миллион долларов. Сегодня это двести миллионов рублей, завтра — половина миллиарда. Даю два часа, думайте.

Братья поднялись, бесшумно направились к дверям, но секретарь их остановил:

— Стойте, у меня есть идея.

В «люксе», оплаченном Юдиным и незаконно оккупированном сыщиками, в одиннадцать вечера появились супруги Соснины. Пригласил их Гуров, но беседу вел генерал Орлов. Сыщик, чтобы не присутствовать при унижении строптивой Ольги Дмитриевны, поднялся на второй этаж.

Примерно через час Орлов крикнул:

— Вылезай, твоя Дульщина удалилась!

Гуров спустился. В глаза Орлову старался не смотреть. Петр, конечно, понял, что между сыщиком Гуровым и этой женщиной что-то было. Хотя на самом деле ничего и не было. Но Гуров стыдился и объясняться не хотел.

— Перестань, Лева, ты ставишь меня в неловкое положение,— сказал Орлов и похлопал его по спине.— Ты сделал большое дело. Я приехал пожинать плоды, и укорять тебя в ерунде, право, стыдно. Ну, заморочил бабенке голову, сам слегка заморочился, наплевать и забыть. Давай о деле.

— Петр, лучше выпей.— Гуров сунул другу бокал.— А то я себя чувствую, как последний алкаш, хлещу напропалую...

Орлов взял бокал, пригубил.

— Значица, так. Мужик к делу отношения не имеет, у него здесь меховой интерес. Мадам знакома с нашей Матильдой давно. Полагаю, у них и общие мужики имелись, но это к делу отношения не имеет. Матильда собиралась использовать Ольгу втемную, переслать с ней в Москву наркотик, обещала щедро заплатить в валюте. Твою пудреницу Ольга подруге продала. Вот и все. Конечно, Ольга понимала, что повезет криминал, но считаю, что нам с тобой это неинтересно.

Наркотики изъяли. Эксперты установили, что в пакетиках находился героин. «Куклу» по «просьбе» Матильды Рогожин принес к гостинице и спокойно положил в багажник «тойоты» Сосниных.

Близнецы-охранники напрасно готовились к схватке. Им позволили сесть в машину и уехать. Гуров долго провожал их взглядом. Отметил с сожалением, что Бунич все-таки оскоромился и ввязался в наркотический бизнес.

Орлов позвонил в Москву. Приказал взять под наблюдение Константина Васильевича Рогового. Если он посылку получит, то один пакетик героина в ней все-таки обнаружат, а этого и для следствия, и для суда достаточно.

Прощальный банкет состоялся в кабинете Колесникова. Конечно, с огромным тортом.

Генерал Орлов порадовал хозяев отменным аппетитом. Сильвер привычно косил хитрым глазом, сверкал золотым зубом и постоянно встревал в разговор. Место администратора Жукова занимал Рогожин, а рядом, заменяя Матильду, громоздился Гоша, которому тоже достался кусок торта.

Классик мигнул Гурову, щелкнул по горлу и кивнул на дверь. Сыщик отрицательно покачал головой, достал из кармана носовой платок и завязал узел. В ответ Классик уронил натуральную слезу.

Капитан поднялся, выждал, пока разговоры утихнут, и сказал:
— Удачи тебе, сыщик!

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ОЛЬГА КОЗЗЛЬ
СЕРГЕЙ ТЕТЕРИН
СЕРГЕЙ ГУГАЛОВ
СЕРГЕЙ ПОГОРЕЛЬИЙ
ВЕРОНИКА АВДЕЕВА

ОЛЕГ КУЗОВЛЕВ
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ
МИХАИЛ БОЛГОВ
ИРИНА КОРЕЦКАЯ
ДМИТРИЙ КОРОБОВ

ОЛЬГА КОЗЗЛЬ,

16 лет,
школьница,
Москва

СЕВЕРНОЕ УТРО

*Синий сумрак... Окно на Неву —
Здесь для осени холодно слишком.
Жадно ловят во сне синеву
Исхудалые пальцы мальчишки.*

*Кто-то вышел из дымных теней,
В темноте притаился у входа,
Здесь последние астры бледней,
И прозрачней гудки пароходов.*

*Снова тени ползут из угла,
С синевой или с летом прощаясь,
Шевельнулась холодная мгла,
Тополя за окном закачались.*

*Серый свет проступает насквозь
Петербургской зарею упрямой,
«Мне сегодня совсем не спалось,—
Я всю ночь разговаривал с мамой!»*

СЕРГЕЙ ТЕТЕРИН,

35 лет,
преподаватель,
Челябинск

≡
*Брести вдвоем по улицам вечерним,
заглядывать в афиши и витрины
и ни о чем не думать постоянно,
забыть часы работы, годовщины.*

*Брести и забредать к знакомым людям,
входить в их положение, теряться,
играть с их сыном, говорить о планах
и снова в пешеходах растворяться.*

*И не винить плохого управдома
за то, что неуютно в этом мире.
Условимся, что счастливы мы будем
когда-нибудь в какой-нибудь квартире*

*на самой отдаленной из окраин
какого-нибудь, к черту, Мелеуза,
какой-нибудь Москвы; завесим окна
и включим телевизор про Иисуса.*

72 СЕРГЕЙ ГУГАЛОВ,

23 года,
конструктор,
Пермь

≡
*Распускайте парус, пора,
Ожидания вышли сроки,
Осветило восток далекий
Пламя утреннего костра.
Не подставим случаю грудь,
Не доверим судьбу удаче.
Будем веселы, злы и зрячи,
Избирая правильный путь.
За ошибки — платим сполна,
В жизнь сливая слово и дело,
Выбирая якорь со дна,
Цепь железная закрипела.
Расставаясь, вспугнем тишину,
Дрогнет воздух над спящим портом.
И пойдем, разрезая волну
Заплескавшуюся за бортом...
...Солнце вспыхнуло, и упала
В море мачты длинная тень.
Начинается новый день,
Раздвигаются серые скалы.*

СЕРГЕЙ ПОГОРЕЛЫЙ,

37 лет,
бизнесмен,
Костомукша

В МАСТЕРСКОЙ

*Здесь поселился пыльный полумрак.
Здесь запах красок, масла и холстины.
Светляк свечи мерцает до утра,
И путаются тени в паутине.
Слезинки на заплаканном окне —
Дождь шелестит по черепичной крыше —
И тишина касается неслышно
Подрамников, висящих на стене.*

ВЕРОНИКА АВДЕЕВА,

23 года,
гид,
Москва

*Хрусталик зимы оплавляется ветром,
И гребень сосулек заплакал навзрыд,
И снег, что лежал ослепительным фетром,
Картечью капли изрыт.*

*По телу деревьев размазана влага.
И кот, проходя через двор,
Старается чаще отряхивать лапы
И лезет, фырча, на забор.*

*Негладкое небо. Ни капли в нем сини.
И каркает скука с ветвей.
Такой никогда не припомнит Россию,
Кто вспомнит в разлуке о ней.*

ОЛЕГ КУЗОВЛЕВ,

28 лет,
врач,
Алтайский край

*Утром проснешься,
Посмотришь в окно:
Снег на реке
И неярк лес.*

*Но над тобою,
Словно крыло,—
Синий-пресиний
Простор небес.*

*Острой стрелой
Не попасть в стрелу.
Вовсе бесшумно
Не сделать шаг.*

*Нежность — как время —
Живет на лету.
Пальцы равны,
Когда сжаты в кулак.*

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ,

20 лет,
студент,
Санкт-Петербург

≡

*Как дерево тянется к белому свету,
Как музыки звуки летят к облакам —
Так я бы хотел унести в поднебесье
И крикнуть по-птичьи оттуда всем вам.
И, может, тогда вы поднимете взгляды
Тяжелых, усталых, безвыходных глаз.
И станете хоть на минуточку рады,
Ну что я еще могу сделать для вас?!*

74 МИХАИЛ БОЛГОВ,

40 лет,
инженер,
Воронеж

≡

*Разрослась жизнь наша вековечная,
неохватная, высокая и стройная.
Для нее и — отложив продольную —
развожу я песню поперечную.*

*Развожу по умыслу и по сердцу
всяко слово обоюдострое,
чтоб ходила песня, как по маслу,
да во стволу сыром не заедала.*

*И гляжу я, запрокинув голову,
вижу: гнезда птицей покидаются.
Стукну в ствол —
гудит, как будто колокол...
Чую: корни кулаком сжимаются...*

*Повалою. Уж никуда не денется —
грянет оземь, ветви выворачивая...
А я поутру пойду гулять и тешиться,
словно встарь — да на пиле играючи!*

ИРИНА КОРЕЦКАЯ,

25 лет,
геолог,
Одесса

Укрой меня от мира.
Не надо славы мне.
Моя слепая лира
Поет о тишине.
Не задавай вопросов,
Ответов не лови.
Поддай мне стертый посох
И в путь благослови.
Не сотвори кумира
Под чей-то тихий плач.
Укрой меня от мира
Надежно, ветхий плащ.
Монеты и восторги
Всем нищим раздари.
На ветреном просторе
Достаточно зари.
Когда же дрогнет лира
И спустится туман —
Укрой меня от мира,
Великий Океан!

ДМИТРИЙ КОРОБОВ,

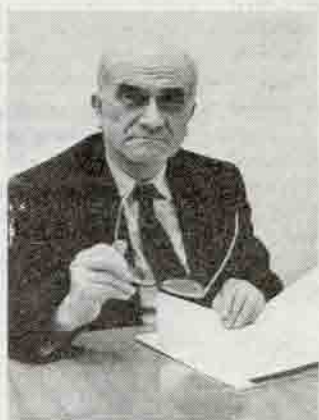
28 лет,
корреспондент,
Харьков

СЕН-САНС

Милая, пойдём-ка слушать скрипку
в сдержанном покашливаньи зала.
Или ты слоняться не устала
по осенним тротуарам липким?

Нам не нужно джазовых ироний,
нам хватает и без них издевок.
Нам Сен-Санс печальный нужен снова,
ноты на юпитре, как на троне,
и скрипач, что, как смычок, встревожен,
и арфистка грустная, как струны,
и оркестр, качнувшийся, как шхуна,
в такт волнам мелодии, похожей
на костер зимой, на бабье лето,
на камин в окоченевшем доме,
на кошачий выводок в соломе,
на осенний вечер без сюжета...

ЕВГЕНИЙ ЯСИН:

«Надеяться ТОЛЬКО на себя»

78

С ЕВГЕНИЕМ ЯСИНЫМ, доктором экономических наук, директором Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей, беседует обозреватель журнала ВЛАДИМИР АНИСИМОВ.

— Евгений Григорьевич, что представляет из себя ваш институт и чем он занимается?

— Когда в начале 1991 года меня пригласили в союз промышленников, я возглавил дирекцию по вопросам экономической политики. Вот на ее базе и создан наш институт. Хотелось построить его работу на новых принципах. Чем характерна господствовавшая в науке прежде (да и теперь!) институтская система? Прежде всего огромной штатной численностью. Директор всегда озабочен: как и чем загрузить сотни сотрудни-

ков, получающих у него зарплату? С другой стороны, он постоянно искал людей, способных выполнить ту работу, которая действительно нужна. Поэтому мы сразу решили, что у нас будет очень небольшой штат — сейчас всего десять человек. Это в основном люди, которых я хорошо знаю, мы вместе работали. Они ведут собственные экономические разработки и одновременно являются кураторами целых направлений. Под эти направления мы приглашаем экспертов, просим подготовить нужное исследование. В прошлом году на наш институт в той или иной форме работало более 180 человек. Естественно, мы платим — в основном за счет спонсорских взносов промышленников и предпринимателей. Институт — самостоятельная некоммерческая организация. Это значит, что все заработанное мы тратим на исследования.

— Источник средств — хозяйственные работы?

— В том числе. К примеру, есть заказ от предприятия — помочь разработать план приватизации, реорганизации и последующей жизни в новых условиях. Это один из вариантов. Есть и другие. Вот только что в этой комнате группа экспертов обсуждала выполнение заказа межбанковской валютной биржи — мы совместно проводим исследование валютного курса рубля.

— Как раз об этом я и хотел вас спросить. Не может быть здоровой экономики без здоровых, если можно так выразиться, финансов. А сегодня доллар — более шестисот рублей! Реально ли такое соотношение? Впечатление, будто кто-то задался целью превратить рубль в ничто.

— Конечно, ситуация ненормальная. Точнее, она была бы ненормальной для страны, которая имеет крепкую экономику, не находится в состоянии перехода к рынку и не стоит на пороге гиперинфляции. Но в нашем положении данная ситуация отражает все беды, которые переживаем. Прежде всего инфляцию. Цены растут. Значит, свободный курс валют обязан реагировать. Кроме того, у нас ведь валютного рынка фактически нет. Большая часть экспорта лимитирована и осуществляется государством. Поэтому выручка не попадает на валютный рынок. Точно так же лимитирована значительная часть импорта — он попадает к нам опять-таки через государственные организации, по заниженному курсу. Если взять среднее значение — рыночный и иные курсы рубля, то мы увидим, что реально он стоит дороже. Шестисот — это чисто рыночный курс, который определяется довольно узкой номенклатурой това-

ров. Объяснение низкому курсу рубля очень простое: на него в основном влияют те, кто закупает товары за рубежом. Есть такое понятие, как «валютная эффективность», то есть существует нижний предел, при котором еще выгодно заниматься импортными операциями. Такой же предел существует и при покупке-продаже рублей и долларов. Кроме того, люди в условиях инфляции не доверяют рублю. Проценты по ставкам Сбербанка намного ниже, чем уровень инфляции, — этот фактор подталкивает к «бегству» в сторону устойчивой валюты.

Но, кстати, такая ситуация создает для нашей страны некоторые временные преимущества, и ими надо бы воспользоваться.

Что я имею в виду? Очень выгоден экспорт. Отечественная промышленность ограждена этим курсом от иностранной конкуренции лучше любых квот и пошлин. Конечно, это создаст определенные тяготы для населения, промышленности. Но зато позволит нормализовать торговый баланс, стимулировать экспорт и получить положительное сальдо, позволяющее начать рассчитываться с внешними долгами.

— Но если мы ограничим импорт, во что будем одеваться-обуваться? А главное, что есть? Не помрем ли с голоду?..

— Не помрем, потому что существуют специализированные курсы при закупках зерна, сырья для легкой и пищевой промышленности. Эти товары освобождены от импортных пошлин.

— Не век же нам зависеть от других... Когда наконец начнем сами себя кормить и одевать? Помните, была надежда на новые структуры... А чем сегодня занимаются современные бизнесмены?

Один из сотни, может быть, производит товары. Другие занимаются обычной перепродажей, которая раньше называлась спекуляцией. Никто не хочет вкладывать деньги в производство.

— Это закономерно для периода становления рыночной экономики. Мы должны ясно представлять, какую цену надо заплатить за то, чтобы экономическая свобода начала приносить пользу всему российскому народу. В соответствии с объективными обстоятельствами предприниматель сначала направляет деньги туда, где можно быстрее всего получить прибыль, то есть в торговлю. Кстати, рынок сам по себе — это торговля. Если вы скажете, что и раньше торговля была, то крупно ошибетесь. Была распределительная система, а в ней — куча чиновников, подменяющих свободный обмен товарами, который в конце концов и приводит к изобилию. А рыночная торговля — такая штука, которая неизбежно станет стимулом производства. Уже сейчас люди, сделавшие капитал на торговле, ищут пути его производительного применения. Предприниматели прекрасно понимают: пока они всего лишь превращают товары в деньги — их реальное влияние, силы висят в воздухе. Что деньги? Сегодня они есть, завтра нет. А реальное богатство, материальный капитал — это производство. И люди уже готовы вкладывать в него деньги. Но тут возникают проблемы. Вкладывать в производство выгодно тогда, когда оно дает высокий доход. А в условиях инфляции никакие производственные инвестиции неэффективны. Вы не можете вложить свои капиталы ни во что на срок более двух-трех месяцев, иначе просто потеряете деньги. Если мы хотим инвестиций, прироста производ-

ства товаров, в первую очередь необходимо приостановить инфляцию. А что касается перепродажи, думаю, нам не перескочить закономерности тяжелого «родового» периода рыночной экономики.

— Долго ли он продлится?

— Зависит от того, как будем себя вести. Если мы согласимся на жесткую финансовую политику, необходимую для остановки инфляции, если согласимся на то, чтобы напряженно работать, а не просто ожидать, когда нам кто-то положит кусок в рот, то этот период может пройти довольно быстро. Жесткую политику я отношу прежде всего к государственным предприятиям. Они съедают огромное количество субсидий, дотаций, льготных кредитов, то есть являются самым сильным мотором инфляции. Известно, пенсионеры и студенты, работники бюджетной сферы живут очень бедно. Но они должны знать: их обирают неэффективно работающие предприятия, которые постоянно устраивают кризисы неплатежей, требуют субсидий.

— Разве они не отменены?

— Нет. Только по льготным курсам валют — а это фактически скрытые субсидии — государство выплачивает более триллиона рублей в год. Выплачивая разницу между льготными и рыночными кредитами, государство теряет еще примерно столько же. Плюс к тому — огромные дотации сельскому хозяйству. Депутаты-аграрии требуют выложить на стол 15 процентов национального дохода. Они говорят: не дадите дотаций на приобретение техники, горючего и так далее — нечего будет есть. Вроде бы их слова логичны. Но есть и другой путь. Мы прекрасно знаем: дотации, прежде чем дойти до производителя, проходят через

множество промежуточных структур. И там значительная часть средств «застревает». Но можно сделать иначе: платить эти деньги населению. Таким образом, деньги пришли бы к производителям напрямую, минуя всевозможные инстанции, — просто люди стали бы покупать больше мяса, молока по высокой цене. Сегодня же средств им на это не хватает. Так полуискусственно создается перепроизводство. Например, сокращается выпуск молока, потому что его не берут заводы, торговля. А если мы прекращаем дотации сельскому хозяйству и даем те же деньги населению, оно предъявляет спрос на молоко, мясо. Есть спрос — появляется конкуренция. Таким образом, люди будут платить эффективным хозяйствам тем, что могут обходиться без субсидий.

— *За чем же дело стало?..*

— Есть тысячи причин, тормозящих этот процесс. Например, почему в магазинах нет молока? Они не хотят его покупать. При госмонополии получается, что не конечный потребитель, а магазины определяют спрос на молоко. А они могут делать свой доход на более дорогих продуктах. То же самое можно сказать и о молокозаводах. Каждый такой завод — один на район — имеет свою зону обслуживания. Все окрестные крестьяне везут молоко только сюда, потому что до другого завода не добраться. Мясокомбинат — один на область... И его не обойти, поскольку мы сами изжили из хозяйств небольшие предприятия. У колхозов и фермеров нет в достатке транспорта. Он еще не приватизируется, поэтому нельзя просто нанять грузовик и отвезти продукт в город. А если и довезут, то в городе магазины отказываются его брать по вышеприведенным

причинам. Вдобавок по каждой группе товаров есть своя «мафия», которая стремится получить монополию. Можно ли решить эти проблемы властными, административными методами? Попытки были, но они не дали ничего, кроме вреда. В процесс формирования рынка государство должно вмешиваться очень осторожно, не нарушая, а ускоряя его.

— *Кстати, «рыночные агенты» весьма активно реагируют на процессы, происходящие в государстве. Помните, осенью и в декабре на всех кооперативных палатках красовались объявления: «Куплю ваучер». Цена его постепенно поднималась тысяч до семи-восьми. А в начале января объявления эти сменились другими: «Продам ваучер». Если и покупали, то тысяч по пять. Я поинтересовался в одной из палаток, торгующей спиртным: почему вдруг ваучер подешевел? «А Гайдара скинули», — пояснили мне ребята. Интересно, а какова ваша реакция на смену правительства?*

— В целом отрицательная. Я всегда выступал в поддержку Гайдара и считаю, что он лучше других понимает, как надо осуществлять реформы. Реакция бизнесменов-лавочников, о которой вы рассказали, — самый верный признак того, что курс реформ под угрозой.

А в принципе, что касается купли-продажи ваучеров, — это естественное явление. Кто-то думает, будто их скупали, чтоб потом приобрести по дешевке заводы. Это не совсем верно. Главное — ваучер стал ценной бумагой. Прежде чем думать о приобретении заводов, многие хотят заработать на торговле ваучерами. Один играет на повышение — скупает и ждет, пока ваучеры подорожают. Другой играет на понижение... Однажды

утром на РТСБ пришла бабушка и продала свой ваучер. А вечером явилась снова — и купила. Подешевле. Таким образом, она получила прибыль. Видите, даже бабушки быстро усваивают законы рынка ценных бумаг...

Но вернемся к правительству. На мой взгляд, опасность для реформ исходит не от Черномырдина и его команды. В некоторых отношениях — прошу прощения у моего друга Егора Тимуровича — новое правительство может работать более эффективно. В смысле организованности, практической сметки. Все-таки у Черномырдина огромный практический опыт хозяйственника. Но главная опасность исходит от всех нас — от парламента, политических игр популистского толка, которые ведут различные партии и движения.

— *Кстати, вам не кажется, что у нас политика уж слишком сильно влияет на экономику?*

— Вы правильно говорите. Вот в Италии правительства менялись каждый год. А экономика тем временем спокойно развивалась. А почему? Настоящий рынок, частная собственность.

Я разговаривал с итальянскими профессорами. Они рассказывали, что у них бюджет регулярно недобирает примерно 30 процентов дохода. Связано это с тем, что в Италии очень велика доля среднего и мелкого производства, а с маленьких предприятий невозможно собрать все налоги. Я спрашивал: так почему же у вас экономика процветает? Они отвечали: может быть, именно поэтому... У нас ситуация другая: нет отлаженного рыночного механизма. Безусловно, вмешательство государства по необходимости еще достаточно велико. А раз велико, то политика неизбежно будет оказывать давление на экономику. Эта обусло-

вленность объективна. Но я бы сказал и другое. Учитывая ситуацию, в которой мы находимся, политики должны проявлять высокое чувство ответственности. Не просто говорить о любви к Родине и желании спасти ее; не искать врагов. Думаю, нет хуже врагов у России, чем мы сами... Если кто-то играет на трудностях страны, чтобы нажить политический капитал, это может иметь очень тяжелые последствия. Скажем, последнее наше «достижение» — это решение парламента об индексации пенсий, их удвоение. На очереди закон о том, чтобы трудовые коллективы получали большие льготы, еще большие, чем предусмотрено в программе приватизации. Думаю, достаточно десятка подобных решений, принятых в пику правительству и Президенту, а не потому, что в них есть нужда, чтобы ввергнуть экономику в пучину больших бед. Я не против, чтобы людям повысили пенсии, но... Сначала говорили, что повышают минимальную пенсию, а потом оказалось, что повышают все. Иногда пенсионеры получают больше работающих. Моя жена, например, получает три тысячи в Академии наук. А ее старшие подруги-пенсионерки — по восемь — десять тысяч. Я не против, пусть получают. Но где эти деньги взять?! Ведь за пенсиями поползут другие доходы: и учителей, и шахтеров. Если мы не сократим дотации и кредиты госпредприятиям, то завтра будет гиперинфляция и она обесценит все сегодняшние доходы, более того, принесет выигрыш только богатым. Потому что в наше время выигрывает тот, чьи деньги находятся в обороте, где деньги приносят новые деньги. Вот у него всегда все будет в полном порядке. Остальные лишь потеряют.

— *Где взять деньги для стра-*

ны, в принципе понятно: их надо заработать. Но повсюду идет спад производства. Разучились работать?

— Что происходит на заводах? Возьмем, к примеру, военные. Там долго думали: стоит ли заниматься конверсией? Пока гром не грянул: сократили средства на военные заказы. Многие предприятия оказались неготовыми к такому повороту... Затем возник вопрос: могут ли они научиться делать что-то полезное? Оказывается, когда захотят или нужда заставит, могут. Например, московский завод «Электролуч» освоил производство лампочек, которые покупает вся Европа.

Еще характерный пример — Удоканское медное месторождение. Для его разработки понадобится много специальной техники. Так уральские заводы прямо ухватились за это дело, активно борются за заказы. Отроду такого не бывало. Предприятиям навязывали работу, а они усиленно от нее отбивались.

Ситуация медленно, но меняется. Начнут предприятия нормально работать, делать то, что нужно населению, имеет спрос, пойдет другая жизнь.

— Мы об этом сколько лет говорим? А в магазинах — не считая коммерческих и валютных — товаров все меньше.

— К сожалению... Не хочу показаться чрезмерным оптимистом, но у меня впечатление, что до января прошлого года мы действительно только говорили о производстве товаров для народа. Но, хотя производили больше, чем сейчас, надежд на лучшее было меньше. Сейчас я по крайней мере понимаю происходящие процессы; понимаю, что они должны привести к улучшению жизни. Конечно, если опять не наделаем

глупостей. На чем основаны мои надежды? Старая распределительная система деградировала и могла только ухудшать ситуацию в смысле ассортимента и качества продукции. Она вела к инфляции и дефициту. То, что мы переживаем сегодня, во многом также результат деятельности правительств Рыжкова, Павлова. Это прежде всего разрыв связей с бывшими членами СЭВ, с республиками...

— Ну, это всегда было модно — сваливать все на бывших руководителей.

— А я говорю совершенно конкретно. Решения о роспуске СЭВ, прекращении клиринговых расчетов и переходе на торговлю в твердой валюте было принято правительством Рыжкова. Николай Иванович убедили, что таким образом мы выиграем порядка восьми—десяти миллиардов рублей. А на самом деле мы страшно много проиграли. Товарооборот между нами и соцстранами сократился на 30—40 процентов. Мы перестали получать медикаменты, автобусы, ткани... Перечислять можно долго.

В восьмидесятые годы мы жили за счет нефти и газа. Они давали валюту. Крутое падение цен на нефть в 1986 году все равно привело бы нас к кризису — даже раньше, если б нам не давали кредиты. Тогда ситуацию смягчал также СЭВ, потому что внутри него сохранялись высокие цены. Кстати, почти вся задолженность, которую имеем, набрана за годы перестройки.

Потом был развал Союза — еще более сильный удар по экономике, чем упразднение СЭВ. Развал во многом был подготовлен слабой финансовой политикой Горбачева — Рыжкова. Она подрывала стимулы производства, генерировала дефицит, избыточное количе-

ство денег. Республикам, регионам предлагалось самим думать о своем обеспечении, выполняя при этом задания, диктуемые из Центра. Программа финансового оздоровления должна была появиться не в 1992-м, а лет на пять раньше. Между прочим, июньский пленум ЦК в 1987 году дал задание представить такую программу. И ее представили. Год она обсуждалась в правительстве и политбюро. Речь в ней шла о сокращении расходов на 4 миллиарда рублей. Смешная цифра при тогдашнем дефиците в 90 миллиардов! В то время не решились бороться с военно-промышленным комплексом, унимать аппетиты других всемогущих ведомств. Они просили — им давали. Деньги текли рекой, доходы не контролировались с 1988 года. А что это означает? Очень простая цепочка: вслед за избытком денег падает покупательная способность рубля, увеличивается дефицит, усиливаются позиции распределения. Республики, производящие дефицитные товары, выставили таможенные и иные барьеры на пути вывоза продукции. Вот вам начало конца...

Конечно, играли роль и политические факторы. Все заявляли о суверенитете, независимости, свободе. Рассчитывали, что завтра же свобода принесет какие-то блага. Но я хочу спросить: стал ли свободней каждый отдельно взятый гражданин Украины, Молдавии, Грузии?.. Не уверен. Обретена свобода для государств — с другими руководителями, другими чиновниками. Граждане проиграли от такого развала Союза. Причем потери еще будут, и побольше, чем от политики Гайдара. Потому что экономический разрыв — это акция без позитивных результатов. А политика Гайдара болезненна, но дает надежду на выздоровле-

ние. Можно, конечно, говорить, что экономические связи были искусственными, навязанными сверху в плановом порядке. Да, это были не рыночные связи. Но я уверен: через несколько лет, когда политические баталии поутихнут, все убедятся: процентов 50—60 старых связей были выгодны всем. Жизнь заставит их восстановить, никуда не денемся...

— *Каково настроение директорского корпуса? В его адрес высказываются два основных обвинения, в чем-то противоположных.*
Первое: директора — тормоз рыночной экономики, сторонники возврата к государственному регулированию. Второе: поняв, что от рынка не уйти, они стремятся завладеть собственностью, прибрать к рукам свои предприятия.

— Директорский корпус очень неоднороден. Некоторые директора не смогли приспособиться к новым условиям. Но таких становится все меньше. С начала прошлого года произошел резкий поворот в умонастроениях.

Что касается второго обвинения... Давайте разберемся с точки зрения интересов дела. Кому должны принадлежать предприятия, чтобы экономика нормально работала? Безусловно, наиболее компетентным людям, специалистам. Самыми подходящими хозяевами, знающими производство и умеющими организовать работу, являются, на мой взгляд, предприниматели и директора. Как-то я был в Кашире на небольшом заводике, который делает металлические скобы для мебели. Директор Свиркин выкупил свой завод еще до начала гайдаровских реформ. Повсюду шел резкий спад производства, а он построил два новых цеха, наладил выпуск станков. Ферму построил... Я не осуждаю тех директоров, которые хо-

тят получить предприятия в собственности. Лишь бы действовали законно и в рамках программы приватизации. Через скупку тех же ваучеров, к примеру. Лидеры же популистского толка требуют каких-то преимуществ трудовым коллективам. Ну, отдадим им заводы — и что дальше? Вы думаете, коллектив всегда прав, всегда «умней» руководителя?

— Несколько лет назад коллективам давали право выбирать себе руководителя...

— Выборы директоров — одна из самых непродуманных акций, нанесшая колоссальный ущерб промышленности. Разлад дисциплины, культуры производства начался с этой «производственной демократии», с закона о госпредприятии. Зачем же повторять ошибки, подыгрывая ложно понятой демократии?

— У нас были заводы, славившиеся качеством продукции на всю страну, выходившие на мировой уровень. Например, Ивановское станкостроительное объединение. Помните сотни восторженных статей о нем?.. Куда эти заводы подевались? Что там происходит сегодня? Или слава была дутая?

— Относительно ивановцев. Боюсь, они тоже переживают не лучшие времена. Не скажу, что их слава была дутой. Там существовала культура производства изделий высокого технического уровня, передовая технология. Но ивановцы делали станки во многом благодаря военным заказам, которые сокращены. И еще одно очень важное обстоятельство: они получали валюту на приобретение электроники за рубежом. Сейчас валюту за бесплатно или по дешевке не дадут. А если мы попытаемся начинить станки с ЧПУ отечественной электроникой — на

мировом рынке их никто не купит... Тут мы пока не выдерживаем конкуренции. Зато Россия является единственной в мире страной, где производство сравнительно простых универсальных станков поставлено на поток. Вот их-то мы можем вывозить: поточная продукция всегда дешевле, поэтому найдет покупателя. Не всем предпринимателям нужно оборудование самых высоких кондиций. Покупают же липецкие, владимирские трактора! Пусть это будут покупатели из развивающихся стран — какая разница? Так что мы пока не используем многих возможностей зарабатывать валюту. А «ниша» на мировом рынке для нас есть.

— Евгений Григорьевич, вы участвовали в разработке правительственной программы углубления экономических реформ. Программ-то у нас было много — Абалкина, Шаталина — Явлинского... А жизнь все тяжелее.

— Я, кстати, участвовал в работе и над теми программами. Но ведь они никак не осуществлялись. По объективным, в том числе, причинам. Да и отчасти играли роль деклараций. Я думаю, достоинство программы в том, что в ней мало деклараций и присутствуют трезвый расчет, оценка ситуации. Мы сделали попытку объяснить происходящие процессы и определить, при каких условиях развитие этих процессов может привести к подъему экономики, росту благосостояния. Быстрого результата мы не обещаем... Я прекрасно понимаю, как трудно объяснить все это вашему читателю. Когда экономист разъясняет причины кризиса и пути долгого выхода из него, а человеку жить все хуже и хуже, ему кажется, что должно быть какое-то другое объяснение, более быстрый способ улучшения жизни...

— Просто человеку нужна надежда. Как говорится, свет в конце тоннеля.

— Свет я вижу. Но чтобы его приблизить, надо принять очень решительные меры.

— Конкретно — какие?

— Сокращение субсидий, дотаций предприятиям, выпуска денег в обращение. Одной из важных мер могло бы стать повышение выплат по вкладам в Сбербанке до уровня, который спасает деньги от инфляции, хотя бы на 70—80 процентов. А то сегодня люди тратят деньги на что угодно, лишь бы поскорей. При повышении процента по вкладам они смогут положить их в банк.

Далее. Принять жесткие меры по отношению к предприятиям — злостным неплательщикам. Довести некоторых до банкротства, причем сделать это публично, — вот что могло бы способствовать перелому в нашем положении. Если мы не упустим такого шанса — у меня есть надежда, что кризис приобретет структурный характер. Проще говоря, производство военной техники, чугуна, стали будет падать. А производство продовольствия начнет расти. Или по крайней мере стабилизируется.

Если в 1993 году нам удалось бы стабилизировать сельское хозяйство, пищевую и легкую промышленность, топливно-энергетический комплекс, считайте, мы спасены. Несмотря на общее уменьшение валового национального продукта.

— Скажите, вы тоже предлагаете всем нам потуже затянуть пояса?

— Не столько нам, сколько предприятиям. Известный американский специалист по экономике и управлению профессор Лестер Туроу говорил: «Не спасайте фир-

мы — спасайте людей!» Я с ним полностью согласен. Пусть некоторые предприятия обанкротятся — ничего страшного, значит, они только зря переводят материалы и другие ресурсы.

— Но там же работают люди!

— Хорошо, давайте выбирать. Либо будем поддерживать людей с убыточного завода, и пусть они там уничтожают ресурсы, энергию и тому подобное. Либо будем спасаться все вместе — и тогда те же банкроты смогут воспользоваться плодами эффективной экономики. Получать приличное пособие или даже среднюю зарплату. Поверьте, это обойдется дешевле.

Назову теперь три фактора возможного подъема экономики.

Первый: стимулы. Причем не только в виде высокой зарплаты. Директора, предприниматели должны знать: их предприятия будут процветать лишь тогда, когда займутся делом, полезным всему народу. А сигналы — что и сколько требуется обществу — даст рынок.

Второй: координация действий различных субъектов хозяйствования — предприятий, торговли... Это нужно для того, чтобы вступили в действие силы саморегулирования. Для этого надо бороться с монополизмом, развивать конкуренцию. И это тоже рынок.

Третий: инвестиции. Меньше проедать, меньше терять, а все сбережения вкладывать в эффективные предприятия.

Вот, собственно, основные условия подъема. Ничего чрезвычайного нет. Если сможем прекратить пустую трату сил, ресурсов, сырья, энергии и направить их в нужное русло, начнется подъем.

— А за граница поможет нам инвестициями?

— Поможет. Когда мы научимся помогать себе сами. Было бы

просто нереально ожидать крупных инвестиций, когда парламент спорит с Президентом; местные власти спорят и с Президентом, и с парламентом; пока каждый может издавать какие угодно законы. Плюс к тому — в стране инфляция. И еще новые бюрократы-взяточники обирают. Никто, в том числе и Гайдар, не ожидал, что иностранные инвестиции пойдут к нам бурным потоком раньше чем через два-три года, после финансовой и политической стабилизации.

— А где же обещанные Международным валютным фондом 24 миллиарда долларов?

— Людям толком не объяснили, что это за миллиарды. Львиная доля — 11 миллиардов — кредиты, предоставленные нам еще раньше по двусторонним соглашениям со странами «семерки». Эти кредиты идут по линии отдельных стран. И только потом остается доля МВФ и Мирового банка. 4 миллиарда — это так называемый «stand-by», свободные деньги, которые правительство может использовать по своему разумению. Один миллиард уже получен.

Еще 6 миллиардов обещано выделить в стабилизационный фонд. Но мы их еще не взяли — и не должны брать, пока не создадим условия для стабилизации рубля. Легко взять эти деньги сейчас, потратить на поддержание курса, на все эти валютные интервенции. Но завтра мы останемся ни с чем, а деньги-то возвращать придется. Значит, нужно выбрать момент — взять их тогда, когда собьем инфляцию до 5—7 процентов в месяц. Тогда поддержка рубля из этого стабилизационного фонда будет эффективной. Кроме того, Мировой банк намерен предоставлять нам по 2,5 миллиарда (а

может, и больше) в течение нескольких лет на очень выгодных условиях: мы начнем возвращать долг только через четыре года. Насчет старых долгов — нам предоставлена длительная отсрочка. Это очень существенная помощь. Наконец, в прошлом году мы не тратили своей валюты на закупки зерна — деньги выделила «заграница». Правда, тем самым она помогла не только России, но и своим фермерам.

— Есть ли особый российский «путь к капитализму» или достаточно грамотно копировать западный опыт?

— Есть, если говорить об особом предназначении России — в очередной раз показать миру, чего не надо делать. А если серьезно, то существуют закономерности, общие для всех. Не надо выдумывать «свой» путь, когда требуется проводить жесткую макроэкономическую политику, остановить инфляцию. В этом плане Россия ничем не отличается от Польши, Бразилии, Индии, Китая.

— Но нельзя не учитывать и российской специфики, традиции. Насколько мне известно, японское «экономическое чудо» опиралось именно на национальные особенности. Они не копируются, скажем, США...

— Это не совсем так. Что самое главное в подъеме японской экономики? Два момента. Первый — миссия американского банкира Доджа, которого прислал президент Трумэн. Додж предложил план либерализации экономики, во многих отношениях похожий на план Гайдара. Второй момент — корейская война. В Японии размещались базы снабжения американских войск. Они получали огромное количество заказов; промышленность начала подниматься на них как на дрожжах. В этом и есть

особенности подъема японской экономики. Но главным все же был первый фактор. А опыт Германии? Людвиг Эрхардт тоже осуществил болезненную реформу, сочетавшую либерализацию цен и жесткую макроэкономическую политику. Опыт столь разных стран, как Япония и Германия, подтверждает: мы не очень сильно от них отличаемся, идем по пути общемировой цивилизации. Но все сказанное не отрицает наличия российской специфики. У нас свой менталитет, культура, свои традиции, и это надо принимать во внимание. Не стоит изобретать велосипед, на котором никто в мире не ездил. Но и слепо копировать не нужно. Допустим, приватизация пойдет иначе, чем в бывших ГДР и Чехословакии. Мы не можем отказаться от некоторых социальных гарантий, строить все на платных началах — просто ничего не получится. Потому что есть традиции коллективизма, общинности, если хотите. Может быть, привычка к тому, что нас опекает какая-то организация, — плохая привычка. Но она есть, и с ней приходится считаться. А идет это не от советской власти, истоки гораздо глубже. Еще не так давно помещик опекал своих крепостных; сильны традиции опеки государства над экономикой... С учетом национальных особенностей нужно вырабатывать и особенности форм экономики. Но не сидеть взаперти и придумывать «кабинетные» схемы, а внимательно присматриваться, что происходит в реальной жизни. Те же самые директора, предприниматели, рабочие изобретают и пробуют в деле новые формы, новую организацию работы. Что-то отпадет как не оправдавшее себя. Но если процентов десять останется — и то хорошо.

Недавно я познакомился с ди-

ректором Александровского радиозавода Юрием Овчинниковым. Они там одними из первых в стране догадались, что в теперешней ситуации надо не повышать, а снижать цены! При этом выпуск телевизоров не уменьшают, а увеличивают. Распродают запасы. Создали внутривзаводскую биржу труда: закрывают ненужные, связанные с ВПК производства, открывают новые. Безработицы не боятся. Собственная служба трудоустройства, переквалификации — чисто российское, наверное, изобретение.

А вот еще проблема: как собирать налоги с мелких лавочников? Ведь казна недосчитывается огромных сумм. В одном местном совете придумали вот что. Не секрет, многочисленные палатки и ларьки контролируются крупными предпринимателями. С ними договорились так: мы сдаем вам в аренду вот эту площадь. Вы там можете ставить свои палатки. А в качестве платы собирайте с продавцов налоги и сдавайте в местный бюджет. Получилось неплохо. Но не исключаю, что в других городах можно найти иные формы. Наш российский стиль рыночного хозяйства создается не только усилиями правительства, он создается прежде всего снизу. Я думаю, уровень социально-экономического изобретательства сейчас выше, чем когда бы то ни было. Сначала люди ищут, как легко заработать деньги. Потом они видят: легко уже не получается, собралось слишком много конкурентов. Значит, они поневоле начнут искать новые сферы приложения своих усилий и капиталов. И так мы будем нащупывать дорогу к российскому «экономическому чуду». Я в него верю. Хотя не ожидаю, что оно случится завтра.

— *Наша беседа будет опубли-*

кована в майском номере журнала. Ваш прогноз — что нас ждет к лету? К концу года?

— 1993-й — самый тяжелый год. По нашим оценкам, мы должны «сесть на дно», с тем, чтобы оттолкнуться наконец от нижней точки и начать всплывать. Есть надежда не перейти черту гиперинфляции...

— Разве она уже не наступила?

— С одной стороны — да. Пятидесятипроцентный рост цен за месяц, или 10 процентов в неделю, — эта цифра достигнута в начале января — техническая граница гиперинфляции. Но вообще-то гиперинфляция — это поведение производителя и потребителя. Наблюдения показывают, что при пятидесятипроцентном росте цен поведение меняется. Все прекращают экономить деньги — наоборот, усиленно тратят, пока они не обесценились. Такие явления очень сильны в промышленности. Новая волна неплатежей отчасти связана с тем, что предприятия закупают товар, который имеет ценность, предпочитая не платить по обязательствам. Что касается населения, тут картина более сложная. Во-первых, само население и его доходы многообразны. Во-вторых, высокая цена сегодня еще останавливает даже человека при деньгах. Я сам иногда отказываюсь от покупки, и не потому, что доходы не позволяют. Цена для меня несоразмерна. Так же поступают очень многие. Это говорит о том, что у большинства населения инфляционные ожидания еще не достигли фактического уровня инфляции. И, стало быть, сохраняется возможность избежать худшего, если будут приняты меры, о которых я говорил: прекращение дотаций убыточным предприятиям, без рывков, но сокращение выпуска денег в обращение, жесточе-

ние финансовой политики. Важно опять не наделать глупостей. Тогда есть шанс в следующем году стабилизировать ситуацию, а с 1995-го начать выкарабкиваться. Если удастся одолеть инфляцию, пойдут инвестиции, появятся новые рабочие места, возможности маневра.

— Евгений Григорьевич, какие, на ваш взгляд, просчеты допустило правительство Гайдара? Как оцениваете ваш институт первые шаги нового правительства?

— Ну, это длинный разговор. Экспертный институт подготовил доклад на эту тему, и, пока мы его готовили, много спорили. Что в политике Гайдара достижения, что ошибки, что просто бессилие — еще долго будет обсуждаться. Главное — не все умел, почти ничего не успевал, не мог выдержать давление со всех сторон. Возможно, самая важная ошибка — недооценка политической стороны реформ, сотрудничества с разными общественными силами, слишком большая ставка на авторитет Президента.

А новое правительство пока еще себя не показало. Несомненно одно: ему будет очень трудно, — и я не хотел бы заниматься мелочной ловлей его ошибок. Всем надо работать, надеяться только на себя и поменьше ждать манны небесной от правительства.

ИСХОД

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВ

с сострада

Рисунок МСТИСЛАВА БОРОВСКОГО

альным наклоном

Боровский Мстислав

Вот он — Леонидов Петр Васильевич, Петя, Петька, Петруха, когда-то, очень давно, так давно, что будто и не было — Петенька, тридцати двух лет от роду, женат, двое детей (мальчику восемь, девочке четыре), на стороне никого не имеет, просто инженер, не был, не состоял, не участвовал, и всякая прочая скукота, — стоит в центре станции «Маяковская», прямо под одним из плафонов, изображающих райскую жизнь то ли при развитом, то ли при еще каком социализме; стоит просто так, без видимых причин, застывший странным чувством, что остановило его именно здесь и выбило из привычной, протоптанной до полного автоматизма колеи. На него натапливаются, чертыхаются, бегут дальше, его обходят или пытаются обойти, его замечают как одно из препятствий, чтобы тут же забыть, а он стоит и стоит, от всего отрешившись, и тщетно пытается понять: что же такое затормозило его в каждодневном (минус выходные, праздники, отпуска и б/л) пути, что подсекло его всегда неотвратимый приход с работы домой?

Вот тут бы в самый раз вспомнить про весну (а наверху, за стеклянными дверями, в концертной стене, вполне однозначно расположилась весна), про любовь (а что еще может произойти весной с инженером тридцати двух лет, обладателем семьи, налаженного быта и двоих детей?), найти милую, добрую девушку лет двадцати пяти, немного уставшую в поисках принца, можно с ребенком (лучше девочкой), а можно и без, с заботливой мамой, живущей отдельно, со своей квартирой, скучной работой, любовью к искусству и кругом культурных знакомств, подвести ее к эскалатору, заставить, читая новый роман прогрессивного зарубежного писателя, спуститься вниз, толкнуть торчащего на людском пути Леонидова, отвлечься от книги, мило улыбнуться, извиниться — а дальше все пойдет само собой: и мгновенная встреча двух пар глаз, и учатившиеся сердцебиения, и смущенное молчание, и робкое предложение проводить, встреченное целомудренно, но без явного отказа, еле заметным кивком, и последующие свидания, и конфликт долга с любовью, и страдания, и жертвенность, и т. д. и т. п. — можно писать долго, с чувством, сдерживая скупую слезу — «Ах! ах! Как это мило! Какая трогательная история: он — почти Ромео, она — ну, просто вылитая Джульетта! И заметьте, какой морально выдержанный конец!» — чем не тема? чем не сюжет? — тем более что похожая девушка действительно встает на эскалатор, достает из сумки книгу, и эскалатор тягуче волочит ее вниз, и вот уже девушка (кстати, зовут ее Ольгой) перемещается с ползущей ступеньки в вестибюль, делает несколько шагов, натывается на Леонидова, поднимает от книги глаза, говорит «Извините» и... снова утыкается в книгу, вместе с которой ее и уносит через несколько секунд голубой, как мечта пионера, вагон. А Леонидов, так ничего и не заметив, продолжает стоять в центре станции и копать в самом себе.

Копается он довольно долго — с полчаса, не меньше — сначала бессистемно, как любитель удачи, что запускает руку в шка- тулку с одинаковыми билетиками, надеясь вытащить один — тот

самый, счастливый, затем планомерно — перебирая все события дня и пытаясь угадать, какое из них могло вызвать у него это странное чувство, затем опять в случайном порядке, так как перебор событий ничего не дал, и вот он вдруг что-то нащупывает — какой-то отголосок, тень, незначительный след — осторожно, боясь спугнуть, продвигается дальше, и вскоре остается совсем немного — одно небольшое усилие, максимум два, и это странное чувство будет разгадано, обозначено, понято наконец. Тут как назло к нему подходит постовой, трогает за плечо и требует документы. Леонидов, разом забыв о своих попытках, начинает судорожно искать паспорт, но его, конечно, нет, он спокойно лежит дома, и лицо постового, без того далекое от радушия, еще больше каменеет, сейчас на нем откроется рот и холодно попросит проследовать, и рот действительно открывается, но в этот момент — о чудо! — рука Леонидова натывается в кармане на небольшую книжечку — это пропуск, где есть фотография, печать, название учреждения — все, как положено, по форме, не придерешься, даже если захочется. Постовому хочется, он бы не прочь, он уже четыре часа торчит в вестибюле, у него скулы сводит от этой неорганизованной толчеи, ему скучно — и он тщательно сверяет фотографию с лицом, несколько раз прочитывает название учреждения, мучительно шевелит губами, но так ничего до конца и не понимает, рассматривает печать, срок годности, зачем-то смотрит на заднюю сторону обложки и, наконец, нехотя возвращает Леонидову пропуск, берет под козырек и с подавленным вздохом трогается по своему давно опостылевшему маршруту, пройденному за сегодня раз восемьдесят. Леонидов пока свободен.

Внезапный испуг и последующее облегчение временно отвлекают Леонидова от других переживаний, он быстро садится в поезд и до самого дома весь в стремлении слиться с окружающим пассажиропотоком, где развернутая газета, безразличный взгляд и пустое лицо выступают как меты, как необходимые предметы одежды, без которых невозможно сойти за своего, а Леонидов пытается это сделать, но, что раньше давалось само собой, без всякого труда, сейчас получается плохо. Опускание недоверности не покидает Леонидова, ввергает его в тихую панику, он прикладывает все силы, упирает взгляд в одну точку, каменеет лицом, но глаза то и дело срываются в сторону, руки мочалят газету, и, кажется, нет конца этому пути. Только на выходе, тесно вжавшись в толпу перед единственным эскалатором, Леонидов вдруг ловит нужное состояние, погружается в него и с каким-то наслаждением отдается коллективной тряске в автобусе, где вся монолитная, потно дышащая масса подчиняется движениям педалей и руля. Он качается вместе с ней туда-сюда, судорожно хватается за поручни и стены, перед своей остановкой начинает проявлять индивидуальность, протискивается к дверям, вырывается на асфальтированную волю и уже спокойно, не оглядываясь, идет домой.

Дома Леонидов попадает в детский гвалт, в атмосферу готовящегося ужина; все это встречает его сразу, на пороге, не давая опомниться, затягивает в домашнюю суету, где на кухне раз

и навсегда отмеренными движениями старается жена, в комнате носятся дети, и одному надо помочь с уроками, другой — посмотреть, как она укладывает спать куклу. А вот и ужин — сразу возникают проблемы с мытьем рук, с рассаживанием, с поведением за столом, а еще надо убрать игрушки, уложить детей спать, и хотя в последнем участие Леонидова минимально, все равно, так или иначе, это его касается. Только после того, как дети уложены и наконец затихли, жена возвращается на кухню мыть посуду и гладить, а Леонидов вновь обретает возможность побыть наедине с собой. Он включает телевизор, усаживается в кресло, разворачивает газету и пытается вникнуть в текущие события. На какое-то время ему это удается, он узнает о новых столкновениях на межнациональной почве, о раскольнической деятельности народных фронтов Прибалтики, о забастовках вовне и внутри, о случившихся за отчетный день катастрофах, о конкурсе красавиц, о спортивных достижениях и так далее, вплоть до погоды и программы телепередач. Затем следует еще одна газета, перемежаемая вниманием к телевизору, затем еще, еще — эти уже проглядываются быстро, на предмет дополнений к первой, а таковых немного — разница только в нюансах, к которым Леонидов обычно глух, а сейчас тем более, так как беспокойство, что настигло его в вестибюле метро, появляется вновь. Движимый скорее чувством противоречия, стремлением сохранить раз и навсегда заведенный порядок, нежели под влиянием нехороших предчувствий, он с этим беспокойством честно борется, толку в итоге чуть. Вскоре Леонидов уже сидит, уставившись в одну точку, не видя ни мерцающего экрана, ни слетевших на пол газет. Он не думает, нет, не занимается самокопанием, не ищет, как раньше, причины и не пытается даже понять, что это за беспокойство, к чему и откуда, он просто сидит, весь в себе и нигде, не в силах заняться ничем другим. Вот тут-то и всплывает в его голове простая фраза, объясняющая — он в этом уверен — все. Уверен сразу, безоговорочно, хотя поначалу в эту фразу не вдумывается, толком не понимает, лишь повторяет ее на все лады про себя и вслух, испытывая облегчение от того, что мучившая его тайна в конце концов разрешена. «Жизнь кончилась», — произносит Леонидов, и смысл фразы проходит мимо, оставляя один звуковой скелет. «Жизнькончилась», — чередуются звуки, и каждый из них среди других равнозначен, а смысла нет ни в одном. «Жизнь кончилась... кончилась...» — прилежно летает по комнате, пока многократное повторение вдруг не приносит свои плоды. «Жизнь? Кончилась?» — еще раз произносит он и надолго замолкает.

Телевизионная жизнь строго следует газетной программе, «Время» сменяется фильмом, идут титры, и в самый бы раз, казалось, расслабиться, вперить взгляд в экран, отключиться от всего, однако вместо этого Леонидов вдруг встает, выключает телевизор и начинает одеваться. Уже натянув на себя ботинки и куртку, он вспоминает о жене и заходит в ванную. Покоившись с мытьем посуды и глажкой, жена стирает, низко сгибаясь над ванной и двигая руками с размеренностью хорошо отглаженного импортного агрегата. На появление мужа она не реагирует,

и уже одно это лишает Леонидова всякого желания пускаться в откровенность. «Пойду погуляю», — буркает он чисто справочным тоном. Жена выпрямляется, поворачивает голову и, держа мыльные руки над ванной, молча смотрит на Леонидова. Тот тоже молчит, не видя необходимости что-либо добавлять. Так они стоят несколько минут, причем Леонидову кажется, что взгляд жены, с усилием пробиваясь через пелену стирки, готовки и многих других домашних забот, на полпути безнадежно вязнет и до него не доходит. На лице ее, во всяком случае, нет ни удивления, ни возмущения, ни чего-либо другого, свидетельствующего о том, что слова мужа были услышаны и поняты, а есть лишь то умеренное безразличие, каковым занятые люди реагируют на всякую ерунду, в данный момент их мысли не занимающую. «Прогуляюсь я», — вынужден повторить Леонидов, давась ощущением собственной мелкости на фоне такой концентрированной деловитости жены и одновременно презирая ее за это. «Ладно», — равнодушно роняет жена и возвращается к стирке.

Спускаясь по скудно освещенной лестнице, Леонидов еще некоторое время переживает по поводу так внезапно возникшего у него комплекса неполноценности, но в конце концов убеждает себя в обратном и уже на выходе из подъезда вновь обращается к той мысли, которая, собственно, и выгнала его в столь неподходящее время из дома.

На улице его встречают дождь, холод, темнота и слякоть — одним словом, весь тот климатический букет, на который так гораздо отечественная природа. Воздух пропитан водой, моросит сверху, чавкает снизу, и все это обрушивается на Леонидова, усугубляя и без того муторное состояние его души. Какое-то время проводит под козырьком подъезда, не в силах оторваться от пяточка относительной суши и с отвращением обзирает выхваченные цепочкой фонарей куски покорно мокнувшего пейзажа, затем плотнее запахивает плащ и начинает движение.

Ноги сами выносят его к автобусной остановке. В сторону метро автобуса долго нет, зато подъезжают сразу два, следующие в другую сторону, через некоторое время показывается третий, Леонидов переходит улицу, садится в него и едет до конечной. Там немногие пассажиры торопливо выходят, автобус трогается, проезжает несколько метров, останавливается окончательно, водитель глушит мотор, появляется в салоне и долгим, скучающим взглядом рассматривает Леонидова, решая, стоит ли тратить драгоценные силы на освобождение машины от этого мокрого типа, который, похоже, несколько не в себе, или оставить все как есть. Под этим взглядом Леонидов начинает внутренне суетиться, поджимает под себя ноги и уже готовится вскочить, но водитель протяжно, с каким-то сладостным, нутряным подвыванием зевает, отворачивается, зачем-то дергает створку передней двери и уходит обратно в кабину. В салоне гаснет свет, и Леонидов остается один.

Думать ему ни о чем не хочется, неинтересно, да и о чем думать, когда и так все понятно — понятнее не бывает, и потому он просто смотрит в окно. За окном виден черный, блестящий

асфальт, пара автобусов, сиротливо прижавшихся друг к другу, несколько домов с мутными пятнами горящих бкон и притаившийся, как большая лохматая туша, лесопарк. Еще в окно виден дождь. Точнее, не сам дождь, а отдельные капли, которые прилипают к стеклу и, немного помедлив, скатываются вниз.

«Вот так и все мы», — довольно банально философствует Леонидов и поворачивается к противоположному окну, не надеясь, впрочем, увидеть там ничего интересного.

В противоположном окне виден одинокий фонарь, делающий явной мелкую суету дождя, и будка неопределенно темного цвета, без окон, зато с дверью. На двери висит небольшая табличка с какой-то надписью. Леонидов встает и приближается к окну, пытаясь ее прочитать. Видно, что надпись состоит из одного слова, но вот какого — Леонидов никак разобрать не может. Отчего-то ему кажется это очень важным, и Леонидов пытается выйти из автобуса, дергает двери, несколько раз жмет на кнопку, прекрасно зная, что водителя нет, и тем не менее надеясь, что двери от этого сработают. Его энтузиазма хватает лишь на один выход, дальше он уже не идет, а возвращается к своему прежнему месту, садится напротив и начинает опять смотреть на фонарь.

«Ночь, улица, фонарь, аптека...» — через некоторое время всплывает в его памяти. Чьи это стихи — он не знает, по собственной воле никогда их не читал, но еще во время учебы в институте он ухаживал за одной однокурсницей — довольно невзрачной девушкой, которая то ли от смущения, то ли не видя другого способа избежать его настойчивых попыток побыстрее миновать неинтересную стадию платонических отношений, сразу принималась читать стихи, едва они оставались одни. И чем настойчивее были его попытки, тем громче она это делала. Ухаживал он за ней недолго, недели две, и вот надо же — в памяти что-то осталось.

— «Ночь, улица, фонарь, аптека», — повторяет Леонидов вслух, попутно вспоминая, что девушку звали Лена, а про себя уже после второго дня знакомства он называл ее Магнитофоном.

Вспомнив все это, он ищет в памяти следующую строку, ему кажется, что именно она несет в себе нечто, какие-то очень важные, необходимые слова, способные сейчас ему помочь, но глупая память отзывается словами очередного шлагера, пустым трам-там-тамом, в последний месяц заполонившим все вокруг. Слова эти намертво прилипают к мозгам, языку и не дают возможности докопаться до всего остального. Какое-то время Леонидов еще сопротивляется, ему хочется вспомнить продолжение, он решает, что лучший способ — не насиловать собственную память, а просто записать первую строку на бумаге, и тогда вторая выскочит сама собой. Он начинает копаться в карманах, вынимает платок, кошелек, расческу, проездной, еще какую-то мелочь, а ручки все нет. Наконец, он ее находит, но в этот момент понимает, что хочется ему уже чего-то другого. Леонидов рассовывает все обратно по карманам, оставляет один кошелек и от нечего делать принимается считать наличность. Насчи-

тывает всего три рубля двадцать девять копеек — от этого ему становится окончательно скучно, и он засыпает.

Просыпается Леонидов от сильного толчка и удара головой о стекло. Автобус быстро движется, то и дело подпрыгивая на ухабах, ощутимо кренясь на поворотах. Леонидов машинально цепляется за поручень, крутит ушибленной головой и обнаруживает, что в салоне не один. Рядом с ним сидит какой-то мужик — черноволосый, в мятом пиджаке и бесформенной шляпе, которая, похоже, заменяет ему зонт. Не обращая на Леонидова никакого внимания, он копается в кошельке.

«Цыган, — глядя на него, почему-то сразу думает Леонидов. — Из табора». И чувствует прилив симпатии.

— Слушай, друг, — неожиданно для самого себя Леонидов дотрагивается свободной рукой до плеча цыгана, — жизнь-то того, кончилась.

— А она была? — Цыган закрывает кошелек, кладет его на сиденье и мрачно смотрит на Леонидова. — Где ты ее видел?

Растерявшись, Леонидов молча пожимает плечами.

— То-то же. — Цыган встает и направляется к выходу.

— Эй! — окликает его Леонидов. — А это? — Он берет с сиденья кошелек и машет им в воздухе.

— Было б что брать, — презрительно произносит цыган, дожидаясь, когда двери откроются.

— Что? — не понимает его Леонидов.

— Ничего. — Двери расплзаются, и цыган выходит.

Только тут Леонидов замечает, что кошелек подозрительно похож на его собственный.

Ближе к метро народу в автобусе прибавляется. Леонидов пристально вглядывается в лица, пытаясь обнаружить на них отголоски своих мыслей. Лица озабоченные, усталые, равнодушные, замкнутые — какие угодно, но ни на одном Леонидову не удается обнаружить следов того, чем мается сам. И это вызывает раздражение. Получается, что только один он как дурак мучается такими проблемами, а все остальные просто живут — и все. Им этого достаточно, они вполне довольны.

У метро все торопятся к выходу, выходит и Леонидов. Некоторое время он стоит, глядя то на немногих пассажиров, целеустремленно передвигающихся между ярким павильоном и остановками, то на череду оцепеневших автобусов, ячейками стекол напоминающую рассыпанный на отдельные блоки дом. Затем, не имея перед собой никакой цели и даже не задумываясь о своих дальнейших действиях, заходит в метро.

Через несколько станций он внезапно выходит из вагона, поднимается на поверхность, минует небольшой сквер, сворачивает в переулок и, только остановившись у стандартной пятиэтажки, ничем не отличимой среди всех остальных, понимает, куда пришел. Зачем? — это для него так и остается загадкой, которую он, впрочем, разгадывать не собирается. Вместо этого, удивляясь собственной памяти, заходит во второй по счету подъезд, поднимается на четвертый этаж и звонит в знакомую дверь, обитую все тем же коричневым дерматином.

Дверь открывается сразу. На пороге стоит Лена.

— Привет,— спокойно, словно не видя в своем визите ничего удивительного, говорит Леонидов.

— Здравствуй,— таким же ровным тоном отвечает Лена.

— Не узнаешь? — на всякий случай спрашивает Леонидов, хотя и понимает, что Лена узнала его сразу. Как и он ее.

— Узнаю.— Лена сдвигается в сторону.— Заходи.

Леонидов заходит, чувствуя легкое раздражение оттого, что все происходит так буднично.

— Ты одна? — стоя в коридоре, спрашивает Леонидов. Ему уже хочется, чтобы Лена была не одна,— это дало бы хороший повод сразу откланяться.

— Одна.

— Я не помешал?

— Нет. Проходи в комнату.

В комнате ярко горит люстра, и при ее свете Леонидов внимательно разглядывает Лену. Он сразу замечает выцветшие до желтизны волосы, собранные на затылке в худосочный пучок, не то чтобы располневшую, но как-то расплывшуюся, потерявшую форму фигуру, облаченную в сиротского вида халат, бледное, бесцветное лицо с морщинами на лбу и у глаз и решает, что нет, пожалуй, встретив на улице, он бы ее не узнал, и не столько потому, что она так уж сильно изменилась, а просто бы не заметил, прошел мимо.

Лена тоже его в этот момент разглядывает, но не так откровенно, только краем глаз, при этом что-то убирая с дивана и стола, доставая из шкафа одежду. Извинившись, она на несколько минут исчезает на кухне.

Теперь Леонидов осматривает комнату. Стол, стулья, кресло, стенка, диван, телевизор — все почти такое же, как и у него, стоит вдоль стен и не цепляет взгляд. Единственное отличие — несколько портретов, разбросанных по стенам, и три ряда книжных полок, забитых до отказа, так что книги лежат и сверху. У Леонидова заполнен только книжный шкаф, и то не до конца — одна полка занята сувенирами.

Из кухни Лена появляется уже в строгом костюме и с чайником. В костюме она выглядит немного лучше, но напоминает Леонидову про опостылевшую службу. Пока она накрывает на стол, он молчит. Она тоже.

— Может, ты хочешь есть? — спохватывается Лена, когда для чая уже все готово.

— Нет, спасибо,— отказывается Леонидов, хотя есть ему действительно хочется. И даже довольно сильно.

— Тогда садись пить чай.— Лена начинает разливать заварку.— Тебе покрепче?

— Средне.— Леонидов усаживается за стол и после некоторой заминки берет печенье.— А... — хочет он спросить Лену о ее родителях, но вовремя спохватывается. Все ясно и так.

Они молча пьют чай. Почти одновременно им в голову приходит мысль, что сейчас они похожи на двух супругов, проживших друг с другом так долго, что все темы для бесед давно уже исчерпались. Они поднимают от чашек глаза, встречаются взглядами и...

— Как ты живешь? — спрашивает Леонидов.

— Нормально.

— Работаете? — Он понимает, что вопросы дурацкие, но ничего иного в голову ему не приходит.

— Да, конечно.

— А где? — Леонидов не в силах остановиться, хотя все это его совершенно не интересует.

— В НИИ.

— И как, нравится?

— Нормально. Тебе подлить?

— Давай. — Леонидов подставляет чашку. — А ездить далеко?

— Полчаса. — Лена отвечает спокойно, вежливо, терпеливо, и от этого Леонидову все сильнее кажется, что выглядит он полным дураком.

— Недолго.

— Да, удобно.

— А зарплата? — продолжает Леонидов, не зная, о чем еще говорить.

— Хватает.

— А все-таки?

— Две шестьсот.

— Немного.

Лена молча пожимает плечами. Не дождавшись ответной реплики, Леонидов берет конфету и, разворачивая ее, говорит:

— А мне недавно старшего инженера дали.

— Поздравляю. — В голосе Лены не слышно никакого оживления. Она смотрит в чашку, крутит фантик, лежащий на столе, и на Леонидова глаз не поднимает.

— Спасибо, — проникновенно говорит он и накрывает ладню ее кисть.

«Может, обнять ее?» — думает Леонидов, но для этого ему надо встать, взять свой стул и обогнуть стол. Сделать все это он не решается. Вместо этого вздыхает и глухо говорит:

— Жизнь кончилась.

Лена молча смотрит в чашку.

— Понимаешь? — Леонидов сжимает ее кисть. — Ничего...

Ничего нет.

— Понимаю. — Лена поднимает наконец глаза и пристально смотрит на Леонидова.

— Пустота какая-то. Бессмысленность вокруг. — Леонидов с трудом подбирает слова, выталкивает их из себя и тут же давится, в последний момент ощущая их ненатуральность, все больше и больше впадая в растерянность из-за того, что нет, оказывается, слов, способных передать его нынешнее состояние.

— Ходим, спим, едим, а за этим ничего. Пусто. И ничего не будет, вот что самое...

— Это бывает, — спокойно перебивает его Лена. — Потом пройдет. — Кисть ее выскальзывает из-под ладони Леонидова и прячется под стол. Взгляд становится непроницаемым и устремляется куда-то за Леонидова.

У Леонидова такой вид, будто ему залепили пощечину.

Лена помешивает давно остывший чай, и мерное звяканье

тревожным звончком разносится по комнате, действуя Леонидову на нервы. Ему кажется, что Лена это делает специально. Он вдруг видит, что сейчас она удивительным образом похожа на его собственную жену.

— А у тебя? — с вызовом спрашивает Леонидов. — Все хорошо, да? Все отлично?

— Да! — очень громко отвечает Лена, и на этом разговор заканчивается.

Леонидов поднимается и идет в прихожую. Надевая плащ, он думает, что бы такое сказать напоследок, но на язык просятся лишь очень грубые слова, и в конце концов, не найдя ничего лучшего, он с кривой усмешкой, должной изображать иронию и язвительность, произносит:

— Рад за тебя.

Лена молча кивает. Отвечать у нее уже нет сил. Истолковав кивок как приглашение поскорее уматываться, Леонидов выходит и захлопывает за собой дверь.

На улице, сгоряча свернув не в ту сторону, Леонидов быстро запутывается в одинаково серых пятиэтажках.

Каждая из них стоит в окружении чахлах кустов и в темноте похожа на грубо обтесанный горный хребет со скудной растительностью у подножия. Уже поздно, и темные провалы окон — как дыры покинутых пещер — правильными рядами расползаются по стенам, опутывая редкие квадраты света, где еще теплится жизнь. Один из таких квадратов чем-то привлекает к себе внимание Леонидова. Он сходит с тротуара, увязая в грязи, подходит к стене дома, находит ящик, вскарабкивается на него, приникает к стеклу и сквозь полупрозрачную волну тюлевых занавесок видит небольших размеров комнату, освещенную настольной лампой. Конец комнаты погружен в темноту, лишь смутно угадывается какая-то мебель, а ближе к окну виден женский силуэт, склонившийся над столом. В одном месте занавески до конца не сходятся, образуя щель. Леонидов осторожно спускается с ящика, стараясь не шуметь, передвигает его и влезает обратно. В щели между занавесками женский силуэт превращается в молодую девушку. Как ни странно, это та самая девушка, которая несколько часов назад наткнулась на Леонидова в вестибюле метро. Но Леонидов об этом не подозревает, он тогда ее не заметил и теперь просто смотрит на незнакомую девушку — не красавицу, но довольно симпатичную, задумчиво читающую книгу. Леонидов почему-то уверен, что это стихи. Во всяком случае, ему очень хочется, чтобы это были стихи, и не просто стихи, а именно то стихотворение, единственная строка из которого навязчиво не отпускала его в автобусе. Отчасти ради того, чтобы в этом убедиться, он негромко стучит в окно.

Девушка продолжает читать. Она даже не меняет позу, только перелистывает страницу и прижимает ее рукой.

Леонидов стучит сильнее. На этот раз девушка вздрагивает и поднимает глаза. Она осматривает комнату, поворачивается к окну, но Леонидова по-прежнему не замечает, хотя тот почти прижимает лицо к стеклу.

Леонидов стучит в третий раз. Он настойчив, хотя и сам не понимает: зачем?

Девушка встает и отдергивает занавеску. При виде Леонидова она не пугается, не отшатывается, лишь выражение легкого замешательства появляется на ее лице.

Леонидов начинает делать ей разные знаки, убеждая открыть окно. Девушка отрицательно качает головой. Она давно живет на первом этаже и по собственному опыту знает, что мужчины стучат в окно либо для того, чтобы попросить в долг стакан, либо с настырным предложением вместе переночевать. Для первого, правда, время несколько неподходящее, зато для второго — в самый раз.

Однако Леонидов с умоляющим видом продолжает жестиковать, и девушка в конце концов понимает, что так просто он не отвяжется. По крайней мере придется его выслушать. Она неохотно приоткрывает окно, всем своим видом демонстрируя решительное желание в любой момент захлопнуть его обратно.

— Извините, — торопливо говорит Леонидов, — можно узнать, что вы читаете? Случайно не стихи?

Девушка удивлена. Для обычных приставаний начало довольно странное. Она приоткрывает окно пошире и, прежде чем ответить, внимательно рассматривает Леонидова. Результат ее совершенно не греет. Естественно, она тоже не запомнила Леонидова (а если бы и запомнила — что с того?) и теперь видит перед собой обычного человека самой заурядной внешности, в мокром плаще и с несчастным выражением лица, с которым у нее обычно и просят стакан. Человек этот ничем ее решительно не привлекает. Ей просто неинтересны его проблемы, равно как и он сам, и единственное ее желание — поскорее вернуться к книге, где есть все, чего так жаждет ее душа, — и страсть, и приключения, и любовные муки, и романтика, и многое-многое другое из того, чего она напрочь лишена в жизни и что ей давно эту жизнь заменяет. Только небольшое любопытство и правила приличий мешают ей решительно захлопнуть окно.

«А зачем вам это?» — хочет спросить она, но в последний момент передумывает и тихо отвечает:

— Нет, не стихи.

Леонидов разочарован. Он чувствует себя обманутым. У него такое ощущение, будто на несколько секунд ему приоткрыли дверцу западни, в которую загнала его жизнь, помахали перед самым носом небольшим краешком чего-то, смахивающего на надежду, поманили, прошептали «Выходи» и тут же прихлопнули дверцу еще плотнее, замуровали, законопатили, так что и следов никаких не видно. Леонидов полностью теряет к девушке интерес, ему и смотреть на нее уже неприятно. Он опускает голову, слезает с ящика и готовится исчезнуть в окружающей темноте. Но тут девушка не выдерживает:

— А что?

Леонидову все окончательно ясно, иллюзий нет, и разговор тяготеет своей полной ненужностью, но что-то помимо его желания в нем отвечает:

— Просто стих один вспомнить никак не могу.

— Какой? — сразу спрашивает девушка, не давая ему уйти.
— Названия не знаю, — топчется на месте Леонидов. — Помню только первую строку.

— Какую? Прочтите. — Голос девушки звучит требовательно, и Леонидов подчиняется. Он читает.

— Дальше так... — Девушка дочитывает до конца и с укором добавляет: — Это Блок.

— Спасибо, — хмуро говорит Леонидов. Ему становится жутковато оттого, что так все странно совпало. Сейчас бы он предпочел это стихотворение вообще никогда не слышать.

— Не за что.

Леонидов отходит от дома, оборачивается и видит, что девушка все еще стоит у окна. Словно чего-то ждет. У него мелькает мысль вернуться, но мысль довольно вялая, да и никакого желания возвращаться он в себе не находит.

Еще какое-то время Леонидов плуствует среди домов, но бродит, не имея никакой цели, просто чтобы не стоять на месте, чтобы что-то мелькало перед глазами и вокруг, не давая окончательно увязнуть в самом себе, и так как метро он на этот раз не ищет, то достаточно быстро к нему и выходит. Спускается вниз и, скорее по привычке, чем по осознанному желанию, садится в поезд, который идет в сторону его дома.

В вагоне, кроме него и двух пожилых женщин, тихо дремлющих над набитыми сумками, едет старик, судя по всему, сильно подвыпивший. Закрыв глаза и склонив поросшую белесой щетиной голову набок, он самозабвенно выводит на гармошке что-то задумчивое и протяжное, аккомпанируя собственному мычанию. Ни слов, ни мелодии разобрать невозможно, но старика это совершенно не трогает. Леонидову тоже все равно, напротив, долетающие звуки как-то резонируют с его состоянием, ему хочется подключиться к мычанию старика, но что-то удерживает, и только женщины, когда поезд останавливается на станции и звуки резко усиливаются в недолгой тишине, как по команде вскидывают головы, недовольно смотрят на старика и тут же опять погружаются в дремоту. На конечной женщины вскакивают и торопливо выходят. Леонидов тоже переступает порог вагона, но затем возвращается и трясет старика за плечо. Старик как-то вздергивается, встряхивает головой и, по-прежнему не открывая глаз, начинает еще энергичнее мычать и извлекать из гармонии тягучие звуки. Придержав сползающиеся двери, Леонидов выскакивает на перрон, барабанит в стекло. Поезд трогается. Старик продолжает играть, теперь почти беззвучно на фоне нарастающего воя. С чувством непонятного ужаса Леонидов смотрит, как черная дыра тоннеля медленно, вагон за вагоном, заглатывает поезд вместе со стариком, затем срывается с места и торопливым шагом покидает метро.

На улице он приходит в себя, оборачивается, долго смотрит на сияющий павильон, пожимает плечами. Ему стыдно за этот внезапный нелепый страх. «Хорошо, что никто не видел», — думает он и уже спокойно идет к автобусной остановке.

В автобусе Леонидов неотрывно смотрит в окно, где его собственное отражение скользит по пятнистым сумеркам, иногда

прерываясь вспышками близкого света от редких фонарей. На своей остановке он поднимается, выходит, но тут же, что-то вспомнив, заскакивает обратно и едет до самого конца. Там он быстро находит фонарь, будку, подходит к ней и впирается глазами в табличку. «Инструмент», — написано на ней.

«Вот и все, — с обреченным спокойствием думает Леонидов. — Ну и ладно. Значит, так оно и должно быть». — Он чувствует себя очень уставшим. Все тайны кончились, сил нет, и никуда идти ему больше не хочется. Ему вообще ничего не хочется, поэтому он обходит будку, садится прямо на мокрую землю и с облегчением закрывает глаза. И тут же вздрагивает от шороха и громкого вздоха, которые раздаются совсем рядом. Повернув голову, он видит собаку. Собака лежит неподвижно, свернувшись клубком, положив голову на лапы. Глаза ее настойчиво следят за Леонидовым.

— Ну что, пес... — Леонидов протягивает руку, чтобы ее погладить.

Собака глухо рычит. Пониже блестящих глаз появляется белая полоска зубов.

— Это ты зря. — Леонидов убирает руку и переводит взгляд на темнеющий рядом лес.

Вновь припускает дождь. Капли молотят по крыше будки, скатываются по козырьку и настырными нитями сверлят землю в нескольких сантиметрах от поджатых ног Леонидова. Контур леса сразу расплывается и становится почти неразличимым на фоне неба. Устремив невидящий взгляд прямо перед собой, Леонидов негромко произносит:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бесмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.*

*Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Фонарь за будкой, мигнув, гаснет. Собака еще раз вздыхает и придвигается к Леонидову. Закрыв глаза, тот начинает ее осторожно гладить. От каждого прикосновения собака вздрагивает и тихо скулит. Леонидов плачет.

Через несколько дней, оправившись от ангины, Леонидов скромно, в кругу семьи, отпразднует свое тридцатитрехлетие.

Всю эту ночь он напрочь выбросит из памяти и никогда не станет о ней вспоминать. Какое-то время он еще будет поспешно отворачиваться при виде бродячих собак и вздрагивать, услышав о Блоке, но потом пройдет и это. Так же, как и все остальное.

«Умрешь — начнешь опять сначала...»

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

ЗУБРЫ

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕИШВИЛИ

Современники

Зубр — современник мамонта. Однако при всем воображении не так-то просто представить, что наш зубр и мамонт когда-то вместе бродили по земле, эдак миллион с лишним лет назад. Но стоит только увидеть зубра воочию, как сразу же понимаешь: так оно и есть. Они очень похожи. Причем это не столько внешнее сходство, сколько другое, совсем другое. А какое — не объяснить.

Когда я впервые увидел зубра, который лежал на снегу, под деревом, как бурый обломок скалы, а потом поближе рассмотрел его тысячекилограммовую глыбу, поросшую длинной шерстью, могучий загривок, горб его огромный, крутые завитки рогов, поймал взгляд исподлобья, как будто из какого-то далека, — жутковато стало, как холодом, повеяло чем-то пещерным, доисторическим. Заледневшей вдруг спиной, нутром, инстинктом почуял эту его первобытность, ископаемость.

А потом, конечно, привыкаешь. Даже значения не придаешь. И только когда говоришь знакомым, что завтра тебя не будет, что поедешь на денек зубров посмотреть, когда встречаешь в ответ совершенно ошарашенный, ошалелый взгляд, тогда и опоминаешься, осознаешь...

Да, немногие знают, что экзотические зубры живут не где-то далеко, в недоступной для нас Беловежской Пуще, а рядом с Москвой, в Данках, в двух часах езды, в Приокско-Террасном заповеднике. Здесь Центральный зубровый питомник, то есть место, где появляются на свет и выращиваются молодые зубры, откуда потом они расселяются во все пределы, в места своего древнего обитания: на Кавказ, в Среднюю

Азию, в Прибалтику, в Беловежскую Пущу... Зубринные владения занимают в заповеднике двести гектаров земли, огороженной высокой и толстой проволочной сеткой. Двести гектаров на пятьдесят голов. На каждую зубриную семью — отдельный загон в пять гектаров.

Зубрам, которые появляются здесь на свет, то есть московским зубрам, даются имена (клички), начинающиеся на буквы «Мо» и «Му»: Монтей, Мона, Монтаг, Мушкатель, Муравлинка, Музон... Есть здесь звери и из других стран. Но в любом питомнике, в любом зоопарке по имени можно сразу определить, где родился, откуда приехал зверь. Если имя начинается на «Бл» — Бликсем, Блэк, Блау — значит, из Голландии, из-под Роттердама. Если «Ав» — Авел, Авраам, Аввадон — из Швеции. Если на «П» или «Пл» — Плессис, Плещух, Плэкс — из Польши, из польского Беловежского национального парка...

А первого зубренка, который родился на московской земле, называли Москвитянин.

История

21 ноября 1992 года Михаилу Александровичу Заблоцкому исполнилось 80 лет.

Лауреат премии ООН «Глобал 500» за выдающиеся достижения в охране окружающей среды, патриарх Заблоцкий — живая история восстановления зубра в нашей стране. В тридцатые годы он начал работать в заповеднике Аскания Нова, когда там обитал единственный на территории СССР чистокровный зубр по кличке Бодо. И он же, Заблоцкий, спустя двенадцать лет встречал первых кавказско-беловежских зубров, присланных нам правительством Польши.

Тех самых Пуслава, Пустулечку, Плессе и Плещуха, с которых и начался питомник, началось у нас восстановление зубра. В нашей Беловежской Пуще к тому времени не осталось ни одного зверя. После установления границы чудом уцелевшие в огне войны семнадцать зубров оказались на территории польского Беловежского парка Народного... Уведомление о прибытии на станцию Серпухов первого вагона с зубрами Михаил Александрович получил в свой день рождения — 21 ноября 1948 года.

История зубра — это история его безжалостного уничтожения ради азарта в королевских, царских и прочих вельможных охотах или же корысти ради, как это было у нас на Кавказе в десятки и двадцатые годы, когда, как свидетельствует очевидец, «кожевники-кустари... объявили о плате за шкуру зубра 400 рублей и началось дикое истребление. Снималась шкура, мясо бросалось, и многочисленные туши, полустлевшие, гниющие, свидетельствовали о безумии людей!».

История восстановления зубра — это история самоотверженности ученых плюс стечение случайных обстоятельств.

Биолог Виктор Перерва в книге «Возвращение зубра» приводит такой трагический мартиролог: X—XIV века — зубр перестал существовать на территории нынешних Англии, Швеции, Франции, Бельгии, Испании, Австрии, Болгарии, Югославии; 1364 год — убит последний зубр в Западной Померании; 1755 год — последние два зубра уничтожены в Восточной Пруссии; 1762 год — исчезли зубры на территории Румынии; 1790 год — уничтожены зубры в Трансильвании; 1793 год — убиты последние зубры в Саксонии; в том

же XVIII веке истреблены все зубры в бассейне Дона.

В мае 1919 года в Беловежской Пуще была убита последняя зубрица беловежского подвида. В дикой природе беловежский зубр перестал существовать. Но он сохранился в зоологических садах и парках, в частных поместьях, и с 1923 года началось его восстановление под эгидой международного сообщества ученых.

А вот кавказского зубра нет и уже не будет. Он безвозвратно исчез с лица земли, когда в 1927 году была застрелена последняя кавказская зубрица.

К счастью, еще до революции в знаменитый зоопарк Гагенбека в Гамбурге попал из России зубр Кавказ. Его скрестили с беловежской зубрицей. От них и пошел новый подвид — кавказско-беловежские зубры, выращиванием которых и занимается зубровый питомник в Приокско-Тerrasном заповеднике.

Грозный Авел из Авесты

Его привезли из Швеции, из частного питомника Авеста. Чтобы улучшить породу, вливать свежую кровь.

Свой заграничный нрав Авел проявил сразу — отказался есть свеклу. В сопроводительных бумагах было указано, что там, в иностранной Швеции, он в качестве сочных кормов употреблял яблоки. К счастью, в ту осень урожай на яблоки был щедрым, зуброводы в окрестных лесах подбирали падалицу и кормили привередливого быка. Но со временем, конечно, Авел привык и к свекле, куда же денешься.

Однако случай с яблоками — семечки, если здесь уместен садово-огородный каламбур. Через две недели Авел чуть было не окопел от голода на глазах у всех.

В каждом загоне есть железная лестница, для безопасности, чтобы в случае чего зубровод мог махнуть через сетку. Авел между двумя перекладинами лестницы просунул морду и один рог — и застрял, конечно. Будь это другое животное — ничего страшного, пришли бы люди и освободили. Но ведь это зубр, машина в тонну весом и два метра в холке, ударом рогов деревья валит. Авел эту лестницу, сваренную из толстого железного уголка, обмотал вокруг морды, как шарфом... Шарф-то шарф, но с таким шарфом зверь ни пить, ни есть не может. И в руки не дается, беснуется.

В общем, на глазах погибает животное. Импортный, валютный экземпляр!

Вообще-то проблем тут быть не должно. Взяли ружье, зарядили специальной ампулой, усыпили... А где ту ампулу взять? Ну, как где... В сейфе Белоусовой, заведующей зубровым питомником, в сейфе Брынских, заместителя директора заповедника по науке, да в сейфе любого научного работника!

Не тут-то было. И если вы приехали из какой-нибудь Швеции, то поскорее забудьте об этом. Быть может, у вас социализм — это учет, а у нас вместо хлопотливого учета каждый и любой подозревается в том, что он потенциальный преступник, и необходимый для работы препарат употребит куда-нибудь не туда. И потому люди, непосредственно работающие со зверями, живут здесь, в Данках, или в любом другом далеком уголке России, а необходимый препарат хранится в Москве! И доступ к нему имеет один-единственный человек!

Бросились звонить ему, этому единственному ответственному. А он в командировке, аж на Камчатке! И сейф закрыт, и ключи от

того сейфа там же, на Камчатке...

Дали телеграмму министру (!). Министр самолично (!) отдал приказ вскрыть сейф. Препарат достали, в Данки сообщили, что выезжают, часам к одиннадцати привезут...

Но пока спецлюди со спецпрепаратом мчались сюда аж из самой Москвы, зловредное заграничное животное передумало. Авел, все осознав, сдался добровольно.

Потом шведский бык начал показывать свой норов советскому семейству. Но тут вмешались люди, Авела отвлекли, а зубрицу и молодых зубров переправили в смежный загон. Тогда бык начал штурмовать сетку и в конце концов пробил ее в одном месте, прорвал, вырвал из креплений. А сетка там не обычная дачная, а из проволоки-катанки толщиной в десять миллиметров.

Снова Авела отвлекли, заманили на другой край загона, а тем временем проран между двумя загонами прикрыли грузовиком. Ирина Павловна Белоусова, заведующая зубровым питомником, велела шоферу уходить немедленно. Шофер же хорохорился: мол, что он сделает, не опрокинет же машину. Но Ирина Павловна настояла. И вовремя. Авел, осмотревшись, увидев нового врага, атаковал его с ходу. Ударил в самое уязвимое место — в пах. То есть, по машинной анатомии, под задние баллоны. Ударил — и стал поднимать на рогах. А — не может.

У зубров законы простые: если я не могу поднять врага, если он тяжелее — значит, он сильнее меня! А раз сильнее — значит, он, грузовик, поднимет меня на рога!

И тут все увидели, как мощная голова Авела опустилась. А хвост — торчком!

Обычная поза, уверенная, победительная поза зубра — поднятая

голова и свободно свисающий хвост. Поднятый хвост означает сильное возбуждение, тревогу, агрессию, опасность, страх, сильный испуг. А низко опущенная голова — подчинение, признание превосходящей силы противника.

Так и стоял Авел, сдавшись, опустив голову и задрал хвост. И нельзя отвернуть голову и бежать, потому что тогда грузовик ударит его рогами в незащищенный бок. Но Авел, умный зверь, нашел выход. Он дал задний ход и как молния — задом! — пролетел метров пятьдесят! И там уже остановился все в той же позе, задрал хвост и опустив голову к земле, готовый встретить врага.

Однако грузовик не стал атаковать его. Авел, поняв это, слегка приободрился, приподнял голову, чуть опустил хвост. Выждал еще какое-то время, видит: грузовик стоит на месте, видно, тоже побаивается, опасается. Тут уже Авел воспрял духом, голова поднялась, хвост опустился — и зверь восстановил свой величественный облик.

Еще много буйств учинил на нашей земле заграничный зубр Авел, но грузовик с тех пор он уважал всегда.

Мушкатель

Авел, конечно, драчун выдающийся. А до него был Плёкс. Я входил к нему в загон, долбил пешней лед в поилке, кормил, в общем, обихаживал. Просто не знал, что он драчун. Да он, Плёкс, в отличие от Авела от людей не кидался. Он все пытался помериться силами с Мушкателем, который обитал в соседнем загоне. И однажды добился своего, снес сетку на бетонных столбах и вызвал того на бой. И получил от Мушкателя хорошую трепку. При-

бежавшие рабочие пытались их разнять, бросали камни, зубровод Вася даже палкой их колотил. Ну, это все равно что пытаться разнять два дерущихся КамАЗа... Пока сами не устанут — не разойдутся.

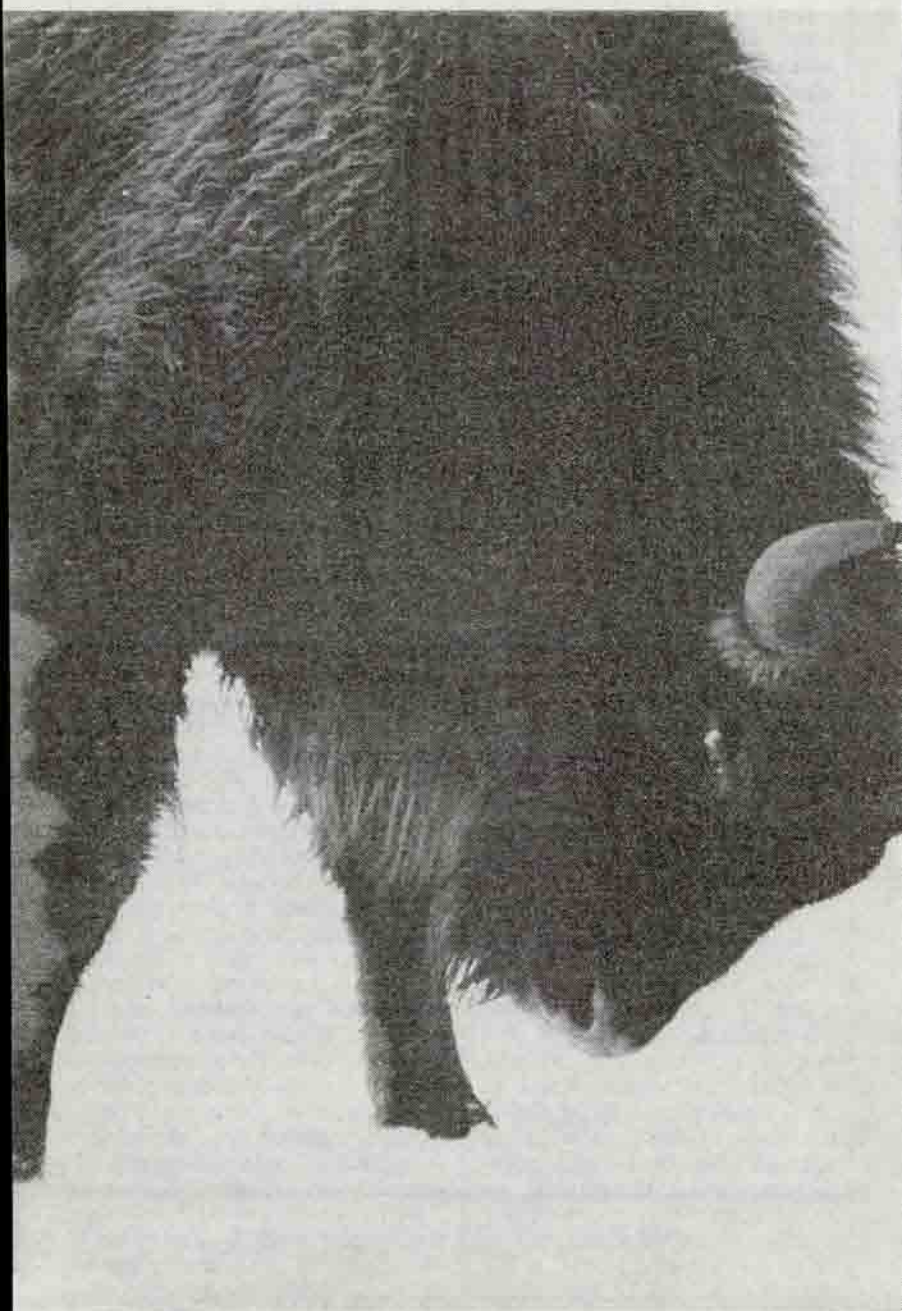
Вообще, по наблюдениям биолога Виктора Перервы, в питомниках быки становятся чрезмерно агрессивными. Если за всю историю наблюдений в научной литературе не описано ни одного случая зубриной схватки на воле, закончившейся смертью, то здесь такой случай был, единственный. Да и другие бои неизвестно чем бы закончились, если бы не вмешательство людей. Постоянное соседство, постоянное присутствие в поле зрения чужака не может не раздражать, не разъярять быка, особенно если по характеру он склонен к буйству. И здесь уже никакой урок не впрок. Тот же Плёкс на следующий год опять прорвал сетку и бросился на быка Монтея. И снова получил трепку.

А вот Мушкатель, самый мощный зубр в питомнике, никогда драчуном не был.

Мы с Ириной Павловной бродим по заповеднику, и она нет-нет да останавливается: вот это дерево пометил рогами Мушкатель, а вот эту дыру в сетке сделал Мушкатель...

Уже десять лет минуло, как нет на свете Мушкателя, а мы все вспоминаем его. Конечно, первая любовь... К тому же в те годы внимание всех было приковано именно к нему, к Мушкателью, кресе и гордости заповедника. Но дело не только в том, что краса и гордость... Что-то было в Мушкателе, отличающее его от всех.

Зубр — зверь дикий. Никому не рекомендуется подходить вплотную, близко к сетке загона. Мало ли что... боднет, ударит двухсоткилограммовой башкой через сет-

ку — человеку вполне достаточно... А Мушкатель был ласковый. Ирина Павловна просовывала руку сквозь сетку и чесала ему лоб с крутыми завитками шерсти. А Мушкатель, зверь весом больше тонны, становился на колени и заваливался набок: мол, хорошо бы теперь и брюшко почесать...

В питомнике давно был заведен обычай: старого зубра, уже утратившего способность давать потомство, выпускали на волю. Он бродил вокруг питомника, помечал рогами свою территорию, уходил в пойму Оки, залегал там в ольховниках, глядя на далекие огни города Пушино... В две свои предпоследние книги прозы я неизменно включал рассказ «Как умирал Мушкатель», где пытался воссоздать последние дни старого зубра, умирающего на воле, когда весь мир для него все такой же, каким и был, и он сам такой же могучий, как и всегда, ничего не изменилось, только вот жесткую кору уже есть нельзя, а потом и мягкую траву уже не пережевать: нечем, нет зубов, стерлись зубринные зубы до корешков. И зубр умирает не оттого, что кончились, иссякли силы, а оттого, что стерлись зубы, оттого, что перестает есть, оттого, что пришло его время. Пытался я в том рассказе воссоздать сны старого зубра, когда ему в забытьи почему-то видится другая земля, сухие степи, горячий ветер, похожие на него звери, бродящие по высоким травам — прерия снится Мушкателью... или та земля, по которой может быть, сто или двести тысяч лет тому назад бродил его предок.

Одним словом, художественный вымысел, домысел. Но вот одна деталь, которой я не знал. Когда Мушкатель жил на воле, в заповедник то и дело прибегали окрестные жители с паническим изве-

стием: «У вас там зубр околел! Лежит, задрал копыта!»

А это спал Мушкатель. Набьет брюхо травой так, что оно горой вздымается, ложится набок, а поскольку рога мешают, то он один рог зарывал в землю. Мало того, слегка переворачивался на спину и задирает вверх заднюю ногу — ни дать ни взять околевший. А копыто вверх он задирает для того, чтобы брюхо проветривалось, обветривалось...

Теперь старых зубров на волю не выпускают. Изменились времена, изменились люди. И теперь уже опасно могучему быку бродить по приокским лесам без защиты.

Умные

Вообще глупых зверей не бывает. По моему мнению. Во всяком случае, внешне это, на наш взгляд, особо не проявляется. В отличие от нас. Это ведь только мы из поколения в поколение упорно изобретаем велосипед или на каждом шагу наступаем все на те же грабли. Зубры дважды на одни и те же грабли не наступают, дважды на одну и ту же удочку не попадаются.

Как-то бизониха (в питомнике есть и семья бизонов, ближайших родичей зубра) слегка поранила спину возле крестца. Место неудобное, залезть нельзя, языком не достанешь. Хвостом мух и оводов не отгонишь. А они обсели, растравили ранку — уже в ладонь...

Люди думали-думали — и придумали. Прикрепили наверх кормушки длинную палку, а на дальнем ее конце — баночку с дегтем. Бизоны постепенно к ней привыкли: не лает, не кусается, не стреляет... И, выстроившись вдоль кормушки, мирно ели, уже не обращая на нее внимания.

Выбрав момент, когда бизониха оказалась как раз под баночкой, зуброведы баночку опрокинули — залили рану дегтем. А вот второй раз уже не получилось. Пока баночка пустая, бизоны на нее нуль внимания. А как только запахнет дегтем — под нее не становятся...

Зубры любят порядок. У всех зверей в семейной жизни свой устав, своя иерархия. У зубров, например, матриархат, вождь семьи — зубрица, старшая самка. Бык ходит отдельно, потому и называется «одинец». К семье приходит только осенью, когда начинается гон, покрывает вначале старшую самку, потом других, по очереди, по старшинству, по установившемуся в семье рангу.

В условиях неволи, понятно, многое сместилось. Быку особо удалиться просто некуда, и он с семьей бывает чаще. Идет, как правило, впереди. Зубрица старшая — за ним и так далее, в установившемся порядке. И в случае опасности бык идет первым. Хотя не всегда. Уже здесь, в питомнике, в вольном стаде, биолог Виктор Перерва наблюдал, как бык и старшая самка во время преодоления опасного, неизвестного им участка проталкивали вперед молодых зубров, а сами уже шли по пути проторенному, убедившись, что опасности нет...

Особый ритуал — еда. Это у всех зверей: кто первым подходит к кормушке, кто вторым...

У зубров в добыче еды, в самом процессе, есть некий особый порядок, человека умиляющий и изумляющий, когда он (нечасто) с таким сталкивается... Как-то вольные зубры (те, что до четырех лет ходят не в загонах, а на вольном выпасе) забрели на огород Ирины Павловны. Выкопали и съели для начала всю морковь. Потом выкопали всю свеклу, но съели только

ботву. А свекольные клубни старательно очистили от грязи (терлись об них мордами) и аккуратно разложили по грядке. Наверно, приготовили на завтра...

Ирина Павловна, придя домой, увидев, собрала уже выкопанную, очищенную от ботвы и от грязи свеклу и сложила в подпол. Как говорится, спасибо, ребята, за работу. Жалко только, что морковь не оставили.

Олени

В дикой природе такого не бывает, чтобы олени ходили в одной компании с зубрами. А в заповеднике — картина обычная. Понятно, дело не в симпатиях, вдруг меж ними возникших. Круглосуточно бок о бок они по лесам окрестным не бродят. Но к прикормочной площадке собираются все вместе и мирно там соседствуют, гуляют туда-сюда, как будто всю жизнь не разлей вода...

Зубры в возрасте от одного до четырех лет живут на воле. Их голов десять — двенадцать, раньше, в семидесятые годы, стадо доходило даже до двадцати голов. Для вольных за территорией заповедника оборудована специальная площадка. После того, как накормят взрослых зубров в загонах, едут к ним, раскладывают сено, свеклу, овес. А они уже ждут. Спят. И рядом с ними, вперемешку и вперемежку — пятнистые олени. Причем оленей раза в три больше. Глаза — как большие черные смородины. Шерстка — апельсиновая. Уши — как локаторы. Посматривают, косятся, пошевеливают, подрагивают ушами настороженно. Сделаешь резкое движение — отбегают от тебя, отпрыгивают. А вернее — не отпрыгивают, а отплывают, плывут...

Раньше я думал, что это какой-

то кинотрюк. Замедленная съемка. Или просто с кинокамерами у нас что-то не в порядке: как-то скорости не совпадают, и потому получается невзначай такая сказка. А когда впервые увидел их на воле, да не издалека, так, что рукой достать можно, с изумлением и радостью убедился, что все правда, не сказка, на самом деле. Медленно, плавно, точно во сне, отрывает олень от земли точеные ноги, копыта поджаты, голова закинута назад — и плывет, плывет по воздуху... Чудо какое-то!

Но самое странное и удивительное то, что громадные зубры в беге плывут по воздуху почти точно так же, как и грациозные олени. Конечно, только молодые зубры. Взрослого быка редко увидишь бегущим: он самый сильный, самый крупный зверь в дикой природе, ему спешить некуда и бояться некого. Да и с тонной собственного веса не очень полетаешь... А вот молодые, если расшались или бросаются в испуге, например, от близкого удара грома, бегут почти как олени: отрываются от земли, подбирают, поджимают копыта — и летят...

Увы, теперь приедем человеку уже не увидеть вольно пасущихся зубров. Появились в округе браконьеры — и с этого года молодых зубров перевели на территорию питомника. И олени остались без дополнительного прикорма. Однако не растерялись, нашли выход. Теперь они повадились ходить в загоны. Конечно, хватать сено из кормушек не осмеливаются, до такого нахальства еще не дошли, да и не позволят им. Но ведь зубров исправно снабжают веточным кормом, привозят им осину, кору которой они обгладывают. А олени — тоже. Они тоже больше всего на свете, кроме соли, наверное, любят осиновою кору. И ходят теперь к большим

зубрам, кормятся за их счет. Находчивые.

«Тараканы»

Находчивость оленей, конечно, удивляет. Но я заметил, что Ирина Павловна относится к ним не так чтобы очень... Да, благожелательна, но нет-нет да и проскальзывает... Мол, очень мало у нас волков, никак не регулируют численность копытных, а те и рады, расплодилось, скоро аж полторы сотни будет.

Секрет же здесь прост: олени ведь питаются той же осиновою корой, ивняком, а значит, нахально как бы объедают ее любимых зубров!

А тут еще я возьми да и спроси, не прикармливают ли они кабанов.

Ох, как вскинулась Ирина Павловна!

— Кого?! — спросила она с возмущением. — Этих тараканов?!

Я расхохотался. И правда, очень же смешно: никто еще не называл диких кабанов, свирепых зверей, вепрей, тараканами.

А я их кормил. И вспомнил о них олять же в связи с зубрами. Когда впервые попал в питомник, то ходил с зуброводами в загоны, помогал им, сено грузил, свеклу в кормушки засыпал, воду наливал в поилки. В общем, получалось, что мы чуть ли не из рук кормим не кого-нибудь, а современников мамонта, громадных зверей. И тогда же, той же зимой, с другими ребятами раскладывали мы на прикормочной площадке в Лопатинском охотхозяйстве мерзлую картошку кабанам. Это, кстати, недалеко отсюда, под Тарусой. А потом сидели, сжавшись от холода, в дощатой смотровой будке, на высоких столбах вознесенной над лесной поляной, вгля-

дываясь в сумерки, ждали кабанов.

Они появились незаметно. У них, у кабанов, свой порядок. Первой идет свинья. За ней — подвинки, за ними — поросята. И последним — сам кабан. Его Свирепость. Двигаются очень медленно, осторожно. Подкрадываются. Цепочкой, след в след, шаг в шаг, то есть одновременно все поднимают и опускают, допустим, правое переднее копыто. Потом, опять же все одновременно, — левое заднее. И если свинья, уже подняв копыто, вдруг настораживается и замирает, точно так же, с поднятыми копытами, замирают все...

Наконец добрались. И приступили, и принялись пожирать вкусную мерзлую картошку, с наслаждением чавкая и хрюкая. И то, что мы думали, глядя на них, было, конечно, не ново, общеизвестно. Но уж очень ко времени и к месту. А думали мы о том, как все обернулось... Исполон веков род человеческий боялся зверей: мамонтов, зубров, медведей, кабанов... Обожеествлял их, фетишизировал, сражался с ними. И вот досражался. Мы, трое замерзших представителей рода человеческого, теперь с благостным умилением наблюдаем, как бывшие наши враги с чавканьем поедают корм, подложенный нашими руками. И без нас они уже не выживут. Пропадут.

Конец корабельной роши

К оленям, косулям, кабанам, то есть вообще к копытным, отношение у экологов настроенное. И не случайно. Мы-то считаем, что мало у нас в лесах оленей и лосей. И вроде бы верно: маловато. А лесоводы в панике: через семьдесят лет в средней полосе России не будет сосновых боров! Исчез-

нут наши сосновые боры! Потому что сейчас есть старые деревья, есть боры среднего возраста, скажем так. А молодой поросли нет совсем. Совсем нет подроста. Он весь съеден копытными. Только лишь лосями, оленями, косулями. А если еще развести в наших лесах стада зубров, то можно представить, что они понатворят...

Лесоводы уже отказались сажать сосну. Все равно бесполезно: съедают. Одну только ель высаживают. Так что лет через семьдесят темно-темно будет у нас в лесах от густых моховых ельников, а звонкие боры, корабельные роши станут воспоминанием...

Вот и пойми: с одной стороны, говорят, что мало у нас этих самых копытных, а с другой стороны, они съели все наши будущие сосновые боры. Вроде бы ясно, что в суть дела надо вникать немедленно. Ведь надвигается катастрофа. Это что же, через семьдесят лет мои праправнуки сосну смогут увидеть только на картинах Шишкина?

Однако ни на одном этаже власти ни одна начальственная бровь не вздернулась озадаченно.

Трелевщик

Каждое животное развлекается по-своему. Интересно смотреть, как играют зубры. На огромном пространстве загона в пять гектаров, где высятся только черные стволы высохших деревьев, бродит чернокудрявый бык, исподлобья оглядывая свои владения. Вот увидел он поваленные стволы с обломанными, обглоданными ветвями. Уже не стволы, а бревна. Обрадовался: вот и занятие! И ну давай их катать из стороны в сторону, то с одного конца на рога подденет, то с другого. А если удастся посередине, то поднимет

и подкинет — то-то удовольствие. У него бирюльки такие — цельные стволы, бревна. Причем никаких особых признаков игры, развлечения, привычных нам, не заметишь: никаких ужимок, прыжков — собачьих, кошачьих и прочих повадок мелких зверей. У зубра все происходит солидно, медлительно, такое впечатление, будто солидную работу выполняет. Правда, с удовольствием...

Бывает, что зубры развлекаются с пользой. Муран, сын Мушкателя, вдруг решил, что нет смысла просто так катать бревна по загону. Понятно, что «решил» — это в моем, человеческом понимании и изложении. Словом, Муран принялся стаскивать стволы к сетке, в одно место, как заправский трелевщик на лесозаготовках.

Весь загон очистил. Чуть ли не в штабеля сложил. Люди не поленились, подсчитали, что Муран заготовил семь кубометров древесины.

Зуброводы

Зубр — бык. А зубрица в принципе — та же корова.

И уход за ними — обыкновенная мужицкая, крестьянская работа. В чем-то легче, поскольку звери бродят как бы сами по себе, в громадных загонах. А в чем-то сложнее, кстати, по той же причине. Поди узнай на расстоянии, что случилось, что там произошло, в дальнем краю загона. Да и одно дело приходиться к шести часам в теплый коровник, а другое — в лес, при любой погоде, и в дождь, и в лютую стужу.

Но если в деревнях, на фермах, всегда работал и работает народ местный, коренной, то в питомнике все несколько по-другому. Одно время зуброводами здесь были молодые люди той странной

генерации семидесятых годов, которых условно можно назвать романтиками. Люди, ищущие сами себя. В городах они уходили в дворники, в кочегары, еще раньше, в шестидесятые, уезжали куда-то вообще — в дальние края. Заносила их судьба и сюда, в экзотический уголок посреди России.

Я знал некоторых из них. Был здесь парень крестьянский, простецкий, душа нараспашку, после армии искавший свою долю по всей стране. При всей своей простецкости он почему-то очень любил разговоры о литературе, призывал писателей переселяться в деревни, жить в одиночестве, ходить босиком по земле и т. д. Грузовика в то время в питомнике не было, а был конь, которому тот парень дал кличку «Эпизод». «А что, правильно, — говорил он. — Эпизод нашей жизни...»

Был и юноша из Москвы, из интеллигентной семьи, учившийся в известной на всю страну академии и бросивший ее на пятом курсе. Исполнил давнее свое желание: жить среди леса, иметь свой дом, двор...

Понятно, что житье-бытье их было бивуачным, в заброшенных, полуразрушенных домах покинутой деревеньки. И понятно, что долгим оно быть не могло.

Минуло время — и на смену ребятам, что искали самих себя, на смену временным пришли постоянные, опять же условно говоря, реалисты. Местные люди, имеющие дом, быт, имеющие рабочие профессии. Так ведь и требования стали другими: с лошастью любой управится, а на грузовике, на тракторе — надо быть специалистом. Для них, для новых, служба в питомнике не экзотическое занятие, увлекательное само по себе, а прежде всего обыкновенная мужицкая работа. Кстати, и пришли

они сюда только тогда, когда в заповеднике отменили нищенские оклады, на которых сидели романтики, и ввели сдельную оплату. То есть мужик мог сюда наняться и заработать на твердый прокорм семьи.

Они, новые, надежны и необходимы. Тем более здесь. На них держится зубровый питомник. Но вот беда: наступившие времена больше всего ударили именно по ним. Производственные предприятия почти самостоятельны, зарплату сами определяют. А заповедник — контора бюджетная, государственная. Пока повернется громоздкий механизм, пока пересмотрят расценки — глядь, а они уже давно устарели, отстали. К тому же в последнее время обозначился резкий разрыв в оплате научных работников и зуброводов, к чему они не привыкли, а привыкли совсем к другому, к тому, что у нас водитель троллейбуса всегда получал никак не меньше, если не больше, профессора.

Словом, тяжелое, напряженное положение. Страсти кипят, зуброводы уже ездили в главк, в Москву, требовали повышения зарплаты, но безуспешно. Недовольны они и своим начальством: мол, не защищает, не отстаивает их интересы, сами получили высокие научные оклады, и ладно...

Быть может, по нынешним временам в каком другом рабочем коллективе сразу бы и забастовали, если не открыто, то втихаря, ни к чему бы рук не прикладывали. Но здесь совсем другое дело. Здесь это никому и в голову не приходит. Потому что у них на руках звери, живые души. А они же ни в чем не виноваты.

Ночь

Никогда не называл свою жизнь суетой и уничтожительно не

сравнивал ее с вечностью. Какая ни есть, а моя жизнь, моя вечность.

Но все же полезно иногда вспоминать, что этой ночью, окутавшей землю, где-то там спят зубры. Как и миллион лет назад, когда, быть может, на соседней поляне так же спали мамонты, всхрапывая во сне и вздрагивая хоботами. А в нависших обледенелых утесах, в глубокой пещере, сошел медведь, по размерам не уступавший мамонту. А на отмели плейстоценового озера мирно дремали пятнадцатиметровые крокодилы...

Человек не в силах представить черную пропасть в два миллиона лет, сквозь которую пролетела за это время Земля. Но все так же на взгорке под ольхой, как бурый обломок скалы, лежит зубр, вглядываясь в темное небо с первыми отблесками зари. Он помнит, какой была наша Земля в те времена, когда по ней бродили мамонты и когда на ней только-только появились мы, люди.

БАНКОВСКИЕ СЮ

116

Коммерческих банков в России едва ли не две тысячи. Зачем они нужны? Что дают простому человеку? Попробуем разобраться в этом на примере одного из крупнейших коммерческих банков страны — Инкомбанка.

Входя в центральный офис банка на московском Юго-Западе, миновав немногословную охрану и металлоискатель (как в аэропорту), сразу попадаешь в царство молодых подтянутых людей, которые — даже по походке в коридоре видно — заняты и увлечены своим делом. Как и большинство банковских служащих, молод и наш собеседник — заместитель председателя правления Инкомбанка Алексей КУЗНЕЦОВ. Ему 31 год. Из семьи банковских служащих. Окончил финансовый институт в Москве. Работал в Госбанке. Женат. Двое сыновей. Увлечения: теннис, книги.

— В практике рекламного бизнеса есть понятие «УТП» — «уникальное торговое предложение», нечто, что может предложить потребителям только эта фирма, и никакая еще. Есть ли уникальное предложение, отличающее ваш банк от любого другого?

— Какого-то одного нет. Наше уникальное предложение: мы можем все.

Для сведения. Стратегия Инкомбанка предполагает создание действительно крупного банка, ориентированного на интерес каждого клиента. В сентябре 1991 года он получил генеральную лицензию Центробанка России на совершение операций в иностранной валюте. Инкомбанк стал первым из наших коммерческих банков членом общества международных межбанковских финансовых телекоммуникаций — SWIFT. В начале прошлого года SWIFT введена

ЖЕЛТЫ

в действие. Пока Инкомбанк — единственный отечественный негосударственный банк, пользующийся услугами SWIFT, которая позволяет ускорить и вывести на цивилизованный уровень международные расчеты.

— Какова цена акций Инкомбанка?

— При номинале 10 тысяч рублей они продаются сейчас (в зависимости от конъюнктуры) по 16—22 тысячи.

— Как вы думаете, Алексей Викторович, сколько они будут стоить лет через пять, если оторвать то обстоятельство, что страна может сорваться в гиперинфляцию?

— Мы никогда не изобретаем колесо. Сначала смотрим, как и что делается за рубежом, потом — как было у них сто лет назад, затем производим проекцию на себя. При развитии фондовом

рынке текущая цена акций крупной стабильно работающей компании выше номинала, как правило, в восемь раз.

Для сведения. В Инкомбанке открыто 25 тысяч 823 рублевых счета и 8 тысяч 188 — валютных. Любой гражданин может стать его вкладчиком, если принесет в один из филиалов не меньше 20 тысяч рублей. Банк гарантирует постоянно высокий процент годовых по срочному вкладу на год. Любой может купить или продать валюту в обменных пунктах Инкомбанка, приобрести его акции, перевести средства в лучшие западные и российские банки.

— За что ваш банк так любит председатель Центробанка Герасценко?

— Его «любовь» очень специфическая. У председателя правления Инкомбанка Владимира Виноградова как у президента Москов-

ского банковского союза и председателя Ассоциации российских банков, в которую входят почти все коммерческие банки, и у Герашенко примерно равная сила. У них деловой контакт. При всей видимой близости между Инкомбанком и ЦБ жесткая граница. Нашему банку как не давали никогда государственных ресурсов, так не дают и сейчас. Централизованные кредиты перераспределяются через бывшие госбанки. Мне кажется, что Инкомбанк не любят, но к нему прислушиваются.

— Чего вы боитесь больше всего? Из-за чего Инкомбанк может распасться, попросту обанкротиться?

— Самое плохое — среда, в которой мы живем. Она постоянно воспроизводит себе подобную. Очень криминогенная ситуация в стране — на финансах это отражается в первую очередь. Законодательная база не разработана и располагает к хозяйственным преступлениям. Например, директор предприятия, допустивший его банкротство или злоупотребления, не несет никакой ответственности перед законом.

— Реклама Инкомбанка рассчитана на людей от тридцати и старше. Это случайность или принцип? Вас не волнуют 14—18-летние?

— Нет. В нашей стране нас будут интересовать эти слои только через несколько поколений. Это естественно. Банк предлагает свои услуги тем, кто в них нуждается и может отвечать за свои поступки своим состоянием.

— Но каждое поколение слушает свою «музыку». Шестнадцатилетние станут двадцатипятилетними и пойдут в те банки, которые предлагают себя для них...

— Но, с другой стороны, дети повторяют «ошибки» своих отцов.

Если у родителей был счет в «Бэнк оф Америка», то и у детей счет будет там же. Если Инкомбанк будет выгоден новому поколению деловых людей России, то и их дети станут нашими клиентами.

— Был свидетелем того, как клиент открывал валютный счет в вашем банке. Он спрашивал операционисток: «Если в стране поменяется власть, гарантируете ли вы, что я получу свои деньги назад?» Гарантируете?

— Когда-то, до семнадцатого года, был Госбанк России и коммерческие банки. В течение одной ночи вооруженные люди захватили банки и арестовали банкиров. А они гарантировали все... Против лома нет приема.

— Что такое первый зам в системе банка? Как долго вы на этой работе?

— Полгода. У нас в банке есть понятие «распределение зон ответственности»: каждая группа людей отвечает за определенный круг вопросов. Я руковожу людьми, что работают с клиентами и со структурами, которые зависят от конъюнктуры рынка и влияют на него. В банке высокая степень взаимодействия. Мы добились того, чего достичь трудно, каждый занимается своим делом.

Для сведения. При финансовой помощи Инкомбанка в Москве состоялись концерты Дмитрия Хворостовского и Ирины Архиповой. Банк спонсировал фонд Андрея Тарковского, театр под руководством Олега Табакова, ансамбль народной музыки Дмитрия Покровского. Были также выделены средства Российскому обществу социологов на проведение учредительного съезда. Инкомбанк финансировал борьбу с наркоманией среди детей и подростков. Банк оказывал постоянную под-

держку Всероссийскому центру перипатологии, акушерства и гинекологии, выделял крупные суммы Детскому противораковому фонду, Ассоциации борьбы с детскими лейкозами, фонду «Дети России», двум Домам ребенка. Значительные суммы были выделены также на восстановление храмов Антиохийского подворья в Москве и Соловецкого монастыря.

— У вас огромный аппарат. К вам пришли молодые люди, прошедшие опыт нашего рынка базара. Вы не боитесь внутреннего взрыва, победы тех людей, которые захотят зарабатывать, обманывая? Вы можете контролировать всех своих сотрудников?

— Это обычная рабочая сложность, характерная для всех коммерческих банков. Есть мировой опыт управления, контроля за операциями. В принципе контроль не может быть тотальным. Все строится на доверии и ответственности. Но однажды потерянное доверие человек ощутит. Мы это гарантируем.

— Откуда приходят к вам люди?

— В департаменты, которые работают с клиентами, мы не принимаем людей старше тридцати пяти. Наш банк изначально очень молодой. У тех, кто проработал в системе Госбанка, есть элементы и коррумпированности, и давления над клиентом. К нам же зачастую приходят люди без банковской культуры, но они восприимчивы и способны быстро обучаться. Это легче. Нашим сотрудникам мы говорим: постараемся дать вам все, что можно в нашей стране (особенно это касается высшего менеджмента), — помимо статуса и имени, очень высокую зарплату и ощутимые блага, но вы должны работать только на этот банк. Если мы замечаем, что кто-то отстаивает не

только наши интересы, мы, хотя и уважаем КЗоТ, с таким очень быстро расстаемся.

Для сведения. В 1988 году, когда Инкомбанк создавался, в нем работали три человека. Сейчас здесь 1200 квалифицированных специалистов, 165 из них прошли стажировку за границей.

— Представьте, что вы куда-то уехали, а когда вернулись, увидели на своем столе распоряжение председателя, предписывающее вести работу по какому-то проекту, но вы знаете, что он банку дико невыгоден. Как вы поступите: подчинитесь или же разыщете председателя в любой точке земного шара и объясните свою позицию?

— У нас очень жесткая система, особенно касающаяся размещения средств, при которой ничто никогда не решается одним человеком по собственному усмотрению. Все инвестиционные проекты проходят через инвестиционный комитет, в котором девять человек. Все кредиты — через кредитный комитет. Человек не может в одиночку без предварительной экспертизы подписать серьезный договор. Все разногласия обсуждаются — очень быстро и профессионально.

— Извините за, может быть, глупый вопрос: мы жили семьдесят лет без коммерческих банков, и вроде ничего. Зачем они сейчас вдруг появились? Ну и продолжали бы жить с одним Госбанком...

— Может, потому так и жили?.. Вот был Госбанк, и у него была задача: планировать ресурсы и кредиты. Так как реальных цен никто не знал, ничего вообще не было реального, собирали заявки предприятий: сколько им надо. Кто был поблатнее, тот писал побольше. Существовала своя система подкупа. Все знали, что свои запросы надо умножать на три.

Умножали, собирали... Потом в банке все делили на три... Независимо от кредитов пытались рассчитать ресурсы. Расчеты были очень плохие, и когда не хватало пары-тройки миллиардов, тогда ресурсы «подправляли».

— *Ирреальная картина...*

— Практиковалась система неограниченной безответственности Госбанка! Коммерческий банк — система с ограниченной ответственностью; то, что производство сейчас не рухнуло окончательно, а упало всего на двадцать процентов, — заслуга банков, которые сумели перестроиться и стать коммерческими. Предприятия вынуждены анализировать свою прибыль. Изменилось отношение к банку, к своим проектам, к финансированию...

Для сведения. Уставный капитал Инкомбанка к 1 января 1993-го — 5 миллиардов 178 миллионов 149 тысяч рублей. Оборот за прошлый год составил 4 триллиона 887 миллиардов 329 миллионов 200 тысяч рублей, а прибыль за то же время — 5 миллиардов 418 миллионов 465 тысяч рублей. В структуре кредитов преобладают краткосрочные: на время от месяца до трех было выдано за указанный период кредитов на сумму 26 миллиардов 711 миллионов 54 тысячи рублей, на срок свыше трех месяцев — едва ли не в шестьдесят раз меньше: 459 миллионов 8 тысяч рублей.

— *В основном кредиты, что выдает ваш банк, краткосрочные, а значит, предназначены для купцов-спекулянтов, закупающих «за бугром» спиртное и сигареты... Вам не зазорно этим заниматься?*

— А кто еще привезет? Если мы купца не прокредитуем, кто привезет в страну одежду, мебель, пицу? Разве нашему потребителю

не выгодно, чтобы у нас было затоваривание сигаретами! Купец рискует, цены вдруг могут упасть... Раньше было выгодно ввозить компьютеры, и цена на них резко упала. Разве это плохо тому, кто компьютеры покупает? А приобретают их в основном производственники...

— *Однако вам, как гражданину, было бы, наверное, приятнее кредитовать промышленное производство у нас в стране, а не за кордоном...*

— Коммерческий банк — не центральный. Он не может отвечать за все процессы, происходящие в стране. Что нас интересует особенно? Положение наших акционеров и клиентов. Мы берем на себя ответственность только за эти предприятия. Их немного. Наш уставный капитал в три миллиарда рублей сформирован в основном пятьюстами юридическими лицами. Мы охраняем их деньги. И деньги наших вкладчиков. Мы заботимся о них. Мы не можем заботиться обо всех. Мы не можем любое количество денег под любой процент вложить в любой проект, вы согласны? Мы не оправдаем тогда своего назначения...

— *У банкиров есть термин: «первоклассные заемщики». Что это такое и есть ли, если не коммерческая тайна, таковые у нас в стране?*

— В Германии нам объяснили это так: вот концерн «Сименс» — первоклассный заемщик, и если он позвонит в любой провинциальный банк и попросит у управляющего кредит, тот не станет раздумывать, а сразу даст ему столько, сколько тот просит. В нашей стране таких заемщиков нет. Ни одного. Мы с каждым клиентом работаем индивидуально. Весь пакет документов прорабатываем от начала до конца. Ручная работа.

— В каждой сфере человеческой деятельности, словно в футболе, есть свои лиги: высшая, первая, вторая... Если в «высшей банковской лиге» играют «Креди Лионнэ», «Бэнк оф Америка», «Дрезднер банк», то в какой выступаете вы?

— С одной стороны, самый маленький европейский банк имеет больше денег, чем весь российский валютный рынок. Рубль ничего не стоит. При этом он постоянно девальвируется. Если бы рубль остановился на любой отметке, хоть тысяча, хоть две за доллар, и дальше бы не менялся — мы могли бы себя с кем-то сравнивать. С другой стороны, есть 10 первых банков Америки, 10 первых банков Германии, есть 10 первых банков России. И здесь мы входим в банковскую элиту. С нами считаются, и на нас рассчитывают.

— Не опасаетесь ли вы конкуренции на «своем поле» от «акул империализма»?

— Мы не боимся, но предупреждаем: не будут они вкладывать деньги в нашу экономику. Вот есть Московский международный банк — банк западный. Когда его создавали, считалось, что через него пойдут инвестиции от крупных западных банков в российскую экономику. Ни цента! Нуль!.. Мы анализировали опыт этого банка. Он классно работает с международными расчетами в SWIFT, сразу получил все лицензии, хорошо обучил своих специалистов. И что получилось? У этого банка теперь есть два с половиной миллиарда долларов, принадлежащих русским предприятиям. И все они лежат на депозитах в Англии и Германии — там, где у ММБ материнские банки. Мало того, что не оправдались ожидания инвестиций через банк, но и средства

России, предприятий, сосредоточенные в ММБ, практически не вкладывают в развитие русской экономики. Да, мы очень хорошие люди, очень демократичные, поэтому приглашаем сюда «Креди Лионнэ» и другие крупные банки. Что же произойдет? Простая вещь: они привезут в Россию персонал и возьмут на себя значительную часть международных расчетов России. Это значит, что упадет ликвидность российских банков, банки, в свою очередь, сократят кредиты в русскую экономику. Для этого не нужно быть семи пядей во лбу. Это обычная практика: если я открываю банк в другой стране, я делаю это для того, чтобы привлечь деньги через него в свою страну.

— Нужны ли протекционистские меры правительства по отношению к российским банкам?

— Связь однозначна. Создание западных банков на территории России приведет к оттоку значительной части российской валюты за границу, сократит рынок валюты для российских банков. Российские банки, вкладывающие валюту в собственную экономику, будут вынуждены возратить большую часть валютных кредитов из экономики, чтобы поддержать свою ликвидность.

— Появление огромного числа коммерческих банков и всплеск финансовых преступлений совпали между собой по времени. Криминогенная ли зона наши банки?

— Если уж и банки будут криминогенной зоной, то что останется от экономики? Вот вокруг нас ситуация очень серьезная. В обществе отсутствуют любые формы контроля. Финансового контроля просто нет. Царствует разрешительный принцип. Ты шагу не можешь ступить, чтобы кто-то что-то не запретил. У нас в промышлен-

ности в целом криминогенная ситуация. Государственный сектор получает деньги от державы, а занимается коммерцией. Как контролируются директора предприятий? А вот в банке очень трудно сделать что-то незаметно. Это единственная структура в России, которая копейка в копейку сводит ежедневный баланс по всей стране. Предприятия же это делают с трудом раз в год! Есть коммерческие банки, Центробанк, интересы клиента — вложенные друг в друга ответственности, которые контролируются друг другом. Банки постоянно выбрасывают вон из экономической сферы миллионы авантюристов, которые считают себя бизнесменами... Банки сдерживают, стабилизируют ухудшающуюся криминогенную ситуацию в экономике. Они делают то, чего не в силах сделать огромный госаппарат.

— Однако Инкомбанк — первый, которому простили «чеченские миллиарды». Семьсот миллионов рублей вам Центральный банк компенсировал...

— Коммерческие банки к «чеченским деньгам» не имеют никакого отношения. Злоупотребления — следствие хаоса в самом Центробанке. ЦБ говорит: «А почему вы зачислили на ваши счета фальшивые авизо?» — практически все авизо Центробанка Чечни заверены реальными подписями Центробанка Москвы и других городов России. Вообще это проблема Центробанка, который долго занимался политикой, вместо того, чтобы заниматься организацией систем расчетов внутри страны, систем квот региональных ЦБ, ограничений, контроля. Наш банк, в отличие от других, решил не молчать. Мы обратились в Конституционный суд, в Арбитраж... Началось расследование, но деньги

коммерческих банков, сосредоточенные в МВД России, пока не возвращены им.

— Помню, еще два года назад тогдашний министр финансов России (а ныне вице-премьер) Борис Федоров говорил мне: «Не дело, что иностранная валюта свободно ходит внутри нашей страны. Ну давайте сделаем доллар нашим платежным средством, но тогда нам надо будет присоединиться к США». И Ельцин об этом непорядке тоже говорил. Как вы чувствуете себя, помогая этому не благому делу — обращению доллара внутри нашей страны?»

— Банки работают со всеми валютами. Это их внутреннее право. Обращение доллара внутри России — признак нестабильности. Если чего-то не существует, нельзя это сделать из воздуха, вы согласны? Любой экономике нужна база — то, что раньше называлось мерой стоимости, которая определяла бы масштаб цен, ценовые пропорции между товарами. Если в Германии вдруг начинает падать марка — все бросаются покупать доллары. Это естественный процесс. Везде в мире так работают банки и компании. Мы, стараясь снизить для себя риск изменения курсов валют, работаем и с рублевыми, и с валютными счетами. В нормальной экономике никто никого не заставляет. Если германскому предприятию на его счет приходят франки и эта валюта крепче дойчмарок, никто не заставит предприятие франки поменять на марки.

— Некоторые ученые утверждают (в частности, доктор экономических наук Анатолий Дерябин на страницах «Смены» — в первом номере за этот год), что сумасшедший курс рубля по отношению к доллару вызван, возможно, игрой крупных банков на бирже.

Прокомментируйте это, пожалуйста.

— Для меня большая загадка такие высказывания. У банков нет своей валюты. Мы продаем валюту наших клиентов. Знаю, что иногда сама биржа договаривается с Центральным банком, какой будет курс. Последнее, решающее слово на бирже всегда за Центробанком. На бюллетене пишется, например: пятьдесят миллионов долларов продано, в том числе тридцать миллионов добавил Центробанк. У него около миллиарда долларов, которые он может вбросить в поддержку курса. Но он продает валюту только когда хочет изменить этот курс. А когда хочет снизить, то не продает, а скупает «лишнюю» валюту у банков. С валютой реально играть могут Центральный банк и биржа. Только они знают курс **за один день** до торгов. И странно обвинять в сумасшедшем курсе коммерческие банки. Мы продаем валюту, потому что клиент просит продать. Мы ничего не можем удержать. Коммерческие банки в существующей системе не имеют возможности влиять на курс рубля и доллара.

**Беседу вел
СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ**

КОЛЛЕ

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

КЦИЯ

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

О течественную госколлекцию марок можно сравнить с аналогичным собранием, принадлежащим английской королеве. Оно было основано при сиятельной долгожительнице Виктории вскоре после того, как англичанин Роулэнд Хилл изобрел почтовую марку, и передается как семейно-национальное достояние по наследству. При коллекции

есть главный хранитель и группа прекрасных специалистов, которые обрабатывают ежедневные поступления новинок со всего света, ищут экземпляры, не имеющиеся в собрании.

Если бы коронованной особе пришлось собирать коллекцию сейчас, с нуля, то ей пришлось бы продать Букингемский дворец, и Англию со всем ее содержимым, и еще добрую половину уже несуществующих колоний...

Таким образом, понятна и ценность коллекции марок, унаследованных Россией. Хранится она в Санкт-Петербурге, в Центральном музее связи имени А. С. Попова.

Лариса Рылькова — заведующая отделом знаков почтовой оплаты, что равнозначно должности главного хранителя госколлекции марок.

Путь в «лорды-хранители» начался для нее случайно. Закончив в 75-м году истфак Ленинградского университета, устроилась в музей связи младшим научным сотрудником. Зарплата — ниже ста. Профессиональные обязанности — вне круга ее тогдашних интересов и представлений о работе дипломированного историка. Но, исполняя рутинную работу, увлеклась историей земской почты, существовавшей в России в конце XIX — начале XX века. Отыскала богатейший материал по

этой теме в ленинградских архивах и библиотеках. А в музее — богатейшее собрание земских марок. Написала большую научную статью. Не будучи коллекционером-«надомником», стала в итоге знатоком филателии.

Лариса достала ключ от помещения, где хранится коллекция, — ключик длиной поболее полуметра. Литой, тщательно откованный и обточенный. Штучный. Дубликата нет.

Несколько шагов по коридору, и мне доверено открыть малоприметную, без ручек дверь в конце глухой, однотонно выкрашенной стены.

Помещение разделено на три отсека, каждый величиной с небольшую комнату. Окон, понятно, нет. Стены, пол, потолок — все из железа непробиваемой толщины. Специальная система поддерживает микроклимат.

Впервые здесь мне довелось побывать в начале семидесятых. За прошедшее время свободного пространства в «сейфе» заметно убавилось. Стало больше шкафов, стеллажей и столов, заставленных стопками альбомов и кляссеров.

— Мы получаем все марки, входящие в мире, — говорит Лариса. — Во всяком случае, тех государств, которые являются членами Всемирного почтового союза. Представляете, насколько ежегодно увеличивается коллекция!

Помещению-сейфу почти двести лет. Как и зданию, в котором хранится этот железный тайник. Здание обветшало. Тайник же сработан на века. Ни войны его не затронули, ни революции. Лишь в конце прошлого века был заменен сработавшийся замок. Сколько лет лючу — на этот счет нет ни легенд, ни сведений, ни предположений.

На втором году советской власти была предпринята попытка пе-

ревести коллекцию в новую столицу. Но в Москве подходящего здания не нашлось, и музей вернулся на берега Невы. Ему отдали все четыре этажа. В тридцатых пришлось потесниться: половину здания занял институт связи. Во времена войны его сменил военный объект № 7 — радиостанция. Немцы бомбили прицельно. Но и наши зенитчики защищали объект особо. Все же несколько бомб угодило в него. Рухнула одна из колонн фасада, образовался большой провал в стене. Был разрушен «большой зал», спроектированный и построенный Кваренги.

Внешний облик здания восстановили в рекордно короткий срок в 1945 году — к 50-летию юбилею изобретения радио А. С. Поповым.

В самом начале войны госколлекцию пытались эвакуировать. Ее в тридцати ящиках доставили на Бадаевские склады. Но вывезти в Петропавловск не удалось: немцы усилили бомбардировки и артиллерийский обстрел, а вскоре и блокировали город. Опечатанные ящики с бесценным грузом перевезли в Волкову деревню и поместили в деревянном сарае, где они через несколько дней оказались невдалеке от линии фронта.

Об этом двадцать лет назад рассказывала мне Ульяна Захаровна Зиновьева, тогдашняя хранительница госколлекции, проработавшая в музее почти полвека. К сожалению, ее уже нет в живых. Но ей мы во многом обязаны тем, что коллекция не пропала в военное лихолетье. И меня весьма обрадовал тот факт, что нынешние работники музея знают, помнят об этом.

Именно Зиновьева самолично паковала и укладывала в ящики альбомы и пакеты с марками. Именно Ульяна Захаровна беспрерывно находилась при них в Вол-

ковой деревне. Она же добилась возвращения коллекции в музей, где практически и прожила всю первую, самую страшную блокадную зиму.

Много лет спустя Зиновьева составила манколист (список) недостающих в коллекции разновидностей российских и советских марок, ставший руководством к их поиску, который не закрыт и по сию пору...

Немало рассказала она мне и такого, о чем нельзя тогда было писать. Например: когда в СССР с визитом прибыл Джавахарлал Неру, по команде из Кремля для индийского лидера был подготовлен альбом, содержащий множество «тяжелых», или «трудных» (как выражаются коллекционеры), марок. То есть редчайших.

И это не единичный случай.

Конечно, в такие дарственные альбомы или кляссеры брались марки из запасного, обменного фонда. За счет обмена или продажи, выручка от которой целевым порядком идет на приобретение нужных экземпляров, пополняется госколлекция. Нет, наверное, ничего предосудительного, если государство дарит какому-то зарубежному руководителю подборку марок, в достатке имеющихся в запасе, — в конце концов не каждый глава страны, приезжающий к нам с визитом, является филателистом. Но чтобы без решения коллегиального совета специалистов, единственно по звонку свыше изъять что-то из государственного собрания?! Где еще такое возможно?

В удобный момент Зиновьева, попросив «не разглашать тайну», достала папку с листами марок знаменитой и редкой спортивной серии 1935 года выпуска. В листах каждого номинала (в серии 10 марок) не хватало доброй половины экземпляров.

А сейчас?

Нынешний директор музея Наталья Николаевна Курицына рассказала о случае, оставшемся в ее памяти.

К ней в кабинет явился какой-то чин в штатском из местного КГБ. Предъявил удостоверение. Для порядка спросил о состоянии дел. Потом положил на стол лист бумаги, на котором колонками были отпечатаны каталожные номера марок.

— Через неделю подготовьте кляссер, — сказал гость с вежливой уверенностью в том, что отказа просто не может быть.

— Вообще такие документы надо печатать на фирменном бланке. С подписью и печатями, — столь же дружелюбно ответила Курицына, — но все дело в том, что подобное указание нам может дать только министр связи. Так что вам надо сначала обратиться в Москву.

Чин в штатском пообещал все так и исполнить. Но сей сюжет дальнейшего развития не получил. Хотя развитие могло пойти в не предусмотренном Курицыной русле; скорее всего причиной стала начавшаяся перестройка.

А сейчас пора рассказать о случае из ряда вон выходящем.

В 1987 году в Дании проходила крупная международная филателистическая выставка «Хафния-87». В ней участвовал и Центральный музей связи, его тематическая экспозиция «По ленинскому пути» была отмечена золотой медалью. На 64 листах музей представил то, что практически недоступно для обычного собирателя — советские марки начала 30-х годов. Среди них — такая редкость, как марка с портретом Леваневского: на ней была надпечатка в перевернутом виде и со строчным «Ф» в названии американского города.

Участие в выставках различного ранга — дело традиционное. Наряду с выпусками из запасного фонда там часто выставляют марки из генеральной коллекции, имеющиеся в единственном экземпляре. На сей раз таковой была как раз указанная разновидность «перевертки».

По окончании выставки советский посол в Дании Борис Пастухов обратился в музей с просьбой оставить «По ленинскому пути» для агитационной экспозиции в посольстве сроком на полгода — шел год 70-летия Октября.

Просьбу удовлетворили. Это тоже было делом не новым. Как показывала прежняя практика, в таких случаях не нарушались оговоренные сроки возврата, ни правила предосторожности при его пересылке на родину.

А тут случилось ЧП. Да еще какое! Пропали все 64 выставочных листа. Они должны были проследовать по такому «маршруту»: посольство — Министерство связи — Центральное филателистическое агентство (ЦФА), входившее в состав «Союзпечати», — музей.

Прошла весна. Половина лета. В музее о коллекции никаких сведений. Директор Курицына, не получая в телефонных разговорах с министерством каких-либо вразумительных ответов, пишет советскому послу в Данию.

Б. Пастухов сообщает, что марки высланы начальнику Управления внешних сношений Министерства связи СССР П. Куракову.

Письмо посла вселило надежду: уж если коллекция не потерялась за границей, то в Москве, куда она пришла с дипломатической почтой, обязательно найдется.

Но не тут-то было! На все запросы Москва отвечала молчанием или неопределенными сообщениями о том, что идут розыски, которые затрудняются ввиду пертурба-

ций в службах и управлениях министерства. Бесплодная переписка длилась два года, с каждым месяцем уменьшая надежды музея...

Наконец, из Министерства связи пришло письмо, подтверждавшее худшие опасения: потеря ценнейших марок — уже «завизированный» начальством факт. Что же сообщил П. С. Кураков? «Проведено служебное расследование специально созданной для этого комиссией... Приняты меры по упорядочению обработки международной и дипломатической почты...»

Сообщить о результатах служебного расследования высокопоставленный чиновник не посчитал нужным... Насколько известно сотрудникам музея, никто не понес никакой ответственности.

Во время войны ни одной марочки не пропало под бомбежками и артобстрелами, у самой линии фронта. А тут, видите ли, потерялись. То ли в министерских кабинетах, то ли в ЦФА... Да возможно ли такое?

...Спустя месяц первый заместитель министра Г. Г. Кудрявцев тихо-мирно издал распоряжение об исключении из состава музейного фонда материалов экспозиции «По ленинскому пути».

Была указана и цена утерянных марок — 8665 руб. 24 коп., что выглядит сущим пустяком. По оценке претензий нет — она была сделана по каталогу. Но надо учесть: настоящая рыночная стоимость упомянутых марок неизмеримо выше. А «перевертки» в каталоге вообще нет.

В 1942 году владельцем такого же экземпляра, о котором идет речь, стал Франклин Делано Рузвельт. Это был подарок от Сталина, ставший для шестидесятилетнего юбиляра, истого филателиста, самым дорогим.

Откуда взялась марка у Сталина? Можно только строить догадки и предположения, хотя одно ясно: экземпляр не из музея. По свидетельству Зиновьевой, государственное собрание всю войну находилось опечатанным в ящиках...

А вот еще одна история, связанная с маркой, занимающей первое место в табели самых редких, — так называемом «консульском полтиннике».

В 1922 году советское посольство в Берлине выпустило серию марок, предназначавшихся для оплаты посольской корреспонденции. На старых, царских марках консульской пошлины сделали надпечатки «Воздушная почта РСФСР».

Все эти марки очень редкие. Но одна редка особо. Это надпечатка с номиналом в 1200 германских марок на 50-копеечной пошлинной марке. Сейчас у российских коллекционеров имеется лишь три экземпляра. Примечательна история одного из них. До войны этот «консульский полтинник» принадлежал М. Милькину, много лет входившему в число руководящих работников Советского филателистического агентства. В конце 30-х годов его коллекцию попросил для просмотра Вячеслав Михайлович Молотов. Спустя неделю коллекцию вернули владельцу. Все марки были на месте. Кроме одной. Недоставало «консульского полтинника». Разумеется, Милькин не посмел обратиться с претензиями к Председателю Совета Народных Комиссаров и наркому иностранных дел.

Зачем понадобилась Молотову редчайшая советская марка? Думаю, есть логическая связь между «молотовским полтинником» и «сталинским Леваневским». Вполне возможно, что в конце тридцатых годов, когда шло по-

литическое сближение сталинского и гитлеровского режимов, Молотов и приготовил презент кому-нибудь из высокопоставленных немцев. Ведь среди них коллекционирование было делом престижным и не окруженным тайнами. В отличие от нашей страны, где руководители государственного ранга свои коллекционерские страсти всячески скрывают.

В 60-е годы, испытывая некоторые финансовые затруднения, пенсионер Молотов продал набор почтовых марок коллекционеру Р. из Ростова...

Вернемся к современной детективной истории. Музей, разумеется, получил распоряжение насчет списания «утерянных» (теперь это слово беру в кавычки) марок. Этим должна была заняться Лариса Рылькова. Но она тянула с подготовкой соответствующих бумаг,

и Курицына ее понимала — у самой кошки на душе скребли.

А что делать? «Потеряло» бы коллекцию посольство или какое иное ведомство — можно было бы на худой конец в суд подать. А тут — родное министерство...

И вдруг мелькнул призрак пропажи! В июне 1990 года в Ленинград приехал Александр Иванович Орлов, заместитель директора издательско-торгового центра «Марка». Он посоветовал не торопиться со списанием «потери», ибо видел ее. И даже, как вспоминает Рылькова, сообщил, где именно. Он искренне хотел помочь музею.

К сожалению, из этого ничего не вышло. Когда, вернувшись в Москву, Орлов попытался что-то предпринять для спасения «пропажи», один из ответственных работников высказался в том плане, что если Орлов «видел утерянную коллекцию, то по нему плачет дурдом». Тем не менее, как рассказы-

вала Рылькова, было проведено еще одно служебное расследование — с привлечением ИТЦ «Марка». В результате Орлова освободили от должности, а директор Манукян получил выговор. И это уже в новейшие времена, после неудавшегося путча!..

Сразу после августовских событий в музее побывали Санкт-Петербургские следователи. Интересовались: не было ли за последнее время пропав? Работники музея рассказали об истории с «Ленинским путем». Вскоре прибыла следственная группа из прокуратуры республики. Но спустя пару месяцев следствие прекратили. Почему? При каких результатах и выводах? Об этом Курицыну не поставили в известность.

Весной прошлого года в музей прислали злополучную «перевертку» — в замещении «пропавшей». Как и полагается, в сопровождении экспертного акта, подписан-

ного людьми, среди которых есть известные коллекционеры.

Рылькова, едва увидев эту «редкость», засомневалась в ее подлинности. Для консультации пригласила видных петербургских коллекционеров. Один из них, Константин Степанович Бицуков, большой знаток советских марок 30-х годов, даже рассмеялся, увидев эту марку. Перевернутая надпечатка на ней находилась не в том месте, где находится на подлинной.

Для экспертизы, кроме Бицукова, были приглашены и другие известные коллекционеры — Н. Мандровский, Ю. Мухин, Н. Петров. Их заключение также подтвердило сомнения Рыльковой.

Хочется обратиться к примерам иного рода...

Лариса Рылькова протягивает мне письмо в удлинённом конверте с американскими марками. Об-

ратный адрес: Нью-Йорк... Матвеев Борис Владимирович...

— Переписка с ним шла много лет, — поясняет Лариса, — начиная со второй половины 70-х годов. Он писал, что родственников у него нет. Грустит по России, хотя всю жизнь прожил за рубежом. Его в 20-м увезли родители. Был, судя по всему, богатым человеком. Архитектор. Немало лет проработал у какого-то султана на Ближнем Востоке. Очень хотел сюда приехать. Наверное, надеялся на наше приглашение. Но разве можно было пригласить русского эмигранта?... К сожалению, уже два года от него нет вестей. Его имя, думаю, останется в хронике государственной коллекции марок. Еще в 70-х он прислал в дар музею несколько альбомов с ценнейшими марками разных государств. Позже один американский турист привез в дар музею от Матвеева восемь альбомов с марками США и Закавказских республик (выпуски 20-х годов). И, наконец, вместе с одним из последних его посланий пришло восемь советских марок — из так называемых «торгсиновских», выпускавшихся специально для продажи за границей. Советским коллекционерам они долгое время были неизвестны.

...Вот еще один иностранец — швейцарский гражданин М., обратившийся недавно в музей. Он привезил купить коллекцию, принадлежавшую некогда последнему русскому императору Николаю II.

Поначалу к этому предложению отнеслись с некоторым скепсисом, хотя М. — известное лицо в мировой филателии. Но ведь царская коллекция считалась несуществующей, разошедшейся по частям на аукционах.

Николай II очень дорожил ею и взял с собой в Тобольск. После

гибели семьи коллекция через иностранных дипломатов попала в Ригу, где и была продана местному торговцу. Через несколько лет ее купил англичанин Т. Хьюм, а затем собрание оказалось на аукционе в Лондоне.

Но вскоре после письма из Швейцарии в музей пришла толстая бандероль с цветными репродукциями всех листов императорской коллекции. Сомнения отпали. Выплыло из небытия уникальное собрание, за которое нынешний владелец хочет получить 150 тысяч долларов.

При нашей бедности сумма выглядит астрономической. Хотя как на нее взглянуть... Пусты швейцарец коллекцию с молотка — мог бы выручить раза в три больше.

У музея такой суммы нет. И в ближайшем будущем не предвидится. Есть вариант, предложенный самим швейцарским корреспондентом: получить вместо денег марки из обменных запасов госколлекции. Музей это тоже устраивает. Есть одно «но»: согласование обменного списка займет столько времени, что «поезд безвозвратно уйдет».

Найдется ли третий вариант?

Вернется ли на родину коллекция зверски убитого русского императора?

К сожалению, даже в последние годы лучшие, известные коллекции, собранные советскими филателистами, после их смерти или исчезали из страны, или распадались, растворялись в собраниях других коллекционеров. «Уплыла» воровским путем за океан коллекция М. Блехмана, крупнейшего филателиста, чьи собрания удостоивались чести демонстрироваться в классе «Почетный двор». Десятью годами ранее, в середине 70-х, как в воду канула знаменитая коллекция марок Азербайджа-

на, принадлежавшая Войханскому. Вышли из поля зрения и другие крупные собрания, повторения которым быть уже, к сожалению, не может.

Случались и драматические потери. В мае 1969 года в Ленинграде неожиданно рухнул дом, в котором жил известный коллекционер и исследователь Владимир Карлинский. Сам он по несчастливой случайности не пострадал (в отличие от жены и детей, надолго попавших в больницу). Но в развалинах, по которым прошелся огонь и водяные струи пожарных, погибла его коллекция.

Пять лет назад Карлинский, журналист и литератор, много писавший для эстрады, выпустивший несколько книг, скончался. Его вдова Людмила Александровна передала музею связи 200 папок исследовательского архива мужа, которые ждут своих публикаторов.

Понятно, музей не в состоянии приобретать для госколлекции все оставшиеся без своих создателей собрания. Почтовые музеи в зарубежных странах тоже не ставят перед собой таких целей. Но зато там выходят книги и альбомы, полностью репродуцирующие, описывающие и комментирующие стоящие того коллекции.

Так, еще в конце тридцатых годов вышло 2 тома, в которых была представлена коллекция, собранная Агафоном Фаберже — сыном известного русского ювелира.

Сейчас в России, несмотря на все трудности, находятся энтузиасты, начавшие издавать газеты и журналы, рассчитанные на коллекционеров. Растет и интерес к маркам уже несуществующего СССР. О них никогда не говорилось, что они самые лучшие в мире. Даже в те времена, когда собирать иностранные было про-

сто опасно — могли обвинить в космополитизме. С некоторыми последствиями...

Но то, что эти марки интересны — в художественном, тематическом плане, — бесспорно. Это признано в мире. Недаром в таких «филателистических» странах, как США, Англия, Франция, Германия, Швеция, Чехословакия, и других есть общества собирателей русских и советских марок, выходят специальные журналы, бюллетени, монографии.

Знаменитый дирижер Нью-Йоркского симфонического оркестра Курт Адлер обладал, пожалуй, лучшей в мире подборкой марок 20—30-х годов, посвященных Ленину. Писал исследования об их разнообразностях. Музыкантом двигали не политические или идеологические пристрастия, а чисто коллекционерский интерес. Это общемировое качество, роднящее увлеченных людей, независимо от их политических пристрастий и взглядов на исторические процессы.

И вот что любопытно... Точно так же, как официальная история страны в зависимости от политической и идеологической конъюнктуры редактировалась, подправлялась, власть пыталась вносить соответствующие поправки и в филателистическую практику. В 1933 году в большой «этнографической серии» вышли две марки — бытовые сюжеты из жизни крымских татар и чеченцев, — которые спустя десятилетия не включались в советские каталоги.

Почти подобное повторилось со Сталиным. После его смерти марки с портретом или цитатами вождя не изымались из каталогов (образовался бы большой провал), но подавались в таком завуалированном виде и без иллюстраций. Потом такое же повторилось в отношении Хрущева...

Коснулись ли «игрища властей»

государственной коллекции марок?

Лариса Рылькова достает с нижней полки стеллажа толстый старинный альбом. На картонных страницах размещены проекты и пробные оттиски советских марок 20—30-х годов. Редкости необычайные, сравнимые с императорской коллекцией.

Освещение в «сейфе» не очень яркое (что отвечает правилам хранения), и я поначалу не замечаю на марках какие-то закорючки.

— Раньше все эти проекты и пробы были наклеены на специальные паспарту, — поясняет Лариса, — на них были визы, резолюции, подписи ответственных руководителей. Вот это фрагмент подписи Смирнова... Это — Любовича... Это — Рыкова. Все они по очереди в промежутке между 24-м и 35-м годами возглавляли Наркомат почт и телеграфов. Все расстреляны в годы репрессий. Из-за того и были смыты с паспарту эти проекты. Хорошо еще, что полностью не уничтожили. Все могло случиться, будь на месте Зиновьевой кто-то более ретивый и угодливый...

Лариса возвращает альбом на место — в плотный, безукоризненно ровный строй... Чтобы хоть перелистать все это богатство, надо потратить несколько дней. Земские марки России, к примеру, занимают двадцать семь альбомов. СССР — даже сосчитать не смог. Но дальше перечислять и подсчитывать альбомы с марками и их разновидностями — лишь коллекционеров дразнить.

Задаю Ларисе вопрос не «по теме»:

— При госколлекции всегда работали и работают одни женщины. Это такая кадровая установка или случайность?

— Вообще-то не мне об этом судить... Но, думаю, мужчины,

даже заядлые филателисты, сюда бы работать не пошли. Разве что какие-нибудь старички. Во-первых, зарплата не та, чтобы сюда рваться. Во-вторых, у мужчин для таких должностей психология, наверное, не приспособлена.

Действительно, что завидовать ей или кому другому из отдела музея? Находятся при ответственном, государственном деле. И в то же время бессильны защитить государственные интересы от вышестоящих чиновников. Не говоря уж о своих профессиональных и тем более личных интересах.

Вот характерный случай. В госколлекции хранятся проекты и пробные оттиски первых марок Болгарского царства, которые в прошлом веке печатались в России. Рылькова исследовала историю их создания, обнаружила неизвестные ранее особенности выпусков. Написала об этом работу, о которой узнали в Болгарии. Тамшний союз филателистов в 1979 году попросил включить Ларису в состав делегации, которая собиралась ехать на открывавшуюся в Софии крупную международную выставку «Филасердика-79». Ларису не включили. Прочитать там доклад ей не удалось.

Спустя 10 лет, когда отмечался 110-летний юбилей первой болгарской марки, история повторилась. Но на этот раз дело чуть-чуть продвинулось — замминистра связи «дал команду», чтобы она оформлялась в зарубежную поездку. А позже пришло известие, что поездка Рыльковой отменяется ввиду отсутствия конвертируемой валюты. Для министерских чиновников валюта нашлась.

Да что говорить о Ларисе, не побывавшей за полтора десятка лет работы в музее ни в одной зарубежной командировке! Вот парадоксальный до идиотизма факт.

на международные выставки, где участвуют экспонаты госколлекции, летают не те, кто их готовит, а все те же доблестные чиновники высшего почтового ведомства.

Маячат ли впереди какие-то перемены? Разумеется, не только в плане поездок, а вообще в жизни и деятельности музея, владельца госколлекции? Его сотрудники, несмотря на нынешнее финансовое состояние своего учреждения, надеются все же на будущее.

— А хуже быть просто не может, — сказал главный хранитель фондов музея связи (не госколлекции) Аркадий Николаевич Сориц.

Его стараниями удалось «выкроить» несколько небольших залов, где размещены интереснейшие экспонаты — почтовая карета прошлого века, модели старого паровоза, почтовых вагонов, первые почтовые ящики, первый приемник, сделанный А. С. Поповым, первый граммофон Эдисона, первые телефоны, появившиеся в России, и т. п.

Сейчас, как рассказала мне Курицына, рассматривается несколько деловых предложений западных фирм, желающих сотрудничать с музеем, в том числе и на основе организации выставок за рубежом.

— Конечно, — говорила Наталья Николаевна, — все это далеко не миллионные проекты, но все же...

И все же не могу закончить эти заметки на мажорной ноте. Почему государственная коллекция марок остается, по сути дела, ведомственной? Она существует и пополняется на основе различных правил, предписаний, решений, рождаемых в кабинетах российского почтового ведомства. Не пора ли статус музея определить

на высшем законодательном уровне, даже не следуя при этом западным примерам, а исходя из здравого смысла и реалий нашей страны?

Давно идет разговор о необходимости принятия Закона о музеях. Жаль, что депутатам, захлестнутым политическими страстями, все не до него. А музеи между тем, получая мизерные дотации, чахнут под бременем арендных плат за помещения, теряют сотрудников, не будучи в состоянии достойно оплатить их труд.

Недавно высочайшим решением все храмы Москвы переданы Московской патриархии. Но почему бы музеям не предоставить право бесплатно приватизировать занимаемые помещения?

Или государство хочет за их счет пополнить свою казну? Хочет обогатиться через духовное обнищание?

КРИЧАЩАЯ

Меня зовут Маргарет Лири. Мне десять лет, и я учусь в последнем классе начальной школы. У меня нет братьев и сестер, но есть прекрасные папа и мама, правда, они не могут уделять мне много внимания. Как бы то ни было, никто из нас даже не предполагал, что придется столкнуться с убитой женщиной. Или почти не предполагал.

Когда живешь на улице, подобной нашей, и не подумаешь, что может произойти что-нибудь ужасное, скажем, перестрелка, убийство или погребение человека заживо, чуть ли не у вас в саду. А когда такое случается, просто не веришь. Продолжаешь как ни в чем не бывало намазывать масло на хлеб или же печь пирог.

Я расскажу вам, как это произошло. Была середина июля. Мама сказала мне:

— Маргарет, сходи в магазин и купи мороженое. Сегодня суббота, папа придет обедать домой. Мы должны его угостить чем-нибудь вкусеньким.

Я побежала через пустырь позади нашего дома, где мы обычно играем с ребятами. Когда я шла обратно из магазина и думала о чем-то своем, это все вдруг и произошло.

Я услышала крик женщины, остановилась и прислушалась. Звук шел из-под земли. Женщина была погребена под камнями, стеклами и мусором. Она ужасно кричала, умоляла вытащить ее.

Я стояла, оцепенев от ужаса, а она продолжала приглушенно кричать.

Я бросилась бежать, споткнулась и упала, вновь вскочила и побежала.

Открыв дверь нашего дома, я увидела маму, спокойную, как всегда, даже не подозревавшую, что позади нашего дома, всего в каких-то сотне ярдов, погребена в земле живая женщина, которая кричит и просит о помощи.

— Мам... — произнесла я.

— Не стой там. Видишь, мороженое тает, — прервала она меня.

— Но, ма...

— Положи его в холодильник.

— Послушай, ма, там кричит какая-то женщина...

— И вымой руки, — продолжала мама.

ЖЕНЩИНА

— Она кричит и кричит...

— Давай-ка посмотрим, где соль и перец.

— Послушай меня, — сказала я громко. — Мы должны ее выкопать. Она похоронена под тоннами земли, и, если мы ее не выкопаем, она задохнется и умрет.

— Я уверена, что она может подождать, пока мы пообедаем, — ответила мама.

— Ма, ты что, не веришь мне?

— Конечно, верю, дорогая. А теперь вымой руки и отнеси эту тарелку отцу.

— Я даже не знаю, кто она и как туда попала. Но мы должны помочь ей, пока не поздно.

— О Боже! — воскликнула мама. — Посмотри на мороженое. Ты что? Просто стояла на солнце и ждала, пока оно растает?

— Ну, на пустыре...

— Иди, иди, егоза.

Я пошла в столовую.

— Па, там на пустыре кричит какая-то женщина.

— Мне еще не встречались женщины, которые не кричат.

— Я серьезно.

— Да, ты выглядишь очень серьезной, — произнес папа.

— Мы должны достать кирки и лопаты и откопать ее, как египетскую мумию.

— Я не археолог, Маргарет. И потом слишком жарко. А вот в какой-нибудь прохладный октябрьский день мы примемся с тобой за дело.

— Но так долго ждать нельзя.

Сердце колотилось в груди. Я была возбуждена, испугана, а папа как ни в чем не бывало положил себе на тарелку мясо и принялся за еду, не обращая на меня никакого внимания.

— Па?

— Мм?

— Па, ты должен после обеда пойти со мной и помочь, — умоляла я. — Па, ну па, я отдам тебе все деньги, которые у меня есть в копилке.

— Ну, — сказал папа, — это деловое предложение. Видимо, очень важное для тебя, раз ты предлагаешь свои деньги. И сколько ты будешь мне платить в час?

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

R

— У меня десять шиллингов. Я собирала их целый год, и все они твои.

— Я тронут.— Папа коснулся моей руки.— Очень тронут. Ты хочешь поиграть со мной и готова платить за это деньги. Откровенно говоря, Маргарет, ты заставила своего старого папу почувствовать себя настоящим негодяем. Я слишком мало уделяю тебе времени. Вот что скажу: после обеда я пойду с тобой и послушаю крики женщины. И сделаю это бесплатно.

— Да? Ты действительно пойдешь?

— Да, только обещай мне...

— Что?

— Если хочешь, чтобы я пошел, ты должна сперва съесть весь свой обед.

— Обещаю.

В комнату вошла мама и села за стол. Мы стали обедать.

— Не так быстро,— заметила мама.

Я стала есть медленнее, а затем вновь заторопилась.

— Ты слышала, что сказала мама? — обратился ко мне папа.

— Но кричащая женщина... Мы должны поторопиться.

— А я,— заметил папа,— собираюсь есть спокойно. Сперва я со всем необходимым вниманием съем бифштекс, затем мороженое и, если ты не возражаешь, выпью холодного пива. Это у меня займет по крайней мере час. И вот что, моя маленькая леди, если ты еще раз за столом во время обеда упомянешь об этой, как ее, кричащей... я не пойду с тобой слушать ее концерт. Ты все поняла?

— Да, папа,— произнесла я.

Обед длился целую вечность. Все действия родителей были замедленными, как в некоторых фильмах. Мама медленно вставала и так же медленно садилась. Вилки, ножи, ложки тоже двигались медленно. Даже полет мух по комнате и тот замедлился. Все было так медленно, что мне хотелось крикнуть: «Поторопитесь! Пожалуйста, побыстрее! Давайте быстро встанем и победим!»

Но нет, я должна была сидеть. И пока мы все сидели и медленно поглощали обед, пока весь мир обедал, там, на улице, кричала женщина. Она была совсем одна. Солнце пекло, а на пустыре никого.

— Ну, вот и все,— сказал наконец папа.

— Мы сейчас пойдем искать эту женщину? — спросила я.

— Сперва немного холодного пива.

— Кстати, о кричащих женщинах,— вмешалась мама.— Чарли Несбитт вчера вечером вновь подрался с женой.

— Ничего удивительного,— хмыкнул папа.— Они всегда дерутся.

— Чарли — негодяй,— заметила мама.— Впрочем, она не лучше.

— Не знаю, но, мне кажется, она вполне порядочная женщина.

— Просто ты к ней хорошо относишься. Помнишь, как чуть было не женился?

— Опять ты за старое? В конце концов я был помолвлен с ней всего шесть недель.

— Ты проявил здравый смысл, разорвав помолвку.

— Хелен помешалась на сцене. А у меня не было времени на подобные развлечения. Это и привело к разрыву. Хотя она была очень мила. Мила и добра.

— И что ей это дало? Ужасного грубияна в мужья — Чарли.

— Я согласен с тобой. У Чарли ужасный характер. Помнишь, как Хелен играла в школьной пьесе? Она была хороша как картинка и сама написала несколько песен, а одну — именно для меня.

— Ха... — засмеялась мама.

— Не смейся. Это была хорошая песня.

— Ты мне не рассказывал.

— Это касается только нас с Хелен. Как же она начиналась?

— Па... — перебила его я.

— Ты бы лучше пошел с дочкой на пустырь, — заметила мама, — а то она в обморок упадет. Можешь и потом спеть эту прекрасную песню.

— Хорошо, пошли, — сказал папа, и я потащила его на улицу.

На пустыре никого не было. Солнце пекло. Битые бутылки отливали всеми цветами радуги.

— Ну, и где твоя кричащая женщина? — смеясь, спросил папа.

— Мы забыли лопаты! — воскликнула я.

— Возьмем потом, когда услышим солистку.

Я повела его к тому месту.

— Послушай.

Мы прислушались.

— Я ничего не слышу, — наконец произнес папа.

— Шш... подождем. — Эй, кричащая женщина, где ты?! — закричала я.

Мы слышали, как движется солнце по небу. Слышали очень спокойное дуновение ветра среди листвы. Слышали, как где-то вдали шел дождь. Слышали, как прошла какая-то машина. Но... только и всего.

— Маргарет, — сказал папа. — Думаю, тебе нужно лечь в постель и положить на лоб мокрую тряпку.

— Но она была здесь. Она кричала, кричала и кричала! — воскликнула я. — Посмотри, здесь копали. Ты стоишь прямо на этом месте!

— Маргарет, вчера именно здесь мистер Келли выкопал большую яму для всякого хлама.

— А ночью кто-то воспользовался его ямой и заживо захоронил женщину, а потом забросал ее землей.

— Ну... я иду домой.

— Ты не сможешь мне копать?

— Долго не стой, жарко. — Папа ушел, а я затопала ногами, проклиная все на свете.

И вдруг крик раздался снова. Она кричала и кричала, призывая меня. Я побежала к дому и с шумом хлопнула дверью.

— Па, она снова кричит!

— Да, конечно, кричит. Пошли. — Он повел меня по лестнице в спальню. — Ну вот. — Он заставил меня лечь и положил на голову влажное полотенце. — Успокойся.

— Па, мы не можем оставить ее там, — я заплакала. — Она закопана. Подумай, как ужасно кричать, когда никто не обращает внимания.

— Я запрещаю тебе выходить из дома, — встревоженно произнес папа. — Будешь лежать здесь весь день. — Он вышел и запер комнату на ключ. Я слышала, как он говорит с мамой. Через некоторое время я успокоилась, встала и на цыпочках подошла к окну. Привязав простыню к спинке кровати, я спустилась через окно на землю, взяла в сарае пару лопат и побежала на пустырь. Было еще жарче, чем прежде. Я стала копать, а женщина все кричала и кричала...

Это была тяжелая работа. Ковырять лопатой, отбрасывая камни и стекло. Я знала, что мне придется копать весь день. Что я могла сделать? Побегать и рассказать другим людям? Но они, как папа и мама, не обратили бы на это никакого внимания. И я продолжала копать одна.

Минут десять спустя на пустырь прибежал мой одноклассник Диппи Смит.

— Привет, Маргарет! — воскликнул он.

— Привет, Диппи, — с трудом ответила я.

— Что ты тут делаешь?

— Копаю.

— Зачем?

— В земле захоронена женщина, она кричит, а я хочу ее выкопать.

— Я не слышу никакого крика, — сказал Диппи.

— А ты сядь, подожди немного и услышишь. А еще лучше, если ты мне поможешь.

— Я не буду копать, пока не услышу крик.

Он ждал.

— Слушай, — крикнула я. — Слышишь?

— Ей-богу! — Глаза его сияли. — Сделай еще раз.

— Сделай что?

— Крикни.

— Нужно подождать, — в смущении проговорила я.

— Ну, сделай, — настаивал он, трясая меня за руку. — Сделай. — Он вытащил из кармана коричневый камень. — Я отдам тебе этот кусок мрамора, если ты еще раз так сделаешь.

Из-под земли вновь раздался крик.

— Вот это да! — воскликнул Диппи. — Научи меня делать так же!

— Если ты поможешь копать, позднее я научу тебя этому.

— Прекрасно. Дай лопату.

Мы стали копать вместе. Время от времени женщина кричала.

— Можно подумать, — сказал Диппи, — что она у нас прямо под ногами. Ты удивительная девочка, Мэгги. А как ее зовут?

— Кого?

— Женщину, которая кричит. Ты должна дать ей какое-нибудь имя.

— О да.— Я на мгновение задумалась.— Ее зовут Шарлотта Тутл. Это богатая старушка, 96 лет. Ее живьем закопал мужчина по имени Спайк. Он подделывал пятифунтовые банкноты.

— Вот это да!

— Вместе с нею закопаны сокровища, а я... хочу вскрыть могилу и завладеть ими,— задыхаясь, произнесла я, продолжая энергично копать.

— А ты со мною поделишься? — таинственно произнес Диппи.— Давай будем считать ее,— подбросил он новую мысль,— принцессой Омманатрой, египетской королевой, тело которой покрыто бриллиантами!

«Мы спасем ее,— подумала я,— спасем, если только будем продолжать копать!»

— Слушай, у меня появилась идея! — воскликнул Диппи. Он куда-то убежал и вскоре вернулся с куском картона, на котором стал что-то писать мелом.

— Продолжай копать! Мы не должны останавливаться!

— Я делаю надпись. Видишь? КЛАДБИЩЕ СНА! Мы будем здесь в коробочках хоронить птичек и жучков. Я пойду и постараюсь найти бабочек.

— Нет, Диппи!

— Так интереснее. Возможно, найду и мертвую кошку.

— Диппи, берись за лопату! Пожалуйста!

— О, я устал,— произнес Диппи.— Думаю, надо сходить домой и отдохнуть.

— Ты не можешь этого сделать.

— Почему?

— Послушай, Диппи, я хочу кое-что тебе сказать.

— Что? — Он ударил ногой по лопате.

— Там действительно закопана живая женщина,— прошептала я ему на ухо.

— Ну, конечно. Ты это уже говорила, Мэгги.

— Но ты мне не поверил.

— Лучше объясни, как ты кричишь, не открывая рта. Тогда я буду продолжать копать.

— Не могу тебе ничего объяснить, потому что не я это делаю. Послушай, Диппи, я отойду в сторону, а ты стой здесь и слушай.

Вновь раздался крик женщины.

— Не может быть! — воскликнул Диппи.— Но там действительно женщина!

— Именно это я и пыталась тебе втолковать.

— Давай копать! — произнес Диппи.

Мы копали без перерыва 20 минут.

— Интересно, кто она?

— Не знаю.

— Может быть, это миссис Нельсон, миссис Тернер или миссис Брэдли. Интересно, она красивая? Какого цвета у нее волосы? Сколько ей лет — 30, 60 или 90?..

— Копай! — приказала я.

Насыпь становилась все выше.

— Как ты думаешь, она наградит нас за свое спасение?

— Думаю, что да.

— Наверняка даст шиллинг.

— Больше. Может быть, и десять.

— Как-то я прочитал книгу о магии,— начал вспоминать Диппи, продолжая копать.— Один индус, совершенно голый, был похоронен заживо. Он проспал в могиле 60 дней и ничего не ел. Представляешь, 60 дней без сладостей, мороженого, пирожных, наконец, без воздуха.— Вдруг лицо Диппи помрачнело.— А что, если эти звуки раздаются по радио, а мы так усердно работаем?

— Если это и радио, оно будет наше.

Вдруг на нас упала чья-то тень.

— Эй, ребята, что вы здесь делаете?

Мы обернулись. Перед нами стоял мистер Келли, которому принадлежал этот пустырь.

— Здравствуйте, мистер Келли,— поздоровались мы.

— Послушайте меня внимательно,— произнес мистер Келли.— Я хочу, чтобы вы взяли за свои лопаты и вновь закопали яму, которую выкопали. Я хочу, чтобы вы это сделали.

Мое сердце бешено забилося.

— Но, мистер Келли, кричит женщина и...

— Меня это не интересует. Я ничего не слышу.

— Послушайте! Слышите крик?

Мистер Келли прислушался и покачал головой.

— Я ничего не слышу. Давайте, давайте, засыпайте яму и по домам, а то вам придется долго меня помнить.

Мы засыпали яму землей. И пока мы работали, мистер Келли стоял рядом, скрестив руки. Все это время женщина кричала, но мистер Келли притворялся, будто ничего не слышит.

Когда мы закончили, он сказал перед уходом:

— А теперь по домам. И если я еще раз увижу вас здесь...

— Это он,— прошептала я, поворачиваясь к Диппи.

— Что? — спросил Диппи.

— Он убил миссис Келли. Задушил, засунул в ящик и закопал, но она пришла в себя. Почему, спрашивается, он не обращает никакого внимания на ее крик?

— Действительно,— согласился Диппи.— Он ведь стоял здесь, все слышал и все равно лгал!

— Есть только один выход,— предложила я.— Позвонить в полицию и попросить их приехать и арестовать мистера Келли.

Мы побежали на угол к телефонной будке.

Пять минут спустя полицейский постучал в дом мистера Келли. Мы с Диппи вели наблюдение, спрятавшись в ближайших кустах.

— Мистер Келли? — спросил полицейский.

— Да, сэр. Чем могу быть полезен?

— Миссис Келли дома?

— Да, сэр.

— Можно ее видеть?

— Конечно. Эй, Анна!

В дверях показалась миссис Келли.

— Да, сэр?

— Прощу прощения,— извинился полицейский.— Нам сооб-

щили по телефону, что вас захоронили заживо на пустыре. Правда, голос был похож на детский, но мы все-таки решили проверить. Извините, что побеспокоил вас.

— Чертовы дети! — сердито воскликнул мистер Келли. — Если я когда-нибудь встречу их, то разорву на части!

— Удираем! — крикнул Диппи, и мы помчались со всех ног.

— Что будем делать дальше? — спросила я.

— Я должен идти домой, — ответил Диппи. — Ну и влипли мы! Нам еще за это попадет!

— А как быть с кричащей женщиной?

— Забудь о ней. Мы не должны даже близко подходить к этому месту. Старый Келли наверняка поджидает нас там с ремнем. Кстати, Мэгги, я только что вспомнил: разве старый Келли не глуховат? Ведь он едва слышит.

— Черт возьми! Неудивительно, что он не слышал криков.

— Ну, пока, — сказал Диппи. — Мы действительно попали в историю с этим проклятым загробным голосом. До встречи.

Я осталась одна. Помощи ждать было неоткуда. Никто мне не верил. По моим следам шла полиция. Она, вероятно, уже искала меня.

Оставалось последнее средство.

Я заходила в каждый дом, расположенный вдоль дороги, звонила и спрашивала: «Простите меня, миссис Грисвалд, у вас никто не пропал?» или «Здравствуйте, миссис Пайкс, вы прекрасно сегодня выглядите. Рада видеть вас дома».

Час проходил за часом. Темнело. Я думала о том, много ли воздуха осталось в ящике с погребенной женщиной. Нужно было поторопиться, иначе она задохнется. Наконец я подошла к последнему дому — к дому мистера Чарли Несбитта, нашего соседа. Я долго стучала в дверь и уже готова была отказаться от своей идеи и пойти домой, как вдруг дверь открылась. Вместо миссис Несбитт, или Хелен, как называл ее мой отец, оказался сам Чарли, мистер Несбитт.

— О! — воскликнул он. — Это ты, Маргарет?

— Да, — ответила я. — Добрый вечер.

— Чем могу быть полезен?

— Я бы хотела поговорить с вашей женой, миссис Несбитт.

— О!..

— Можно?

— Она пошла по магазинам.

— Я подожду, — сказала я и прошмыгнула в дом.

— Ну, ладно, — согласился он.

— Сегодня ужасно жарко, — произнесла я, пытаюсь сохранить спокойствие, хотя меня преследовала мысль о несчастной женщине, о том, как она задыхается в яме, а крик ее становится все слабее и слабее.

— Послушай. — Чарли подошел ко мне. — Я думаю, тебе не стоит ждать.

— Почему, мистер Несбитт?

— Видишь ли, сегодня моей жены не будет.

— Да?

— Она действительно пошла за покупками, но затем собира-

лась навестить свою мать. Вот так-то. А мать живет в Бристоле. Так что жена вернется через 2—3 дня, а возможно, и через неделю.

— Жаль.

— Почему?

— Мне необходимо было кое-что ей рассказать.

— Что именно?

— Я хотела сказать ей, что на пустыре захоронена женщина, которая все время кричит.

Мистер Несбитт уронил сигарету.

— У вас сигарета упала, мистер Несбитт.

— Да? Точно, — пробормотал он. — Я расскажу Хелен твою историю, как только она вернется домой. Она ей понравится.

— Спасибо, но это живая женщина.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышала ее.

— Да? Ты в этом уверена? А может быть, это корень мандрагоры?

— А что такое мандрагора?

— Ты должна знать. Мандрагора — своеобразное растение, издающее крики. — Он старался казаться спокойным. — Маргарет, а ты... э... рассказывала кому-нибудь об этом?

— Да. Многим людям.

Мистер Несбитт обжег палец спичкой.

— И они что-нибудь предприняли?

— Нет. Они не верят мне.

— Конечно, нет, — улыбнулся он. — Это вполне естественно. Ты ведь только ребенок. Разве они обязаны тебя слушать?

— Я пойду и выкопаю ее.

— Постой.

— Я должна идти.

— Побудь со мной немного, — настаивал он.

— Благодарю, но я не могу.

Он схватил меня за руку.

— Ты умеешь играть в карты? В рамми?

— Да.

Мистер Несбитт взял со стола колоду карт.

— Давай сыграем?

— Я должна идти копать.

— У тебя еще много времени. Может быть, моя жена скоро вернется. А ты ее немного подождешь.

— Вы думаете, она вернется?

— Конечно. Э... а тот голос... очень сильный?

— Он с каждым разом становится слабее.

Мистер Несбитт вздохнул и улыбнулся.

— Детские игры! Давай сыграем в рамми. Это значительно интереснее, чем кричащая женщина.

— Я должна идти. Уже поздно.

— Посиди немного. Тебе все равно нечего делать.

Я понимала, к чему он стремится. Он пытался задержать меня в доме до тех пор, пока крики женщины окончательно не затихнут, и я уже не смогу ей ничем помочь.

— Моя жена вернется через 10 минут,— сказал он.— Всего 10 минут. Подожди. Сиди, где сидишь.

Мы играли в карты. Часы тикали. Солнце уже исчезло за горизонтом. Стало очень темно.

— Я должна идти,— наконец произнесла я.

— До свидания, Маргарет. До встречи.

Он отпуская меня, потому что был уверен, что жена его уже задохнулась. Дверь за мной захлопнулась.

Я побежала на пустырь и спряталась в кустах. Что я могла сделать? Рассказать отцу с матерью? Но они не верили мне. Вызвать полицию? Но Чарли Несбитт скажет, что его жена уехала.

Я побежала на то место, откуда раздавались крики. Но криков уже не было. Все кончилось.

«Слишком поздно»,— подумала я, легла и приложила ухо к земле.

И вдруг я услышала звуки — такие слабые, что их едва было слышно. Женщина больше не кричала. Она пела. Что-то вроде: «Я любила тебя честно, я любила тебя всей душой».

Это была печальная песня. Долгие часы под землей, должно быть, свели ее с ума. Она больше не кричала, не звала на помощь, она просто пела.

Я прислушалась к песне. Затем быстро вскочила на ноги, пересекла пустырь, взбежала по ступенькам нашего дома и открыла входную дверь.

— Отец!

— Наконец-то! — закричал он.

— Отец,— повторила я.

— Ну, тебе попадет!

— Она больше не кричит.

— Хватит о ней говорить!

— Она поет.

— Что ты выдумываешь!

— Па, она там и скоро умрет, а ты не слушаешь. Она поет: «Я любила тебя честно, я любила тебя всей душой».

Отец побледнел, подошел ко мне и взял за руку.

— Что ты сказала?

— «Я любила тебя честно, я любила тебя всей душой»,— вновь пропела я.

— Где ты слышала эту песню? — закричал он.

— На пустыре, только что.

— Но это же песня Хелен, та самая песня, которую она написала для меня много лет назад. Ты не могла знать ее! Никто ее не знал, кроме меня и Хелен. И я никогда никому не пел эту песню.

— Да, ты прав.

— О Боже! — закричал отец и выбежал из дома, прихватив лопату.

Через несколько секунд он уже яростно копал на пустыре. Вскоре к нему присоединились многие другие и помогали ему копать. Я чувствовала себя такой счастливой, что готова была рыдать.

Я набрала по телефону номер Диппи и, когда он подошел, произнесла:

— Привет, Диппи. Все прекрасно. Все очень хорошо. Женщины больше не кричат.

— Грандиозно!

— Немедленно приходи на пустырь. Не забудь лопату!

— Давай на спор: кто быстрее! Пока! — крикнул Диппи.

— Пока, Диппи, — бросила я трубку и побежала на пустырь.

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ ШПАКА.**

ЗВЕЗДЫ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Издательский
ДОМ

"ФЕДОРОВ"

В П Е Р В Ы Е

собраны вместе все повести Н. Леонова
о сыщике Гурове.

П Р И Н И М А Е Т С Я П О Д П И С К А

от организаций и клубов книголюбов до 1 АВГУСТА 1993г. не менее, чем на 12 комплектов книг. Стоимость 1400 рублей за 4 тома. Первые два тома уже напечатаны. Производить оплату переводом на р/с АО 'Издательский Дом ФЕДОРОВ' 7467453 в ПК АвтоВАЗБанк филиал г. Самара КОД 701 МФО 151001. Для получения книг необходимо прислать квитанцию с переводе или платежное поручение с указанием вашего точного адреса.

П Р И Г Л А Ш А Е М

оптовых распространителей и агентов по подписке
в регионах России.

Наш адрес: 443086, г. Самара, а/я 10374.

Тел., факс /846-2/ 345-921.

Несмотря на сумасшедшие цены, выкроила деньги и подписалась на «Смену». Вот пишу, а сердце замирает — Господи, дай силы выдержать эту жизнь, эту смуту! Как выстоять? Трое детей, один ребенок — инвалид детства, сама инвалид третьей группы. И, как водится, чем больше льгот, тем быстрее вылетит с работы. Я в первых рядах и оказалась за бортом. Теперь перебиваюсь случайными заработками. А тут судьба еще раз ударила меня и детей — точь-в-точь по пословице, что бедная сестра брату не нужна, а больная жена — мужу: мой муж ушел, не вытерпел мучений. Я его понимаю — он ужасно устал от нас: не могу ему оказывать больше внимания, чем детям, не могу предложить кусок побольше и повкусней, видя голодные глаза детей. Пусть ему выпадет более достойная доля. Только вот мы оказались на краю бездны. Наша основная пища сейчас — сладкий чай с хлебом. Я не могу кричать на каждом углу о своем бедственном положении — стыдно! Тут-то и поймешь стариков, которые вспоминают добром свою молодость. Да и мы теперь с тоской вспоминаем «те» годы. Была работа, была радость, была какая-то уверенность. Еще в 80-е годы жили, можно сказать, в достатке — одежду, ковры, мебель можно было купить в кредит. Книжки покупали, посуду, ходили в кино, иногда в театр. А теперь? Страшно в магазин заходить, страшно жить! Одежда донати-

вается, мебель расшатывается. Уж я не говорю о том, что хочется жить по-человечески — детей поднимать надо, одевать, кормить, учить. На что? Кто мне ответит? Идет жестокая война правительства с народом. Видели машину, которая асфальт укатывает, — каток? Так вот, правительство наше — каток. Нас укатывают, дают, вынуждают нищенствовать и утверждают с высокой трибуны, что народ поддерживает реформы и готов еще терпеть. Что терпеть — голод? И кто готов терпеть? Те, кто сидит в зале заседаний, и те, кто имеет зарплату в сто и более тысяч в месяц?

Я очень нуждаюсь в работе, особенно в надомной или с сокращенным рабочим днем. Но как только узнают о моих «хвостах», сразу от ворот поворот, не скрывая ехидных улыбочек.

Господи! Научи как выстоять! Неужели некому нас защитить? Пишу ночью и реву. Еще не так давно были для многодетных и инвалидов кое-какие продуктовые наборы. Так те, у кого один ребенок в семье, кричали: «Почему им все, а наши — не дети?» Теперь они молчат, потому что даже в это тяжелое время одного ребенка можно побаловать яблоками и конфетами, многодетным нет продуктов, одежды по доступным ценам. Теперь все уравнины. Бедные — равняйтесь на богатых!

Не знаю, чем все это закончится, но так жить нет больше сил, нет. Господа депутаты, что вы сделали для оздоровления общества, для улучшения нашей жизни? На что нас толкаете — ночью, когда дети спят, открыть газ?

ВАЛЕНТИНА НАЗАРОВА,
Тверская область

Через
женскую бедра

Визитная карточка: Ирина Емельянова. Прапорщик армии республики Беларусь. Выпускница Кировского политехнического института. Инженер-химик. Мастер спорта. Трижды чемпионка страны, чемпионка Европы и мира по самбо (тяжелый вес). Тренирует — мастер спорта по самбо Константин Тиновицкий...

— Честно скажу, Ира, если бы не знал вас, принял бы скорее за манекенщицу, чем за чемпионку мира по самбо, тем более в тяжелом весе.

— Что ж, приятно слышать... Я раньше серьезно занималась баскетболом. Играла в школе, в институте. Говорят, именно от баскетбола у меня резкость, координация, что в самбо очень важно...

Ира родилась и выросла в маленьком поселке Даровском. Это в лесах и лугах Кировской области. Отец работал на птицефабрике, мать учительствовала в школе. Как говорится, обычная российская семья, в обычной российской глубинке. Необычным было, пожалуй, одно: в семье этой все увлекались спортом.

— Дед, Тимофей Петрович, кузнецом был. Фантастической силы человек. Отец — гиревик. Брат Володи — тоже самбист.

— И тоже чемпион мира?

— Да. Можно сказать, семейная традиция.

— Ну а уезжать из семьи, из родных мест трудно было?

— Я поначалу в больших городах душевно терялась. Шум, суета — не для меня. Сейчас уже, по миру поездив, конечно, свыклась.

...В самбо ее первым тренером был Юрий Павлович Новосельцев, буквально вытащивший Иру с баскетбольной площадки. Меньше года понадобилось этой рослой

девушке с серьезными серыми глазами, чтобы стать вторым призером абсолютного первенства России по самбо в 1984 году. В восемьдесят пятом она уже завоевала «серебро» на всесоюзном чемпионате. Ну а прошлый год, девяносто второй, стал для Емельяновой поистине звездным...

— Попасть на чемпионат мира в Англию было куда сложнее, чем выиграть его. — грустно шутит тренер Константин Тиновицкий. — Спортивная госструктура распалась, и никто не хотел финансировать нашу поездку. Пришлось собирать по крохам на авиабилеты, на жите-е-е-е-е... Вложили свои деньги.

Принял Ирину и Костю на полное «довольствие» давнишний друг Тиновицкого английский «бобби» Мэтью Клептнер, тоже самбист, неоднократный чемпион английской полиции.

...Схватка на борцовском ковре длится всего четыре минуты чистого времени. На мировом чемпионате эти минуты или же прессыются в мгновения, или же «растягиваются» на часы — напряжение нервное огромно. Каждый захват, бросок может стать роковым.

Ира прошла всю «дистанцию» ровно. Она боролась как бы на одном дыхании. Внучка кузнеца брала своих соперниц в железные клещи — освободиться от ее захватов было практически невозможно.

— Девушка сильная, — говорит тренер, — вся в деда... Сейчас мы готовимся к чемпионату Европы и мира по дзюдо. Надо в резкости, в гибкости прибавить, над этим и работаем.

— Мне кажется, что самбо сегодня, так сказать, отодвинуто в сторону. В почете восточные виды единоборств: ушу, карате, айкидо... Не обидно, Ира? И стоит ли заниматься видом спорта, утра-

тившим былую популярность?

— Тут вы не правы... Самбо — отечественная борьба. И по многим параметрам ничуть не уступает карате и ушу. И потом, надо учесть, что восточные виды чисто физиологически не совсем «удобны» для российских бойцов. Зачем копировать, «обезьянничать»? Ведь у нас есть прекрасная бойцовская школа Кадочникова — «русский стиль». В экстремальных ситуациях это куда эффективнее, чем карате.

Тиновицкий добавил:

— Знаменитый Брюс Ли как-то заметил: соревнуются не стили, а бойцы. Поэтому спор, что лучше — самбо или карате, по-моему, бесплоден...

— Ира, а есть у вас «неудобная» соперница, с которой сложнее всего складывается поединок?

— Минчанка Вероника Козловская. Рослая и вес — 145 кг... Такую не «дожмешь», надо на прием ловить. И самой, дай Бог, не попасться.

— А в финале «мира» с кем боролись?

— С Олей Кучиной. Ну, там все нормально: нутром чувствовала — «золото» мое!

Я не стал расспрашивать Ирину о ее нынешних житейских бытовых проблемах. Во-первых, знал, что их сейчас у спортсменов даже мирового класса ничуть не меньше (а то и куда больше!), чем у других. И, во-вторых, понял: не станет Ира говорить об этом. Не привыкла сетовать на жизнь. Борцовская жилка и тут срабатывает — выстоять, превозмочь и победить!

— А когда проигрываете, Ира, плачете?

Ответил тренер:

— Она по гороскопу — «Весы».

И, выиграв, до потолка не прыгает, и, проиграв, не плачет. Уравновешенная девушка...

ВАЛЕРИЙ ЛОКТЕВ

Фотос ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Окультурная **А**кадемия
магии и целительства
бесплатно
вышлет свой журнал.

Для ответа пришлите конверт
с обратным адресом.

Наш адрес: 630105, а/я 491.

Не знаю, куда обратиться и как найти хотя бы какой-то выход.

...К своему несчастью и на горе близким родилась я с врожденным пороком сердца. В детстве оперировать меня не стали, да таких операций тогда и не делали. Я выросла, вышла замуж и захотела родить ребенка. Как мне это удалось, даже сейчас вспомнить страшно. Скрывала беременность от врачей, пока было возможно, когда же стало совсем невозможно, конечно, пошла в поликлинику, но что услышала о себе на приеме и потом в больнице — не передать, не описать. Поняла одно: что можно нормальным, здоровым, не дозволено больным, а если нарушаются установленные правила, — это уже преступление. Ребенок остался жив, да и я выкарабкалась. Вот вроде бы и наступило счастливое время, но болезнь не прошла. В нашей стране такие операции, какая нужна мне, теперь делают, но без каких-либо гарантий, точнее, гарантия одна — инвалидность. Как у нас странно устроено: с детства болею, инвалидность не дают, а прооперируют — дадут. Где же логика: оперируют-то для того, чтобы вылечить?

Так что же мне делать? Ждать, когда у нас научатся лечить «с гарантией», мне времени не отпущено. Наступает

ночь, и я в сотый раз представляю, как мой малыш пойдет в школу, потом, уже совсем большой, на свидание... Скорее всего я этого не увижу. Кто может понять, как это страшно — знать, что твой ребенок будет расти без тебя! Мой малыш спит, а я без конца целую его ручонки: простит ли когда-нибудь сынок свою глупую маму за то, что она родила его и — покинула. Да, не подумала я, когда хотела счастья, как у всех, что нет у меня богатого дяди в Америке, а в своем отечестве нет даже права на здоровье и жизнь. Зачем таким, как я, у нас позволяют жить?! Господи, как было б хорошо, если бы я умерла в детстве! Меня бы столько не унижали в больницах, в транспорте, на работе, мне было бы легче умирать. У нас очень не любят больных, которые вечно мешают обществу. Ну, а раз так, гуманнее было бы мучения прекращать.

Сейчас многие жалуются, что-то просят. Я понимаю, жизнь у нас обесценивается быстрее рубля, и надежды на помощь нет, но все равно хочется верить в чудо!

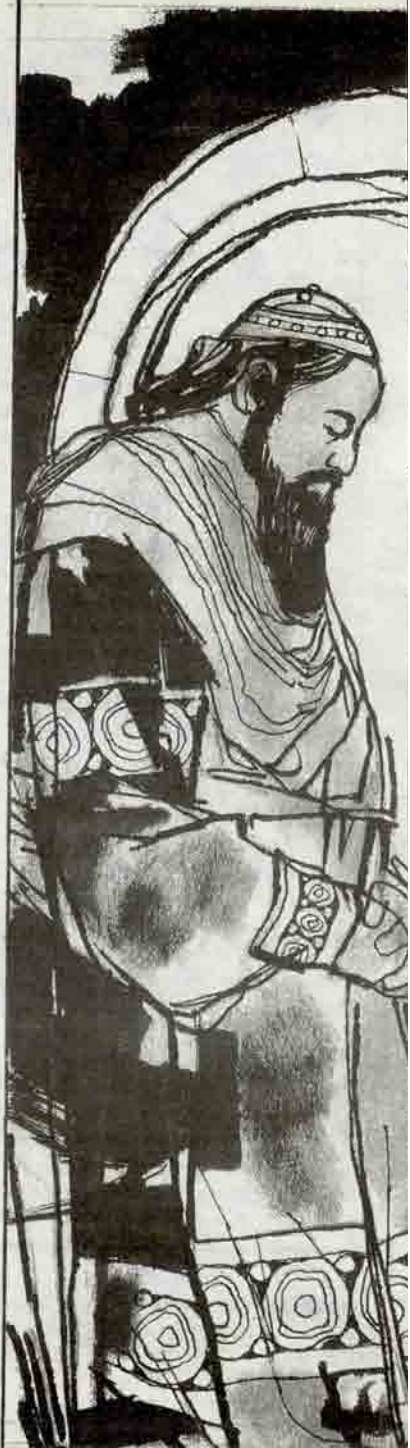
Помогите кто-нибудь, если не выздоровеет, то разделить боль. Адрес в редакции.

ИРИНА

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ

ЦЕРЬ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Валишевский оказался одним из первых историков России, вырвавшихся из семидесятилетнего «заклęcia». Пока государственные издательства держали последнюю оборону, стараясь всеми оставшимися силами не допустить на наши полки Карамзина, Соловьева и Ключевского, частное издательство в течение одного года выпустило десять главных произведений историка, которые, как и следовало ожидать, мгновенно разошлись, и сегодня, чего ожидать также следовало, «лотошники» дерут за них три шкуры.

Выбор предприимчивых издателей был, конечно, не случаен. Доступность изложения, порой чисто беллетристическая его форма и упор на событийно-бытовую сторону истории делали — и делают — книги Валишевского особенно притягательными для широкого читателя. Однако до сих пор не собрано, а вернее будет сказать, не разыскано его литературное наследие «малых форм» — очерки и статьи, появлявшиеся на страницах обширной русской периодики начала XX века. Похоже, именно «Смена» сделала здесь первый шаг, опубликовав в № 2—3 за прошлый год исторический очерк Валишевского «Бунт Стеньки Разина».

Сегодня мы предлагаем нашим читателям еще одну его работу, посвященную ключевой фигуре русской истории — патриарху Никону, о котором В. О. Ключевский писал: «Из русских людей XVII в. я не знаю человека крупнее и своеобразнее Никона». Должную дань этим качествам отдает и Валишевский, не обходя, однако, молчанием и других, ему свойственных.

Будущий патриарх родился в 1605 году — в тот самый год, когда в Москву победоносно вступил во главе польских войск первый Лжедмитрий.

Родители Никона были бедные крестьяне из деревни Вельдеманово Нижегородской области; в соседнем селении, Григорове, вскоре явился на свет самый опасный из противников, с которыми впоследствии пришлось бороться Никону, — протопоп Аввакум, самая оригинальная и могучая фигура этой эпохи.

Отца Никона звали Миной; сам он при крещении получил имя Никиты. Рано потеряв родную мать, он много выстрадал от мачехи Ксении, отличавшейся взбалмошным и жестоким характером. Одно время опасность даже жизни несчастного ребенка. Тем не менее ему удалось как-то научиться читать и писать; благодаря этим познаниям он нашел себе убежище в монастыре св. Макария в Желтоводах. Когда ему исполнилось двадцать лет, родители заставили его жениться и выхлопотали ему приход, откуда, быстро приобретая репутацию знающего и энергичного священника, он был переведен в Москву.

Тоска по монастырскому обиходу или честолюбие, не примиряющееся с ограниченными видами на будущее, вскоре принудили его, однако, отказаться от карьеры, закрывающей, как известно, белому православному духовенству доступ к высшим постам в церкви. Будучи уже отцом троих детей, он полюбовно разошелся со своей женой, постригшейся в московском монасты-

ре св. Алексея, а сам перешел в монашество под именем Никона и, стремясь к аскетической жизни, поселился в монастыре на берегу Белого моря.

В 1643 году Никон уже достиг звания игумена в Кожеозерском монастыре Новгородской епархии Каргопольского уезда, а в 1646 году, вернувшись в столицу по делам своей общины, привлек к себе внимание царя Алексея Михайловича.

Задержанный царем, он стал архимандритом Святоспасского монастыря, усыпальницы дома Романовых. Каждую неделю, по пятницам, Никона приглашали служить заутреню в дворцовой церкви государя, который привык подолгу беседовать затем с архимандритом.

Так завязались между этими двумя деятелями отношения, чреватые единственным в своем роде последствием для национальной истории. Алексей Михайлович, начавший уже называть Никона своим «собинным другом», предоставил ему должность, которая в предыдущем веке выдвинула любимца царя Ивана IV Адашева, — по приему подаваемых на имя царя прошений. Затем, когда московские волнения из-за налога на соль и из-за лихоимства и его присных перебросились в Новгород, Алексей послал туда Никона.

Возведенный в сан митрополита и снабженный самыми широкими полномочиями, Никон оправдал царское доверие. Он проявил выдающуюся энергию и распорядительность. Когда возник голод, он организовал в митрополичьем доме раздачу хлеба и денежных пособий, создал убежища, улучшил содержание тюрем. Не пренебрегая вместе с тем делами своей епархии, Никон произвел первый опыт церковной реформы: он ввел в Софийском соборе греческое пение, потребовал выписать певчих из Киева. Составленный им хор вскоре приобрел такую известность, что царь выразил желание послушать его; придя в восхищение, Алексей Михайлович по совету своего духовника Бонифатьева предложил столичному духовенству перенять это новшество. Патриарх Иосиф упорно воспротивился. Церковный обиход остался прежним, но реформа была, в сущности, лишь отсрочена; царь отложил ее до завершения пересмотра административных и судебных законов. «Уложение» было закончено в апреле и опубликовано в мае 1649 года.

В 1650 году в Пскове и затем в Новгороде вспыхнули бунты, направленные против шведов и вообще «немцев»; в Пскове народ расправился со шведским агентом, прибывшим за деньгами и хлебом, которые должны были быть выданы по мирному договору. В Новгороде не было шведов; бунтари обрушились поэтому на датского агента Краббе, рассчитывая отобрать у него деньги, предназначенные для иноземцев. Обыск его вещей разочаровал бунтовщиков; они напали тогда на некоторых богатых сограждан и подвергли их дома разграблению. Новгородский воевода князь Федор Хилков после неудачной попытки оказать им сопротивление искал спасения во дворце митрополита.

Сведения, дошедшие до нас об этом событии, весьма темны и противоречивы. Митрополит Никон описал этот эпизод в послании к царю; но его указания не внушают особенного доверия,

обнаруживая явное намерение автора выдвинуть по этому поводу свою роль и свою личность. Документ тем не менее весьма любопытен; он рисует будущего патриарха подверженным галлюцинациям. Быть может, он искренне верил в них, хотя видения оказались подобранными весьма искусно. Никон уверяет, что в соборе святой Софии созерцал видения, которые предупредили его о предстоящем испытании. Образ Христа, оживившись, возлагал на его голову мученический венец. Если отбросить мистические предзнаменования, можно предположить, что нападение на митрополицию покои было вызвано слишком энергичным образом действий властного Никона. Он заступился за правительственного пристава, захваченного и высеченного бунтарями, которые бросились тогда в покои митрополита, подвергнувшегося жестоким побоям. Никону пришлось слезь; он харкал кровью и, если верить ему, готовился к смерти. Обладая, однако, несокрушимым здоровьем, он хворал не особенно долго. А новгородские бунтари, последовав примеру псковских, послали в Москву уполномоченных, которые должны были оправдать их действия.

Алексей, следуя дипломатическим традициям московской политики, остерегся проявить свое недовольство. Он лично принял послов и произнес длинную речь, содержавшую защиту его как правителя. В то же время, вместо того чтобы послать в Новгород сильный отряд для подавления бунта, он отправил туда лишь парламентаря со слабым прикрытием. Он завязал даже переговоры с одним из вождей восстания, Федькой Негодяевым, который исходатайствовал, чтобы Никону был послан суровый выговор за церковные новшества, которые будто бы возмутили население.

Хитрость завершилась блестящим успехом. Федьке удалось ввести в город небольшой отряд князя Ивана Хованского; царь тотчас же переменял тон, приказав наказать различными карами некоторых бунтовщиков. Поспешность расправы была так велика, что некто Фома Меркурьев был приговорен к наказанию в то самое время, когда ему выражалась признательность за то, что он защищал воеводу и митрополита!

Новгородский митрополит, влияние которого казалось временно пошатнувшимся, вышел из этого испытания еще более укрепленным. Он подготовил одну из самых блестящих побед, которые когда-либо одерживала церковь в своем извечном соперничестве со светскою властью.

Алексей не замедлил раскаяться в том, что опорочил авторитет и поведение избранника, удостоившегося пророческих видений. В 1651 году он вызвал его в Москву и совершенно подпал под его влияние.

Царь имел пристрастие к религиозным церемониям, удовлетворявшим одновременно его мистические и художественные наклонности. Никон искусно использовал эти влечения, порадовав царя торжеством по случаю перенесения в Москву останков двух мучеников «смутного времени», патриархов Гермогена и Иова. Затем дошла очередь до мощей святого Филиппа, павшего в неравной борьбе с Иваном Грозным. Светской власти

пришлось примириться с посмертным торжеством подвижника церкви. Царь письменно изложил свою скорбь о преступлении, совершенном его прадедом с материнской стороны. Переписка Алексея Михайловича с новгородским митрополитом свидетельствует о необычайном подчинении духа; властный темперамент Никона, казалось, лишил набожного молодого государя не только воли, но и сознания своего достоинства. Он преклоняется, как ученик перед суровым учителем, трепещет, как самый смиренный из кающихся перед священником.

Молодость и повышенная впечатлительность поясняют это необычайное явление. Алексей как раз в это время был глубоко потрясен смертью патриарха Иосифа. Царю приписывали намерение низложить Иосифа — алчного, скупого, небрежного к своим обязанностям. Алексей, быть может, действительно подумывал иногда об этом и испытывал поэтому угрызения совести. Проникнув в покой, где лежало покинутое всеми тело патриарха, он испугался почти до потери сознания. Преодолев свое волнение, он стал молиться у изголовья усопшего. Вдруг раздался звук, вызванный разложением трупа; Алексей содрогнулся, хотел убежать; но снова подавил свое смущение, и тогда практически здравый смысл внушил ему необходимость выполнить еще одну обязанность: патриарх оставил значительные богатства — если царь не позаботится оградить их, не уцелеет и половина. И вот государь приступил к собственноручному составлению подробной описи. Он обнаружил огромное количество драгоценных чаш, старательно завернутых, по московскому обычаю, в три или четыре бумаги. Алексей своими руками разворачивал их. Некоторые предметы, признается он, соблазнили его, но он преодолел искушение. Работая таким образом, он оплакивал усопшего; Алексею удалось совершенно забыть о его недостатках. В то же время он всею своею растроганной душой устремился к тому иерарху, который пленил его своим выдающимся умом и силою характера и которого он прочил в преемники Иосифу.

Никон находился в Соловецком монастыре, откуда ему надлежало привезти мощи святого Филиппа; многочисленной свите он уже давал чувствовать тяжесть своей деспотической руки, власть которой вскоре предстояло испытать не только церкви, но и всему государству. Бояре и сановники, сопровождавшие Никона, единогласно жаловались не только на изнурение службами и постами во время пономничества, но и на всякого рода унижения и на грубое обращение. Несколько огорчившись этим, Алексей не решился, однако, обратиться с упреками к избраннику своего сердца. Царь ограничился просьбами быть снисходительнее и оградить его от нареканий некоторых наиболее раздражительных бояр, во главе которых фигурировал весьма популярный князь Иван Хованский, считавшийся за свои — довольно, впрочем, сомнительные — победы выдающимся военачальником.

Вернувшийся вскоре затем в Москву Никон был избран в патриархи или, вернее, собору было приказано избрать его. Согласно обычаю, он отказался от избрания, заставил упрасивать себя; царь принужден был земно поклониться и присоединить свои

просьбы к мольбам собрания. Никон, с его пристрастием к театральным манифестациям, не ограничился этим; он обратился к боярам и народу с требованием, чтобы они обязались «признавать в нем пастыря и отца, которому все должны повиноваться». Все обязаны подчиняться мерам, которые он сочтет необходимыми для восстановления порядка в церкви. Утвердительный ответ не замедлил, и Никон 22 июля 1652 года возложил на себя белую митру московских первосвященников.

Новый патриарх, опираясь на сочувствия царя, деятельно приступил к осуществлению широкого плана реформ, вызвавшего одно из самых стихийных духовных движений, которые когда-либо видело человечество, хотя основные причины раскола возникли гораздо ранее. Могущественное содействие царя позволило Никону в течение многих лет победоносно бороться с противниками, не уступавшими ему в энергии и решительности.

Но и помимо церковного новаторства, с которым неразрывно связано его имя, Никон, с его возвышением, опалю, процессом и ссылкой, является личностью во всех отношениях исключительной.

Протопоп Аввакум, земляк Никона, уверял, будто бы отец последнего был черемисом, а мать — татаркою. Хулители и поклонники реформатора долго препирались по поводу его происхождения; полагали даже, что Никон по происхождению был финном. Но ни телесный, ни духовный облик его не носили никакого отпечатка этой расы. Никон был громаден и порывист; увидев его впервые в 1663 году, грек Паисий Лигарид был поражен его зверским видом, высоким ростом, огромностью головы с волосами, оставшимися черными в шестьдесят лет, низким морщинистым лбом, густыми, нависшими бровями и ушами сатира. Враждебно настроенный к патриарху, грек не польстил ему, конечно, в своем описании; но, судя по сведениям из других источников, портрет его, в общем, не погрешил против сходства. Другой грек, Павел Алеппский, относившийся к Никону менее предвзято, свидетельствует, что видел, как патриарх, прображничав за столом с полудня до полуночи, отправился служить без малейшего признака утомления.

Никон обладал большею силою темперамента, чем ума. Познания его были весьма ограничены; получив поверхностное духовное образование, он мало дополнил его впоследствии беглым чтением. Лишь властный и смелый характер, явное стремление к действию и борьбе, соединенные с некоторою изворотливостью и большим талантом к организации театральной обстановки, заставили группу образованных и предприимчивых людей из среды, приближенной к Алексею, избрать Никона орудием для выполнения широкой программы церковной реформы. Инициаторы дела совершили ошибку, избрав в его лице главного исполнителя своих предначертаний; гораздо менее податливый, чем они предполагали, патриарх скоро ускользнул из их рук. Законченная без них и против них реформа повлекла за собою лишь их гибель.

Усвоив чужие мысли, Никон наложил на осуществление их

столь индивидуальный отпечаток, что вся реформа запечатлела его личность. В общем, она заслуживает похвалы. Помимо исправления священных книг и богослужения, преемник Иосифа успел ко времени своего падения хоть отчасти упорядочить церковь и ввести в нее совершенно отсутствующую дисциплину. Он восстановил проповедь, которую совсем забыло духовенство; он основал школы, вводя изучение классических наук и поощряя переводы с греческого языка на церковнославянский, собрал в выстроенном им Воскресенском монастыре материалы для богатой библиотеки, пытался устроить в пользу своих соотечественников просветительный центр, которого так недоставало ему во время его собственной молодости.

В качестве проповедника он оставил по себе память как замечательный импровизатор, производивший впечатление могучим и мелодическим голосом. Он зачастую вдохновлялся событием, происходившим в самый момент произнесения проповеди; но ни одна из проповедей Никона не дошла до нас. Его речи на соборах 1654 и 1655 годов многословны, полны повторов и изложены столь сбивчиво, что в некоторых местах неудобопонятны.

Кроме того, он умел давать отпор расколу; можно считать коли не вполне доказанным, то весьма вероятным, что, если бы не опала Никона, дальнейшее развитие раскола было бы задержано.

Эти заслуги и достоинства помогли Никону достичь влияния, которым далеко не пользовались его ближайшие предшественники.

Алексей низко преклонялся перед Иосифом; по его собственным словам, когда получилось известие о смерти этого патриарха во время богослужения, он и все присутствующие были поражены таким «ужасом», что «с трудом продолжали пение». Тем не менее, — если исключить Филарета, занимавшего особое положение в качестве отца царя, — патриарх, как и все иерархи московской церкви, был лишь государственным чиновником, поставленным во главе духовенства, всецело подчиненного светской власти. Его избрание, как и назначение митрополитов, епископов и даже главных архимандритов, в сущности, зависело исключительно от усмотрения царя. Это и не могло быть иначе, потому что в древней Руси епископы были не только пастырями душ, но и агентами правительства с весьма широкими полномочиями административного свойства. Владея огромными имениями, они не только всецело управляли ими, но и командовали иногда войсками, составлявшими автономные части; при этом они действовали всегда в качестве уполномоченных государя, единственного источника всякой вообще власти. Превращение московской митрополии в патриархат — дело исключительно светской власти — ничего не изменило в этом порядке.

Идеи и чувства Алексея как нельзя более совпадали с представлением о государе как об истинном главе московской церкви. Он до такой степени был проникнут церковным духом, что проникался им даже в военных делах. Одного из полководцев, разбитых поляками, он упрекнул в нарушении не правил стратегии, а предписаний Священного Писания; другому же рекомен-

162

довал как средство достичь больших успехов пение «унисоном» во время ратных богослужений. Он составлял предписания о соблюдении постов, созывал важнейшие соборы семнадцатого века и нередко разрешал возникавшие на них религиозные споры вопреки мнению большинства и даже самого патриарха.

Возведение Никона в сан патриарха не внесло никакого принципиального изменения в этот порядок вещей. По свидетельству некоторых современников, преемник Иосифа заручился хартией, обязывающей царя не вмешиваться в церковные дела и признавать решения патриарха окончательными и неоспоримыми. Но, подписавший в сане простого архимандрита уложение 1648—1649 гг., Никон, и став патриархом, не выразил никакого протеста против тех постановлений этого кодекса законов, которые в корне подрывали независимость церкви. Он примирился с установившимся порядком вещей, предпочитая использовать личное влияние для обращения в свою пользу естественных последствий такого строя. Вместо того чтобы подрывать светскую власть, Никон стал опираться на нее для обеспечения собственного могущества.

По закону судебная автономия, которую себе присвоил таким образом Никон, не исключала возможности апеллировать к царю. Но когда один дьякон попытался воспользоваться этим правом в 1655 году, царь заявил ему: «Мой друг, если бы я стал отменять решения патриарха, он скоро вернул бы мне свой посох и сказал бы: «Управляй сам моими иноками и священниками».

Впоследствии Никон пытался лично достигнутые преимущества объединить общею доктриной: он уверял, будто подписал уложение лишь по принуждению; в 1653 году он дал перепечатать «Номоканон»* с тенденциозными дополнениями в этом смысле. Ему приписывали даже намерение приобщить себе сан папы, который некогда принадлежал восточным патриархам.

По отношению к своим подчиненным Никон держал себя настоящим тираном. За малейшую провинность архимандритов и протопопов заковывали в цепи и заставляли работать дни и ночи в патриаршей пекарне или обрекали на голодную смерть в подземных темницах. По словам Павла Алеппского, верховная власть в московском государстве была разделена между царем, патриархом и келарем Троицкой лавры, причем последний обставлял свои выезды пышнее соперников по власти. Тем не менее Никон вскоре низложил его и принудил исполнять обязанности мельника в небольшом монастыре, где тот и окончил свои дни.

Под конец власть патриарха опиралась также на несметное богатство. К огромным имениям, унаследованным от предшественников, патриарх, вопреки уложению, не переставал присоединять новые, так что число патриарших крепостных возросло с 10 000 до 25 000; от каждой земли, отходившей в казну, он заставлял отделять для себя некоторый участок.

В 1656 году Никон произвольно уничтожил коломенскую епар-

* «Номоканон» — сборник церковных законов, основанных на византийском церковном праве; то же, что Кормчая Книга (здесь и далее прим. публикатора).

нию, присоединив ее к своей со всеми ей принадлежавшими доходами. В то же время он повысил обложение, ежегодно вносимое патриарху вновь назначенными священниками, заставляя простых попов приезжать для этой цели в Москву, где их задерживали от трех до шести месяцев и принуждали в самые сильные морозы выстаивать многие часы на дворе патриаршего дворца. От одних столичных церквей он получал по 14 000 рублей и требовал даже часть доходов от Троицкой лавры. Если верить Павлу Алеппскому, Никон имел до 20 000 в день.

В 1655 году он построил себе новый дворец, который обошелся в 50 000 рублей, хотя строительные материалы были доставлены царем, а работы производились собственными крепостными патриарших земель. Домашний обиход Никона отличался чрезвычайной пышностью; стол был изобильный и пили много. Перед обедом патриарх и его гости выпивали по три стакана водки, затем разные напитки подавались к каждому блюду. Между тем перемены в меню того времени насчитывались десятками, не считая закусок.

Никон любил роскошь и всякого рода эффекты. Некоторыми чертами характера он упредил Потемкина. Собираясь принять царя в одной обители, он с большими расходами собрал туда целые сонмы иноков из окрестных монастырей. Облечение его бывало до такой степени перегружено жемчугом и драгоценными камнями, что, несмотря на свою атлетическую силу, Никон не мог вынести его тяжести и принужден был переоблачаться во время богослужения. Уверяли, будто он лобуетя на себя в зеркало во время священнодействия. Впрочем, в чем только его не обвиняли!.. Не только в том, что он дал себя подкупить полякам, но и в том, будто осквернил одного дьякона, предварительно спив его, и при таких же условиях изнасиловал женщину под предлогом уделения ей лекарства!..

Никон, несомненно, создал себе много врагов, которые рады были впоследствии возможности возводить на него всякие небывлицы. Раскольники считали наибольшим его грехом то, что он, по примеру римских первосвященников, носил изображения Христа и Матери Божией на своих туфлях.

Но расходная книга патриарха свидетельствует также о ежедневной раздаче щедрых подаваний, и Павел Алеппский, быть может, недалек от истины, утверждая, что Никон, несмотря на свою суровость, был дорог большинству русских, как папа католикам.

И действительно, популярность Никона проявилась с полной очевидностью после его опаль; позднее Стенька Разин пытался еще использовать ее. Чтобы внушить расположение простонародью, Никон не брезгал такими средствами, как приглашение к праздничному столу одного из почитаемых в Москве юродивых; патриарх сам наливал ему вино, выпивая из кубка оставшиеся после юродивого капли.

Несмотря на то, что власть патриарха ограничивалась делами одной церкви, с течением времени неизбежно должны были возникнуть различные столкновения ее с властью такого государя, как Алексей, ревниво оберегавшего свои prerogatives в этой

именно области. Кроме того, Никон привык обращаться с приказами и указами, даже по личным делам, к агентам светской власти; первым узурпировал это право патриарх Филарет. Алексей сначала не подал вида, что недоволен. Вышло даже так, что преемник Иосифа стал пользоваться титулом «великий государь». Никон уверял позднее, что эта милость была ему предоставлена за заслуги, оказанные во время первой войны с Польшей. В документах, дошедших до нас, не осталось никакого упоминания об этом, но с 1655 года этот титул неизменно фигурирует в переписке царя: Алексей всегда включает в свои письма приветствие «великому государю московскому патриарху».

В мае 1654 года царь надолго уехал к польской границе. Регентом как бы по безмолвному уговору остался «собинный друг» царя Никон. Он управлял церковью и государством. В следующем году, уезжая снова в поход, Алексей подтвердил это соглашение. Прощаясь с посетившим Москву патриархом антиохийским, царь сказал ему, указывая на Никона: «Вот мой заместитель, поручаю вас ему». После молебна о даровании победы московским войскам Никон произнес речь, длившуюся около часа. Царь слушал стоя, со сложенными молитвенно руками, в позе, повергшей присутствующих в изумление: «Точно один был рабом, а другой его властелином».

После отъезда Алексея Никон не преминул войти в роль всемогущего государя: он соблюдал все мелочи этикета, выказывая еще большую требовательность, чем уехавший царь. Принимая высших сановников, он им не предлагал садиться, поворачивался спиной, делая вид, будто не замечает их. Почести кружили ему голову. Епископов и даже иноземных митрополитов он, вопреки обычаю, не хотел именовать братьями; пригласив на обед антиохийского патриарха, Никон восседал один за отдельным столом. Алексей, впрочем, и в своем присутствии как бы поощрял его заносчивость: обедая с Никоном, он приказывал, чтобы здравца в честь патриарха провозглашалась первой. В начале омраченного смутами и войнами царствования глава еще не устоявшейся династии, по-видимому, хотел, чтобы власть его опиралась на другой общественный авторитет; кроме того, Никон подавлял его своею мощной, увлекающейся натурой.

Если бы Алексей был предоставлен самому себе, он, быть может, еще много лет соглашался бы на разделение власти. Но окружавшие его бояре не примирялись с таким положением вещей. Их политика диаметрально противоречила стремлениям Никона, ставя себе целью полное подчинение церкви государству.

Кроме того, всемогущий патриарх восстановил против себя и другую группу придворных, влияние которой на Алексея все усиливалось. Никон не был врагом науки и прогресса, но он понимал их по-своему — как непримиримый поборник православия и националист. Единомышленники боярина Морозова были, напротив, убежденными западниками. Никон выказывал неприязнь к иноземцам, чинил им всяческие докучки, старался не выпускать их из предместий. Однажды он потребовал, чтобы они

появлялись не иначе как в своих национальных костюмах, вследствие чего шеголям из немецкой слободы пришлось ходить в поношенные и вышедшие из моды костюмах, пока не прибыли заказанные в Париже и Лондоне новые одежды. В другой раз он приказал отобрать и уничтожить собранные любителями западного искусства картины и скульптуры, уклоняющиеся от византийских образцов; Никон запретил также боярам часто пользоваться банями, усмотрев в этом подражание турецким обычаям.

Обе эти придворные партии соединили свои усилия против общего врага и в течение 1657 года успели удалить «тишайшего» царя от его «собинного друга».

В октябре 1657 года Алексей еще навещил Никона в Воскресенском монастыре. Патриарх соорудил эту обитель в 47 верстах от столицы, на Истре, по образцу храма Гроба Господня. Сооружение произвело впечатление на царя, и строитель поспешил дать монастырю несколько претенциозное название «Нового Иерусалима», которое было потом поставлено ему в немалую провинность. Но уже в следующем месяце Никона постигло тяжелое разочарование: царь обещал посетить другой основанный патриархом монастырь, но не сдержал своего слова. В марте и апреле 1658 года царь присоединил еще некоторые земли к патриаршим владениям, но встречи друзей становились все более редкими. Царь, очевидно, избегал их.

Павел Алеппский отмечает пререкание, возникшее между Алексеем и патриархом весной 1657 года по поводу церемонии, организованной Никоном вопреки указаниям покинувшего Москву антиохийского патриарха. По свидетельству грека, всплывший Алексей осыпал «собинного друга» упреками и бранными словами. Никон указал на свой сан. Царь возразил: «Я не признаю тебя духовным отцом! Я считаю им антиохийского патриарха и сейчас же пошлю вернуть его!»

Макария в самом деле вернули в Москву, но, по-видимому, совсем по другой причине. Положение Никона в это время еще не было поколеблено. Полемисты раскола упоминают о другом столкновении: Алексей, не пожелавший помиловать убийцу, будто бы был не допущен к причастию своим духовником, добивавшимся по уговору с патриархом пощады осужденному.

По всей вероятности, произошел целый ряд таких столкновений, вызванных более глубокими причинами. Бояре были недовольны, что ими правит поп, духовенство жаловалось на слишком суровое обращение, царь, достигнув более зрелого возраста, чувствовал свой престол укрепленным победами над Польшей. Один из «великих государей» в Москве оказался лишним.

Никон не понимал этого. Он вообразил, что в «третьем Риме» играет роль папы и может бороться с Алексеем, подобно тому, как папа Григорий VII боролся с Генрихом IV.

Назначив парадный прием в честь грузинского царевича, Алексей 6 июля 1658 года не пригласил патриарха. Один из патриарших приближенных, князь Дмитрий Мещерский, был обруган и избит придворным Богданом Хитрово. В ответ на жалобу Никона царь обещал расследовать дело и лично переговорить об этом с патриархом. Но встреча не состоялась. В тече-

ние следующего месяца Алексей не присутствовал ни на одном из патриарших богослужений. Когда Никон выразил свое удивление, князю Георгию Ромодановскому было поручено передать, что царь обижается на титул «великого государя», который «присвоил» себе патриарх.

Три года назад это «присвоение» было подтверждено самим Алексеем.

Получив 10 июля этот ответ, Никон после причастия приказал закрыть двери собора и заявил, что хочет поговорить. Он заговорил сбивчиво, с негодованием протестуя против клеветнических изветов; вместе с тем он признавал себя виновным в пренебрежении к своим обязанностям и заявил, что при существующих условиях не может нести их далее.

По свидетельству некоторых современников, он будто бы призвал на свою голову проклятие, если изменит свое решение. Но произведенное потом следствие не установило даже, что патриарх выразил твердое намерение отречься от своего сана. Присутствующие, однако, так именно поняли его слова и, когда он стал снимать с себя облачение, разразились воплями и рыданиями. Никон приказал подать себе мешок с иноческим одеянием. Но крутицкий и сербский митрополиты распорядились убрать эти вещи; тогда патриарх удалился в ризницу и, накинув простую епископскую ризу, заменил белую митру черным клобуком. Затем он написал царю письмо о своем отречении и, положив посох митрополита Петра, первого главы мирской церкви*, сделал вид, будто покидает храм, но народ не выпустил его.

166 Он, конечно, рассчитывал на это. Вся эта сцена, конечно, имела целью лишь произвести впечатление на царя. Оповещенный о происходящем, Алексей поспешит в собор, и Никон, опираясь на возбужденную толпу, вернет себе расположение царя.

При первом известии об инциденте Алексей действительно заволновался. Но приближенные были настороже, и вместо царя, которого он ожидал, Никон увидел перед собою одного из своих самых заклятых врагов, князя Алексея Трубецкого, который — весьма почтительно, впрочем, — спросил у него, чем вызваны эта демонстрация и связанное с нею намерение.

Никон сослался на письмо, посланное царю, с которым желает объясниться непосредственно, добавив, что не желает ничего, кроме кельи, в которой мог бы провести остаток своих дней.

Когда Трубецкой ушел с этим ответом, бывший патриарх не мог затаить крайнего волнения. Он все еще ожидал, что царь придет к нему. Трубецкой, однако, вернулся один, вступил в пререкания, снова ушел за приказаниями от царя и, наконец, заявил от его имени, что если Никон настаивает на желании окончить свои дни в келье, то может выбрать себе любую из основанных им обителей.

Развязка эта, вероятно, совершенно не соответствовала ожиданиям честолюбивого монаха. Никон медленно прошел пешком

* Митрополит Петр (?—1326) в 1308 году перевел митрополичью кафедру из Владимира в Москву.

через Красную площадь и соседние улицы, выжидая, не поднимется ли народ энергичнее на его защиту. Он до следующего дня пробыл в подворье, которое принадлежало его Воскресенскому монастырю в столице, и, лишь окончательно убедившись в полном крушении всех своих надежд, решился наконец направиться в печальный путь, к Новому Иерусалиму.

Три дня спустя туда явился Трубецкой, но не для того, чтобы предложить экс-патриарху отказаться от своего отречения, а с упреком в том, что он принял это решение, не известив предварительно царя, который тем не менее испрашивает его благословения для себя, царицы, своих детей и крутицкого митрополита, уполномоченного временно править делами оставленной митрополии.

Видя, что настойчивый образ действий привел к неудаче, Никон прибег к противоположной тактике. Притворившись жалким и смиренным, согласным на все, он объяснил поспешность своего отречения болезнью и страхом, что смерть застанет его на посту, который он не хотел сохранить. В письме, подписанном «бывший патриарх Никон», он испрашивал прощения у царя за свои «бесчисленные» провинности и утверждения, что не имеет иного желания, кроме того, чтобы государь милостиво забыл о нем.

Вскоре Никону показалось, что новая тактика сопровождается желательным успехом: Алексей медлил с назначением ему преемника и в то же время посылал в Новый Иерусалим письма, в которых, говоря о врагах Никона, проявлял свою нерешительность. Тогда бывший патриарх переменял тон: извещенный, что назначена комиссия для рассмотрения его бумаг, он составил гневный протест и предупредил царя, что, помимо государственных тайн, которые не должны быть выданы нескромным взорам, бумаги эти заключают в себе и документы, которых не следует знать самому государю. «Я удивляюсь,— писал он,— как ты мог отважиться на такое дело! Прежде ты не решался судить простого монастырского служку, а теперь хочешь судить того, кто был пастырем всего мира!» Никон полагал, что обыск назначен с целью захватить письма Алексея, в которых сам царь именовал его «великим государем». «Я не знаю,— писал он по тому же поводу,— как я получил этот титул, но, насколько припоминаю, он был пожалован мне самим тобою. Ты всегда величал меня так в своих письмах и ничего не можешь сделать, чтобы это перестало быть правдой».

Узнав, что следствие коснется и собранных им богатств, Никон тотчас же напомнил, что царь сам пользовался ими неоднократно. При этом он жаловался, что ему отказывают в принадлежащих ему почестях. Оставив пост главы московской церкви, он сохранил патриарший сан и благодать Святого Духа. Он недавно еще исцелил двух недужных! Кроме того, большая часть епископов назначены им и должны поэтому почитать его и повиноваться ему. И будущий патриарх может получить инвеституру* лишь от него. Никон готов передать ему божественную благо-

* Инвеститура — право утверждения в высший духовный сан.

дать, но лишь «подобно тому, как свеча передает свое пламя другой свече, ничего не теряя при этом ни в тепле, ни в блеске». Он не хочет, конечно, вернуться на свой пост, «аки пес, возвращающийся на свою блевотину», но запрещает крутицкому митрополиту узурпировать его место в процессии на Вербной неделе. Не будучи более патриархом, он претендовал сохранить почести и власть, соединенные с этим саном.

В июле 1659 года казаки, поляки и татары, соединившись, разбили лучшие царские войска. Опасались, что враги вскоре появятся под стенами столицы; Никон стал стращать царя, уверяя, что он один может предупредить катастрофу. На этот раз Никону удалось добиться свидания с прежним другом, но результат встречи обманул бывшего патриарха.

Он не переставал раздражать Алексея своими нападками. Пытаясь его разжалобить, Никон писал: «Я разделял твой стол, а теперь живу заброшенный, как собака... Я жалею об утраченном куске хлеба, но не могу отказаться от твоей милости и расположения»; но вслед за такими жалобами он не стеснялся бить царственного друга по самому чувствительному месту: «Ты советуешь мне поститься, но кто теперь не постится? Во многих местах, за недостатком хлеба, постятся до смерти! И с самого начала твоего царствования нет пощады никому. Всюду вопли и рыдания, стоны и жалобы, нет ни одной души, которая радовалась бы в эти траурные дни».

Примирение в таких условиях становилось невозможным. Никон воспользовался своим пребыванием в столице, чтобы попытаться взбунтовать чернь. Он организовал народные банкеты, на которых умывал ноги своим гостям, произносил крамольные речи. Тогда Алексей рассердился; он приказал бунтарю оставить город и в начале 1660 года созвал собор, который должен был положить конец невыносимому положению. Обе стороны открыто объявили войну друг другу. Началась борьба, которой суждено было длиться еще семь лет.

Никон не мог рассчитывать на поддержку духовенства, хотя он и старался выставить свое дело затрагивающим интересы церкви. Духовенство не могло забыть, что бывший патриарх сам принимал участие в политике, теперь осуждаемой им. Быть может, некоторые из епископов втайне сочувствовали его идеям о верховенстве церкви, которую он сравнивал с солнцем, называя государство луною. Но сам ратоборец за права церкви не был им симпатичен. Никон своим высокомерием и деспотическими замашками восстановил против себя почти всех прежних подчиненных. Низшее духовенство жаловалось царю на злоупотребления патриарха; представители зарождающегося раскола высказывались пока в пользу подчинения церкви светской власти; они переменили тактику лишь позднее.

Среди высшего клира Никон мог опираться только на черниговского епископа Лазаря Барановича, следовавшего в качестве малоросса особой политикой, и на епископа коломенского Мисаила, находившего, что следует шадить бывшего патриарха.

Никон не сомневался, что собор признает его виновным. Поэтому он старался заранее опорочить его участников. Он заявил,

что охотно подчинился бы приговору просвещенных и честных судей; но эти большею частью были неграмотны и отличались более чем сомнительною нравственностью. Когда астраханский архиепископ Иосиф пришел для предварительного допроса, Никон принял его словами: «Хорошо ли тебе заплатили за это, попрошайка?»

Приговор не обманул его ожиданий: собор лишил его сана, священничества и даже чести. Царь, несколько поколебавшись, утвердил решение. Дело казалось исчерпанным, как вдруг запоздалое раскаяние одного из голосовавших уничтожило все старания.

Киевский монах Епифан Славеницкий заметил вдруг, что он и его товарищи по собору использовали греческие тексты, явно апокрифические*. Никон временно восторжествовал. Ученый богослов, не имевший соперников в Москве, Епифан считался неоспоримым авторитетом. Приходилось всю судебную процедуру повторить сначала.

Бывший патриарх злоупотребил удачей. Продолжая заявлять, что не хочет быть патриархом, он запрещал назначать нового без своего ведома, называл себя мучеником, сравнивал со святым Иоанном Златоустом, святым Афанасием, Василием Великим и святым Филиппом. Он то требовал расследования мнимого заговора, будто бы угрожавшего его жизни, то затевал вздорный процесс с высоким придворным сановником, окольным Романом Боборыкиным. Когда Алексей смеялся, Никон набросился на царя с невероятным неистовством, суля ему участь «жителей Содома» и «царя Навуходоносора».

Никон случайно сам надумил царя, как ему выйти из этого нестерпимого положения. Увлекаясь греческою наукой, хотя сам не знал ее начатков, бывший патриарх пригласил с Востока пользовавшегося широкою известностью иерарха Паисия Лигарида. Этот авантюрист, ученик, а затем преподаватель иезуитской «греческой коллегии» в Риме, перешел в православие и был возведен в сан митрополита, но вскоре же был низложен за разные провинности. Никон обрадовался его приезду, но бывший иезуит быстро сообразил, на чьей стороне сила. 15 августа 1662 года он подал Алексею меморию, в которой всецело обвинял Никона и предлагал царю обуздать непокорного через посредство восточных патриархов.

В Москве не знали биографии Паисия; мнение его произвело сенсацию. Однако царь в 1662 году еще не решился последовать совету грека. Никон продолжал неистовствовать в Новом Иерусалиме. По столице пронесся даже слух, будто бывший патриарх проклял царя и его семью. Следствие обнаружило нелепость сплетни. Никон обменялся бранью с Боборыкиным и участвовавшим в расследовании Паисием. Ссора с последним отличалась крайнею необузданностью выражений. Никон и Паисий упрекали друг друга в постыдном пороке, причем экс-патриарх осыпал грека бранными словами: «мужик, разбойник, язычник, поганая

* Апокрифы — произведения иудейской и раннехристианской литературы, не включенные в библейский канон.

собака». Паисий заявил, что ему пришлось иметь дело с «бешеным волком», и сравнивал Никона с гомеровским Терситом и Юлианом Отступником. Алексей тем не менее колебался, как ему укротить бывшего друга. Никон как бы пошел навстречу желаниям царя, упомянув сам о созыве вселенского собора, который был предложен Лигаридом. Утративший всякое чувство меры, заносчивый иерарх требовал вместе с тем обращения к папе! С другой стороны, он не переставал жаловаться на нищету, уверяя, будто умирает с голода, хотя нередко приглашал к себе до двухсот человек и раздавал щедрые подачки немногим представителям духовенства, которые еще отваживались его посещать.

В конце 1663 года Алексей решился наконец запросить мнение восточных патриархов, но в его обращении вопросу была придана лишь принципиальная окраска, без упоминания имени Никона. Ответ, присланный с греческим священником Мелетием, признавал анонимного подсудимого виновным по всем пунктам и подсудным собору московского духовенства.

Алексей прочел этот приговор с удовольствием, но почему-то заподозрил его подлинность. Мелетий, названный Никоном дураком, в значительной степени оправдал эту характеристику, а иерусалимский патриарх в частном письме к царю советовал вновь водворить Никона на патриарший престол или покончить дело полюбовно. В Константинополе, Иерусалиме и Антиохии предполагали, что царь, поддаваясь наговорам бояр, в душе все-таки жалеет бывшего патриарха, всегда оказывавшего притом поддержку грекам. Константинопольский патриарх прислал даже своего племянника митрополита Афанасия с поручением помирить Алексея с Никоном. Царь решился тогда покончить с затянувшимся делом. Вселенский собор приглашен был собраться в «третьем Риме».

Никон сначала несколько не встревожился. Прибыть в Москву выразили согласие только два восточных иерарха: Макарий антиохийский и Паисий александрийский. Авторитет их был невелик, но Никон не опорочил их правомочности. Он отказался от суда назначенных им епископов, потому что, по его словам, «даже иудеи не осмелились судить Христа в подобном трибунале». Соглашаясь предстать пред равными себе, он, однако, угрожал, что выступит не подсудимым, но обвинителем. При этом он ссылался на хранившееся в верных руках письмо царя, который горячо отговаривал его от выраженного как-то желания сложить с себя патриарший сан.

Получив одно из посланий Никона, Алексей долго и благо-склонно беседовал с его курьером; он уверял, что не приписывает Никону никаких дурных намерений и не питает к нему вражды. Никон поверил этому. Еще более убедили его три письма от боярина Никиты Зюзина, состоявшего прежде при нем и находившегося в самых тесных дружественных отношениях с влиятельными придворными — Артамоном Матвеевым и Афанасием Ордин-Нащокиным, сторонниками церковной реформы Никона. Зюзин настоятельно звал бывшего патриарха в Москву, где Алексей будто бы хотел ночью тайно повидаться с ним, чтобы

окончательно помириться. Тайнственность обстановки этого свидания должна бы была возбудить недоверие в Никоне, тем более что два года назад он, обманутый подобными сообщениями, вернулся внезапно в Москву и тотчас же получил от царя категорическое приказание немедленно уехать в свой монастырь. Тем не менее в ночь с 17 на 18 декабря 1664 года Никон повторил эту попытку.

В Кремле поспешно были созваны на совещание светские и духовные сановники. Трудно допустить, чтобы Зюзин был лишь орудием мистификации, угрожавшей его собственной жизни. Во всяком случае, Алексей еще раз проявил свою обычную нерешительность. На совещании одержало верх враждебное Никону мнение Паисия Лигарида, быть может, противоречившее желанию царя.

Вместо «собинного друга», которого надеялся увидеть Никон, в собор явился его непримиримый враг, князь Никита Одоевский, передавший приказ царя о немедленном отъезде. Видя крушение своих последних надежд, Никон стал препираться, потребовал ответа на письмо к Алексею, в котором ссылался на чудесное видение, подобное новгородскому. Письмо отнесли, но ответ на него лишь подтвердил приказ удалиться.

Никон вышел из собора, захватив с собою патриарший посох, который бояре не посмели отнять у него. Солнце еще не взошло. На небе сияла комета. Сядясь в сани, Никон сделал движение, точно отряхает прах от своих ног.

— Мы сметем этот прах, — сказал начальник стрельцов, которому поручили сопровождать Никона.

— Скорее вас самих Господь сметет этою метлою, — отвечал экс-патриарх, указывая на хвост кометы.

На пути его настигли два посла от царя — князь Долгорукий и Артамон Матвеев; они имели поручение, выдававшее тайную тревогу Алексея: он просил у Никона благословения. Очевидно, настояния Зюзина не были лишены оснований. Другие бояре из числа приближенных к царю присоединились к первым двум послам на пути в Новый Иерусалим. Переговоры их с Никонем затянулись с пяти часов утра до одиннадцати вечера. Никон условно согласился дать свое благословение, возвратил патриарший посох и даже выдал злополучного Зюзина, предъявив письма последнего. За это он потребовал, чтобы вселенский собор не был создан: он понял, чего может ожидать от восточных иерархов. Кроме того, он соглашался, чтобы ему окончательно назначили преемника, лишь бы только новый патриарх обращался с ним, как с равным, а не как с подчиненным; он рассчитывал получить приличествующую сану пенсию, пользоваться правом приезжать в Москву для поклонения святыням и видеться с царем.

Ни одна из этих милостей не была ему оказана. Зюзина подвергли жестоким пыткам и приговорили к смерти; царь заменил казнь ссылкой. Враждебные Никону бояре настояли и на скорейшем созыве суда, которого не без основания начал бояться Никон.

В истории трудно найти другой пример суда, который противо-

поставил лицом к лицу столь ярких противников, как Никон и Алексей. Царь, предпочитая предоставлять решение другим, любил выполнять предрешенное самолично. Он не хотел, чтобы кто-либо сторонний выступил в роли его защитника. Кроме того, Никон успел еще усилить его раздражение: перехваченные письма обнаружили, что бывший патриарх пытается склонить на свою сторону будущих судей; царь прочел ряд весьма оскорбительных для него указаний. Он покрыл поля документов гневными пометками и приготовился к возражениям.

Оба восточных патриарха прибыли в Москву осенью 1666 года. Паисий был смещен в Александрии; Никон поспешил сослаться на это обстоятельство, чтобы отвести одного из судей. «Вселенский собор» сводился, таким образом, к «единоличному» суду. Никон не ответил на первый вызов, но не посмел ослушаться второго приказа явиться, сопровождавшегося угрозами. Несмотря на запрещение, он окружил себя многочисленной свитой; ему предшествовал диакон с огромным крестом. Вступив с таким церемониалом 1 декабря в заседание собора, он принудил всех присутствующих, не исключая самого царя, подняться со своих мест. Тогда Никон трижды поклонился Алексею и, сделав два поклона восточным патриархам, стал в вызывающей позе. Царь предложил ему сесть, указывая на скамью для епископов, но Никон гордо покачал головой: «Я не вижу здесь приличествующего мне сиденья, а так как я не принес с собою такового, то буду стоять, ожидая, когда мне скажут, зачем я сюда вызван».

Царь никому не позволил поднять брошенную перчатку. Он поспешил излить весь свой гнев, накопившийся за семь лет пререканий. Сойдя с трона и став перед патриархами, как простой тяжебщик, он говорил долго и с большим воодушевлением. Никон отвечал с не меньшим жаром и многословностью. Оба перебирали все свои сношения, вдаваясь в мельчайшие подробности.

Первые выпады на поприще красноречия оказались не в пользу Никона. Однако на следующий день судебные прения приняли совершенно иной оборот. Никону удалось перевести их на принципиальную почву, устранив вопрос о собственной личности. Он свел все к борьбе представителя и главы русской церкви со светской властью, вздумавшей опереться на иностранцев — этих греков, которые являлись обыкновенно в Москву побирать и попрошайничать. Глубокое религиозное чувство и национальная гордость проснулись в сердцах членов собора. Бояре в смущении замолчали. Никто, даже заклятые враги Никона, не смели произнести ни слова против него. Царь, увидя себя покинутым, воскликнул: «Неужели вы хотите предать меня этому человеку? Разве я больше не нужен вам?» Епископы волновались, не решаясь высказать свое мнение. Вынужденный наконец говорить, Лазарь Баранович произнес отважные слова: «Как я могу возражать против истины?»

Это заявление развязало языки духовенству. Митрополит крутицкий Павел первый отважился откровенно поставить вопрос о соперничестве двух властей. Его поддержали архиепископ

рязанский Илларион, вологодский епископ Симеон и другие. В протоколах собора не осталось упоминания об этих прениях, ярко отразивших теорию Никона о церкви-солнце и государстве-спутнике, заимствующем от нее свои блеск и силу. Но, по свидетельству Паисия Лигарида, лишь благодаря его рвению и влиянию восточных патриархов удалось преодолеть Павла и его сторонников; последние были даже осуждены на исключение из собора.

Светская власть одержала, однако, лишь половинчатую победу: церковь и государство были объявлены равно независимыми в своей области, и «монастырский департамент» был обречен на уничтожение.

Победа эта оказалась призрачной, так как Петр Великий вскоре нарушил восстановленное равновесие, бросив на весы всю тяжесть своего абсолютизма. Доктрины Никона и его случайных сторонников не исчезли, однако, бесследно, возродившись еще один век спустя в воззрениях новгородского архиепископа Феодосия, Арсения Мацеевича и архимандрита Фотия.

Личные свойства Никона не позволили ему восторжествовать над светскою властью, как ни слабо было еще ее положение при втором царе из дома Романовых. Никон был обречен на гибель, но для преодоления грозного противника Алексею пришлось напрячь все свои силы. Изнуренный яростными нападками Никона, царь на мгновение даже пал духом. Быстро избежав по ступеням трона, он тяжело опустился на него и закрыл лицо руками. Но он вскоре опомнился и предъявил неоспоримые улики: три письма, в которых Никон сам называл себя бывшим патриархом.

Приговор был вынесен 5 декабря. Никон был лишен патриаршего сана и осужден на пожизненное заточение в монастыре. Восемь дней спустя два восточных патриарха, в отсутствие остальных членов собора, совершили обряд низложения. Так как Никон отказался сделать это сам, александрийский патриарх снял с него вышитый дорогим жемчугом клобук и не менее роскошную панагию*.

— Берите! — кричал осужденный. — Разделите мои одежды, турецкие рабы, рыскающие по свету, выклянчивая себе пропитание, грабящие теперь меня, как воры, втихомолку от думы, народа и государя!

На Никона надели простой монашеский клобук, но — из боязни перед народом или, по свидетельству других современников, по просьбе царя — оставили ему епископские мантию и посох. Местом ссылки был назначен Белозерский Ферапонтов монастырь.

— Ничего подобного не случилось бы, если б я давал вкусные обеды и отказался стоять за правду...

Так громко роптал Никон, минуя под сильным конвоем московские улицы. Он пытался взбунтовать народ, по-видимому, расположенный заступиться за него. Бывшего патриарха прину-

* Панагия — круглая иконка с изображением Богоматери, нагрудный знак архиереев.

дили замолчать, но чернь заволновалась. Были произведены многочисленные аресты; осужденного пришлось наконец выпроводить из Москвы тайком от его сторонников. Он отказал в благословении, которое и на этот раз испрашивал у него Алексей, и не принял ни денег, ни шубы, присланных ему на дорогу; 21 декабря он уже был водворен на место заточения. Там он беспрекословно отдал епископские мантию и посох, но не стал подчиняться навязываемому суровому обиходу. В монастырь стали стекаться все более многочисленные поклонники и поклонницы, продолжавшие преклоняться перед ним, как будто он все еще носит белую митру. Многие из поносивших Никона во дни его всемогущества теперь считали сосланного и низложенного патриарха мучеником. В следующем же году послан был комиссар Наумов с поручением усилить за Никоном надзор.

Алексей, успев остыть, когда борьба завершилась, все еще медлил с назначением преемника бывшему «собинному другу». Когда он наконец на это решился, выбор его пал на ничтожного и дряхлого старца, Иоасафа II. Царь, очевидно, тогда уже предвидел необходимость уничтожения патриархата, создававшего слишком опасное соперничество абсолютизму.

Наумов, оградивший толстою железною решеткой келью Никона, вручил ему все-таки письмо от царя: Алексей, по обыкновению, просил благословить и простить его. Нетрудно угадать, какой ответ дал Никон. «Как могу я благословить тебя? — писал бывший патриарх. — Осужденный вопреки всякой справедливости, я трижды проклял тебя, больше, чем Содом и Гоморру*. Как мне простить тебя? Сосланный и заточенный, я возложил на твою голову мою кровь и преступление всех твоих сообщников! Освободи меня, призови из ссылки, и ты получишь то, чего хочешь».

Переписка с царем позволила ему так повлиять на игумена и самого Наумова, что они стали называть его патриархом и подчиняться ему; Никону удалось наложить руку и на управление своими имениями, по-прежнему доставлявшими ему припасы и деньги.

Назначение Иоасафа не изменило надежд Никона на то, что царь еще смилуется над ним. В сентябре того же года он послал Алексею второе письмо, которое подписал «смиренный инок Никон». На этот раз он посылал свои благословение и прощение, добавляя, однако, что делает это условно, в надежде «увидеть вскоре очи царя», после чего лишь сможет дать ему полное отпущение грехов посредством возложения рук, согласно предписаниям Евангелия и апостолов. Алексей ограничился приказом снять решетки с окон бывшего патриарха, послал ему разные лакомства, вкусную рыбу, тонкие вина, тысячу рублей деньгами. Но ничто не показывало, что он намерен сделать для Никона что-либо более существенное. Никон не преминул обрушиться на коронованного корреспондента. Он жаловался на свою судьбу,

* Выражение возникло из библейского мифа о городах Содоме и Гоморре в древней Палестине, которые за грехи их жителей были разрушены огненным дождем и землетрясением.

уверяя, будто вынужден сам добывать дрова для своей печки. Кроме того, он отважился надумать заговор против жизни царя, чтобы приписать себе честь открытия его и погубить некоторых из самых заклятых своих врагов.

Никон затеял игру, слишком опасную для доносчика. Следствие, во-первых, обнаружило, что он вовсе не рискует умереть с голоду в монастыре, так как садки для его кухни изобилуют великолепными стерлядями, и он обладает средствами, чтобы сервировать их на серебре, помеченном вензелями «патриарха Божией милостию»; такие же надписи оказались на многочисленных крестах, водруженных им в окрестностях монастыря. Во-вторых, следователи открыли следы весьма подозрительных сношений, завязавшихся между сосланным и донскими казаками, восставшими как раз в это время под предводительством Стеньки Разина.

Разоблачения эти повлекли за собой усиление надзора над бывшим патриархом. Окончательно уgomонился он, однако, лишь в 1671 году, предварительно попытавшись в последний раз запугать Алексея повествованием о ниспосланном ему чудесном видении. Никон послал в Москву письмо, свидетельствовавшее о его полном примирении со своею участью; но тут он не мог удержаться от вздорных выдумок. Стараясь оправдать свое поведение, он уверял, будто хотел сначала довести Алексея до того, чтобы царь был вынужден отрешить его от бремени патриаршего сана, а затем заставить царя забыть своего прежнего друга. Чтобы разжалобить Алексея, он указывал на свою болезнь, писал, что находится почти при смерти и так оскудел, что не может выходить из кельи, не имея чем прикрыть наготу!

175

Тем не менее он признавал свои вины и, в свою очередь, просил о прощении. Царь был тронут, послал великолепные подарки и написал, что не принимает участия в осуждении Никона: ответственность всецело падает на восточных патриархов и собор. Он, правда, потребовал разъяснений относительно предполагавшегося свидания Никона со Стенькою Разиным, но этот вопрос следовал за обращением «Святый и великий отче!». Никон стал надеяться, что ему позволят переселиться в Воскресенский монастырь, но милость ограничилась улучшением его содержания на месте. Никон стал распоряжаться не только в своей обители, но и наложил властную руку на соседний Свято-Кирилловский монастырь, иноки которого жаловались ферапонтовским: «Наш батько поедом ест нас!» Не переставал он донимать и самого царя своими попреками, когда, например, в присланной из Москвы провинции не оказалось винограда или слишком мало вишен. Он не переставал жаловаться, хотя получал от царя частые и щедрые подарки по случаю разных праздников, имел от своих имений ежегодно 35 ведер тонких вин, 80 ведер меда, 30 ведер уксуса, 50 лососей, 20 белуг, 70 стерлядей, 150 сигов, 2250 рыб разных других пород, 30 пудов икры, 50 пудов свежего масла, 50 ведер сливок, 10 000 яиц и множество иных припасов, 36 коров и 22 служителя.

Когда эти нарекания надоели Алексею, он заменил доволь-

ствии натурой денежною выдачей. Но «святой и великий отец» продолжал пребывать в ссылке.

Узнав о кончине «тишайшего» царя Алексея Михайловича, последовавшей в ночь с 29 на 30 января 1676 года, Никон заплакал; это не помешало ему отказать в письменном отпущении грехов усопшему, которое испросили у него, согласно обычаю. Кроме того, обратившись к новому царю с мелкою просьбою, он дерзнул подписаться «Никон, патриарх». Иоаким, занимавший тогда патриарший престол, воспользовался этим случаем, чтобы собрать новые улики против непокорного. Следствие обнаружило всякого рода излишества, варварское обращение с членами общины, побой, от которых умер один из служителей Никона. По смерти Алексея Никон не переставал пьянствовать в течение всего поста; в состоянии опьянения он позволял себе всевозможные дикие выходки и впадал в грубый разврат. Он споил одну двадцатилетнюю девушку до белой горячки; несчастная умерла. Заточение Никона давно уже стало призрачным. Он построил себе дом, в котором располагал двадцатью пятью комнатами и вел жизнь, во всех отношениях предосудительную. Он редко бывал в церкви и, по свидетельству прислуживавшего ему инока Ионы, не исповедовался более трех лет; под предлогом врачевания он заставлял приводить к себе молодых женщин и раздевал их догола. Охотно производя венчания, Никон вводил новобрачную к себе в келью, поил вином и запирался с нею до полуночи. Кроме того, многие из его поклонников добровольно приводили к нему своих жен.

176

К этим данным было присоединено старое обвинение в причастности Никона к бунту Стеньки Разина. Собор, созванный Иоакимом, признал Никона виновным во всех приписанных ему деяниях. Никон отрицал обвинения. Он утверждал, что, врачую больных женщин, никогда не простирал своего осмотра «до срамных мест»; все окружающие, за исключением Ионы, свидетельствовали в его пользу. В мае 1676 года приговор собора тем не менее сослал его в Свято-Кирилловский монастырь, где в его келье должны были безотлучно пребывать два надзирателя из братии.

Никон не замедлил, однако, найти защиту в самой царской семье. Одна из сестер царя Алексея, Татьяна Михайловна, с детства привыкла глубоко почитать друга своего державного брата. В 1678 году она склонила племянника посетить Воскресенский монастырь. Федору понравилось сооружение Никона, и он стал часто навещать Новый Иерусалим; наконец, он предложил братии подать прошение о помиловании основателя обители. Для этого, однако, необходимо было постановление нового собора. Иоаким отговорил царя от намерения созвать собор, и Федор ограничился посылкою собственноручного письма с выражением соболезнования Никону. Вскоре архимандрит Свято-Кирилловского монастыря Никита известил, что Никон умирает. Иоаким ответил приказом, чтобы заточенного похоронили, как простого монаха.

Федор был слишком слаб, чтобы бороться с главою церкви.

В 1681 году он, однако, решился в подражание отцу обратиться к восточным патриархам. После продолжительных переговоров и при помощи ценных подарков ему удалось добиться отмены приговора, вынесенного Никону в 1666 году. В то же время архимандрит Воскресенского монастыря Герман передал царю письмо, в котором Никон прощался перед смертью с братией основанной им обители. Читая это послание, Федор проявил такое волнение, что Иоаким счел более благоразумным уступить.

Дьяк конюшенного ведомства Иван Шепелев был поспешно снаряжен в Свято-Кирилловский монастырь с поручением освободить Никона и препроводить в Воскресенский монастырь.

Сложилась легенда, будто за несколько дней до неожиданного прибытия этого агента Никон приказал готовиться к отъезду, так что окружающие подумали, что он лишился рассудка.

Никон отплыл по реке Шексне крайне слабым; вместо того чтобы подняться по Волге, как ему предлагал Шепелев, он предпочел спуститься до Ярославля. Прибрежное население восторженно приветствовало его. 16 августа 1681 года он прибыл в монастырь, смежный с Ярославлем. Почувствовав себя дурно, Никон приказал остановиться здесь и на следующий день скончался. Ему было тогда около семидесяти пяти лет.

Дворник.

ИРИНА БЕСПАЛОВА

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК...

Он родился в бедности, жил в бедности и умер, как последний нищий. У него не было ни дома, ни семьи, ни детей... Весь его скарб помещался в холщовой сумке, с которой он никогда не расставался, потому что в ней все его богатство: кисти и краски. Все, что ему было нужно в этой жизни, что составляло ее смысл.

Нико Пиросманишвили. Бедняк с печальными глазами. Яркий, веселый и грустный художник. Ког-

да в 1918 году в Тифлисе хоронили бездомного бродягу, это имя никому ничего не говорило и никто даже не подозревал, что умер Художник. Его могила не найдена и по сей день.

Пиросмани взорвал целый пласт жизни, изображая людей, которые мало привлекали внимание мастеров «изящной кисти». Он писал то, что окружало его: чаще всего забулдыг, с которыми кутил в кабаках, жалких провинциальных

актрис, понимая, как быстротечна их сценическая «деятельность», ибо быстро увядает красота и проходит молодость, духанщиков, робких бедняков с собачьими глазами, кинто и дворников, пирующих крестьян и опухших от кутежей разорившихся князей...

Холсты, рамы, подрамники... Слишком много денег требует творчество. Конечно, такая роскошь была не для Нико. Удел бедняка — довольствоваться тем, что доступно. Кусок клеенки — ее так просто оторвать от стола в каком-нибудь духане, лист жести, найденный на задворках старого Тифлиса, картон, обрывок бумаги, да мало ли что может «подбросить» большой город.

Он не писал этюдов, не делал набросков, не выезжал на пленэр. (Его жизнь и так вся прошла на пленэре.) Обстоятельства заставляли его писать быстро, точно и сразу же завершать начатую работу. И ахали крестьяне, узнавая себя на замусоленной клеенке, и подносили стаканчик вина мрачному высокому грузину. Цокали языками и гортанно кричали, выражая свой восторг, завсегда таи кабаков и подвалов, наблюдая, как из-под уверенной кисти появлялись красочные кавказские пейзажи и лица присутствующих. Еще он любил изображать зверей — настороженных и боязливых, с влажными, бездонными, как ночь, глазами, вызывающими тревогу и беспокойство своей беззащитностью. И если люди у Нико выходили разные: веселые и добрые, злые и хитрые, жадные и бесшабашные, то зверей художник изображал только добрыми. Чудесные существа словно оживали на его полотнах. Смертельно раненный олень, с глазами, полными слез, фантастический медведь, бредущий в ясную лунную ночь, изящные косули, припавшие

в жаркий полдень к ручью, серны, собаки и даже жирафы.

Паустовский в своем эссе о Пиросмани вспоминал: «Мое знакомство с Пиросмани началось с первого же дня моей жизни в Тифлисе в квартире Зданевича. Я снял у него комнату. Стены этой комнаты были завешаны от верхнего карниза до плинтуса клеенками Пиросмани. В день приезда я только мельком взглянул на них, но все же меня не оставляла непонятная тревога — как будто меня быстро провели за руку через удивительную, совершенно причудливую страну. Я уснул с тревогой на сердце, с тревогой от незнакомых картин. Они молча окружали меня и, как мне казалось, не спускали с меня глаз. Проснулся я очень рано, резкое и сухое солнце косо лежало на противоположной стене. Я взглянул на эту стену и вскопчил. Сердце начало биться тяжело и быстро. Со стены прямо мне в глаза смотрел — тревожно, вопросительно и явно страдая, но не в силах рассказать об этом страдании — какой-то странный зверь, напряженный как струна. Это был жираф. Простой жираф, которого Пиросмани, очевидно, видел в старом тифлисском зверинце. Я отвернулся. Но я чувствовал, я знал, что жираф пристально смотрит на меня и знает все, что творится у меня на душе. Я отвел глаза от жирафа, и мне показалось, что он вышел из простой деревянной рамы, стоит рядом и ждет, чтобы я сказал что-то очень простое и важное, что должно расколдовать его, оживить и освободить от многолетней прикреплённости к этой сухой, пыльной клеенке...»

Нико писал вывески, на стенах подвальных изображал любимых зверей и именитых гостей, и все это — за обед, за бутылку вина, иногда за ночлег, хотя чаще

Актриса *Мargarita*.

АНТРИСА-МАР ГАРИТА

В. ВАСИЛЬЕВ

Лекарь на осле.

Ортачальская красотка.

всего проводил ночь в ночлежках и пустых подвалах Нахаловки и Авлабара — самых бедных районов Тифлиса. Писал для того, чтобы не умереть с голоду. Ведь другим мастерством он и не владел. И все же умер от нищеты, голода, неустроенности. Впрочем, как и большинство гениальных людей, умерших в неизвестности, чтобы спустя многие годы мир вдруг заговорил о них и возвел на вершину, с которой при жизни безжалостно срывал вниз. Примеры приводить излишне. Их имена хорошо известны.

Такая же судьба оказалась и у Нико. Только после смерти Пиросмани словно пелена спала с глаз его современников. Появилось общество ценителей и знатоков живописи, которые буквально по крохам собирали работы Нико и называли его «грузинским Ван Гогом».

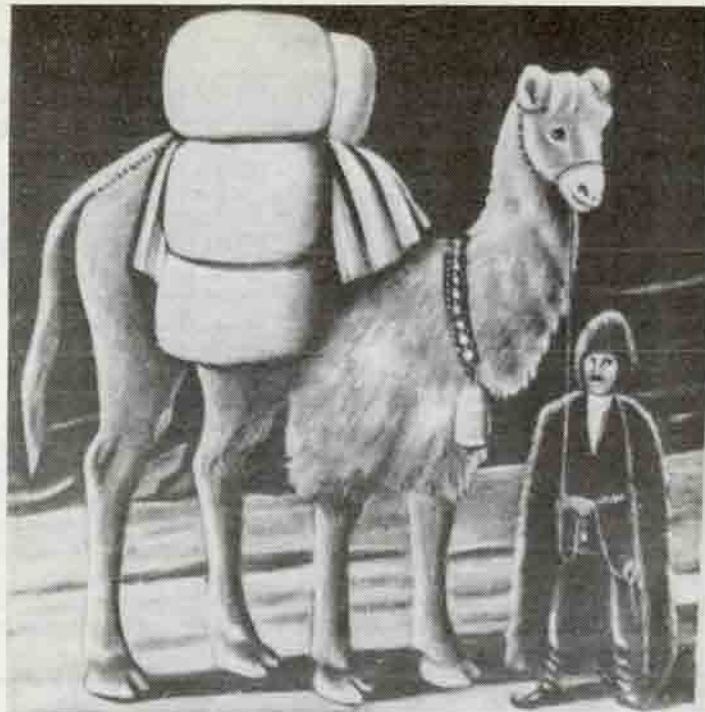
Огромную работу в поисках све-

дений о жизни Пиросмани проделал художник Кирилл Зданевич. Но многие работы к тому времени были утрачены навсегда, а люди, знавшие художника, или умерли, или не интересовались его жизнью и ничего существенного сказать не могли. И все же Зданевичу удалось, хотя и неполно, восстановить жизнь художника.

В благословенной Кахетии, до сих пор славящейся дивной красотой, плодородием и прекрасными виноградниками, в маленьком селении Мирзаани в 1862 году родился Нико Пиросманишвили. Родителей он потерял рано и решил вместе с сестрами искать счастье в Тифлисе. Однако судьба сирот не пощадила: умерла старшая сестра, на которую, собственно, и была вся надежда. Малышам пришлось возвращаться обратно. В родной деревне Нико определили пасти телят. В это время он самостоятельно овладел грамотой

Миллионер бездетный и бедная с детьми.

и с восторгом набросился на книги, которые попались под руку. Конечно, жизнь в деревне не устраивала подросткового Нико. Он хотел учиться, овладеть каким-нибудь ремеслом, поэтому вновь покинул деревню и отправился в Тифлис. Но так как у мальчика не было никакой поддержки — ни денег, ни родных, ни даже знакомых, об учебе не могло быть и речи. И все же в этом чужом, таком большом и незнакомом городе ему повезло: удалось получить место кондуктора на Закавказской железной дороге. Тогда-то впервые он и начал рисовать. Первой его работой стал семейный портрет начальника станции с женой. Сейчас уже невозможно сказать, как именно Пиросмани изобразил семейство (работа, естественно, не сохранилась), но реакция начальника известна. Увидев себя и супругу в «диком карикатурном виде», он с треском вы-

гнал юного художника. Гордый и самолюбивый до болезненности, Пиросмани стал бродяжничать. С кистями и красками ходил он по раскаленным тифлисским улочкам, ища работу, пристанище и краткий отдых в духанах и погребках. Часто от голода кружилась голова, и не давали покоя мысли, где спать сегодняшней ночью. Но он был свободен. Свободен его дух, свободен его талант. Он писал, что хотел и как хотел. Радовался, когда раздавался крик восторга от его работы, и не огорчался, когда бранились и выталкивали взашей, разрывая «мазню».

Пожалуй, больше всего его ценили духанщики. Таких вывесок, которые писал Нико, еще не видел старый Тифлис. Чего здесь только не было: оранжевые тыквы, прозрачный виноград, хурма, словно налитая солнцем, пышные сады... Но, видимо, Пиросмани надоело

Мальчик — продавец дров.

изображать всякую снедь, и на вывесках появились пейзажи, пирюшки, грустные звери. Еще он придумывал смешные и мудреные названия для кабачков — «Шашлык по-электрически», «Одному не надо пить». Это нравилось и вызывало восторг.

О Пиросмани много рассказывали всяких историй. Иногда забавных, часто грустных. Пожалуй, самая грустная и печальная — история любви Пиросмани.

Конечно же, она была необыкновенно хороша собой. Осиная талия, роскошные плечи, бронзовые пышные волосы. Молва донесла, что она была непроходимо глупа, ленива и самовлюбленна. И еще. В прекрасных глазах ее не вспыхивал огонь, а сердце не рвалось к любви. Нико был обречен. Она пленяла местных ловеласов не только красотой, но и дивным необычным голосом. Выступала она на окраине Тифлиса в знаме-

нитых Верийских и Орточальских садах — излюбленных местах отдыха тифлисцев. Послушать ее приезжали даже известные оперные певцы и музыканты. Певицу часто приглашали на закрытые концерты для избранных, после которых, как правило, устраивался банкет. В обществе она предпочитала молчать, обводя холодным взглядом присутствующих, словно желая убедить, какое впечатление производит ее красота. И не замечала, что издали за ней наблюдают печальные глаза, полные любви и тоски. Нико мог часами неподвижно стоять и, затаив дыхание, смотреть на своего «золотого соловья».

Говорят, что любовь рождает любовь. Может быть, это и так. Но любовь Нико могла родить только печаль. Маргарита не любила его.

Эта история неразделенной любви дошла до наших дней с совершенно неожиданной стороны.

Крестьянка с сыном.

Портрет Георгия Саакадзе.

С эстрады. Все, конечно, помнят шлягер «Миллион алых роз...» Бедный художник и бедный влюбленный, отчаявшийся привлечь к себе внимание гордой красавицы, однажды...

... День был действительно необычным. День рождения Нико. Солнце еще не взошло и не успело раскалить узкий переулочек в Сололаках, что на окраине Тифлиса. Жители только просыпались, и предрассветную тишину нарушало лишь поскрипывание арб. Одной, второй, третьей... Они медленно направлялись к дому прекрасной Маргариты. Из окон соседних домов начали выглядывать первые хозяйки, а в переулке уже толпились и шумели люди, глядя на необычное зрелище. Они с любопытством и недоумением наблюдали, как аробщики снимали свой груз и опускали его возле дверей певичцы. Груз был невесом, и аромат его разносился по всему переулку, но никто не решался первым ступить на цветочный ковер. Каких цветов тут только не было: поздняя иранская сирень, густая акация, дикий боярышник, синяя вероника, бегонии, жимолость, красные ипомеи, маки, настурции, пионы и розы. Розы всех размеров, всех цветов — от черной до белой, от золотой до бледно-розовой.

Разбуженная необычным благоуханием и возбужденными голосами соседей, появилась Маргарита. В самом лучшем своем платье, с тяжелыми браслетами и серьгами. Ее бронзовые волосы сияли короной в первых лучах солнца. Среди моря цветов стоял Нико. Маргарита пошла к нему навстречу, обняла и поцеловала... Так ли все было на самом деле, мы никогда не узнаем. Но с достоверностью можно сказать лишь одно. Вскоре Маргарита, присмотрев

себе богатого воздыхателя, сбежала с ним из Тифлиса...

...Пиросмани оставил огромное наследство — свою живопись. Теперь его работы хранятся в Государственном музее искусств Грузии и в частных коллекциях. Искусствоведы определяют его творчество как «идущее от глубоких народных основ» и отмечают «пристрастие к определенным темам народного быта, историческому прошлому Грузии». Все верно. Его работы действительно характерны для «дореволюционной Грузии»: «Кутеж пяти князей», «Богатый крестьянин», «Бездетный миллионер и бедная с детьми», «Нищий». Эти персонажи изображены с оттенком затаенной иронии, но всегда согреты чувством искренней любви к человеку. Отсюда и «жизненная правдивость», и колоритность, и острое чувство аромата родной земли, и тихая грусть художника.

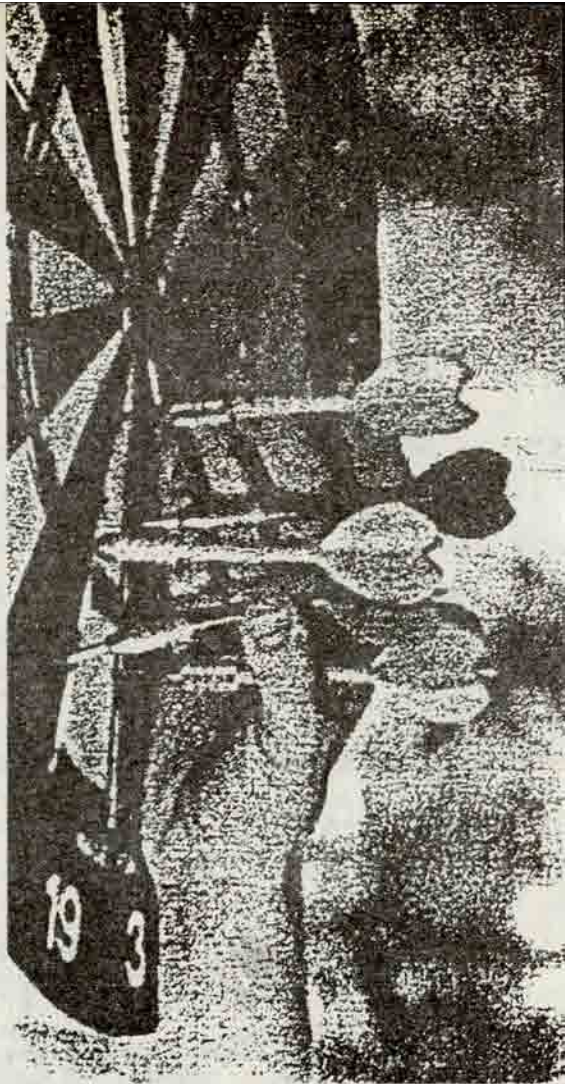
Пиросмани был большим мастером рисунка. Поразительно, как он, никогда не учившийся, незанятым с техникой профессиональной живописи, мог так четко передавать форму, с большим вкусом применять чистые тона, не допуская случайных цветовых решений. Его отточенная техника, конечно же, результат упорного труда. Он очень много работал, достигая совершенства. На черной клеенке художник набрасывал контуры предмета, а затем белыми, розовыми и голубыми красками писал светлые места картин: лица, руки, облака, пейзаж. Его работы лишены сухости и графичности, характерных для «примитивизма».

В 1916 году Пиросмани неожиданно заинтересовались. Правда, как выяснилось, ненадолго. В Тифлисе образовалось Общество «Грузинский художник», члены

«ЗОЛОТАЯ РЫБКА»

ОЛЕГ ПРОХОРОВ

«Она играет в шутовских комедиях, романтических драмах и в леденящих душу триллерах. Вдобавок она еще и поет, что великолепно продемонстрировал фильм «Миллионер и певица», — говорил о Ким Бэсинджер режиссер Роберт Бэнтон, один из самых известных деятелей Голливуда. — Ким потрясающе талантлива, она великолепный импровизатор». Но не только прекрасные актерские данные выделяют Бэсинджер сре-

ди других звезд американского кино, ее имя — частый гость в колонках скандальной светской хроники, а всему виной ужасный, совершенно непредсказуемый характер. Так, во время съемок фильма «Бесплотный мир» ее нескончаемые истерики, постоянные склоки со всеми участниками съемочной группы и бурные дебаты с создателями картины привели к тому, что режиссер Джерри Рис вынужден был лечь в клинику с сильнейшим

нервным расстройством. Впрочем, Ким, как истинная южанка, сочетает в себе традиционную для выходцев из этой части страны кротость и удивительную необузданность. «Она бранится, как выпускница воскресной школы, решившая стать взрослой», — утверждает бывший муж кинодивы, голливудский художник-гример Рон Бриттон. А уж он-то знает, что говорит!

Сейчас даже трудно предста-

вить, что эта уверенная в себе, блестящая «золотая рыбка Голливуда» до 17 лет была непреодолимо застенчива и испытывала болезненный страх перед всем, что ее окружало вне родных стен. «Я чувствовала себя жутко одинокой», — вспоминает Бэсинджер. — Приступы внезапной депрессии сводили меня с ума. Спасением были стихи, пение и кошки — до сих пор это мои главные лекарства от всех передрыг».

В 1970 году размеренный ритм жизни провинциального Брэйзелтона нарушило проведение местного конкурса красоты «Мисс Юность». Мать Ким, которая когда-то позировала для журналов, прекрасно разбиралась в требованиях, предъявляемых участникам. И, надо полагать, она, трезво оценив шансы дочери, была уверена в победе и буквально за руки привела Ким на конкурс. Став «Мисс Юность», Ким очень изменилась: еще вчера застенчивая, замкнутая, она решает покинуть провинциальный город и отправиться в Нью-Йорк, чтобы осваивать профессию фотомодели при агентстве Эйлин Форд. Так на нью-йоркском небосклоне появилась новая восходящая звезда из Джорджии.

Чувственная, с пронзительно голубыми глазами, великолепной фигурой, она скоро стала одной из самых популярных фотомоделей. Работа в агентстве Форд принесла Ким не только известность, но и опыт работы в шоу-бизнесе, научила работать с людьми, помогла приобрести уверенность в себе. Через пять лет пребывания на первых ролях в мире фотомоделей Ким резко меняет свою жизнь — отправляется в Мекку мировой киноиндустрии Лос-Анджелес... «Я никогда не ощущала себя в полной мере фотомоделью, — объясняет этот, для многих непонятный поступок актриса. — Кино — вот что действительно могло перевернуть мою жизнь и наполнить ее смыслом».

Голливуд не привык «менять лошадей на переправах». Для того чтобы попасть в обойму лидеров, необходимо было пройти суровую школу второсортных фильмов и сереньких ролей. Надо сказать, что испытание этим «Молохом» прошли практически все известные мастера кинематографа США, не были исключением Джек

Николсон и Дасти Хоффман, Барбара Стрейзанд и Мэрил Стрип. Самая большая мечта Ким чуть было не стала самым большим разочарованием: после серии мелких ролей и откровенного провала фильма «Суровая страна» она начала подумывать о профессии... ветеринара. Но в один прекрасный день ей вдруг в голову пришла на первый взгляд сумасбродная мысль. К ее реализации упрямая женщина приступила немедленно. И в очередной раз вступив в спор с судьбой, крупно выиграла.

Ким поставила на... «Плейбой»! В одном из номеров журнала появилась эксклюзивное фото актрисы. Вместо предполагаемого скандала на Бэсинджер обрушился поток разнообразных предложений. Ким остановилась на приглашении режиссера Ирвина Кершмана сыграть главную роль в фильме «Никогда не говори «никогда», рассказывавшем о похождениях маэстро шпионских дел «Агента 007». Впервые Ким Бэсинджер удостоилась чести работать в компании звезд мирового экрана: Шона Коннери, К. М. Брандауэра, Макса фон Сидова. «Наблюдая за этими актерами, — говорила в одном из своих немногочисленных интервью Ким, — я поняла, что значит кропотливая актерская работа и в каком направлении мне необходимо двигаться».

Фильмы с участием Барта Рейнольдса («Мужчина, который любил женщин», 1984) и Р. Рэдфорда («Лучший», 1984) заметно укрепили позиции актрисы в Голливуде. Но нужна была роль, способная вывести Ким на вершины Олимпа. И вот — долгожданный успех. Картина «Девять с половиной недель» режиссера Залмана Кинга побилла многие кассовые рекорды Голливуда, а Ким была признана звездой мирового кино.

Следующая работа Бэсинджер — знаменитый «Бэтман» Тима Бартона с участием Д. Николсона и Б. Китона. Ким сыграла главную женскую роль с присущими ей профессионализмом и реалистичностью, но сама по себе картина ей не понравилась. Правда, злые языки завистников утверждали, что отрицательные эмоции у Бэсинджер проявились, когда она узнала, что Джек Николсон за роль получил 40 миллионов, а ей досталось «всего» пять. Бэсинджер по этому поводу заявила следующее: «Меня надули. Больше на подобные штуки не попадусь!». Дочь финансового консультанта знала, что говорила. И впоследствии уже мало кому приходилось слышать о подобных ее «упущениях».

Работа Ким в Голливуде чрезвычайно насыщена и разнообразна — комедийная роль в картине «Свидание вслепую» с неподражаемым Брюсом Уиллисом, забавный образ инопланетянки в фильме Ричарда Бенджамина «Моя мачеха — инопланетянка», захватывающий триллер «Окончательный анализ» Фила Джоану. По словам Джоану, кстати, большого мастера по наведению безумного страха на зрителя, Ким просто создана для ролей прекрасных... злодеек! «Ким прекрасна в роли насильниц, — утверждал режиссер. — Она кого угодно заставит поверить в то, что ей ничего не стоит воткнуть вам нож в спину!»

Действительно, с сильным характером актрисы приходится считаться всем, кто с ней сталкивается в жизни, — от рабочего на съемочной площадке до легендарных личностей типа поп-звезды Принца. Любовные похождения Бэсинджер не оставляют американцев равнодушными. Рядом с Ким появляются такие неординарные личности, как вышеупомянутый

Принц или Д.-Д. Кеннеди-младший! Впрочем, все чаще приходится слышать о другом не менее известном в США человеке, которому якобы суждено стать спутником жизни актрисы. Это популярный актер Голливуда и бродвейских театров Алек Болдуин. Ким познакомилась с ним во время съемок фильма «Привычка жениться». Может быть, так и случится, ведь кто-то же должен помогать ей заниматься обширным хозяйством?! В 1989 году Бэсинджер за 20 миллионов приобрела огромную земельную площадь, на которой почти целиком помещается... ее родной город Брэйзелтон, штат Джорджия. Что конкретно задумала Ким в связи с покупкой земли, держится в секрете. Но можно не сомневаться — эта на первый взгляд хрупкая женщина, обладающая жестким характером и мужской деловой хваткой, найдет пути прибыльного использования вложенных денег.

Когда-то, двадцать с лишним лет назад, провозжая дочь в Нью-Йорк, отец подарил ей Библию, на которой написал: «Пусть Бог страхует твой полет». С тех пор много воды утекло, но, похоже, Всевышний не оставляет Ким без внимания...

любаво,

ПИТЕР БРАУН,
СТИВЕН ГЕЙНЗ

которую ты

отдаешь

7. «Смена» № 5.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Даже если и было что-то, чего можно стыдиться, но это была правда, ставшая известной, я не стану жаловаться. Я очень люблю правду.

Бриан Эпштейн.

«Подземелье звуков»

1

Когда я, Питер Браун, впервые увидел Бриана Эпштейна, он был не просто чужаком в чужой стране, а аномалией, загадкой для своей семьи, чудовищным недоразумением для самого себя — он был гомосексуалистом. Теперь такие вещи стали достаточно обыденными в крупных городах мира, но тогда, в мрачном северном рабочем городе Ливерпуле, сын известной еврейской семьи Бриан Эпштейн чувствовал себя уродом. Подавленный тем, что казалось ему нескончаемой чередой социальных и академических неудач, снедаемый чувством разочарования и поражения, Бриан искал физического удовлетворения, но искал самым печальным образом.

Как-то вечером, когда ему было 25 лет, он сел за руль своего сверкающего кремово-коричневого автомобиля и поехал в предместье Ливерпуля, в общественный туалет, где бывал довольно часто. За рулем роскошного автомобиля Бриан Эпштейн совершенно не походил на тех людей, которые знают подобные заведения. Красивый молодой человек, худощавый, вьющиеся каштановые волосы тщательно уложены — было в нем что-то от патрициев. Как правило, он носил костюмы, спитые у портного, рубашки фирмы Турнбулл и Ассер и шелковый шейный платок. Царственные манеры и элегантная одежда делали его старше своих двадцати пяти лет. Бриан припарковал машину, заглушил мотор и стал ждать, нетерпеливо постукивая пальцами по бамперу, пока на улице не появился мужчина, одетый так, как одеваются портовые рабочие. Мужчина на секунду задержался у входа в туалет, а затем вошел. Бриан тщательно запер машину и пошел за ним. На сей раз его постигла неудача. Бриана жестоко избили и бросили на полу в уборной. Деньги, часы и бумажник пропали.

Всхлипывая, Бриан бросился к машине и направился к огромному дому своих родителей. Он был в ужасе от того, что придется как-то объясняться с ними. Сначала Бриан кинулся к матери, Куини Эпштейн. Высокая привлекательная женщина, обладающая острым умом и нестигаемой волей, она, казалось, не остановится ни перед чем и сможет защитить его от всех бед. Но на сей раз проблема оказалась слишком сложной даже для Куини. Едва он закончил излагать свою версию инцидента, как зазвонил телефон. Обидчик Бриана из общественного туалета выяснил, что Бриан из известной семьи, и понял, что его молчание может

Продолжение. Начало в № 4.

стоит дороже, чем часы или бумажник. В общем, за молчание о наклонностях Бриана мужчина требовал деньги.

Куини Эпштейн немедленно связалась с Рексом Мейкином, семейным адвокатом. Мейкин был маленьким юрким человечком с кривыми зубами и протезом вместо уха, он много лет жил с ними по соседству. Циничный и резкий, Мейкин и раньше улаживал несколько дел Эпштейнов. «Стирал их грязное белье» — так он это сформулировал. Куини с Брианом отправились к нему, и Бриан поведал Мейкину свою историю. Адвокат настоял на том, чтобы Бриан пошел в полицию и заявил о случившемся.

Перепуганный Бриан повторил свою жалостливую историю детективам ливерпульской полиции. Те велели Бриану идти домой и ждать телефонного звонка от вымогателя. Бриан должен был согласиться заплатить любую сумму, которую тот запросит, и устроить встречу как можно скорее.

Поздно ночью в пустынном ливерпульском районе Уайтчэпела Бриан ждал шантажиста. Через несколько минут после назначенного времени человек из туалета пересек улицу и приблизился к Бриану. Эпштейн подал условный сигнал детективам, они тут же вышли из укрытия и арестовали вымогателя.

Судебный процесс чуть не погубил Бриана. Слабым утешением для него было то, что на процессе он фигурировал как «мистер Х», такова в Англии судебная традиция защиты жертв шантажа. В соответствии с показаниями Бриана, мужчина, оказавшийся женатым докером с криминальной биографией и предрасположенностью к «чрезмерной застенчивости», был осужден за шантаж и приговорен к тюремному заключению. Когда его вели из зала суда, он клялся отомстить Бриану, как только окажется на свободе. Эпштейн был на грани физического и психического срыва. Суд постановил, что ему нужно показаться психиатру, но Бриан знал, что это не поможет. Никто не сможет определить, кто он такой или что он такое, и менее всего — он сам.

2

Бриан Эпштейн был гордостью двух богатых еврейских семей. Его мать Малка Хайман — хорошенькая дочь известной семьи из Мидлхнда, которой принадлежала знаменитая компания «Шеффилд Кабинет Лтд.», занимавшаяся производством обеденных и спальных мебельных гарнитуров по умеренным ценам. Получив образование в частной школе, Малка была переименована в Куини на английский лад. Несмотря на английское образование, она осталась настоящей добропорядочной еврейкой и, как всякая благополучная еврейская девушка, в восемнадцать лет вышла замуж за перспективного еврея с севера на 11 лет старше ее. Гарри Эпштейн был также из богатой семьи, занимавшейся производством мебели. Его дед Исаак Эпштейн, польский эмигрант, в начале века открыл первый в Ливерпуле мебельный магазин. Благодаря льготным условиям кредита многие ливерпульские семьи стали обладателями стула, или дивана,

или пианино, которые принадлежали компании «И. Эпштейн и сыновья».

В начале 1930-х годов, когда Гарри и Куини поженились, магазин расширился и занял большое здание на Уолтон Роуд, слившись с компанией «Норд энд Мьюзик Стор», где продавались ноты и музыкальные инструменты. В качестве приданого Куини получила замечательный дом с пятью спальнями в Чайлдулле, самой лучшей провинции Ливерпуля.

Именно в этом огромном доме с мягкими коврами и вышколенной прислугой, пылающими каминами и чувством значительности 19 сентября 1934 года родился Бриан Эпштейн. С этого дня для Куини больше никто не существовал. Хотя она и любила своего второго сына Клайва, родившегося двадцать один месяц спустя, но он не вызывал у нее такого восхищения, как Бриан. Когда начались бомбежки, детей перевезли в другой красивый дом в относительно безопасном районе Сауспорте. Бриан вырос испорченным, капризным, нервным ребенком, маленьким сыном и воплощением Маленького Лорда Фаунтлероя. Он рано стал тяготеть к изысканной роскоши и уже маленьким мальчиком получал удовольствие от красивой одежды и дорогих ресторанов. Куини заметила, что у него слегка косит один глаз, и тут же уложила его в госпиталь на операцию, а это был период самых страшных бомбежек Ливерпуля. Подруга Куини сказала: «Вокруг взрываются бомбы, неужели тебя беспокоит косоглазие?» Но косоглазие делало Бриана неполностью совершенным, и Куини всякий раз это осознавала, глядя на него. В госпитале она проводила все ночи у его изголовья, в то время как на город падали бомбы, и спала, сидя на стуле с жесткой спинкой, рядом с кроватью Бриана.

Когда Бриану было десять лет, его исключили из ливерпульской частной школы за то, что он рисовал неприличные картинки. Куини защищала своего талантливое сына, утверждая, что он всего лишь делал эскизы для танцевальной программы, но тем не менее ее попросили забрать мальчика. Втайне она была этому рада, так как была уверена, что Бриана исключили потому, что он еврей. Куини повсюду видела симптомы антисемитизма и в Бриане развила эту манию, ставшую лейтмотивом его жизни. Когда Бриан чувствовал себя неудобно из-за своего пристрастия к гомосексуализму, он во всем обвинял антисемитизм и реагировал очень бурно.

Сменив несколько школ, из которых его забирали со скандалом, к пятнадцати годам он учился уже в седьмой. Наконец, он попал в Рекин, школу в Шропшире, где увлекся театром и, кажется, на время почувствовал себя счастливым. Но и из Рекина Гарри с Куини получили от него письмо, в котором он сообщал: «Я понимаю, что вам это может не понравиться, но я решил оставить школу и стать модельером». «Вы даже представить себе не можете, — говорила Куини, — какое впечатление это письмо произвело на Гарри. Он ужасно расстроился». Тем не менее Куини защищала сына и потребовала, чтобы Гарри разужал, как устроить Бриана к ведущему парижскому модельеру. Однако дело обернулось иначе. Разъяренный Гарри предъявил

Бриану ультиматум, заявив, что он будет работать в семейном мебельном магазине на Уолтон Роуд. Худой розовощекий юноша считал себя обреченным работать продавцом в мебельном магазине за пять долларов в неделю, и это было для него страшнее смерти. Но судьба распорядилась иначе. 9 декабря 1952 года Бриан получил повестку в национальную армию. После обучения в Аддершоте благодаря нескольким звонкам родителей влиятельным людям его перевели служить в Лондон. В Лондоне жила сестра Куини, тетя Фрида. Бриан приезжал к ней на обед каждый понедельник, а по вторникам звонила Куини, чтобы получить подробный отчет о его делах. Не прошло и десяти месяцев, как майор обнаружил то, что позволило ему сократить срок службы Briana. Обеспокоенная состоянием здоровья Briana, Куини позвонила офицеру и потребовала объяснить, за что увольняют ее сына. Офицер дал уклончивый ответ: «По психическим мотивам». «А что с ним конкретно?» — допытывалась Куини. Офицер сочувственно понизил голос: «Эх, бедняга...»

Неприкрытые факты, подтверждающие, что Бриан гомосексуалист, потрясли Куини. Бесполезно было отрицать собственную вину, ей пришлось расплачиваться за это всю жизнь. Гарри же еще сильнее привязался к младшему сыну Клайву, который успешно служил в армии. Куини заявила: отныне все, что захочет Бриан, будет принадлежать ему.

По возвращении Briana из армии они открыли для него отдел в семейном магазине Хойлейк, где он мог продавать мебель, поставляемую из Лондона, и расставлять ее спинками к витрине. Благодаря предпринимательскому таланту и хорошему вкусу Briana магазин пользовался огромным успехом. За год доходы почти достигли доходов магазина на Уолтон-стрит. Эшштейны вздохнули с облегчением и несколько успокоились по поводу Briana, как вдруг он ошарашил их очередным широкомасштабным проектом. Теперь он хотел играть. Он всегда любил театр и знал многих актеров «Плейхауза», известного ливерпульского театра. Однажды вечером в баре, куда часто наведывались артисты, Бриан познакомился с Брианом Беффордом, молодой звездой, и тот уговорил его поступить в училище для артистов. Несколько недель спустя Бриан бросил магазин и стал слушателем Королевской Академии Драматического Искусства в Лондоне, пожалуй, самой знаменитой из английских артистических школ. Бриан даже сам удивился, что его приняли.

Он оказался усердным студентом, не без таланта, но раздражал учителей своей эмоциональностью. Временами его так захватывала роль, что он начинал безудержно рыдать. Хотя он легко ладил с другими студентами, ему не понравился артистический мир, и он чувствовал себя одиноко среди артистов. Проведя две недели в Стратфорде с «Роял Шекспир Компани», Бриан совершенно разочаровался в этой профессии. «Они ужасны, — писал он позднее в автобиографии, — и я думаю, нигде больше нет ни таких фальшивых отношений, ни такого грандиозного лицемерия, достигающего вершин искусства».

Тем не менее Бриан прouчилcя в Академии три семестра и мог бы остаться на четвертый, если бы не попал в затруднительное

положение. Его застал в парке полицейский и, проследовав за ним в общественный туалет, арестовал за «приставание». Когда Бриан позвонил Куини и сообщил об этом, она твердо решила, что подобный ужас никогда их не коснется. Рекс Мейкин немедленно выехал в Лондон, тихо уладил дело и отправил Бриана домой. Бриан провел несколько дней в Ливерпуле, но стал настаивать на возвращении, чтобы успеть на занятия к следующему семестру в Академии. Накануне отъезда Куини стала умолять его остаться в Ливерпуле, и он со слезами согласился.

Его решение оставить семейное дело созрело, когда Гарри вновь начал расширять магазин и открыл еще одно отделение в центре города на Грейт Шарлот-стрит. На грандиозном открытии Бриан организовал выступление Анны Шеотон — звезды эстрады. Ему достался маленький отдел грампластинок на первом этаже. Бриан любил музыку и уже работал в магазине грампластинок в Лондоне. Он взялся за дело с неожиданным удовольствием. Индустрия грамзаписи стремительно развивалась в связи с изобретением новых типов проигрывателей, модернизацией звукозаписи. Неожиданный ажиотаж вокруг бит-музыки создал огромную аудиторию покупателей-подростков. Бриан гордился тем, что в его магазине самый обширный выбор товаров, и медленно, но верно отдел грампластинок начал разрастаться. К концу года штат увеличился с двух до четырех человек, затем до десяти, и Бриан полностью захватил два этажа. К огромному удовольствию и гордости родителей, отдел грампластинок стал приносить значительный доход.

198 Личная жизнь Бриана оставалась незаполненной. У него было мало друзей, и никто из них не нравился Куини. Нас познакомили на дне рождения общего знакомого, куда Клайв и Бриан прибыли в черных смокингах после обеда в Адельфи по случаю двадцатипятилетия свадьбы родителей. Несмотря на апломб и непринужденный разговор, я сразу почувствовал, что, если соскрести поверхностный слой, внутри окажется очень несчастный человек. Как только Бриан узнал, что я работаю управляющим в отделе грампластинок у Левиса, он стал настойчиво уговаривать меня перейти на работу к нему и почти каждый день заходил ко мне, пристально изучая мою технику ведения торговли. Наконец он предложил мне более высокое жалованье плюс довольно приличные комиссионные. Мои родители, люди среднего достатка, сказали, что мой переход на работу к Эпштейнам — отчаянный шаг. Пройдя воинскую службу в Королевских военно-воздушных силах и получив профессию управляющего по программе Левисов, я, казалось, обеспечил себе прочное будущее, а теперь бросал стабильную работу, чтобы вкалывать на мелких еврейских торгашей. Меня привели к Куини и Гарри. Гарри отнесся ко мне весьма прохладно, и пришлось приврать ему относительно моего возраста, поскольку он считал, что 22 года — неподходящий возраст для управляющего магазином. А с Куини мы друг другу сразу понравились. Она была величественна, но приветлива — специфическое сочетание еврейской мамы и богатой англичанки, и ей понравились мои хорошие манеры, а особенно то, что она

по ошибке приняла за вест-эндский акцент, приписав это моему детству в Бебингтоне.

Общение с Брианом было приятным, но и сильно озадачивало. Он чувствовал себя подавленным и несчастным и часто напивался. В лучшем случае о нем можно было сказать, что он инфантилен. То очаровательный и милый, а то через минуту какая-нибудь мелочь выводила его из себя, он становился пунцовым, сжимал кулаки, и все в страхе разбегались. Еще страшнее Бриан бывал тогда, когда что-либо задевало его лично: он становился холодным как лед, и не было на свете ничего страшнее молчаливого Бриана.

Однажды вечером после работы мы зашли в местный бар, и Бриан поведал свою страшную тайну. Он рассказал о мужчине, за которым пошел в мужской туалет, и о последовавшем за этим шантаже. Очевидно, он думал, что мужчина выполнит свою угрозу и вернется, чтобы отомстить. Все это его сильно беспокоило.

Куини заметила тревожные симптомы и решила отправить его на отдых. Отпуск совпал с тем временем, когда шантажист должен был выйти из тюрьмы. В начале осени 1961 года Бриан уехал на юг Испании, а когда в октябре вернулся в Ливерпуль, он был похож на человека, стоящего на краю пропасти в ожидании чего-то страшного и страшно одинокого.

3

Как-то в Уайтчэпелский филиал НЕМЗ зашел парень в кожаной куртке и обтягивающих джинсах. Бриану понравилась его внешность, и, вместо того чтобы дождаться, пока парень подойдет к прилавку, он сам подошел к нему.

«Я хочу купить пластинку, — сказал парень. — Она называется «Моя девушка» и записана в Германии. У вас есть эта пластинка?»

«А кто исполняет?» — спросил Бриан.

«Вы о них не слышали. Это группа «Битлз».

После недолгих поисков Бриан выяснил, что эта пластинка записана в Гамбурге Тони Шериданом, подружившимся с битлами во время второй поездки в Рипербан. Шеридан короткое время был популярен в Англии как рок-звезда и выступал на телевидении в шоу-программе «Оу, бой». Затем для него наступил тяжелый период, и он стал работать на Кошмидера в Кайсеркерлере. В Гамбурге на фирме «Помидор» он записал пластинку «Моя любимая за океаном», а на оборотной стороне — «Когда идут святые». Битлов пригласили выступать под названием «Бит Бразерз». Им платили по 25 долларов за выступление. Бриан также выяснил, что «Бит Бразерз» ежедневно играют в обеденное время в клубе «Пещера», за углом. Он никогда раньше не бывал в «Пещере», поэтому решил прогуляться и посмотреть.

8 ноября Бриан позвонил в клуб, чтобы заказать контрамарку, так как опасался, что его не пустят в клуб без кожаной куртки и узких джинсов. В костюме и галстукe, он бодро спустился по

восемнадцати обшарпанным ступеням в клуб «Пещера». Перед ним открылась невероятная картина. Три туннеля, соединенные кирпичными арками, составляли клуб, заполненный корчащимися подростками. Около двухсот молодых людей толпились в узких проходах, они танцевали, кричали, глотали суп с сэндвичами и одновременно слушали рок-н-ролл, исполняемый на сцене.

То, что увидел Бриан на площадке в центральном туннеле, загипнотизировало его. На сцене стояла четверка молодых людей в кожаных куртках и кожаных штанах. Они играли рок-н-ролл и отпускали в адрес друг друга «жеребьячи» шуточки. Бриан неподвижно застыл в тени и стоял, пока не закончилось сорокапятиминутное выступление. Сначала он обратил внимание на красивого мрачного ударника, затем на хорошенького гитариста и, наконец, на высокого костлявого парня, который подпрыгивал и приседал, неистово ударяя по струнам. Затем, довольный и смущенный одновременно, он услышал сладкий голос диск-жокея Боба Вуллера, объявившего, что в клубе находится Бриан Эпштейн. Известие было встречено аплодисментами и воплями, и Бриан отодвинулся еще дальше в тень. Ему пришлось собрать все свое мужество, чтобы протиснуться сквозь шумную толпу к уборной, крошечному помещению за сценой, где он попытался представиться музыкантам. Прежде всего Бриан поздоровался с Джорджем Харрисоном, который спросил с сарказмом: «Что привело сюда мистера Эпштейна?» Но Бриан и сам этого не знал.

Вернувшись в свой магазин, Бриан не мог говорить ни о чем, кроме «Битлз». Он ими просто бредил, с жаром рассказывал о них всякому, кто соглашался слушать. Еще несколько дней он ходил в «Пещеру» и наблюдал за группой. Иногда приходил один, иногда с Алистайром Тэйлором, сотрудником магазина на Уайтчэпел-стрит.

После первой встречи стало ясно, что у Бриана нет ничего общего с битлами, они воспринимали его лишь как владельца большого магазина грампластинок. Он был на шесть лет старше самого старшего из них, и тогда эта разница ощущалась очень сильно. Он иначе говорил, иначе выглядел, у него были иные интересы. Но он мог привлечь внимание своей фамилией Эпштейн, сверкающим новым автомобилем «форд», захватывающим дух заказом двухсот экземпляров песни «Моя девушка» Тони Шеридана и «Бит Бразера» и тем, что наклеил название группы на витрину своего магазина грампластинок аршинными буквами. И все же один вопрос так и остался без ответа. Чего же все-таки он от них хотел? В глубине души Бриан знал ответ. Он хотел Джона.

Гарри с Куини ничего не знали о новой страсти Бриана. Они путешествовали и находились далеко от Лондона, когда Бриан открыл «Битлз», а по возвращении обнаружили, что сын возбужден больше, чем когда бы то ни было. Он усадил их на диван в гостиной и поставил пластинку. Раздался ужасный, непередаваемый звук. Затем Бриан сообщил им потрясающую новость: он будет менеджером этого звука, рок-группы под названием

«Битлз». Гарри пришел в ярость и бушевал несколько недель. Бриан пообещал, что это лишь ненадолго отвлечет его от магазина, но ему никто не поверил. Куини тяжело вздохнула и благословила его. Она лучше других знала, что спорить с ним бесполезно. Если Бриану что-то взбредет в голову, его ничто не остановит.

Бриан отправился к Мейкину за юридическими разъяснениями. Сытый по горло дикими планами Бриана, адвокат счел его желание стать менеджером «Битлз» нелепым. Это просто смешно, заявил он, мальчик Эпштейнов безнадежен.

4

Бриан не был безнадежен, Бриан был одержим. Не то чтобы его никто не пытался отговорить, считая это пустой затеей, — его невозможно было отговорить. Очарованный битлами, частично в сексуальном аспекте, частично в музыкальном, он чувствовал почти религиозный экстаз. С ним что-то происходило даже тогда, когда он произносил их имена.

3 декабря 1961 года Бриан устроил официальную встречу с группой. Ребят пригласили в Уайтчэпел в половине пятого вместе с Бобом Вуллером в качестве адвоката группы. Бриан часами думал, как обставить эту встречу, разыгрывал ее как спектакль. Он представлял себе, как четверых молодых людей проведут по магазину, поднимут на лифте и проведут в его современную контору на третьем этаже, это сделает его «личный помощник» Алистайр Тэйлор. Бриан будет сидеть за своим рабочим столом, солидный и сосредоточенный, настоящий бизнесмен. После того как помощник подаст кофе и чай, Бриан объявит о своем желании стать их менеджером. Затем они обсудят контракт. Бриан собирался пообещать контракт с лондонской фирмой звукозаписи и воображал, что ребята будут потрясены и согласятся немедленно подписать с ним контракт.

Но вот наступила половина пятого, а битлов не было. Сотрудники разошлись по домам, оставив Бриана одного в магазине. Уже стемнело, Бриан стоял, спрятавшись за большим агрегатом, и с нетерпением смотрел в окно. Наконец, спустя час, когда Бриан уже собирался уходить, явились Джон с Бобом Вуллером. Очевидно, по пути они уже посетили несколько питейных заведений. Пит Бест и Джордж пришли еще позднее, а Пола так и не было. Бриан, стараясь сдерживаться, попросил Джорджа позвонить Полу домой и узнать, что случилось. Выяснилось, что Пол отправился домой после выступления в «Пещере» и теперь мылся. «Он принимает ванну», — честно сообщил Джордж Бриану. Бриан вспыхнул: «Это неприлично. Он очень опаздывает». «Зато он очень чистый», — закончил Джордж.

Вскоре выяснилось, что недисциплинированный, но чисто-плотный Пол Маккартни — лишь одно из многочисленных препятствий на пути к воплощению мечты Бриана. Пол был настроен очень скептически и настороженно в отношении Бриана, эта ситуация с годами только усугублялась. Он по натуре стремился к лидерству и очень обостренно воспринимал то влияние, кото-

рое Джон приобретал в группе. Нетрудно было заметить, как Бриан опустил глаза, встретившись в разговоре взглядом с Джоном. Это беспокоило и раздражало Пола еще и потому, что он всегда считал себя красивым.

Отец Пола с таким же недоверием отнесся к «еврейскому юноше», который, как выяснилось, хотел получать двадцать пять процентов от достающегося тяжелым трудом дохода ребят. Бриан поступил умно, запросив аудиенцию у Джима Маккартни. Он обнаружил, что продавать себя и свои замыслы в отношении битлов гораздо легче, чем продавать мебель в магазине на Уолтон-стрит. Вскоре сбережения старшего Маккартни начали таять под воздействием сердечности и настойчивости Бриана.

Самым крепким орешком оказалась тетушка Мими. Никто не держался так твердо, как Мими. Она знала все о молодом мистере Эпштейне, о его роскошных нарядах и дорогом автомобиле, о деньгах и прихотях и не собиралась скрывать это от Бриана.

«Вас никак не затронет то, что группа окажется лишь искрой в большом пламени. Это для вас не важно, — заявила она, как только он пришел к ней в Мендипс. — Для вас это всего лишь хобби. Если все развалится через шесть месяцев, на вас это не отразится, а что будет с ними?»

«Все будет в порядке, миссис Смит, — горячо заверил ее Бриан. — Я вам обещаю, Джон не пострадает. Только он и важен для меня. Остальные меня не интересуют, но о Джоне я всегда буду заботиться».

202
Шесть недель спустя за столиком в «Касбахе» Бриан подписал официальный договор с «Битлз», который составил по образцу, присланному ему по почте. Рекс Мейкин был настроен слишком отрицательно и не захотел составлять для него контракт, поэтому Бриан просто заказал на почте стандартный бланк. Фактически этот контракт не имел силы: Полу и Джорджу еще не было двадцати одного года, и требовалась подпись опекунов, чтобы все было законно. А возбужденный подписанием документа, напоминающего брачный контракт, сам Бриан забыл его подписать.

С тех пор как Эпштейн связался с битлами, все окружающие заметили в нем разительную перемену. По вечерам его эlegantные костюмы исчезали в шкафу, а на смену им появлялись черные водолазки и черная кожаная куртка — наряд, имитирующий одежду битлов. Бриану трудно было найти менее подходящую одежду, поскольку его эlegantность и лоск откровенно проступали сквозь эту маскировку под подростка. Через какое-то время он попытался и причесываться под битлов, но понял, что за его спиной смеются. Он развозил ребят на своей машине на работу якобы по обязанности, но на самом деле просто таскался с ними всюду, очарованный их миром.

В один из вечеров он узнал, откуда битлы черпают такую, казалось бы, неистощимую энергию. Их пристрастие к амфетамину не прошло после возвращения из Гамбурга, и все, кроме Пита Беста, принимали сильные дозы этих таблеток, покупаемых на черном рынке. Потеряв надежду быть принятым на

равных в их среду. Бриан тоже начал вместе с ними употреблять наркотики. Куини не могла не заметить, что, когда он поздно возвращается домой, у него глаза становятся остекленевшими и он все время облизывает губы.

Однако битлы могли изменить внешность Бриана и его привычки проводить вечера, но его душу они изменить не могли. Через несколько недель после подписания контракта музыканты стали получать от него отпечатанные на машинке записки, в которых он в деловом тоне напоминал о времени выступлений. Поскольку было ясно, что Бриан не способен делать замечания по поводу музыкальной части, он стал настаивать на изменении сценического облика группы. В конце концов Бриан лучше, чем они, знал шоу-бизнес, а ребята не совсем тянули на профессионалов. То, что могло развлечь сборище хулиганов на Мэтью-стрит, совершенно не годилось для больших аудиторий, о которых мечтал Бриан. Для начала он уговорил их не есть и не пить на сцене, но ему так и не удалось заставить их не курить. Они не должны были отпускать грубых шуток, дружески похлопывать друг друга, а также двусмысленно переговариваться. Отныне им следовало четко знать, что и в какой последовательности они будут исполнять. Невзирая на мощный протест Джона Леннона, Бриану даже удалось заставить их расстаться со своими кожаными куртками и грубыми башмаками и одеться в одинаковые костюмы. Это было огромным прогрессом в части создания того потрясающего имиджа группы, который впоследствии стал их торговой маркой. Джону была ненавистна эта идея, и он попытался убедить ребят не соглашаться, говоря, что они продают себя. Костюмы и галстуки шли вразрез со сложившимся образом битлов. Удивительно, но Бриан нашел союзника в Поле. Как оказалось, Пол тоже обладал прекрасным чутьем в области шоу-бизнеса, и, что еще важнее, буржуа до мозга костей, он очень заботился о том, что думают люди. Лучше всего Пол разбирался в вопросах внешнего облика и контакта с аудиторией. Наконец группа сдалась, и Бриан заказал для них удобные серые костюмы с бархатными воротниками у ливерпульского портного. Он решил, что теперь битлы готовы к записи.

5

Как только Бриан начал искать возможность подписать контракт со студией звукозаписи для группы, он отправил письмо музыкальному обозревателю журнала «Ливерпуль Ивнинг Экспресс», которого звали Тони Бэрроу, и попросил упомянуть «Битлз» в своей колонке, поскольку, по мнению Бриана и газеты «Мерсей Бит», они были самой популярной группой в Ливерпуле. Бэрроу ответил, что не может о них писать, потому что у них нет английских записей, но дал Бриану рекомендацию для кого-то в художественно-репертуарном отделе в «Декке». В «Декке» упоминание НЕМЗ, крупнейшего продавца грампластинок на севере, привлекло к Бриану пристальное внимание; молодой помощник продавца Майк Смит отправился в Ливерпуль послушать группу. На Смита их выступление произвело такое сильное

впечатление, что он предложил им прослушивание в студии «Уэст Хэмстид».

Ребята это известие привело в крайнее возбуждение, они были уверены, что слава и успех не за горами. Снежным вечером, накануне 1962 года, они погрузились в фургончик Нила Аспиола и направились в Лондон. Нил прежде никогда не ездил в Лондон на машине и, поскольку мела метель, сбился с пути. Ребята просидели десять часов на заднем сиденье фургона, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть, пока не добрались до гостиницы, которую заказал для них Бриан, — двадцать семь шиллингов за ночлег и завтрак. Битлы провели новогодний вечер, слоняясь по замерзшим улицам, осматривая город и гадая, что принесет им завтрашнее прослушивание.

На следующий день Бриан и музыканты встретились в студии «Хэмстид». Ребята были возбуждены и напуганы одновременно. Они чувствовали себя неуютно в застывшей, похожей на клинику студии. За шестьдесят минут битлы исполнили четырнадцать песен. Играли они пугливо и напряженно, а Пит Бест, однообразно бивший по ударным, — хуже всех. Холодная чужая студия лишила их энергии и вдохновения, с которыми они обычно выступали. В довершение только три песни из исполненных были написаны Маккартни — Ленноном. На этом настоял Бриан. Он заверил, что лучше знает рынок и что в «Декке» хотели бы услышать варианты известных песен. В тот же день Эпштейн вернулся в Ливерпуль, уверенный, что контракт — лишь дело времени, и взбесился, узнав, что «Декка» выставила битлов.

Первое поражение ошеломило Бриана и вернуло его к реальности: быть менеджером рок-группы — дело непростое, лучше привыкнуть к мысли, что от этой идеи придется отказаться. Похоже, отказ фирмы «Декка» был первым из многих. В течение следующих стремительно пролетевших месяцев он сделал сотни телефонных звонков, написал тома корреспонденции и нанес дюжины визитов, но ничто не сдвинулось с мертвой точки. Каждая новая неделя приносила вежливый отказ очередной солидной фирмы звукозаписи. Декка, Пай, Филипс, Коламбия и Аш-Эм-Ви — все отказали. Но всякий раз, когда Бриан уже готов был признать свое поражение, ему придавал решимость Джон Леннон. Джон очаровал его своими глазами, своим умом, даже своей грубостью. В присутствии Джона Бриан терял голову. Когда Джон говорил, Бриан отворачивался, не решаясь встретиться с ним взглядом. Джон откровенно развлекался той властью, которую приобрел над Брианом, и беззастенчиво пользовался ею. Но это лишь подогревало мазохиста Бриана, и он еще сильнее желал Джона.

6

13 апреля битлы должны были вернуться в Гамбург, чтобы выступать в клубе «Стар», большом ночном клубе Рипербана. Для того чтобы поразить ливерпульских фанатов, Бриан шикарно оформил скромную семидневную поездку в Германию как

«европейское турне» и, чтобы выдержать стиль, оплатил ребятам билеты на самолет. Куини и Гарри, уже давно испытывавшие недовольство его расточительностью, были уверены в том, что деньги за билеты никогда не удастся вернуть, и еще больше расстроились, узнав, что Бриан будет сопровождать битлов в Гамбург.

10 апреля, в день отъезда, пришли две телеграммы от Астрид Кирхнер из Гамбурга. «Сту болен». «Сту умер». Сту умер у нее на руках по дороге в больницу в машине «скорой помощи». Для его ливерпульских друзей новость не явилась большой неожиданностью. Многие знали, что он очень болен, только никто не знал чем. Сту выглядел таким бледным и худым, что казался прозрачным. У него были все симптомы опухоли мозга, но специалисты Гамбурга и Ливерпуля не смогли ничего обнаружить.

Лишь два года спустя после его смерти была установлена возможная причина смерти. При исследовании черепа и мозга патологоанатомы нашли крошечную опухоль, прежде незаметную на рентгеновском снимке. Она явилась следствием незначительной травмы черепа, нанесенной, возможно, тяжелым башмаком со стальной подковкой.

Пол, Джон и Пит вылетели первыми и на следующий день вместе с Астрид встречали самолет, на котором прибывали Бриан, Джордж и Милли Сутклифф. Бриан, на звавший Сту Сутклиффа, старался всех поддержать и успокоить. Он обратил внимание, что Джон Леннон — единственный, кто не плачет и остается бесстрастным, как никогда. Позднее Джон попросил у миссис Сутклифф длинный шарф, который носил Сту, когда учился в художественной школе.

Горе и шок, вызванные смертью Сту, сменились неоновым миром Рипербана. Клуб «Стар» оказался замечательным местом для восстановления душевного равновесия. Построенный на месте старого кинотеатра, этот зал значительно превосходил по размерам все другие залы, в которых битлам приходилось выступать. В программе музыка чередовалась со стриптизом и выступлениями женщин-борцов. Иногда за вечер через двери клуба проходили 1800 посетителей, и со сцены зал напоминал клубок извивающихся змей.

Во время этих гастролей Джон безумствовал сильнее, чем прежде. Однажды под одобрительные выкрики из зала он вышел на сцену голым, надев на шею сиденье от унитаза. Ночевал он в номере гостиницы напротив клуба, рядом находилась католическая церковь, которая и стала мишенью для его бесконечных нападков. По воскресеньям Джон вывешивал за окно своего номера наполненный водой презерватив, шокируя католиков, идущих на мессу, а как-то утром с крыши помочился на головы трех проходящих мимо монахинь.

На Бриана очарование Гамбурга с его шлюхами и притонами не подействовало так, как оно, со всей очевидностью, подействовало на битлов. Ему не удалось проследить за бесконечными связями ребят с проститутками, что сказалоь на количестве приобретенных ими венерических заболеваний. Эпштейн ясно

дал понять музыкантам, что будет контролировать все аспекты их жизни. Через неделю после возвращения в Ливерпуль он занялся вопросами звукозаписи. Несмотря на уйму работы в Уайтчэпеле, он теперь почти каждую неделю ездил из Ливерпуля в Лондон.

Во время одной из таких поездок он решил переписать магнитофонную пленку с демонстрационной записью песен группы на диск, чтобы облегчить прослушивание. Студия звукозаписи «И-Эм-Ай» на Оксфорд-стрит предоставляла такую услугу, и инженер студии посоветовал Бриану показать записанный диск кому-либо из издательских компаний «И-Эм-Ай». Сотруднику издательства диск понравился, и он рекомендовал его своему товарищу, главе фирмы «Ай энд Аш» в Парлофоне, Джорджу Мартину. Бриан договорился о встрече на следующий день. Они сразу же понравились друг другу, и битлы получили в Гамбурге телеграмму, которая впоследствии стала талисманом Бриана: «Ребята, поздравляю, «И-Эм-Ай» просит приехать для записи. Пожалуйста, соберите материал».

«Битлз» подружился с Джорджем Мартином, в котором нашли и учителя, и товарища. Различные трюки с электроникой, которые продемонстрировал Мартин в аппаратной, хотя впоследствии и оказались весьма простыми, делали его похожим на Волшебника Изумрудного Города. Когда прослушивание закончилось, самое большое, что мог сказать Мартин, — это «может быть», и то лишь в том случае, если они избавятся от Пита Беста.

Когда Джон, Пол и Джордж вместе с Питом Бестом садились в фургончик, чтобы отправиться обратно в Ливерпуль, участь Пита была предрешена.

7

Лето 1962 года было неудачным для Синтии Пауэл. Ее мать находилась в Канаде, а Джон все время работал и гастролировал. Она чувствовала себя как в ловушке, не видя никакого выхода.

В августе Синтия забеременела и сообщила об этом Джону. В ответ Джон пообещал, что поступит как добропорядочный англичанин, т. е. женится на ней. Он очень боялся сказать тете Мими о своей женитьбе и молчал до последнего вечера. Мими застонала так, словно ее смертельно ранили. «Ты слишком молод!» — закричала она, отказалась дать свое благословение и не пошла на свадьбу. Когда Джон сообщил Бриану о помолвке, Бриан не смог придумать ничего другого, как весело и галантно поздравить молодых, но был страшно доволен, что тетушка Мими перестала с ними разговаривать.

Двадцать четвертого августа, дождливым серым днем, Синтия Пауэл и Джон Уинстон Леннон сочтались в мэрии. Синтия надела свой самый лучший наряд: алый с черным костюм и блузку с жабо, которую ей прислала в подарок Астрид из Гамбурга. Свидетельницей Синтии была ее золовка Марджери, а свидетелем Джона — Бриан Эпштейн. Пол и Джордж пришли

в строгих костюмах, они смотрели грустными глазами и иногда всхлипывали.

После церемонии свадебная процессия промчалась под проливным дождем в местное кафе «Рис». Бриан выбрал именно это заведение для свадебного торжества, думая, что там их никто не узнает. В кафе не оказалось свободных мест, и им пришлось ждать двадцать минут, пока не освободится столик. Подавали суп и цыплят. Бриан пронзес тост за здоровье молодоженов, поднимая стакан с водой. Он оплатил счет, отметив про себя, что свадебное застолье обошлось ему в пятнадцать шиллингов за каждого.

Бриан очень опасался, что женитьба Джона, а также его предстоящее отцовство разрушат имидж «Битлз» и помешают их успеху. Беременная жена могла вызвать скандал среди поклонниц. На что это будет похоже, если Синтия с пузом будет ждать Джона за кулисами или околачиваться на улице? О женитьбе не стоило упоминать вообще. Синтия страшно огорчилась и обиделась, но согласилась с этим условием. Ее поселили в доме на Фолкнер-стрит и спрятали от чужих глаз. За все время беременности она почти не видела Джона. Группа постоянно гастролировала, останавливаясь в дешевых лондонских отелях. Иногда Джон заходил на Фолкнер-стрит, чтобы взять чистые сорочки и оставить грязные. Во время одного из таких редких визитов Синтия убедила Джона в том, что пришло время помириться с Мими. Однажды они без предупреждения приехали в Мендипс и позвонили в дверь. Когда Мими увидела на пороге молодоженов, ее лицо озарила широкая улыбка, она бросилась обнимать их и пригласила в дом, наготовила массу вкусных вещей. Мими была так счастлива, что предложила Синтии переехать в Мендипс. Снова Синтия поселилась у Мими, но, повинувшись диктату Бриана, продолжала притворяться, что она не жена Джона, а незамужняя беременная студентка, снимающая комнату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Что делать такому вахлаку, как я,
со всем этим добром?*
Ринго Старр

1

Ринго Старру было двадцать два года, когда его пригласили играть в «Битлз». До этого момента история его жизни представляла собой цепь нескончаемых бед.

Ричард Старки родился 7 июля 1940 года в семье пекарей Элси Глив и Ричарда Старки. Ричард ушел из семьи, когда Ритчи было всего три года, и с тех пор мальчик видел отца всего три раза в жизни. Вначале Старки высылал на ребенка по тридцать шиллингов в неделю, затем деньги перестали поступать, и Элси не могла больше платить за квартиру, в которой они жили. Она нашла работу в баре, и мальчик почти все вечера оставался один.

Когда Ритчи было шесть лет, у него как-то заболел живот.

Боль не проходила всю ночь, и наконец «Скорая» отвезла его в больницу. Но было слишком поздно, аппендицит прорвался, и начался перитонит. Он находился в коме десять недель и провалялся в больнице почти целый год.

Элси вышла замуж во второй раз за художника из ливерпульской корпорации Гарри Гривза, и Ритчи полюбил его всем сердцем. Какое-то время жизнь текла вполне благополучно. Но, когда ему исполнилось тринадцать лет, он простудился и заболел воспалением легких. На этот раз Ритчи провел в больнице два года. В школу он больше не вернулся.

Шел 1956 год. Начинался бум самодельных вокально-инструментальных ансамблей, и Ритчи со своим другом Эдди Клэйтоном сколотили группу. Они стали выступать с концертами. Группа со временем развалилась, но Ритчи уже профессионально играл на ударных, теперь с ливерпульской группой «Рори Сторм энд зе Хуррикейвз». Именно тогда, в период популярности «Рори Сторм», Ритчи стал Ринго.

Битлы хорошо знали Ринго не только по ливерпульским гастролям, но и по Гамбургу. Он любил повеселиться, не страдал комплексами и ладил со всеми ребятами из группы гораздо лучше, чем Пит Бест. В последние месяцы популярность «Рори Сторм» стала падать, и Ринго получил приглашение от битлов попробовать себя в их группе.

2

Синтия жила в одиночестве, занимая комнату в доме тетушки Мими, и следила за успехами мужа со смешанным чувством страха и тихой гордости. Она никому не могла сказать о том, что они с Джоном поженились. Впрочем, он так отдалился, что это уже почти не имело значения, и хотя все вокруг говорили, что деньги к нему текут рекой, она их не видела.

Поздно вечером в апреле у Синтии начались схватки, и она была доставлена в «Сефтон Джeneral госпиталь». Через двое суток, 8 апреля, у Леннонов родился сын. Его назвали Джулиан в честь бабушки. Синтия держала младенца на руках и умилялась тому, как он похож на папу. В тот вечер Джон позвонил в больницу, но еще целую неделю не приезжал ее проведать.

В больнице никто не знал, что Синтия — жена Джона Леннона. Бриан проследил за тем, чтобы ей отвели отдельную палату за 27 шиллингов в день. В день выписки Синтии неожиданно появился Джон. Он всерьез замаскировался, на нем были шляпа, фальшивые усы и темные очки. При виде Джулиана Джон пришел в экстаз, у него даже руки дрожали, когда он взял на руки крошечного мальчугана. Джон сообщил Синтии, что уезжает с Брианом в Барселону. Синтия откинулась на подушку, вся дрожа от негодования. Как он может?! Оставить ее с Джулианом и уехать, да еще и с Брианом Эпштейном! Джон вспыхнул. «Ты эгоистка. Я месяцами вкальваю, как ишак, и заслужил отдых. К тому же Бриан хочет, чтобы я поехал с ним, а я так многим ему обязан. С кем же еще ему ехать?»

Бриан и Джон прибыли в Барселону в конце апреля 1963 года.

Целыми днями они ходили по магазинам и путешествовали по окрестностям, а по вечерам сидели в кафе при свете свечей и наблюдали за скользящими в лунном свете влюбленными парами.

3

Родственники и близкие друзья «Битлз» узнали, что Джон и Бриан уехали в Испанию вместе. Эта поездка стала главной темой для разговоров и догадок. Синтия оказалась в щекотливом положении. Мендипис стал объектом поклонения местных юных фанатов. Кроме того, плохо скрываемая неприязнь между Синтией и тетушкой Мими возрастала. Теперь они ссорились не только из-за Джона, но и из-за подрастающего Джулиана, которого Мими считала своей собственностью.

В ту весну Синтия редко видела Джона, и одним из таких дней был день рождения Пола Маккартни. Ему исполнялся 21 год. Дом семьи Пола на Фортлин Роуд также осаждался поклонниками «Битлз», и, чтобы избежать встречи с ними, решено было устроить вечеринку в доме тетушки Джин. Торжество по случаю дня рождения Пола, начавшееся в полдень в саду, переросло в безумное празднование успехов «Битлз». Синтия была чрезвычайно взволнована и счастлива приглашением в качестве супруги Джона. Гости все больше пьянели, праздник становился шумным и безумным. Неожиданно в другом конце сада завязалась драка. Джон, в бешеной ярости и, очевидно, очень пьяный, колотил Боба Вуллера, диск-жокея из «Пещеры». Трем мужчинам удалось оттащить Джона, но перед этим он успел сломать Вуллеру три ребра. Вуллера отправили в больницу.

На этом праздник закончился. Испуганная Синтия робко пошла к Джону.

«Я ему переломал ребра к чертовой матери», — сказал ей Джон, вытирая губы тыльной стороной ладони.

«А что он тебе сделал?» — спросила Синтия.

«Он обозвал меня чертовым педерастом», — ответил Джон. — Он сказал, что мы с Брианом педерасты».

Боб Вуллер преследовал Джона, намереваясь отомстить за побор, и история неминуемо переросла бы в крупный скандал. Бриан был весьма обеспокоен. Он принял меры, чтобы его поездка с Джоном в Испанию, а также драка на дне рождения Пола не были преданы огласке, и поручил Рексу Мейкину уладить это дело тихо, в суде, за 200 долларов. Но слухи о Бриане и Джоне тем не менее не прекратились, и Синтия продолжала строить догадки.

4

Если женитьба Джона Леннона была лишена всякой романтики, то жизнь Пола Маккартни, наоборот, полностью ею наполнена. Как только Пол стал знаменитостью, он начал заводить каждый вечер по новому роману. Признанный всеми самым

«крутым» в группе, он также был и самым доступным. Из четырех битлов именно Пол никогда не уставал позировать фотографам и добровольно давать интервью. Именно Пол лукаво улыбался девушкам, поощряя их бегать за своей машиной, и выкрикивал из окна: «Бегом, девочки, бегом!» Именно Пол придумывал немислимые шляпы и накладные усы для маскировки, прогуливался в таком виде среди толпы девушек, ожидающих у служебного входа, и слушал, что о нем говорят. И все же, несмотря на количество девушек, с которыми встречался, Пол в каждой находил какой-нибудь изъян. Ни одну из них он не привел бы домой познакомиться с Мамой Мэри, если бы та была жива. Каждый северянин в глубине ирландско-католической души прежде всего ищет девушку, с которой можно создать семью и растить детей.

Наконец Пол встретил такую девушку. Звали ее Джейн Ашер, у нее были рыжие волосы и глаза, как изумруды. Они познакомились на концерте рок-групп в «Роял Альберт холле», и Пол совершенно потерял голову.

Джейн жила со своей семьей в роскошном пятиэтажном доме на Уимпоул-стрит в Лондоне. Ее отец, доктор Ричард Ашер, был известным психиатром и консультантом по заболеваниям крови и душевным болезням. Мать, Маргарет, — профессиональный музыкант, преподавала музыку в лондонской музыкальной школе. Младший брат Джейн Питер, выпускник Кембриджа, был подающим надежды музыкантом и сочинителем песен. Семья Ашеров не была похожа ни на одну из семей в Ливерпуле. Пола приглашали принять участие в откровенных, часто захватывающих дискуссиях за обеденным столом. Д-р Ашер, как с удовольствием обнаружил Пол, был блестящим рассказчиком. Вначале слегка напуганный, Пол впервые в жизни занялся самообразованием. Джейн доставала для него книги и билеты в театр. Он все заглядывал с благодарностью, приобщаясь к новой жизни.

212

Годы спустя Пол и сам не мог поверить в то, что так долго ухаживал за Джейн, не пытаясь уложить ее в постель, но так оно и было. Каждый вечер он либо возвращался в свой гостиничный номер, либо спешил на последний рейс из Хитроу в Ливерпуль. Однажды он опоздал на самолет, и миссис Ашер любезно предложила ему остаться переночевать в гостиной, которая находилась через один лестничный пролет от спальни Джейн. В конце концов было глупо постоянно снимать номер в гостинице, и, с благословения домочадцев, Пол на два года переехал к ним с вещами и гитарой.

Ринго Старр больше всех растерялся от успеха, который неожиданно пришел к «Битлз». Он очень стеснялся и подозрительно относился к посторонним. Однажды в клубе «Пещера» Ринго обратил внимание на маленькую говорливую девушку по имени Маурин Кокс. У нее были большие, темные, грустные глаза, и Ринго предложил ей покататься на своем подержанном синекромовом «форде».

Свидание прошло замечательно. Они обнаружили, что прекрасно подходят друг другу. Он — простой и необразованный,

она — славная хохотушка, которой особенно нечего сказать. В течение первых шести месяцев их свидания длились по вечерам не больше часа. Другие девушки из числа поклонниц «Битлз» смотрели на Маурин как на временное увлечение, но она оказалась цепкой и хитрой во всем, что касалось «ее Ритчи». Но о каком-либо серьезном сдвиге в отношениях Маурин и не помышляла. Замужество с кем-либо из «Битлз» было в Ливерпуле табу. И все же она надеялась, что когда-нибудь, когда ей исполнится семнадцать или восемнадцать, все изменится. Однажды до нее дошли слухи, что Джон Леннон тайно женат, и она спросила об этом Ринго.

«Если и так, — ответил Ринго, — мы не хотим об этом говорить».

ГЛАВА ПЯТАЯ

«КОРОЛЕВСКИЙ РОК «БИТЛЗ» —
заголовок из «Дейли экспресс»,
4 ноября 1963 г.

1

Несмотря на колоссальный успех, заполненные концертные залы и растущую популярность группы, главное лондонское издательство «Флит-стрит» продолжало игнорировать «Битлз». Битлы побили все рекорды по количеству записанных пластинок, во всех маленьких северных городах их окружали истеричные толпы поклонников, но в Лондоне они появлялись лишь в нескольких маленьких концертах и телешоу для подростков. Всякий раз, как только Бриан делал попытку протащить материал о «Битлз» в крупные лондонские издания, достойные их популярности, он, казалось, наткнулся на каменную стену. Бриан понял, что это заговор трех братьев — Лу и Лесли Грейдов и Бернарда Дельфонта. Грейды весь развлекательный бизнес оплели паутиной, в которую и угодили Бриан с ребятами. Лу Грейд, впоследствии лорд Грейд, владел огромной телевизионной корпорацией, самой крупной независимой компанией, выпускающей телепрограммы Великобритании. Еще он самодельно создал популярное телешоу «Воскресный вечер в Палладиуме». Лесли Грейд возглавлял самое большое в стране агентство шоу-бизнеса, представлявшее таких людей, как Лоуренс Оливье, а также кинофильмы, спектакли и телепрограммы. Третий брат, Бернард, владел несколькими престижными театрами, был могучей силой за спиной театров Вест-Энда; после аудиенции у королевы он стал владельцем престижной программы «Роял Команд Перфоманс». То, что братья переделали свою фамилию на английский манер — их настоящая фамилия Виноградские, — и то, что Бернард выбрал себе такое претенциозное имя, как Дельфонт, усиленно обсуждалось в конторе Бриана, где его еврейское происхождение являлось предметом гордости и одновременно больным местом. Преуспевание братьев задевало Бриана даже больше, чем игнорирование ими «Битлз».

Проблема возникла, когда после первого успеха «Битлз» агент-

ство Лесли Грейда предложило Бриану подписать контракт на презентацию и ангажемент группы. Поскольку крупное и влиятельное агентство могло оказать значительную помощь «Битлз», такой шаг представлялся разумным. Но за свои услуги оно хотело получать 10 процентов всего — очень значительного — дохода от выступлений группы. Бриан, выполнявший функции менеджера и агента по ангажементу, должен был сократить свои комиссионные до 15 процентов. Более того, теперь Бриан активно организовывал собственные концерты на севере Англии, пользуясь услугами менее известных менеджеров НЕМЗ, которые открывали счета для «Битлз». Таким образом, он получал деньги как менеджер всех групп, как агент по ангажементам и как руководитель. Его доход — в основном наличными — был огромным. Как только Грейды наложат лапу, все прикроется, и Бриан решил полностью исключить этот вопрос.

Но выяснилось, что Бриан тем самым создал определенные сложности, так как братья отстранили «Битлз» от своего издательства. Все же он не сдавался и надеялся, что ребята сами проложат себе дорогу, а Грейды будут вынуждены уступить их требованиям.

В 1963 году «Битлз» записали свой первый сингл, первый альбом и долгоиграющую пластинку, которая в мгновение ока была раскуплена. Заказы на запись первого сингла «Она тебя любит» начали поступать с июня, и уже более полумиллиона пластинок были заранее проданы в магазины. В песне «Она тебя любит» Джорджу Мартину удалось соединить практически все компоненты трех предыдущих синглов. В ней были простенькие рифмы типа «грусть — пусть», а мелодия и стихи гармонично сливались, хор попадался на хитрый крючок заразной музыкальной темы, простенькое «ей-ей» стало не только торговой маркой «Битлз», но и международным эвфемизмом рок-музыки. Песня «Она тебя любит» не просто побила все рекорды, пластинка стремительно вырвалась на первое место и была распродана быстрее, чем любой из синглов, ранее выпущенных в Великобритании. Этот рекорд так и не был побит в течение последующих пятнадцати лет. Лу Грейд не мог противостоять давлению сотен тысяч писем от людей, просивших показать «Битлз» в «Воскресном вечере в Палладиуме», и 13 октября битлы получили приглашение. Бриан, не желая пускать дело на самотек, настоял на том, чтобы «Битлз» потребовали увеличения суммы. Таким образом он тоже сказал свое слово.

В тот вечер их видели 15 миллионов зрителей — по тем временам цифра ошеломляющая. В день их выступления Арджил-стрит, на которой находился «Палладиум», была забита фанатами, а в самом театре их ждали целая кина упакованных подарков, пресса и тележурналисты.

Три дня спустя Бернард Дельфонт поместил в газете сообщение о том, что «Битлз» выступят в «Роял Комманд Перфоманс» в начале ноября и там будут присутствовать принцесса Маргарет и королева. В течение последующих недель элитарная пресса Флит-стрит освещала каждый их шаг во время турне, и огромное количество людей узнало о новом специфическом явлении, кото-

рое имело место всюду, где появлялись «Битлз»: публика вопила, рыдала, визжала, а иногда даже разрывала на себе одежду, социологи определили это как «сфокусированная форма массовой истерии». Однако главный секрет был в волосах. Никто не мог оставить без внимания прическу битлов.

5 ноября, в тот вечер, когда должно было состояться представление в «Роял Комманд Перфоманс», 500 полицейских окружили театр принца Уэльского. Было неясно, кто нуждался в охране, — «Битлз» или королевская семья. После скучного концерта, в программе которого участвовали трио гитаристов, дрессированные собаки и Марлен Дитрих, обьявили выступление ребятам, и публика взревела от восторга. Приветствие Джона: «Пусть зрители на галерке хлопают в ладоши, а остальные могут просто позвенеть драгоценностями» — привело зрителей в экстаз. На следующий день газеты были единодушны в оценке «Битлз». «Дейли экспресс» поместила фотографию группы на первой странице, а «Дейли миррор» подытожила заголовки газет, назвав то, о чем вскоре услышал весь мир, одним словом — битломания!

2

На следующий день после выступления в «Роял Комманд Перфоманс» Бриан аккуратно упаковал все газеты со статьями и заметками в чемодан и сел в самолет, вылетающий в Нью-Йорк. Америка манила его, словно какая-нибудь сверкающая Шангри-ла — страна процветания и роскоши, которую ему страстно хотелось завоевать для «Битлз». Несмотря на то, что премьер-министр Гарольд Макмиллан отозвался о группе словами: «Никогда еще не доводилось слышать ничего лучше», — Великобритания казалась скучной по сравнению с тем, что творилось в Соединенных Штатах. Уровень безработицы сравнительно низкий, зарплаты высокие, газ дешевый, фонари огромные. У многих дома были телевизоры, у некоторых даже цветные. Нью-Йорк стал центром, где собрались сливки общества, оставив Парижу второе место. Джек и Джеки Кеннеди воспринимались как королевская чета, а их королевство — как Камелот. Бриану удалось подписать в Чикаго контракт с маленькой фирмой звукозаписи «Ви Джей». Прогнозы более крупных фирм, что пластинка «Пожалуйста, сделай мне приятное» потеряется в огромном море записей, подтвердились, было продано всего 400 пластинок. Следующий сингл — «Она тебя любит», — ставший хитом в Англии, был также отвергнут всеми крупными компаниями.

Бриан сделал ставку на «Эд Сулливан Шоу», самую популярную в 1963 году развлекательную программу на телевидении. У Эда Сулливана, шоумена и импресарио, был наметанный глаз. Он быстро оценил потенциальные возможности «Битлз» на американском телевидении и понял, что пришла пора ими заняться.

В гостиничном номере Бриана организовали встречу с зятем Сулливана Бобом Прехтом. Прехт дипломатично разъяснил, что Сулливан заинтересован в том, чтобы они выступили в переда-

че, но лишь в очень короткой рубрике новинок. Бриан был поражен. Он хотел сделать битлов гвоздем программы. Но выбора у него не было. Телешоу Сулливана — лучшая программа на телевидении, но ведь и они тоже самые лучшие. Сделка, которую в конце концов заключили Бриан с Прехтом, была весьма необычной. «Битлз» сделают гвоздем программы не в одном, а в двух воскресных шоу. За каждое выступление они получают по 3500 долларов. Даже при том условии, что Сулливан оплатит авиабилеты, сумма в 7000 долларов не покроет расходы. Фактически Бриан подписал контракт на участие группы в шоу, но он должен был сам организовывать эту поездку, заплатив за нее около 50 000 долларов.

Имея в кармане контракт с Эдом Сулливаном, Бриан направился в «Капитол рекордз». Встретившись с директором по восточным операциям Брауном Мэгтзом, он продемонстрировал ему последний сингл «Я хочу держать твою руку». Бриан настаивал на том, что появление в шоу Эда Сулливана удвоит впечатление от песни и оно будет таким же сильным, как и в Англии. Но Мэгтз пообещал выпустить пластинку «Я хочу держать твою руку» ограниченным тиражом в январе 1964 года, за месяц до их выступления в телешоу Эда Сулливана, и весьма неохотно.

Довольный Бриан вернулся в Англию в середине ноября 1963 года.

3

В Ливерпуле в НЕМЗ деньги потекли сплошным потоком. Семьи битлов даже не смогли сразу осознать, что это означает. Не поняли и в Вултоне, и в Дингле, где находились магазины НЕМЗ и где я (Питер Браун) в то время работал управляющим. Подсчитали, что за первый год в Великобритании было продано альбомов «Битлз» на 6 миллионов долларов, что увеличило прибыль НЕМЗ на 80 процентов. Даже по самым скромным подсчетам, битлы стали богатыми людьми, особенно Джон и Пол, зарабатывавшие во много раз больше Джорджа и Ринго, поскольку получали авторские гонорары за свои песни. Но теперь, когда ребята стали миллионерами, возникла новая проблема: их доход облагался налогом. 94 процента прибыли уходило Британской налоговой службе. Математики были безжалостны; ребятам оставалось лишь шесть процентов с каждого фунта, после чего Бриан забирал свои 25 процентов.

Все это время битлы с семьями продолжали жить в Ливерпуле. Но настала пора перевести всю организацию в Лондон, где кипела деловая жизнь. Бриан поехал первым, чтобы проложить дорогу для «Битлз». Он снял целый этаж дома на Арджил-стрит, рядом с «Палладиумом», и бодро объявил об этом в НЕМЗе, а затем индивидуально пригласил своих основных сотрудников поехать с ним в Лондон. Многие согласились, среди них телефонистка Лори Маккаффри и секретарша Барбара Беннет. Я остался в Ливерпуле в семейном магазине НЕМЗ.

В Лондоне Бриан подыскал для себя просторную квартиру с двумя спальнями, расстелил в квартире белый ковер от стены

до стены и поставил черную массивную кожаную мебель. Стена на западной стороне состояла из стеклянных панелей от пола до потолка и вела на маленькую террасу, с которой открывался вид на крыши домов через дорогу. Бриан нанял чернокожего повара Лонни, готовившего еду и упаковывавшего чемоданы для постоянных путешествий, а также шофера Рега для своего нового красного «ролдс-ройса».

Полу в Лондоне не пришлось искать жилье, он просто окончательно переехал к Ашерам на Вимпоул-стрит. Джордж и Ринго поселились вместе в маленькой квартирке на Грин-стрит, но поклонники «Битлз» быстро обнаружили эту квартиру, и ребятам пришлось переехать. С их согласия Бриан нашел для них двухкомнатную квартиру в Уадхам-хаузе, двумя этажами ниже своих собственных апартаментов. Это здание было выбрано из соображений удобства и безопасности, но Бриан боялся, что как-нибудь Джордж или Ринго задержатся наверху выпить чашку кофе и заметят, что он приглашает на свои вечеринки только мальчиков.

Переезд Джона в Лондон прошел не так гладко, как у остальных: что делать с Синтией и ребенком? Они недавно вернулись в Хойлейк, в дом ее матери. Джон надеялся, что о ней забудут, но теперь, когда пресса заинтересовалась личной жизнью битлов, стало известно, что он женат. Джон решительно отрицал этот слух, и все репортеры Флит-стрит задались целью изобличить его во лжи. Не составило труда выяснить адрес Лириан Пауэл через соседей, и целый дивизион репортеров с фотокамерами оккупировал Тринити Плейс. Они буквально дневали и ночевали в машинах перед домом, поджидая Синтию. Почти неделю она пряталась, а затем отважилась выйти из дома в лавку зеленщика вместе с коляской, в которой лежал Джулиан. Ее незаметно сфотографировали, а в лавке зеленщика два репортера подошли и спросили, не является ли она женой Джона Леннона. В ужасе от того, что ей попадет, Синтия стала твердить, что она своя собственная сестра-близнец и фотографировать ее не надо. Учтивый зеленщик попытался обратиться в шутку это недоразумение, но ложь была слишком очевидной. На следующее утро Синтия, замирая от страха, заглянула в газеты. На первых страницах нескольких газет были помещены ее фотографии, на которых она толкала перед собой коляску с Джулианом.

Джон пришел в ярость. «Быть женатым,— сказал он,— все равно что ходить в непарных носках или с расстегнутой ширинкой». Но больше всего Джона беспокоило, что девушки перестанут за ним бегать. Но они не перестали. Любопытно, что Бриан защищал Синтию, уговаривая Джона не слишком обижать ее. Поскольку секрет был раскрыт, следовало по возможности извлечь пользу из создавшейся ситуации. Женатый битл, имеющий обожаемого сына, дополнял имидж группы, тем более что ни одна из газет не упоминала о том, что Синтия, очевидно, забеременела до того, как Джон на ней женился. Подсчитать было достаточно легко, но никто и никогда в прессе не обсуждал историю женитьбы Джона и появления на свет Джулиана. (Спустя много лет Синтия Твист описала свое замужество в автобио-

графии, полной личных переживаний. Там она изменила дату свадьбы, указав 1962 год. Эта неточность неоднократно подмечалась биографами «Битлз». Недавно Синтия призналась, что ошибка была допущена неумышленно, у нее всегда возникали провалы в памяти, когда речь заходила о том, что Джулиан был зачат до свадьбы, и до сих пор она путает даты.)

Пресса проявила удивительную терпимость и демократичность, посчитав, что популярность «Битлз» сама по себе слишком красивая легенда, чтобы ее марать. Такая философия ограждала группу от скандалов в течение многих лет.

Было решено, что Джон заберет с собой в Лондон Синтию и ребенка. Первыми, с кем Синтия познакомилась в Лондоне, были официальный репортер «Битлз» Боб Фриман и его жена. Фриман поставлял фотографии битлов для ежемесячного журнала клуба поклонников «Битлз», тираж которого превышал 100 000 экземпляров. Синтия узнала, что в доме Фриманов освободилась квартира, и попросила Джона снять ее. Но она перестала радоваться переезду в Лондон, как только взглянула на новую квартиру, находившуюся на последнем этаже шестиэтажного дома без лифта. Мрачная квартира располагалась в старинном здании, напротив большой студенческой гостиницы. Из окон открывался вид на крыши и Уэст-Лондон-Эр-Терминал*.

218
Через несколько недель поклонники Джона узнали этот адрес и стали осаждать дом, особенно девушки, проживавшие в студенческой гостинице. Ежедневно Синтия сталкивалась с ними на ступеньках и с неизменным негодованием смотрела на окна гостиницы, из которых свешивались плакаты, приветствующие приход ее мужа домой или провожающие его по утрам из дома. Она стала избегать фанатов и осталась совсем одна в большом городе. Однажды вечером, вскоре после их переезда, в один из тех вечеров, когда Джон, как это бывало, часто находился на гастролях, загорелось здание аэровокзала. Синтия стояла у окна с Джулианом на руках и смотрела, как крыши домов вокруг охватывают языки пламени. И она, и ребенок истерически кричали. Все шло не так, как загадывала Синтия, но по крайней мере больше ей не надо было прятаться...

**Перевод с английского
ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.**

Продолжение следует.

* Лондонский городской аэровокзал авиакомпании «Бритиш эруэйз».

ПЕСНИ ДЛЯ ОДИНОКИХ

ИНЖЕНЕРЫ

Олег Нестеров пришел в профессиональную музыку... с телефонного узла. Окончив Институт связи, работал инженером на международной телефонной станции.

— Через несколько лет я понял, как нелегко у нас живет инженерам: зарплата самая низкая, обижают везде, прозвища неприличные придумывают, и решил создать группу «Мегаполис». Стал сочинять музыку специально для коллег. Послушает инженер пе-

сенку про себя, и на душе потеплеет, значит, есть на земле люди, которые о нем думают. А вообще-то гитарой увлекся еще в школе. Я был большим домоседом, не любил гулять на улице, чем безумно нравился взрослым. Они меня называли «симпатяга тихоня». Терзал инструмент безбожно, пока не научился прилично играть. Выступал на школьных вечерах, и все девчонки были от меня без ума.

— Олег, помните слова песенки мультфильма про капитана Врунгеля: «Как вы яхту назовете — так она и поплывет...»?

— Эти слова вполне применимы к нашей первой пластинке, которая называется «Бедные люди». Денег как не было, так и нет. Мы уж подумываем следующую пластинку назвать «Богатые люди».

— Сколько уже записали альбомов?

— На виниле пока одну. Скоро в Германии выйдет компакт-диск под названием «Женское сердце», песню из этого альбома часто крутили на «М-радио». И одновременно с ним появится пластинка здесь. В стадии подготовки четвертый альбом «Мегаполиса».

— В каждом вашем альбоме есть песня, которая является главной. На пластинке «Бедные люди» — «Москвички», в «Пестрых ветерочках» — песня на стихи И. Бродского «Пятая годовщина», под ваш аккомпанемент ее поет Лев Лещенко; в «Женском сердце» — «Женское сердце». Есть ли в следующем проекте песни, заранее «обреченные» на успех?

— Конечно. Готовим сюрприз для слушателей: одну из песен исполнит Людмила Сенчина. Еще сочиняем про собак-космонавтов Белку и Стрелку. Хочу сделать видеоклип на эту тему.

— Лев Лещенко, Людмила Сенчина... Вы собираетесь каждую пластинку выпускать с песней в исполнении знаменитого певца прошлых лет?

— Вначале мы экспериментировали. А теперь собираемся продолжить галерею образов. У нас уже есть кандидаты и песни, нет только денег и согласия исполнителей.

— А кто числится в кандидатах?

— Пока тайна. Скажу только, что проекты грандиозные по смелости замысла.

— Откуда у вас такая страсть к прославленным певцам недавнего прошлого?

— Когда я говорил знакомым, что хочу, чтобы мою новую песню спел Лев Лещенко, они хихикали, думали, шучу. Лещенко — это же апофеоз застоя! А для меня он — певец моей юности. И у меня в отличие от многих искренняя любовь к таким исполнителям и к их песням. Кстати, часто слушаю кассету со своими любимыми песнями. Одна из них «Течет река Волга». Вообще Владимир Трошин, который ее исполняет, — самый близкий мне по духу артист.

На этой кассете записано несколько песен из репертуара Тамары Миансаровой с инструментальным квинтетом «Три плюс два». Когда-то они были крутые джазмены. То, что делает «Браво», — отголоски того, что когда-то делал этот состав вместе с замечательной певицей.

— Как бы вы определили музыку, которую играете?

— Для меня понятие «стиль» не существует. В этом, на мой взгляд, основное отличие нашего коллектива — независимость и отход от традиционных музыкальных форм. Когда мы в прошлом году были на гастролях в Кельне, в одном телевизионном анонсе наш стиль попытались определить как «синтез музыкальных форм», некий «инди-коктейль», сочетающий русские музыкальные традиции — от народных до эстрады 70-х — и тяготеющий к английской гитарной музыке. Что ж, пожалуй, с этим можно согласиться.

— Вы знаете немецкий язык?

— Да, и довольно неплохо, закончил спецшколу.

— Кто помог организовать гастроли?

— Мы ездили по частным каналам. У меня много друзей в Германии.

— Это была ваша попытка «засветиться» на западном музыкальном рынке?

— Я уже не в первый раз выезжаю за рубеж. Для меня Германия стала почти родной. Но главная цель поездки была ознакомительная: я хотел, чтобы музыканты из «Мегаполиса» посмотрели, как там живут люди, получили правильное представление о мире.

У нас прошло три концерта. Один почти полностью показали по телевидению. Выступления прошли как в сказке. Нас по четыре раза вызывали «на бис», и для публики совершенно не существовало языковых барьеров.

— Чем же подкупил «Мегаполис» разборчивого немецкого слушателя?

— Думаю, интерес у них вызвали так называемые «нерожденные шлягеры для Большой Германии». Я перевел на немецкий язык старые и популярные песни из репертуара Великановой и Трошина. И эти песни заблистали совершенно новыми красками. Например, популярные когда-то «Ландыши». Кстати, и накал выступлений был совсем иным. Я заметил, что совершенно по-иному играю на гитаре, по-иному пою. Была полная «отключка», даже медиаторы ломались, и при этом мы оставались лиричным «Мегаполисом».

— Что же вызвало такой эмоциональный всплеск?

— Там абсолютно нормальная публика, не отягощенная заботами в отличие от нас. Публика, умеющая отдыхать и слушать музыку. Наша молодежь для таких концертов потеряна. Я не вижу в Москве

свое поколение. То ли оно очень рано состарилось, то ли просто сидит у себя в конторах и дома перед телевизором. А в Кельне, казалось, весь город состоит из людей моего возраста.

— Олег, как вам удается в это непростое время выживать и делать свое дело?

— Время действительно не песенное. Слава Богу, есть друзья, которые стараются помочь. Два моих друга работают в АО «Интеллектуальный фонд», занимаются поиском и разработкой технических идей. Они нашли средства и выплачивают нам ежемесячно зарплату, которой пока хватает на жизнь.

— Неужели вам не удается зарабатывать концертами?

— Предложения участвовать в концертах есть, но они, мягко говоря, меня не устраивают. Сейчас у группы период работы над новым материалом. Надеюсь, через год-два у нас появятся музыкальные клубы западного образца. Такие клубы для «Мегаполиса» — прекрасное место для показа своих идей.

— Как бы ни шли дела, для вас музыка — «и жизнь, и слезы, и любовь». Когда вы поняли, что это ваше призвание и дело на всю жизнь?

— Когда я учился в девятом классе, у нас проходил вечер самодеятельности, посвященный дружбе народов. Каждый класс представлял союзную республику. Нашему выпала Туркмения. Мы взяли слова какой-то туркменской песни, переложили на музыку «Бони М» и под аккомпанемент пионерских барабанов и электрогитар исполнили ее. Нам присудили первое место. Именно тогда я понял, что музыка — мое призвание.

**Беседу вел
ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ.**

ШАРЛЬ ЭКСБРАЙЯ

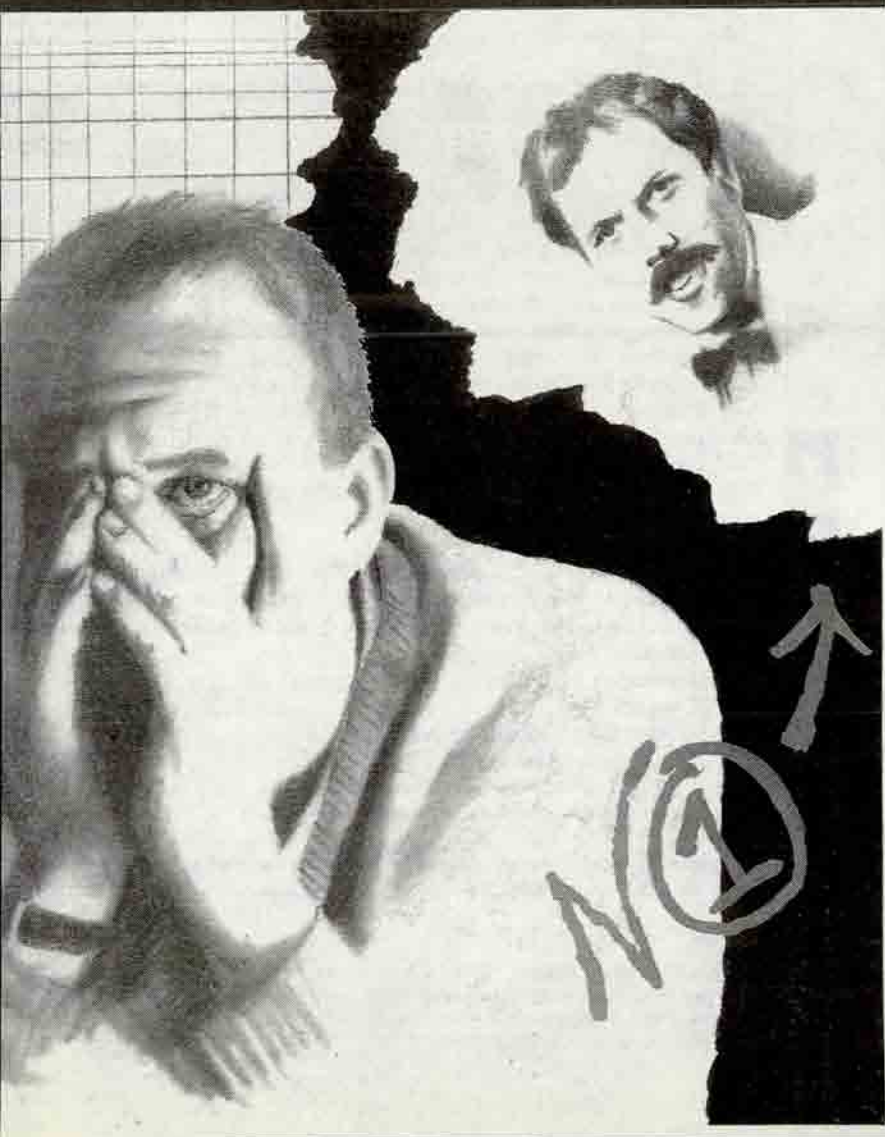
БЕСПОПОВЗНИО

№2 ↗

Рисунки АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

ПУТОВОСТРОЙ

Возвращаясь в тот вечер в свою квартиру на улице Боннвилль в Уайонаксе, я был счастлив, так как мог сообщить Луизе, моей жене, приятную новость. Администрация завода по производству пластмассы, на котором я работал, решила значительно увеличить мне жалованье. Это позволило бы нам вести легкую и спокойную жизнь, тем более что, несмотря на десять лет совместной жизни, ребенка у нас не было.

Не успев закрыть за собой дверь нашей квартиры, я крикнул:

— Луиза!

Никакого ответа.

— Луиза!

Я нашел ее в спальне, она была одета так, словно собиралась уходить. На кровати лежали два открытых чемодана. Я замер от изумления.

— Но, Луиза... Что происходит?

Она смотрела на меня полными слез глазами.

— Скажешь ты мне наконец?..

— Я больше не могу, Мишель, я уйду.

— Уходишь?

— Ты чуть не убил меня прошлой ночью... Не могу больше переносить твои приступы... Я боюсь, Мишель, и не хочу больше жить с тобой. Я уйду.

— Уходишь... Ты оставляешь меня, Луиза... Ты?

— Я держалась в течение десяти лет, Мишель... Но теперь все кончено.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что без тебя я пропаду?

— Я не могу больше приносить себя в жертву... Хочу жить нормально. Прости меня.

— Куда ты идешь?

— Какая разница? Я не вернусь, Мишель. Потребуешь развода сам, заяви, что я ушла из дома... Знаю, как ты дорожишь своей работой, и не хочу, чтобы там поняли истинную причину моего ухода.

— Истинную причину... Это мужчина?

— Клянусь тебе, нет.

— Может быть, немного подождешь?

— Я ждала десять лет.

— Вдруг я поправлюсь?

— Ты отлично знаешь, что нет.

Шум захлопнувшейся двери еще долго звучал у меня в ушах. В тот вечер я распрощался с молодостью и потерял вкус к жизни.

Шарль Эксбрая (1906—1988) — популярный французский беллетрист. Он выступал в разных жанрах и «наработал» очень много. Не говоря о пьесах, сценариях, исторических и политических романах, Эксбрая оставил более сотни детективов и «шпионских» романов.

Горе мое было безгранично, но обижаться на Луизу я не мог. Нужно быть особенным человеком, чтобы жить с больным, а я тяжело болен.

В январе 1944 года мне исполнилось двадцать четыре, и вот уже четыре года я был женихом Луизы — подруги детства.

Стоило закрыть глаза, и передо мной вставали картины детства, воскресные дни, когда все жители нашего городка отправлялись в сосновый лес, разводили костры, жарили колбасу и телячьи отбивные, пили вино. Играл оркестр, молодежь танцевала, впрочем, не только молодежь...

Мне никогда не забыть Ла Бретуз...

В январе 1944-го я партизанил в Сюр-ле-Мон, над Роше де Нантуа. Однажды мы напоролись на немцев. Если бы не Пьер Сандрей, я попал бы к фрицам, потому что меня прошила автоматная очередь. Каким образом я выжил, неизвестно. Две пули угодили в грудь, одна — в живот и одна — в голову. Пьер отдал мне все бинты, которые удалось найти, взвалил на плечи и вместе с друзьями стал отходить к Беллейду. Меня прооперировал какой-то хирург-волшебник; вы, вероятно, догадываетесь, в каких условиях ему приходилось работать. Он не смог извлечь только пулю, попавшую в голову. Она засела в мозгу таким образом, что, вмешайся он, девяносто девять шансов из ста, я отправился бы на тот свет. Я вернулся с войны живым, но значительно похудевшим, кроме того, меня мучили приступы. Иногда стали случаться выпадения памяти, а перед ними чудовищные мигрени. Я терял представление о времени. Жизнь моя останавливалась, но, придя в себя, я ничего не помнил.

Мы с Луизой разошлись. Она уехала в Бордо, чтобы начать жизнь сначала. Я отправился в Париж и стал заниматься уже не пластмассой, а скобяными изделиями... Минуло десять лет...

ГЛАВА I

Десять лет полного спокойствия. Я жил словно на обочине жизни. Я не забыл Луизу, но смирился: старательно выполнял свою работу, правда, время от времени приходилось брать двухнедельный отпуск из-за приступов, в которых по-прежнему никто ничего не понимал. Мой хозяин провел полгода в Освенциме и поэтому с пониманием относился ко мне, стараясь по возможности помочь.

В апреле я почувствовал приближение нового приступа и, как всегда, отправился в Уайонакс. Воздух родины благотворно влияет на мои нервы, кроме того, я обычно останавливаюсь у Пьера Сандрея и его жены, а они трогательно заботятся обо мне. Пьер вот уже пять лет служит в Уайонаксе комиссаром полиции.

Из-за пули, засевшей в голове, я не вожу машину, поэтому, чтобы попасть в Уайонакс, я, как и мои предки, решил воспользоваться железной дорогой и около часа дня прибыл в родной город. С чемоданом в руке я не спеша поднялся по улице

Мишеле к «Отель де ля Респблик». Это была очень старая гостиница, и я не сомневался, что там меня ждет столь необходимый сейчас покой. Хозяева были в курсе всех моих неприятностей, как физических, так и духовных, и проявляли ко мне трогательную симпатию.

В этот день, как и всегда, я отправился в «Кафе де Франс», где встретил многих своих знакомых. Мои одногодки стали чиновниками, инженерами, рабочими, а те, кто не работал на государство, служили на пластмассовом производстве — гордости и богатства Уайонакса. Мы много говорили о прошлом и настоящем и очень мало — о будущем, потому что для большинства людей будущее тесно связано с медленным подъемом по иерархической лестнице и увеличением зарплаты. Поэзия осталась в прошлом, в тех годах, когда мы сражались, уверенные, что должны изменить мир. Годы иллюзий...

Около пяти вечера я распрощался с друзьями и по длинной улице Анатоля Франса пошел к комиссариату, где рассчитывал встретиться с Пьером.

Все полицейские Уайонакса знают меня, а многие из них называют по имени: Мишель. Молодые же здороваются со мной, называя по фамилии: мсье Феррьер.

Когда я вошел в кабинет, Пьер спорил с офицером полиции Оноре Вириа, неприязнь к начальству которого служила постоянной темой для разговоров. Пьер ничуть не изменился, в свои сорок пять он выглядел так же хорошо, как и в двадцать пять, когда его взгляд с поволокой смущал сердца добропорядочных барышень Уайонакса. Все были очень разочарованы, когда он выбрал Каролину Барби, дочь картонажника.

Пьер дружески похлопал меня по плечу.

— Как дела, Мишель?

— Все по-старому.

— Но ты приехал не потому?..

— Увы! Потому...

— Хорошо, что приехал, старина. Мы с Каролиной серьезно займемся тобой. Вы можете идти, Вириа.

— Не стоило уточнять, господин комиссар, — язвительно ответил тот, — я достаточно умен, чтобы понять, когда мое присутствие нежелательно.

— У вас все в порядке, мсье Вириа? — обратился я к нему.

— Нет, мсье Феррьер, не все, но я не думаю, что это может кого-нибудь заинтересовать.

Он вышел, громко хлопнув дверью. Пьер расхохотался.

— Видишь, этот осел Оноре не меняется. Он по-прежнему меня ненавидит!

— Но... почему?

— Уверен, что я занял его место, если бы не я, комиссаром полиции был бы он. Ну, ладно, хватит говорить об этом придурке. Поужинаешь у нас, мы ждем гостей, я позвоню Каролине и скажу, чтобы приготовила еще один прибор.

— Нет, если можно, сегодня я не приду.

— Что?

— У меня началась мигрень, наглотаюсь лекарств и пораньше лягу спать... Не хочу, чтобы приступ случился у тебя...

Он ответил не сразу, но его рука крепче сжала мое плечо.

— Я зайду к тебе завтра утром... Ты остановился в «Отель де ля Републик»?

— Конечно.

— Предупреждаю: если завтра днем ты не придешь, мы с Каролиной силой утащим тебя к нам. Так что, если хочешь сохранить свободу, выздоравливай побыстрее, ладно?

Может быть, благодаря теплomu приему Пьера, выходя из комиссариата, я почувствовал, что голова болит меньше, и почти уверился, что на сей раз дело обойдется банальной мигренью. Чтобы окончательно в этом убедиться, я решил зайти к одному приятелю, Шарлю Эбрею, он работал на почтамте.

Я снова оказался на улице Анатоля Франса — в этом городе, куда бы ты ни шел, все равно попадешь сюда, — и уже почти дошел до небольшой площади, где расположен почтамт, как увидел идущую впереди меня женщину. Сам не знаю, почему она привлекла мое внимание. Возможно, своим изможденным видом, хотя чемодан в ее правой руке, судя по объему, не был особенно тяжелым. Я пошел за ней, не думая ни о чем, кроме того, что ее отчаяние сближает нас. Девушка вошла в здание почтамта, не обратив на меня никакого внимания, а я, стоя позади, услышал, как она обратилась к служащему в окошке «Корреспонденция до востребования» с вопросом:

— У вас ничего нет для меня?

Наивность вопроса и тон, которым он был задан, заинтриговали служащего, и он поднял голову, чтобы рассмотреть странную клиентку. Тихо, почти нежно, если так можно выразиться в подобном случае, он спросил:

— На какое имя?

— Сесиль Луазен.

— Нет, ничего, мадемуазель... — огорченно ответил парень.

По щекам девушки потекли слезы. Не люблю любовных историй и не верю в них, но плачущие девушки волнуют меня. Я успел заметить, что моей незнакомке не более двадцати пяти лет. В ней была приятная свежесть и что-то очень симпатичное, хотя красивой, по сегодняшним канонам, установленным кинозвездами, ее не назовешь.

Забыв о приятеле, к которому шел, я последовал за ней.

Выйдя на улицу, девушка, поколебавшись, направилась к «Кафе де Франс» и вошла туда. Я устроился за соседним столиком. Она заказала кофе, но даже не прикоснулась к чашке. Я смотрел на нее, позабыв о мигрени, терзавшей виски и затылок, хотел заговорить, но не знал, с чего начать.

— Мадемуазель...

Девушка не шелохнулась.

— Мадемуазель, — уже громче повторил я.

Она вздрогнула и повернула ко мне усталое лицо с припухшими глазами.

— Мадемуазель... Я достаточно несчастен сам, поэтому всегда чувствую, когда несчастны другие... Мне кажется, вы в отчаянии. Со мной тоже такое бывало, и я знаю, как в некоторые моменты жизни необходима дружеская поддержка... Вы позволите сесть за ваш столик? — Не ожидая ответа, я взял чашку и сел напротив нее. — Любовные огорчения, не правда ли?

Она пожала плечами.

Чтобы вызвать ее доверие, я решил сообщить некоторые подробности.

— Моя жена ушла от меня очень давно, но я так и не смог от этого оправиться... Глупо... Я совсем вас не знаю, но вы мне симпатичны и, если я смогу не дать вам пережить то, что пережил сам, думаю, совершу доброе дело. Простая влюбленность или нечто более серьезное?

— Более серьезное.

— Рассказывайте, это принесет вам облегчение.

Она слишком долго переживала свое несчастье, чтобы не испытать желания хоть часть его переложить на чьи-то плечи. Пристально уставившись в одну точку, она заговорила:

— Он мне обещал... Я приехала к нему, ведь он обещал... что мы сегодня же вечером уедем в Париж и будем жить вместе. У нас было назначено свидание в кафе «Шмен де Фер». Я прождала три часа.

— Может быть, в последний момент ему что-то помешало?

Незнакомка покачала головой.

— Он предупредил бы меня. Я верила ему... Я столько ждала этого дня, потому что задыхалась, слышите? В Сен-Клоде я задыхалась! Моя тетья не хотела, чтобы я работала, она боялась плохих знакомств... И потом, ей это казалось позорным. Она считала, что окажется вместе со мной на более низкой ступени социальной лестницы... Весь день я должна была заниматься питьем, а вместо развлечений — благочестивые собрания и посещения почтенных людей, от которых пахло нафталином... Я больше не могла. Пыталась сбежать, вырваться из болота то с одним, то с другим, но все... все они в последний момент пугались и предпочитали свое ущербное существование приключению... И тут появился он... Я сразу поняла: он или никто — либо он спасет меня, либо я откажусь от жизни! Мы познакомились случайно. Он пошел меня провожать, спросил, не хочу ли я прогуляться, прежде чем пойду к тетке. Я согласилась. Он сказал, что, несмотря на внешнюю респектабельность, несчастен, ему постоянно чего-то не хватает. Он надеялся познать настоящую, большую любовь... готов был всем пожертвовать ради этой любви... Никто никогда не говорил со мной так. Он утешал меня, обнимал... целовал... Когда я вернулась домой, то была вне себя от счастья. В течение трех месяцев мы встречались раз в неделю, но однажды, став его любовницей, я сказала, что хочу быть счастлива в открытую, что мне надоела подпольная любовь... Мы решили уехать сначала в Париж, а потом за границу.

Во мне поднималась глухая злость. Эта девочка слишком напо-

минала мне Луизу, которая тоже думала, что сможет найти смысл жизни в новой любви, и тоже не заботилась о том, что оставляла за собой.

— Мы должны были встретиться сегодня в Уайонаксе, в кафе «Шмен де Фер», и сесть в поезд до Бурга, а оттуда — в Париж... И он не пришел. Почему? Скажите, почему он не пришел?

— Не знаю... Человек не всегда может делать то, что хочет.

— Он мне обещал, — упрямо твердила она, — он мне обещал... Я не могу вернуться домой после того письма, что оставила тетке! Мне остается только броситься под поезд...

— Послушайте, неужели вам не стыдно так говорить?

— А что же мне делать?

— Прежде всего нужно найти комнату и отдохнуть. А я схожу в кафе «Шмен де фер» и попрошу, чтобы тому, кто спросит о девушке, дали ваш адрес.

— Какой адрес?

— Я живу в старом отеле, его хозяева — славные люди. Могу попросить их, чтобы они приютили вас на ночь.

— У меня почти нет денег.

— Позвольте предложить вам комнату в память о моем собственном прошлом... Я хочу помочь вам завоевать счастье...

Она с удивлением взглянула на меня.

— Но я даже не знаю, кто вы.

— Какое это имеет значение, если я готов оказать вам помощь? Меня зовут Мишель Феррьер.

Когда я представил свою протее, папаша Жаррье как-то странно посмотрел на меня и глубоко вздохнул.

— Только потому, что мы давно с вами знакомы... Номер восемь свободен... Как зовут эту «оставленную»?

К моему изумлению, та заявила:

— Альберта Морсен.

Почему она не назвала своего настоящего имени? Жаррье дал ей заполнить карточку, и она без зазрения совести подписалась вымышленным именем. Я спросил себя, не связался ли с фантазеркой.

— Вы, конечно, поужинаете вместе?

— Если мадемуазель Морсен согласна разделить мой ужин...

Немного поколебавшись, она согласилась. Я проводил ее до номера, а потом, сдерживая данное слово, сходил на вокзал, чтобы поговорить с хозяином «Шмен де Фер». Когда я возвратился в город, мне встретился Пьер.

— Смотри-ка, а я думал, ты уже спишь. Тебе стало лучше? Ты идешь к нам? Я сказал Каролине, что ты приехал, и она выругала меня за то, что я тебя не задержал.

— Нет, старина, если не возражаете, завтра. Моя мигрень разыгралась с удвоенной силой, и я забыл ее лишь потому, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

... Моя история заинтересовала комиссара. Но когда я сказал, что отвел девушку в своей отель, он остановился.

— Скажи-ка, нет ли у тебя задних мыслей?

— Ты отлично знаешь, что у меня в голове, милый Пьер.

— Во всяком случае, мне кажется, что ты слишком быстро расчувствовался. Твоя Альберта пренебрегла правилами приличий, и нет никаких доказательств, что она рассказала правду...

— Но ее поход на почту, к окошку «До востребования»?

— Вполне возможно, у нее был любовник, но вряд ли их связь могла перерасти в такую драму. Нынешние девушки обладают невероятной наглостью и способны придумать что угодно, лишь бы вызвать к себе интерес. Она, вероятно, заметила тебя еще в кафе и, оценив твою физиономию, решила, что ты вполне можешь оплатить ей комнату и ужин.

— Не уверен... Она не похожа на любительницу приключений... Хотя я и не очень хорошо разбираюсь во всех этих женских историях... Впрочем, завтра мы узнаем правду.

— Почему завтра?

— Потому что я посоветовал ей пойти к этому типу. Естественно, она знает его фамилию, и ей остается только вернуться в Сен-Клод, но не жертвой, а мстительницей. Короче говоря, я посоветовал ей в случае необходимости устроить скандал, но нужно, чтобы этот мерзавец...

— Если он существует...

— Если он существует, чтобы он не сбежал. А я провожу девочку, чтоб помочь ей!

Пьер расхохотался.

— Чертов Мишель! Ей-Богу, она тебе приглянулась! Я бы посоветовал не вмешиваться в это дело и отдохнуть как следует, но, поскольку, разыгрывая верного рыцаря, ты меньше думаешь о своих бедах, может быть, это даже полезно. Она хоть хорошенькая?

— Нет... Я не стал бы утверждать, что она красива... Просто молода... Но я уверен, она не все мне рассказала... У нее круги под глазами, и она плохо выглядит...

— Ничего удивительного, если она ведет разгульную жизнь...

— Или если она беременна.

— Ну вот еще! Тебе не кажется, что это чересчур?

— Луиза, когда ждала ребенка, которому не суждено было родиться живым, выглядела точно так же.

Пьер взял меня под руку.

— Ты интересуешься ею потому, что она похожа на Луизу, да? Бедный старина Мишель...

Мы дошли почти до самого его дома.

— Ты не зайдешь поздороваться с Каролиной?

— Лучше завтра... Сегодня очень болит голова... Очень, как и всякий раз... Боюсь...

Вместо ответа Сандрей крепко пожал мне руку. Я был благодарен ему за то, что он не стал меня утешать.

— До завтра. Расскажешь, чем закончится эта история, но все-таки повнимательней следи за бумажником.

Наш ужин тет-а-тет прошел не очень весело. Голова болела все сильнее, поэтому аппетита у меня не было. Моя знакомая

сказала, что очень устала и потому есть не хочет. Глядя на нее, я все время думал о Луизе. Ноющий голос девушки теперь только раздражал, хоть совсем недавно вызывал во мне сочувствие. Она такая же трусливая, как Луиза... Луиза, бросившая меня. Я вдруг резко спросил:

— Вы что, больны?

Мой тон испугал ее.

— Больна? Почему я должна быть больна?

— Если только вы не беременны.

Кровь отлила от ее щек, и она вдруг разрыдалась.

Удовлетворение, которое я испытал от того, что не ошибся в своих предположениях, не смогло компенсировать смущения, вызванного этой сценой. Несколько клиентов Жаррье смотрели на нас. Казалось, что они с особенной строгостью взирают на меня, и я занервничал.

— Замолчите! Замолчите же, ради Бога!

Подошла мамаша Жаррье узнать, что произошло. Я пожал плечами, показывая, что и сам не понимаю. Франсуаза Жаррье была славной женщиной. Во время оккупации она потеряла двух сыновей, но это не ожесточило ее, скорее наоборот. Она погладила лже-Альберту по голове.

— У вас не все в порядке, малышка?

— Я так несчастна,— всхлипнула девушка.

— Ладно, ладно, успокойтесь... Все может устроиться, кроме смерти.

Я взял свою спутницу за руку и потряс ее.

— Я приказываю вам замолчать! Я привел вас сюда не для того, чтобы устраивать скандал!

— Вы делаете мне больно!

Мадам Жаррье вступилась за девушку.

— Что с вами, Мишель? Вы с ума сошли? Посмотрите-ка на ее руку! Завтра на этом месте будет хороший синяк! Вам не стыдно?

Казалось, меня бьют по голове острием кинжала, боль ослепила... Хотелось вопить. Я уже не понимал, где нахожусь. Слово «стыдно» на несколько секунд отрезвило меня. Стыдно? Мне? Стыдно должно быть Луизе! Я путал двух женщин, ту, что была раньше, и сегодняшнюю. Передо мной сидела Луиза, такая же, как в тот день, когда распрощалась со мной. Сам того не желая, я закричал:

— Стыдно? А эта, что, хороша? Это ей должно быть стыдно, маленькой стерве!

Я различал враждебный шепот, смущенный гул вокруг себя. Но мне было наплевать. Я вернулся в прошлое двадцатилетней давности.

— На сей раз я не позволю тебе уйти, Луиза, слышишь? Я не позволю тебе уйти! Уж лучше убью собственными руками!

На помощь жене подоспел папаша Жаррье. Мне показалось, что он сказал:

— Я вам объясню... Он тяжело болен... — Он тихонько обнял меня за плечи, помогая подняться. — Пошли, Мишель, нужно отдохнуть...

Сам не знаю почему, но я вдруг расплакался. Жаррье вывел меня из зала, а его жена занялась Сесиль, о которой я совершенно забыл. Впрочем, я забыл обо всем, кроме чудовищной боли, разрывавшей мой череп.

— Вызвать доктора? — спросил папаша Жаррье, помогая мне раздеться.

Я хмыкнул.

— Доктора!.. Никто ничего не может для меня сделать!..

Я выпил две таблетки снотворного, чтобы погрузиться в спасительное забытие.

— Не буду закрывать дверь на ключ, чтобы можно было быстро войти, если вам что-нибудь понадобится...

Закрыв глаза, я жаждал погрузиться в сон, из которого обычно выходил отдохнувшим, спокойным, хоть и никогда не мог вспомнить о том, что со мной было накануне.

В мозгу постепенно прояснялось. Сознание возвращалось порциями. Приоткрыв веки, я постепенно начинал понимать, что вижу. Потом мало-помалу оживала память. Сколько времени я спал? Восемнадцать, двадцать часов? Пока я раздумывал над этим вопросом, в дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился папаша Жаррье.

— Ну что, мсье Мишель, как вы себя чувствуете?

— Освобожденным... Все кончилось.

Жаррье пересек комнату и открыл ставни. Я закрыл глаза от яркого света, залившего комнату. Он приблизился и внимательно посмотрел на меня.

— Не скажешь, что вы хорошо выглядите.

— Я никогда не выгляжу хорошо после приступов.

— Вам уже не больно?

— Нет. В котором часу я пришел вчера вечером?

— Около половины восьмого... Вы поужинали с маленькой...

— С малышкой?

И вдруг я вспомнил. Девочка, брошенная каким-то донжуаном из Сен-Клода, которая хотела умереть. Я рассмеялся.

— Надеюсь, ее приступ тоже кончился. Она уехала?

— Да.

— Ничего не просила мне передать?

— Нет.

Не знаю, было ли это плодом моего воображения, но мне показалось, что он не смотрел на меня так открыто, как обычно.

— Хотите завтракать?

— Только черный кофе. В котором часу я пошел спать?

— Около девяти часов... Я сам уложил вас. Приступ начался внизу...

— Бедный Жаррье, извините меня за все неприятности, которые я вам причиняю.

Он пожал плечами.

— Я знаю, через что вы прошли, мсье Мишель. Если бы наши

мальчики вернулись в таком состоянии, как вы, я ухаживал бы за ними... Вы в некотором роде наш сын...

У меня пересохло в горле, и я не мог проронить ни звука, только сжал его руку.

— Мсье Сандрей просил, чтобы вы позвонили ему, как только проснетесь, волнуется за вас. Я скажу, что все в порядке, хорошо?

— Все в порядке, отец Жаррье, не стоит его беспокоить, я сам зайду в комиссариат.

Когда Пьер вошел в мою комнату, я как раз допивал кофе. К моему удивлению, за ним следовал Оноре Вириа.

— Здравствуй, Мишель. Как дела?

Его тон удивил меня.

— Приступ прошел. Думаю, что смогу поужинать сегодня с тобой и Каролиной.

Тут я сообразил, что они как-то странно смотрят на меня.

— Что случилось, Пьер?

Он сел рядом со мной на кровать, а Вириа — на единственный в комнате стул.

— Ты оказался прав относительно этой... Альберты, что так заинтересовала тебя. Она действительно была беременна.

— А ты откуда знаешь?

— Вскрытие показало.

— Вскры..? Она что?..

— Да.

Бедная девочка. Значит, ей не хватило смелости нести дальше свой крест... А я не смог найти слов, которые хоть немного облегчили бы ей жизнь, и злился на себя за это.

— Как она покончила с собой?

— Она не покончила с собой.

— Что?!

— Ее убили сегодня ночью в номере.

ГЛАВА 2

Папаша Жаррье обнаружил преступление в десять часов утра, когда, удивившись, что клиентка до сих пор не спустилась, поднялся и долго стучал к ней в номер. Судя по всему, убийца хорошо знал гостиницу. Он вошел через заднюю дверь, ведущую в сарайчик, где хозяин хранил старые, ненужные инструменты.

— Ты ничего не слышал этой ночью?

— Я был в таком состоянии...

— Конечно.

В разговор вмешался Вириа.

— Самое интересное, что и ближайшие соседи жертвы ничего не слышали.

— В это трудно поверить!

— Есть только одно разумное объяснение. Она знала того, кто вошел к ней в номер, и не боялась его. Он спокойно смог ударить ее, а когда она потеряла сознание, завершил свое грязное дело.

— Без сомнения, это был человек, которого она ждала в кафе «Шмен де Фер». Иначе откуда бы он узнал, что она здесь?

— Видишь ли, Мишель, самое странное, что в кафе никто не спрашивал об этой женщине.

— Не может быть!

— К сожалению, может, и это значительно усложняет нашу задачу. В течение последнего месяца среди постояльцев Жаррье не было ни одного человека из Сен-Клода.

— Нужно провести расследование в Сен-Клоде. Там, вероятно, можно будет найти кого-нибудь, кто был знаком с мерзавцем — отцом ее ребенка.

— Это нелегко...

— Почему?

— Во-первых, потому что я не имею права вести расследование в Сен-Клоде, а во-вторых, я уже звонил в тамошнюю мэрию...

— Ну и что?

— Там никогда не было девушки по имени Альберта Морсен. Я чуть было не ляпнул, что на самом деле покойную звали Сесиль Луазен, но промолчал. Может быть, подсознательно я хотел сам отомстить за Сесиль, найдя ее убийцу.

— Что ты собираешься делать, Пьер?

— Пока не знаю. Одна из тех грязных историй, которые в любую минуту могут вызвать скандал и за которые неизвестно с какого конца братья. Впрочем, не хочу больше тебе надоедать, Мишель. Отдыхай, чтобы вечером быть в форме. Заходи за мной в комиссариат часов в семь, ладно?

— Договорились.

— Очень жаль, что я не принял всерьез твой вчерашний рассказ. Правда, я все равно ничего не смог бы для нее сделать. Она солгала бы мне точно так же, как и тебе.

— Она не лгала мне!

— А вымышленное имя? Я почти уверен, что она разыграла перед тобой комедию. Почему? Не знаю. Очевидно, свидание было назначено не в кафе «Шмен де Фер», а в отеле.

— Откуда она могла знать, что я предложу ей остановиться в этой гостинице?

— Она этого и не знала, но, если бы ты предложил ей другую, вероятно, отказалась бы. Будем надеяться, что все-таки удастся разгадать тайну, хоть я и не чувствую особого оптимизма. До вечера.

Уже стоя у самой двери, Вириа обратился ко мне:

— К счастью для вас, мсье Феррьер, хозяин гостиницы утверждает, что вчера вечером сам вынужден был уложить вас спать, а вы были в бессознательном состоянии...

— К чему это замечание?

— К тому, что иначе вы — подозреваемый номер один.

Я был ошеломлен и не нашелся, что ответить. Впрочем, Сандрей сделал это за меня, резко поставив Вириа на место. Он попросил его не проявлять инициативу и не забывать, в чем подчинении тот находится. Вириа вышел, не проронив ни слова, но в его взгляде я прочел: он никогда не простит мне, что я стал свидетелем его унижения.

Я чувствовал себя ослабевшим и усталым. Приступ и чудовищная весть о смерти Сесиль выбили меня из колен. Я потратил кучу времени для того, чтобы одеться, а спускаясь вниз, был вынужден крепко держаться за перила.

Внизу меня ждала мамаша Жаррье. В глазах ее читалась легкая тревога.

— Ну как? — спросила она.

— Что касается меня, то постепенно прихожу в себя.

— Не похоже. Пойдемте пропустим по стаканчику, это пойдет вам на пользу.

Она увела меня в свою комнату, куда обычным постояльцам вход воспрещен. Жаррье читал газету, но, увидев нас, поднял очки на лоб.

— Доставай свою заветную бутылочку, Альфонс, — обратилась к нему жена.

Альфонс подчинился и налил мне стакан вина. Я выпил залпом и вздрогнул.

— Еще один?

— Нет, спасибо.

Воцарилась мучительная тишина, потому что никто не решался первым затронуть тему, обсудить которую хотелось всем. Наконец я решился.

— Вы, должно быть, сердитесь на меня за то, что я привел к вам несчастную девушку.

Жаррье вздохнул.

— Конечно, у нас теперь будет много хлопот... Полиция, прокурор, следователь, фотографии... Все тут... А для отеля это не самая лучшая реклама.

— Я не мог предположить...

Мамаша Жаррье покачала головой.

— Бедный мсье Мишель... Вы слишком добры. Современные девицы таковы, что лучше не вмешиваться в их жизнь...

— Конечно, я не очень хорошо разбираюсь в женщинах, но у нее возникли серьезные неприятности... Она плакала как ребенок... Ребенок, которому пообещали игрушку, а потом обманули... Пока не будет доказательств обратного, я верю в ее искренность...

Я почувствовал, что начинаю нервничать, и встал.

— Спасибо за вино. Теперь я чувствую себя лучше. Сегодня я ужинаю у Сандрея и вернусь поздно.

— Возьмите ключи. Я велел поставить новый замок на дверь чулана, — произнес Жаррье.

По дороге в комиссариат я вдруг подумал, что Жаррье наемнул на замок в двери чулана не случайно, словно хотел дать понять, что я пользовался этой дверью. От злости и возмущения у меня даже дух перехватило. Я готов был вернуться назад и потребовать объяснений, но вдруг меня охватила усталость, о которой я на время забыл. К чему? Если Жаррье больше не доверяет мне, если его раздражение дошло до такой степени, что он видит во мне убийцу, то ничто не заставит его изменить свое мнение. Без сомнения, с ним побеседовал Оноре Вириа. Следует поставить его на место.

В комиссариате я поделился своими проблемами с Пьером, и он тотчас вызвал Вириа. Тот вошел с весьма нелюбезным видом.

— Вириа, находясь в комнате мсье Феррье́ра, вы сделали весьма необдуманное замечание. Говорили ли вы об этом с Жаррье?

— Господин комиссар, я не имею привычки разглашать сведения, связанные с ведением следствия.

— Я был бы счастлив, Вириа, если бы вы не переносили неприязнь, которую испытываете ко мне, на моих друзей. Иначе буду вынужден официально призвать вас к порядку.

— Когда я веду следствие, господин комиссар, то совершенно не забочусь о том, какие отношения существуют между разными людьми, а просто исполняю свой долг. Я вовсе не собирался обвинять мсье Феррье́ра, впрочем, и никого другого, не имея доказательств.

— Отлично!

— Но могу заверить вас, господин комиссар, что поймаю убийцу Альберты Морсен, даже если он друг самого префекта или президента республики.

— Довольно, Вириа.

— К вашим услугам, господин комиссар.

Он уже собирался уходить, но я схватил его за руку.

— Мсье Вириа, посмотрите мне в глаза: вы действительно считаете, что я мог убить Альберту Морсен?

Он осторожно освободился:

— Не знаю, мсье Феррье́р.

За ужином у Сандреев все чувствовали себя неловко. Каролина пыталась завязать разговор, но безрезультатно.

Когда мы прощались, она поцеловала меня и пожелала удачи.

Пьер мог бы найти более красивую жену, но никакая другая не любила бы его так сильно. Правда, так же я думал когда-то о Луизе, но Каролина, конечно, более надежна.

Сандрей вызвался меня проводить. По дороге мы разговорились.

— Я решил сделать все возможное, чтобы разобраться в этом деле, понять...

— Что понять?

— Все... Моя встреча с Альбертой... Я хочу быть уверен в том, что она проиграла лишь по воле случая... Хочу понять, врала ли она, когда говорила о человеке, которого ждала в кафе «Шмен де Фер». И, наконец, хочу знать имя отца ребенка, которого она носила.

Пьер расхохотался.

— Именно такова программа полиции, старина.

— Возможно, но меня ничего не удерживает, и я собираюсь завтра же выехать в Сен-Клод и провести там небольшое следствие: хочу полностью очиститься от подозрений.

— Поступай как знаешь, но, боюсь, твое путешествие окажется бесполезным. Действуй осторожно, Мишель, убийца без коле-

бания прикончит тебя, если узнает, что ты напал на его след.

— Думаешь, это может меня испугать?

— И потом, в Сен-Клоде есть полиция.

— Какое отношение имеет ко мне полиция Сен-Клода?

— Если твое любопытство покажется ей чрезмерным, она начнет выяснять, почему ты заинтересовался этим делом.

— Я все объясню.

— Не забывай, что комиссар Сен-Клода не станет с тобой возиться, профессионалы не любят любителей. Ты ведь приехал в Уайонакс отдыхать, не так ли?

— Ну и что?

— Так вот, отдыхай и не лезь в наши дела.

— С тех пор как я пообещал Альберте покровительство, а меня обвинили в ее убийстве, ваши дела стали и моими, Пьер.

— Ты принимаешь эти бредни слишком близко к сердцу.

Мы подошли к отелю и пожали друг другу руки.

— Если возникнут сложности, немедленно звони мне, ладно?

— Более того, если узнаю что-то новое, то сразу же посоветуюсь.

— Это немного успокаивает меня... Спокойной ночи, старина... Желаю удачи... Да, кстати... как ты собираешься наводить справки о девушке, если даже не знаешь ее настоящей фамилии?

— Как-нибудь выкручусь...

237

Когда на следующий день я спустился с чемоданом, Жаррье не поверили своим глазам. Франсуаза дрожащим голосом спросила:

— Это правда, что вы уезжаете, мсье Мишель?

— Да.

— И куда же?

— На поиски человека, который прошлой ночью убил девушку.

— Значит, вам известно, кто он?

— Нет, но я найду его. До свидания, мадам Жаррье.

Когда я приехал в Сен-Клод, шел дождь, но городок оказался настолько красивым, что все равно приглянулся мне. Чтобы не увлечься достопримечательностями города, я решил взять такси и доехать до «Отель Жоли» в Мартине, в нескольких шагах от города. Приехав в отель, я поднялся в свой номер, принял душ и лег. Проснулся около семи часов вечера, бодрый и готовый к действию. Ни следа головной боли, ни следа тоски, мучившей меня с тех пор, как я узнал о смерти Сесиль. Я решил с шиком поужинать. Вкусная еда — одно из немногих удовольствий, которые еще могу себе позволить. Я заказал копченый язык, сморчки в сметане, жареного бекаса и вино «Помероль» 1961 года. Настроение мое стало превосходным.

Когда на следующее утро я вышел из отеля, чтобы пешком дойти до Сен-Клода, яркое солнце заливало своим светом деревушку, расположенную на склонах Юры. Я был уверен, что

пешеходная прогулка пойдет мне на пользу и поможет продумать тактику действий. Я не спешил и потратил немногим больше часа, чтобы дойти до города. Мое появление никого не удивило, так как я был похож на туриста, довольного тем, что наконец вырвался на свежий воздух из своего загазованного города. Мне предстояло отыскать адрес тетки Сесиль. Действовать приходилось вслепую, полагаясь лишь на свою счастливую звезду. Я старался вспомнить, как выглядела покойная, и пытался определить, в каком районе она могла бы жить, какие магазины посещать. Поднимаясь по древней улице Пуайя, я подумал, что есть все же один магазин, который посещают все без исключения жители квартала, и вошел в первую же попавшуюся бакалейную лавку. У кассы сидела женщина и, высунув от старательности язык, проверяла какие-то счета. Я кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание. Она приветливо улыбнулась.

— Что вам угодно?

— Хочу кое о чем узнать, мадам.— Ее лицо помрачнело.— Знаете ли вы мадемуазель Сесиль Луазен, примерно двадцати пяти лет, живущую у тетки?

Она пожала плечами.

— Ей-Богу, нет... не помню... Должно быть, она живет не в этом районе... очень сожалею.

Подобные вопросы я задавал все утро и получал только отрицательные ответы. Я опросил всех бакалейщиков и бакалейниц с улицы Пуайя, улицы Пре, проспекта Бельфор, бульвара Републик, улицы Рейбер. Одни были более любезны, другие менее, это зависело от того, сколько покупателей находилось в тот момент в магазине. Некоторые даже обращались к своим клиентам, надеясь, что те смогут помочь мне. К полудню я почувствовал себя уставшим и обескураженным. Наконец мне смертельно надоело открывать двери и приставать к людям с бесполезными вопросами, я решил взять такси и вернуться в Мартине.

Когда я шел к площади Аббей, меня обогнали две молодые женщины, и вдруг я услышал, как одна спросила у другой:

— А что стало с Сесиль? Очередная любовь?

Сердце мое забилось сильнее, и, не особенно раздумывая над тем, что поведение мое может показаться неприличным, я подошел к ним.

— Простите меня, мадам...

Они обернулись, чтобы взглянуть на человека, осмелившегося им помешать.

— Я позволил себе обратиться к вам только потому, что случайно услышал, как вы произнесли имя Сесиль... Я приехал в Сен-Клод, чтобы найти одну Сесиль... и, клянусь, до сих пор не нашел ее.

Женщины расхохотались.

— А откуда вы знаете, что вам нужна именно наша Сесиль?

— Увы! Конечно...

— Скажите нам фамилию вашей возлюбленной. Может быть, мы ее знаем? Видите ли, Сен-Клод не такой уж большой город...

— Сесиль Луазен.

Они растерянно переглянулись.

- Вы что, разыгрываете нас?
- Простите?
- Сесиль вам о нас рассказала?
- Клянусь, нет... Впрочем, мадам, ведь я незнаком с вами.
- Это правда... А что вам нужно от Сесиль Луазен?
- Это трудно объяснить...
- Ладно, не трудитесь... Все мужчины одинаковы... Вы, впрочем, довольно симпатичны, так вот предупреждаю: Сесиль — отнюдь не сахар. Она верит только в большую любовь... понимаете? Хочет встретить мужчину, который настолько полюбит ее, что сможет вырвать из лап мамыши Ирель.
- Мамаши Ирель?
- Ну да, ее тетки.
- Наконец-то!
- Вы знаете ее адрес?
- Естественно... Вилла «Макс», у моста де ла Пип, в районе Су-Сен-Уайян.

ГЛАВА 3

На следующий день, разгуливая по улице Пре, где расположены прекрасные магазины, в одной из витрин я вдруг увидел женщину, очень похожую на ту, что рассказала мне о тетке Сесиль. Наши взгляды встретились, и она приветливо помахала мне рукой. Я тоже помахал ей и вошел в магазин.

- Ну что, узнали что-нибудь новенькое о Сесиль?
- Нет.
- Вот это да... Интересно, куда она могла деваться?
- Если вы свободны, мы могли бы поболтать.
- У меня перерыв в четверть первого.
- Я могу вас где-нибудь подождать?
- В «Кафе Америкен».
- Хорошо. Пообедаем вместе?
- Нет-нет! В час дня я обедаю с одним приятелем... Он не простит, если я подведу его... Он очень ревнив...
- Для вас это имеет значение?
- Не особенно, но он может причинить мне неприятности.
- Почему?
- Потому что работает в полиции.

Девушка появилась в двадцать минут первого. Ее приход вызвал в кафе волну веселого возбуждения среди молодежи. Девушка села напротив меня и, изображая задумчивость, произнесла:

- Вот видите, я сдержала слово.
- Очень признателен. Позвольте представиться: Мишель Феррьер, поверенный.
- А я Арлетта Шатенуа.
- Мы сделали заказ, и, когда нас обслужили, Арлетта спросила:
- Очень странно, что Сесиль в последние дни не показывает-ся. Вы были у ее тетки?

— Еще нет... А вы?

— О! Я не по вкусу старой святоше... Похоже, моя компания — не самое достойное общество для ее племянницы. За кого она себя принимает, эта старая астматическая сова? Бедная Сесиль! Она практически ничего не умеет делать... Тетка воспитала ее так, как воспитывали девушек сто лет назад... Немного живописи, уроки музыки, вышивание... Попробуйте-ка этим заработать себе на жизнь!

— Мадемуазель Шатенуа...

— Люди, которым я симпатизирую, называют меня просто Арлеттой, а вы мне нравитесь, несмотря на серьезный вид... Можете называть меня Арлеттой.

— Хорошо... Так вот, Арлетта, между нами говоря, Сесиль... она была серьезной девушкой?

— Что вы имеете в виду? Она любила гулять, танцевать... По-вашему, такую девушку не назовешь серьезной? Но если вы хотите спросить, были ли у нее любовники, то готова поклясться, что нет!

Итак, Арлетта знала Сесиль значительно хуже, чем думала.

Виллу «Макс» я обнаружил без труда. Очевидно, вилла переживала период упадка. Дома, как и люди, подвержены разрушительному влиянию времени. Кое-где облупилась штукатурка, водосточная труба погнута, краска на ставнях тоже облупилась, за садом давно никто не ухаживал.

Звонок, висевший у калитки, издал тонкий надтреснутый звук. Я сомневался в том, что его можно было услышать в доме, но через несколько минут на крыльце появилась худенькая, сгорбившаяся под тяжестью лет старушка. Подойдя ближе, она подняла ко мне свое сморщенное лицо, на котором горели очень молодые глаза, и тихо спросила:

— Что вам угодно, мсье?

— Я хотел бы встретиться с мадам Ирель, если это возможно и не очень затруднит ее.

Старушка колебалась.

— По какому поводу?

— Из-за ее племянницы.

— О! Боже мой!

Она прижала руку к груди.

— Надеюсь, по крайней мере ничего плохого? Понимаете, я ее вырастила.

Я подумал: если сейчас скажу, что Сесиль умерла, она упадет прямо у двери. Поэтому из жалости соврал:

— Нет, просто мне необходимы некоторые сведения для устройства на работу.

— А... Понятно...

Старое лицо осветилось доверчивой улыбкой, и мне стало стыдно.

— Входите, мсье, присаживайтесь. Я предупрежу мадам. Не угодно ли вам назвать свое имя?

— Мишель Феррьер.

Она слегка поклонилась и вышла, оставив меня одного в комнате, где я чувствовал себя столь же чужим, как первый астронавт на Луне. Я сел в кресло и ощутил запах увядания.

Вот где в течение долгих лет жила Сесиль Луазен. Теперь я понимал, почему ей хотелось сбежать. Детство, юность, девичество, проведенные среди старой мебели, в дряхлом доме с затхлой атмосферой, — есть от чего прийти в отчаяние.

Дверь гостиной бесшумно отворилась, и на пороге появилась пожилая женщина, платье и походка которой полностью соответствовали обстановке в комнате. Мадам Ирель явно перевалило за шестьдесят. Бледное лицо, шаль, окутывавшая плечи, прозрачные руки — все говорило о том, что она пережила свое время. Я бы ничуть не удивился, если бы она достала из кармана юбки бонбоньерку и предложила бы мне конфетки с просвирняком.

— Мсье Феррьер?

— К вашим услугам, мадам.

Голос у нее был тихий, какой-то фетровый.

— Прощу вас, садитесь. Я не очень хорошо поняла, что сказала моя старая служанка по поводу вашего визита.

— Мадам, я — инспектор одной из парижских фирм, предприятия по производству хозяйственных товаров. Мы набирали по объявлению служащих для работы в цехах и конторах.

— Должна ли я понимать, мсье, что моя племянница?..

— Мадемуазель Сесиль Луазен, не правда ли?

— Да.

— Она действительно прислала нам предложение, заинтересовавшее руководителя предприятия, и, поскольку я все равно был в этих краях...

— И она осмелилась! — скорей прошипела, чем произнесла мадам Ирель. — Даже не спросив моего мнения! Даже не предупредив меня! Удрала в Париж, ах, потаскуха!

— Позвольте, мадам...

— Нет! Вы ведь ничего не знаете! А еще говорят, что за добро всегда воздается добром! Не смешите меня! Неблагодарность, слышите! Нынешняя молодежь — воплощение неблагодарности! Подумать только, я взяла ее к себе, когда ей не было и пяти лет, моя бедная сестра и ее муж погибли в результате несчастного случая в горах... Ради этого ребенка я пожертвовала собственной жизнью. Мне хотелось воспитать женщину, которая сможет стать хорошей женой и матерью семейства, но порок у нее в крови... В возрасте шестнадцати лет ее выслали из монастыря, потому что она могла испортить одноклассниц. Тогда я наняла домашних учителей... Только один из них был удовлетворен ее успехами. Это Хюбер Вижо, учитель музыки, он считает себя артистом... — Она презрительно пожала плечами. — Какая жалость!.. Плевать я хотела на артистов! Настоящий бездельник, он даже не в состоянии обеспечить приличное существование жене и дочерям... Никчемный человек! Не удивляюсь, что они с Сесиль нашли общий язык! Они прямо-таки созданы друг для друга!

— Простите, мадам, но чему научилась ваша племянница?

— Вы имеете в виду, что она умеет делать?

— Совершенно верно!

— Так вот, мсье, к сожалению, должна вам сказать, что моя племянница ни одно дело не может довести до конца. А ведь я не жалела денег, чтобы дать ей образование! Музыка, живопись, шивание, Бог знает что!

— Не кажется ли вам, мадам, что в наше время этого недостаточно для жизни?

Она выпрямилась.

— Мсье, я получила именно такое образование и не понимаю, почему то, что было хорошо для меня, может оказаться плохо для моей племянницы? Нет, тут дело во всепоглощающей аморальности молодежи... Они ни во что не верят, ни на что не надеются... У них нет идеалов, нет религии, нет уважения!

Я изо всех сил сдерживался, чтобы не сказать ей все, что думаю о ней и ее тупости.

— С вашего позволения, мадам, я хотел бы передать вашей племяннице, что она не может рассчитывать на наш положительный ответ.

— Это невозможно!

— А?

Она резко выпрямилась.

— Эта стервочка оказалась настолько неблагодарной, что позавчера сбежала, оставив письмо, где пишет, что выбирает свободу и готова ради этого на любые жертвы!

— Она не сообщила вам, куда едет?

— Представьте себе! Она боялась, что я прибегну к помощи полиции, чтобы вернуть ее домой.

— К помощи полиции? Но, если верить анкетным данным, она совершеннолетняя.

— Ну и что? Лучше сразу скажите, что вы ее одобряете!

Больше сдерживаться я не мог.

— Совершенно верно, мадам, я ее одобряю.

— Что?

— Я понимаю, что она бежала от вашей чудовищной власти, вы — преступница, мадам, одна из тех преступниц, которые в угоду собственному эгоизму, глупости, тщеславию портят жизнь существам, воспитание и заботу о которых им доверили. Вы хотели воспитать племянницу так, как воспитали вас... но ни на мгновение не задумались, что жизнь изменилась, что вы делаете из нее несчастного человека, неспособного заработать себе на пропитание! Вам и в голову не пришло, что она может не захотеть вести тоскливую жизнь среди этого отвратительного окружения.

Она покраснела и, приоткрыв рот, слушала меня. Злость буквально парализовала ее, и она не могла проронить ни звука.

— Сесиль Луазен не сбежала, она спасалась, предпочитая что угодно жизни в болоте, которую вы ей уготовили!

— Уходите!

— С удовольствием, мадам!

— Я... я пожалуюсь на вас в полицию!

— Лучше подумайте о том, что полиция и вам может предъ-
явить счет!

— Агата!

Старая служанка, должно быть, подслушивала у двери, потому что сразу же вошла.

— Мадам?

— Выкинь этого типа вон!

Славная старушка с испугом посмотрела на меня.

— Вам нужно идти, мсье.

— Я следую за вами.

Прежде чем выйти из комнаты, я посмотрел на мадам Ирель, которая буквально поедала меня полными ненависти глазами.

— Не думаю, что вы садистка по натуре и вам нравится причинять страдания другим, но вы — дура, мадам, и ваша глупость безгранична...

— Мошенник! — взвела она. — Идите к ней, вы одного поля ягоды!

Я спустился по ступенькам, быстро пересек сад и, не дожидаясь Агаты, открыл калитку. Я уже шел по улице в направлении моста Пип, когда меня окликнули:

— Мсье!.. Мсье!..

Я оглянулся. За мной семенила старая служанка.

— Вы слишком быстро идете! Я хотела вам сказать... Я все слышала... Спасибо...

— Спасибо?

— Да, спасибо за меня и за Сесиль... Вы правы: мадам — чудовище! Она всегда думала только о себе, до других ей и дела нет... Если бы я не была так стара, то давно ушла бы от нее. Я оставалась только из-за малютки Сесиль... Вы думаете, она вернется?

— Нет, Агата, не думаю.

Она покачала головой.

— Без нее моя жизнь становится бессмысленной, но я ее понимаю. Она правильно сделала, что уехала, но нужно было предупредить меня... Она боялась, что я ее выдам... Славная девочка, но очень несчастная... Мадам говорила, что она бежала за мужчинами. Это ложь. Она гналась за счастьем, которого не могла найти дома. Если бы вы знали, как она была счастлива, когда думала, что сможет выйти замуж за Жоржа...

— Жоржа?

— Жоржа Бенака, хозяина «Серебряного барана» — магазина дамского готового платья на улице Пре... Я тоже думала, что свадьба будет, но потом все разладилось.

— Почему?

— Потому что старшая продавщица — мадемуазель Маргарита — решила женить патрона на себе. Она старше Сесиль, у нее большой опыт общения с мужчинами, и она уже много лет держит мсье Жоржа под каблуком. Моя мальшпка была в отчаянии, она так надеялась, что сможет сбежать от тетки... И после этого ей тоже не везло... Она предпринимала и другие попытки, столь же неудачные, но мне об этом не рассказывала... Вероятно, ей было стыдно... А теперь она уехала...

Старушка тихонько заплакала, мне было очень жаль ее, но правдой я мог лишь усугубить ее горе.

Измученный разговором со старой Агатой, я вернулся в отель. С одной стороны, нелепая, ограниченная тетка, ничего не желающая понимать, с другой — кормилица, готовая принять и простить все.

Поднявшись в номер, я сел в кресло и стал думать о том, каким же человеком была Сесиль. Мои мысли прервал телефонный звонок. Это был хозяин отеля, который сообщил, что внизу меня ждет какой-то господин.

— Он назвал свое имя?

— Похоже, мсье, что вы незнакомы, но у вас есть общие знакомые.

— А?... Хорошо, сейчас спущусь.

Я привел себя в порядок и отправился на встречу с незнакомцем, приход которого весьма меня заинтриговал.

Возле конторки администратора стоял высокий симпатичный молодой человек, отлично сложенный и напоминающий игрока в регби. Улыбаясь, он подошел ко мне.

— Мсье Феррьер?

— Да, но, кажется, я не имею удовольствия...

— Меня зовут Жак Сессье...

— Сессье... Где я мог слышать эту фамилию? Он сразу же пришел мне на помощь.

— Полагаю, Арлетта Шатенуа говорила вам обо мне?

Я вздрогнул.

— Ах, да!.. Вы...

— Офицер полиции.

— Вы пришли с официальным...

— Это не совсем точно, и только от вас, мсье Феррьер, зависит, чтобы наш разговор носил сугубо частный характер. Давайте присядем.

Я пригласил его в бар, и мы сели за столик, зажатый между стойкой и окном. Когда нас обслужили, я обратился к своему собеседнику:

— Слушаю вас.

— Мсье Феррьер, ваше поведение заинтриговало нас.

— Кого же именно?

— Нашу службу.

— И... почему же?

— Приехав в Сен-Клод, вы расспрашиваете всех о Сесиль Луазен.

— Верно. Но ничего предосудительного в этом не вижу.

— У мадемуазель Арлетты Шатенуа вы узнали домашний адрес мадам Ирель, тетки мадемуазель Луазен.

— Верно.

— Вы отправились к ней под видом представителя фирмы по производству хозяйственных товаров.

— Это ведь не так страшно?

— И все же... Вы обманным путем добились приема у мадам Ирель.

— Я назвал свою фамилию.

— К счастью для вас, мсье Феррьер... Но только, похоже, вы

очень некрасиво вели себя по отношению к этой старой даме... Вы оскорбили ее?

— Если правду вы считаете оскорблением, то готов признать, я действительно сказал ей, что она дура.

— Мы знаем, она позвонила в полицию и пожаловалась на вас. Но мы не обратили бы на это внимания, если бы ваше поведение, ваша манера действовать не заинтриговали бы нас.

— Честно говоря, не понимаю, в чем дело. Ведь никогда не считалось преступлением разыскивать девушку.

— При обычных обстоятельствах нет. Но все значительно усложняется, когда девушка становится жертвой убийства.

Я ничего не ответил. Ясно, почему мои действия встревожили полицию Сен-Клода.

— Значит, вы в курсе дела?

— Как и вы, хоть и из другого источника.

— Что вы имеете в виду?

— Мы в курсе дела потому, что нам сообщили, а вот вы...

— Что я?..

— Поскольку вам известно о смерти Сесиль Луазен, возможно, вы и убили ее?

— Вы действительно так думаете?

— Если бы я действительно так думал, мсье Феррьер, мы разговаривали бы в другом месте.

— Кто навел вас на эту мысль?

— Один из моих коллег в Уайонаксе.

Этим коллегой мой быть только Вириа.

— Я думал, смерть Сесиль Луазен будут держать в секрете.

— Это сложно, особенно по отношению к полиции города, из которого приехала жертва... Впрочем, еще несколько дней мы действительно хотим держать это дело в тайне... Мсье Феррьер, чего вы конкретно добиваетесь?

— Хочу понять, каким человеком была Сесиль.

— Зачем?

— Чтобы найти ее убийцу.

— Не разумней ли предоставить дело полиции, а самому вернуться в Уайонакс?

— Если только полиция не вынудит меня, я не последую вашему совету.

— Тем хуже.

— Это угроза, инспектор?

— Нет. Обычное предупреждение. Хорошенько подумайте, прежде чем что-либо предпринимать. Кстати, нас интересует еще один вопрос. Откуда вы узнали, что Альберту Морсен на самом деле зовут Сесиль Луазен?

Не дожидаясь моего ответа, Сессье вышел.

ГЛАВА 4

Прожив несколько дней в Сен-Клоде, я понял, что здесь все знают о смерти Сесиль Луазен, знают и имя ее убийцы, но, как члены одной большой семьи, не желающие выносить сор из избы,

объединились в молчании против чересчур любопытного чужестранца.

Однажды я увидел Сесье в районе Сен-Хюбер. Я не пытался избежать встречи.

— Ну что, инспектор, на меня больше никаких жалоб не поступало?

— Нет, и я очень рад за вас. Вы по-прежнему не хотите вернуться в Уайонакс?

— Я очарован вашим городом: на каждом шагу открываю для себя что-то новое и восхитительное.

Естественно, нам не удалось провести друг друга.

— Я и не думал, что вы приехали к нам как турист, мсье Феррьер!

— Успокойтесь, я не забыл о своих планах!

— Очень жаль... Было бы значительно лучше, если бы вы удовлетворились одними прогулками.

Я много раз проходил мимо «Серебряного барава», где хозяином был тот самый Жорж Бенак, о котором мне рассказала старуха Агата и в котором Сесиль полагала найти столь долгожданного спасителя. Если бы я хоть что-то знал о нем, то мог бы составить план действий в соответствии с его характером, но я не знал абсолютно ничего, а справки наводить боялся, чтобы не вызвать подозрений. Значит, придется вести игру, рассчитывая лишь на удачу.

Сердце мое бешено колотилось, когда я открыл дверь в «Серебряный баран».

Очаровательная продавщица с изумлением посмотрела на меня. Очевидно, в этот предназначенный для женщин магазин не часто входили мужчины. Две девушки, болтавшие в углу, резко замолчали, разглядывая меня. Придя в себя от изумления, продавщица подошла ко мне:

— Что вам угодно, мсье?

— Мсье Бенак здесь?

— Полагаю, да...

— Я хотел бы поговорить с ним.

Она повернулась к болтушкам.

— Мадемуазель Жермен, мсье хотел бы поговорить с мсье Бенаком.

Девушка подошла к нам.

— Если вы по поводу поставок, мсье, то я могла бы...

— Я по личному делу, мадемуазель, оно не имеет никакого отношения к торговле.

— В таком случае схожу узнаю. Назовите, пожалуйста, свое имя.

— Мишель Феррьер.

— Подождите несколько минут, пожалуйста.

Она ушла в глубь магазина, но вскоре снова появилась и, стоя на ступеньках, позвала:

— Идите сюда, мсье Бенак ждет вас.

Я поднялся по лестнице за мадемуазель Жермен, и через минуту мы оказались на площадке с несколькими дверями.

Мадемуазель толкнула дверь и посторонилась, пропуская меня. Я оказался в обставленном со вкусом кабинете. Из-за стола, уставленного всевозможными безделушками, поднялся мужчина.

— Вы хотели побеседовать со мной по личному делу, мсье? Человек, столь любезно говоривший со мной, худощавый блондин в очках, был одет очень элегантно, но скромно.

— Мсье Бенак, прошу простить... за столь необычный визит. Вы заинтриговали меня. Прошу вас, присядьте.

Мы сели, и я приступил к делу.

— Я слышал, вы хорошо знакомы с Сесиль Луазен.

Он вздрогнул.

— Но, мсье, не понимаю...

— Я веду следствие по делу Сесиль Луазен.

— Вы из полиции?

— Скажем, я помогаю полиции.

— Почему вы ведете следствие?

— Потому что мадемуазель Луазен ушла из дома своей тетки три или четыре дня назад, и никто не знает, где она.

— Вы работаете на мадам Ирель?

Я слегка поклонился, что вполне могло сойти за положительный ответ.

— Знаете, меня это не удивляет.

— Что вас не удивляет, мсье Бенак?

— Что Сесиль ушла.

— Правда?

— Она давно хотела удрать.

— Из Сен-Клода?

— Возможно. Но особенно из дома тетки.

— Я слышал, что... что вы встречались с мадемуазель Сесиль Луазен.

— Встречались — слишком громко сказано... Я не был ее любовником, если вас это интересует.

— Давайте условимся, мсье Бенак, я здесь не для того, чтобы осуждать ваше поведение, меня оно не касается. Просто, поскольку люди очень лестно отзываются о вас, я подумал, что вы лучше других сможете рассказать, каким человеком была Сесиль Луазен.

Похоже, мое объяснение польстило ему. Он расслабился и заговорил более фамильярно:

— Видите ли, мсье Феррьер, как и во многих провинциальных городах, духовным личностям в Сен-Клоде тяжело живется. Так вот, к несчастью, духовное привлекает меня значительно больше, чем материальное. Если бы не магазин, доставшийся мне в наследство от родителей, я уехал бы в Париж. Особенно после того, как был удостоен премии «Флоро де Тулуз».

— Значит, вы поэт? Меня это не удивляет. Переступив порог вашего кабинета, я сразу же понял, что его оставил человек, который заботится не только о продаже платьев, хотя и эти заботы вполне достойны уважения.

Бенак проглотил наживку, дело шло как по маслу.

— Я счастлив, мсье Феррьер, что у вас сложилось такое впечатление. Кстати, где вы остановились?

— В «Отель Жоли».

— В Мартине? Но вы не успеете вернуться туда к обеду. Может, согласитесь отобедать со мной и моей женой?

— Я не ожидал такой любезности, мсье Бенак. Не знаю, смогу ли принять...

Он снял трубку и набрал номер.

— Алло? Дорогая? Это я... У меня в кабинете сидит один человек, я хотел бы познакомить тебя с ним. Как ты думаешь, могу я пригласить его пообедать с нами?.. Конечно, я предупреждаю тебя в последний момент, но мсье Феррьер знает, что особых разносолов не будет... Да, да, все самое простое... Отлично. В половине первого, договорились... Целую тебя, дорогая.

Он с торжествующим видом положил трубку.

— Ну вот, вопрос улажен... А теперь давайте поговорим о цели вашего визита. Я познакомился с Сесиль Луазен два года тому назад самым банальным образом. Она пришла сюда, желая устроиться в магазин продавщицей. В те времена старшим продавцом была мадемуазель Маргарита, женщина весьма здравомыслящая. Сесиль ей сразу же не понравилась, так как была полной ее противоположностью. Через несколько дней после того, как она поступила на работу, мы остались наедине под предлогом переучета. Под тем же предлогом я увел ее в свой кабинет и стал читать ей стихи. Кажется, в тот вечер мы впервые поцеловались. Поверьте мне, мсье Феррьер, Сесиль была изумительным созданием: тонкая, чувствительная, сама свежесть и изящество... Она рассказала о своей тоскливой жизни у мадам Ирель, а я ей — о своем одиночестве.

— Короче говоря, вы нашли родственную душу.

— Я искренне верю в это, мсье Феррьер. Мы часто гуляли вместе, рискуя попасться на язык сплетницам... К несчастью, мадемуазель Маргарита возненавидела Сесиль, а мадемуазель Маргарита была мне необходима, чтобы дела в магазине шли нормально...

— И долго это продолжалось?

— Несколько месяцев.

— Почему вы расстались?

— Боюсь, вы плохо обо мне подумаете, но никакого желания жениться у меня не было... И потом, у Сесиль не было приданого. Когда я сказал ей, что не собираюсь жениться, она заплакала. Я был так потрясен, что два дня пролежал в постели.

— А что стало с мадемуазель Луазен?

— Точно не знаю... Мы с ней долгое время не встречались. Должно быть, она старалась не ходить по улице Пре. Думаю, она действительно меня любила, но я понял это слишком поздно.

— Слишком поздно?

— Да... Я женился.

Некоторое время мы молчали. Потом Бенак глухо продолжил:

— Мсье Феррьер... я совершил страшную ошибку, не женившись на Сесиль Луазен. Нет, у меня хорошая жена, но... она чувствует совсем не так, как Сесиль... Возможно, я зарабатывал

бы меньше денег... Может быть, вообще продал бы «Серебряного барана», но я бы жил! Понимаете? Я бы жил!

Его голос задрожал.

— Я желаю Сесиль счастья, она его заслуживает... Хрупкая девочка, не созданная для нашего сурового, безжалостного мира... Вот и все, что я могу рассказать о ней, а теперь, если не возражаете, идемте обедать.

Бенак жил неподалеку от магазина в симпатичном домике на улице Жанвье. Открыв дверь, он громко сказал:

— Вот и мы, дорогая...

Хозяин пригласил меня в гостиную, обставленную с большим вкусом, вскоре туда вошла молодая высокая женщина. У нее была мужская походка, грубые черты лица, волосы затянуты на затылке. В ее присутствии Жорж Бенак стал похож на лиценста, опасавшегося получить взбучку. Я подумал, что он уже жалеет о приглашении на обед.

— Маргарита... Позволь представить тебе мсье Феррье.

Я поклонился. Итак, передо мной была Маргарита, разбившая надежды Сесиль, потому что Жорж был ее имущественным добычей, и она вовсе не собиралась уступать его какой-то «интриганке».

Мадам Бенак старалась быть со мной максимально любезной, но, похоже, любезность не значилась в списке ее достоинств. Во время обеда мы обменивались бесполезными и банальными репликами, из которых обычно и состоит беседа незнакомых людей. Я спрашивал себя, сколько еще времени пройдет, прежде чем Маргарита спросит, зачем я приехал в Сен-Клод. Это произошло в тот момент, когда Бенак разрезал мясо.

— Вы впервые в Сен-Клоде?

— Впервые, мадам, — уверенно соврал я, — и признаюсь, очарован красотой города и любезностью его жителей.

— Представьте себе, мсье Феррьер, муж никогда не рассказывал мне о вас.

Начинался серьезный разговор. Краем глаза я перехватил смущенный взгляд Бенака.

— Все очень просто, мадам. Еще два часа тому назад ваш муж и не догадывался о моем существовании.

Она вздрогнула, лицо ее стало хмурым, и она пристально взглянула на мужа.

— Ну и ну! Прошу простить мое изумление, но я не привыкла к тому, чтобы у Жоржа столь быстро появлялась симпатия к людям...

Бенак выглядел жадно, объясняя, что пригласил меня пообедать, иначе мне пришлось бы возвращаться в Мартине, где я остановился.

— Ты правильно поступил, — одобрила мадам Бенак и обратилась ко мне: — Вы являетесь представителем ткацкой фабрики или фабрики готового платья, мсье Феррьер?

— Ни то, ни другое, мадам... Я являюсь представителем фабрики по производству скобяных изделий, мы собираемся открыть филиал недалеко от Лиона.

Мадам Бенак недоверчиво посмотрела на меня.

— Какое отношение к скобяным товарам имеет Жорж?

— Никакого, мадам, никакого. Но мои хозяева поручили навести справки о людях, которые предложили нам свои услуги. Мы хотим набрать персонал, которому можно было бы полностью доверять.

Я нисколько не заботился о том, что подумает Бенак, слушая, как я вру его жене. В любом случае он должен быть доволен, что я представил удобоваримое объяснение, не впутывая в это дело его. Но Маргарита была не из тех женщин, которые останавливаются на полпути.

— Могу ли я спросить, мсье, какое отношение к моему мужу имеет ваша работа?

— Дело в том, мадам, что среди многочисленных претендентов из Сен-Клода была одна, имевшая рекомендацию из вашего магазина, где она раньше работала. Вот я и позволил себе побеспокоить мсье Бенака. Мне посчастливилось познакомиться с очень милым человеком и, конечно же, с вами, мадам.

Не обращая внимания на лесть, Маргарита продолжала интересоваться подробностями.

— Я полагаю, вы могли бы мне сказать, о ком именно идет речь.

— Конечно, мадам...

Я сделал вид, будто вспоминаю.

— Мадемуазель Клотильда... нет, Сесиль...

— Сесиль Луазен, — вскрикнула она.

— Да, верно, Сесиль Луазен.

— Ну и ну! Наглости этой стервочке не занимать! Ссылаться на рекомендацию фирмы, из которой ее выгнали!

— Ты преувеличиваешь, Маргарита, — мягко возразил Жорж, — я ее не...

— Замолчи! Не напоминай мне о своей позорной слабости к этой бесстыжей!

Я бросил Бенака на произвол судьбы.

— Не волнуйтесь, мадам.

— Бог свидетель, я вовсе не хочу мешать кому бы то ни было честно зарабатывать себе на жизнь, но вы наш гость, и я считаю, что не выполню своего долга хозяйки, если позволю вам отнестись с доверием к человеку, который этого доверия абсолютно не заслуживает! Мы с мужем дорого заплатили за знакомство с изворотливой душой Сесиль Луазен! Я удивлена, что Жорж не рассказал вам всей правды об этой девушке!

Вышеупомянутый Жорж не знал, как держаться. Он ерзал на стуле, открывая рот, как рыба, вытщенная из воды, пытался что-то сказать, но не мог проронить ни звука. Его пальцы нервно скручивали шарики из хлебных крошек. Я же безжалостно бередил его рану.

— Мсье Бенак сказал мне, что эта девушка больше мечтала, чем занималась своей работой.

Маргарита буквально визжала от гнева.

— Старая песенка! Женщины-девочки! Хрупкие куколочки! Им читают стихи, в которых они ничего не понимают, но делают

вид, что в восторге, льстят самолюбию глупцов! К счастью, есть люди, которые помогают прозреть добровольным слепцам!

— Если я правильно понял, мадам, вы не советуете мне принимать на работу Сесиль Луазен?

— Категорически! Естественно, если вы не хотите с самого начала ввести в свою группу разлагающий элемент.

— Конечно, нет.

— В таком случае, мсье, благодарите моего мужа за то, что он пригласил вас отобедать с нами, иначе вы могли бы совершить большую глупость... Сесиль Луазен — воплощение нынешней молодежи, которая не останавливается ни перед чем, чтобы достигнуть цели...

Я испуганно смотрел на нее. Маргарита с циничной откровенностью описывала себя самое, но, похоже, и не подозревала об этом.

— ...Она осмелилась притворяться, что влюблена в моего мужа! Если бы меня не оказалось рядом, он стал бы жертвой ее происков! Послушать ее, так она любила только Жоржа, но не прошло и недели, как ее вышвырнули из «Серебряного барана», и она уже висла на шее этого придурка Гастона де Ланкранка, который разводит черно-бурых лис в Куарьере.

Жорж хотел было возразить.

— Маргарита, ты утверждаешь...

— Ты просто ревнуешь, дурачок! Я знаю, о чем говорю, твоя Сесиль всегда была обыкновенной шлюхой!

Доев сыр и десерт, мы с Жоржем по молчаливому соглашению решили выпить кофе где-нибудь в другом месте.

Мы молча шли по улице. Жорж первым решил заговорить.

— Теперь вы понимаете, почему я сожалею о том, что не женился на Сесиль?

— У мадам Бенак, без сомнения, масса достоинств...

— ...которые мешают жить тем, кто вынужден оставаться с ней рядом.

— Кстати, она сказала правду об этом Гастоне?

— Сесиль действительно видели в обществе Ланкранка, я хорошо его знаю... Славный парень, хотя и не очень умный.

— Богатый?

— Не особенно. Но они с Сесиль только дружили.

— Мсье Бенак, слушая вас, можно подумать, что вы все еще влюблены в Сесиль Луазен.

— Это так, мсье Феррьер.

— А вы... вы встречались после свадьбы?

— Да. Мы встречались в других городах. Я ездил туда якобы в командировки.

— В Уайонакс, например.

Мы медленно пошли дальше.

— Мсье Бенак, я склонен верить скорее вам, чем вашей жене, которая, кажется, из ревности...

— Чудовищной ревности!

— В случае, если она узнает...

— Мне это совершенно безразлично!

— Мсье Бенак, вам никогда не хотелось удрать с Сесиль Луазен?

— Да... Именно поэтому я был так взволнован, когда вы рассказали мне об ее исчезновении... Жить, не встречаясь с ней, выше моих сил!

Говорил ли он искренне?

ГЛАВА 5

Я встал поздно, с сильной головной болью и подумал о том, что меня ждет еще один приступ. Я пытался успокоить себя мыслью, что головная боль — только следствие плохо проведенной ночи и на свежем воздухе она быстро пройдет.

Уже по привычке я быстрым шагом прошел четыре километра, отделяющие Мартине от Сен-Клода, и, когда показались первые домики города, почувствовал себя значительно лучше.

Войдя в ресторан, где обычно обедал, и сев за столик, я приступил к цыпленку с креветками, но тут официантка сказала:

— Сюда, пожалуйста, мсье, тут свободное место.

Она поставила на мой столик еще один прибор. Подняв голову, я увидел офицера полиции Оноре Вириа.

— Вы?!

Он улыбнулся.

— Я мог бы сказать то же самое, мсье.

— Но не столь искренне. Вы ведь уже давно следите за мной.

— Можете не поверить, но я не знал, что вы здесь, и вовсе не ожидал, что мне предложат место за вашим столиком.

Он заказал закуску. Но мне есть уже не хотелось.

— Инспектор...

— Да?

— Это Сандрей послал вас сюда?

— В некотором роде... скажем так, он одобрил мое предложение.

Вириа произнес это таким тоном, что я понял: его враждебность по отношению ко мне не прошла.

— Но ведь Сен-Клод находится вне вашей компетенции, и вы не можете вести здесь расследование.

— А кто вам сказал, что я веду расследование?

— Вы смеетесь надо мной?

— Нет, мсье Феррьер, нет... Вы сегодня почему-то очень нервничаете.

— Состояние моих нервов касается только меня.

— Но не в том случае, когда вы замешаны в убийстве. Не будем больше об этом. Как продвигается ваше следствие?

Охваченный внезапным доверием, я рассказал ему о своих беседах с жителями Сен-Клода и о том, что отчаялся составить мнение о жертве.

Вириа улыбнулся.

— Вы романтик, мсье Феррьер, и рассматриваете преступление как своего рода искусство... считаете, что его можно распутать лишь психологическими методами. Поверьте, убийство —

значительно более простое дело и в основе его всегда лежит страх... Кто-то очень боялся Сесиль Луазен.

— Люди, с которыми я говорил, вполне могли бояться.

— Но не до такой степени, чтобы убить. Мадам Бенак знает: что бы ни случилось, ее муж никуда не уйдет... Чтобы убить, мсье Феррьер, нужна энергия... А чтобы задушить, нужно обладать большим хладнокровием...

— Значит, вы советуете мне прекратить расследование?

— Нет-нет... Продолжайте, если вам хочется. Когда человек целиком и полностью отдается какому-то делу, нельзя утверждать, что он попусту теряет время.

Я сказал ему, что ко мне приходил один из его сен-клюдских коллег.

— Знаю... Но могу заверить, что, пока вы не совершили ничего противозаконного, вас не будут трогать. Мсье Сандрей специально просил об этом. Вы не мешаете полиции, мсье Феррьер. И, чтобы вы испытывали по отношению ко мне чуть меньше неприязни, добавлю, что нахожусь в Сен-Клоде лишь для того, чтобы снять с вас подозрение. Мы с комиссаром Сандреем счастливы, что о вас перестали говорить. Так вот, постарайтесь облегчить нашу задачу и не вступать в конфликт с местной полицией.

Славный Пьер... Ему, должно быть, пришлось провести неприятные часы. Хотел бы я знать, поверил ли он хоть на миг в мою виновность. Не думаю, он давно знает меня и понимает: человек, у которого в голове засел кусок свинца, не может думать о любви...

Если у Луизы не хватило смелости жить со мной, я не имел права предлагать даже самой жалкой из женщин стать моей женой. Но меня удивляло, что Вирна придерживается того же мнения, что и Пьер, и в конце концов стал доверять мне. Возможно, я просто слишком плохо думал о нем.

Я взял такси и отправился в горы, в Куайрьер, где без труда нашел ферму по выращиванию черно-бурых лис, принадлежавшую Гастону де Ланкранку. Здания огромной фермы, которую при большом желании можно было назвать и дворцом, были расположены на склонах. Попросив водителя подождать, я стал подниматься в гору. Чем ближе я подходил к ферме, тем отчетливее слышался лай лисиц, а их резкий запах неприятно щекотал ноздри. Сарайчики, в которых жили животные, находились на опушке леса, покрывавшего склон. Во двор фермы можно было войти через красивые ворота. Часть двора занимал низкий дом, в котором, судя по всему, жил хозяин. Я увидел человека, катившего тачку с навозом.

— Здравствуйте...

— Привет...

— Я нахожусь на ферме мсье Ланкранка?

— Да.

— Он здесь?

— Кто?

— Мсье Ланкранк... черт возьми!

Парень снял кепку и стал с наслаждением почесывать голову. Мне показалось, что он забыл о моем вопросе.

— Ну?

— Что «ну»?

— Я спросил, здесь ли мсье Ланкранк.

— Который?

— Как это который?

Мой собеседник огорченно пожал плечами.

— Мсье Альфонс или мсье Гастон?

— Я незнаком с мсье Альфонсом. Кто это?

— Отец. Значит, вы с ним незнакомы?

— Нет.

— Жаль...

— Почему?

— Потому что дома только он.

Сказав это, он, вероятно, счел, что и так уже потерял слишком много времени, и, поплевав на руки, снова взялся за тачку. За неимением сына я решил побеседовать с отцом и постучал в окошко на открытой двери. Через минуту на пороге показалась женщина в голубом фартуке.

— Что вам угодно?

Похоже, прислуга мсье Ланкранка не отличалась особой любовью.

— Я хотел бы поговорить с мсье Ланкранком.

— С мсье Альфонсом?

— Да, потому что мсье Гастона нет.

— О! Этот...

Уважением прислуги наследник явно не пользовался.

— Подождите, пойду узнаю.

Нисколько не церемонясь, она оставила меня на дворе и ушла. Я осмотрелся. То ли не хватало денег, то ли было мало прислуги, но ферма господ Ланкранков выглядела не особенно привлекательно. Я плохо представлял Сесиль Луазен в этой обстановке.

— Эй, вы! — окликнула меня женщина.

— Ну?

— Мсье Ланкранк согласился вас принять. Идите за мной!

Пройдя две или три комнаты, назначение которых определить не удалось, я оказался в кабинете хозяина. Меня ждал настоящий гигант. Ему было более шестидесяти пяти лет, и он производил впечатление человека, только что приехавшего из английской деревни второй половины девятнадцатого века. Кирпично-красное лицо обрамляли седые бакенбарды. На мсье Ланкранке были сапоги, штаны для поездок верхом и рубашка без рукавов в крупную клетку.

— Это вы хотели меня видеть?

— Да.

— Странная мысль. Вы что, интересуетесь черно-бурыми лицами?

— Нет, я хотел поговорить с вашим сыном.

— Вы приятель придурка Гастона?

— Ни разу с ним не встречался.

— Уже лучше! Потому что друзей моего сына я привык

No 4 ↑

No 3 ↑

выбрасывать за дверь пинком под зад! Но вы заинтриговали меня... Как вас зовут?

— Феррьер. Мишель Феррьер.

— Вы из Сен-Клода?

— Нет.

— Ага... Выпьете стаканчик?

— С удовольствием.

Он достал графин с бесцветной жидкостью, разлил ее по стаканам и предложил чокнуться. Он осушил свой стакан одним глотком. Из вежливости я последовал его примеру... Я думал, что сейчас лопну. Пот стекал по вискам, лицо горело, я едва перевел дух. Хозяин расхохотался.

— Крепкий? Его готовят специально для меня.

— Не сомневаюсь: немногие способны пить это.

— Народ измелчал. Ну что ж, рассказывайте свою историю.

— По правде говоря, мсье, боюсь, что моя, как вы говорите, история скорее касается вашего сына.

— А?... Что еще натворил этот негодяй? Никому не пожелаю иметь такого выродка! Вы женаты?

— Нет!

— В таком случае вы рискуете меньше... Подумать только, сколько у меня отличных детей по всему свету, нужно же было испортить того, что родила мне покойная жена...

Я ничего не понимал. Невероятно, чтобы Сесиль влюбилась в калеку. Но мой собеседник вскоре поведал, в чем заключалась «увечность» его выродка.

— Представьте себе, вместо того чтобы интересоваться черно-бурыми лисами, Гастон занимается только регби! Ничего, кроме вытянутого мяча, не имеет для него значения! Еще стаканчик?

— Нет, спасибо.

Хозяин тяжело вздохнул. Не знаю, сожалел он о сыне, неспособном увлечься черно-бурыми лисами, или о госте, не оценившем напиток, который гнали специально для него.

— Ну так что, мсье Феррьер, вы будете наконец говорить?

Я снова пересказал байку о пропавшей Сесиль, о следствии, которое я веду, о необходимости узнать как можно больше о ее привычках, чтобы попытаться угадать, куда она могла сбежать.

— Сесиль Луазен?... Не помню... Ах нет, подождите... Это такая маленькая блондинка, в ней не более сорока пяти килограммов? Незаметная? Банальная? В общем, из тех хлипких куколок, что сейчас в моде.

— Ей-богу...

— Да-да, вспомнил... Некоторое время она вертелась около моего сына, а может, это мой сын вертелся вокруг нее... Помню, однажды, в воскресенье утром, он привез ее сюда... Она даже поела с нами... У нее совсем нет аппетита... Настоящая птичка! И потом, подумать только, ее раздражал запах лис! Короче говоря, Гастон взял ее с собой на матч, и больше я ничего о ней не слышал... Так, говорите, она удрала?

— Похоже.

— Какое это имеет значение? Ну, а если вам совершенно необходимо выслушать мнение Гастона, то вы можете найти его

на стадионе Серж. Накануне матча он практически все время проводит там.

— Я хотел бы поговорить с мсье Гастоном Ланкранком. Вы не знаете, он там? — обратился я к сторожу на стадионе Серж.

— Еще бы! Он всегда приезжает первым и уезжает последним! Этот человек по-настоящему предан нашей команде! Если бы все были такими, как он! Пойду скажу ему. Вы кто?

— Он меня не знает. Меня прислал его отец.

— Хорошо... Извините, вынужден оставить вас здесь, такие правила, понимаете?

Издали я увидел, как сторож подошел к группе мужчин и поговорил с одним из них. Потом вернулся ко мне.

— Мсье Ланкранк просит вас немного подождать. Они скоро закончат.

Действительно, минут через пять люди ушли с поля и остановились в нескольких метрах от меня. Потом каждый подошел к своей машине, и только один продолжал стоять, махая рукой разъезжавшимся друзьям. Когда все машины уехали, Гастон де Ланкранк подошел ко мне. Красивый парень и вовсе не придуток, как называл его отец.

— Извините, что заставил вас ждать.

— Ничего... Ваш отец рассказал, где я смогу вас найти.

— Вы говорили с моим отцом?

— Примерно полчаса назад.

Он рассмеялся.

— Представляю, какими словами он описал своего сына!

— Похоже, он не особенно одобряет ваше пристрастие к регби?

— Конечно, он предпочел бы, чтобы я разделял его пристрастие к напитку, «который гонят специально для него». Но вряд ли вы приехали сюда, чтобы говорить о регби или о черно-бурых лисах.

— Нет. Я приехал, чтобы поговорить с вами о Сесиль Луазен.

— О Сесиль Луазен? Довольно странно.

Гастон слушал меня очень внимательно. Он не производил впечатление интеллектуала, но был славным парнем. Когда я закончил, он сказал:

— Меня это не удивляет...

— Правда?

— Она была не такая, как все.

— В чем?

— Трудно объяснить... Она не смеялась, не развлекалась, всегда была чем-то озабочена... словно стремилась к какой-то цели и не имела права ни на минуту отступить от нее...

Не таким уж наивным оказался это Ланкранк.

— Мне кажется, она нашла средство для достижения своей цели и удрала, никого не предупредив. Что бы вы хотели услышать от меня, мсье..?

— Феррьер. Я веду дело об исчезновении Сесиль.

— Вы из полиции?

— Отнюдь.

— Частный детектив? Не знаю, чем могу быть вам полезен.

— Каким образом вы познакомились с Сесиль Луазен?

— В «Кафе Америкен». Я часто захожу туда после матча... Она мне понравилась... Мы встречались несколько раз...

— Просто флирт или нечто более серьезное?

— С ее стороны, конечно. После пятой или шестой встречи она просила, чтобы я отвез ее в Куайрьер и познакомил с отцом. Не думаю, что они понравились друг другу, тем более что Сесиль никогда не согласилась бы жить с нами в горах на те скудные средства, которыми мы располагаем.

— Она говорила с вами о свадьбе?

— Да... Я бы даже сказал: поставила условие.

— Но ведь вы только что сказали, что ей не понравилось в Куайрьере.

— Она хотела, чтобы мы продали ферму и уехали... — Он рассмеялся. — Малышка отлично знала, чего хочет.

— И... вы не согласились.

— Не совсем так... Видите ли, мсье Феррьер, вообще-то Сесиль мне нравилась... и мне хотелось бы стать ее мужем и избавиться от лисиц, которых я ненавижу.

— Так в чем же дело?

— Нас разделяло нечто весьма серьезное, поэтому я не мог просить ее стать моей женой.

— Что же?

— Она не любила регби.

Я взглянул на него. Он говорил вполне искренне.

— И вы расстались... без скандала?

— Не стоило затевать его.

— Была ли Сесиль огорчена вашим отказом?

— Мне хотелось бы дать вам положительный ответ, но ровно через две недели я встретил ее в обществе Франсуа Лалоба, владельца авторемонтной мастерской в Моне де Сен-Блеа.

ГЛАВА 6

— Мсье Франсуа Лалоб?

Человек, изучавший двигатель автомобиля, выпрямился и повернулся ко мне.

— Да. Чем могу служить?

Невысокий толстячок, должно быть, когда не возится с полуманьями машинами, проводит время, рассказывая анекдоты. Он был буквально воплощением жизнелюбия, но жизнелюбия, заключенного в рамки материального благополучия. Таких людей любят в компании, потому что у них всегда наготове какой-нибудь веселый анекдот.

— Весьма деликатное дело.

— Деликатное?

— Я хотел бы поговорить с вами о Сесиль Луазен...

— Seriously? Что же произошло с малюткой?

— Она исчезла.

Он добродушно расхохотался.

— Исчезла? Ну вы и скажете, старина! Должно быть, удрала с каким-нибудь парнем... Она только об этом и мечтала.

— Боюсь, тут все значительно серьезнее, мсье Лалоб.

Он нахмурился.

— Да?.. Но почему вы пришли ко мне?

— Вы ведь хорошо знали ее?

— О! Вы несколько преувеличиваете... Я не спал с ней, если вы это имеете в виду... Но сначала скажите: какое отношение к этому имеете вы, дружище?

— Ее родственники волнуются и...

— Ее родственники? — оборвал он меня. — Старая сова мамаша Ирель? Волнуется о судьбе племянницы? Расскажите кому-нибудь другому!

— Но она платит мне, чтобы я попытался узнать, что стало с девушкой.

— Вы меня просто огорошили! Как вас зовут?

— Мишель Феррьер.

— Мы с вами раньше не встречались?

— Я приехал из Лиона.

— Скажите, пожалуйста, старуха решила на такие расходы! Но я все равно не понимаю, почему вы пришли с этой историей ко мне. Может, думаете, что малышка Сесиль прячется у меня?

— Конечно, нет!.. Но я видел девушку только на фотографии. Так что с информацией у меня негусто... Поэтому я опрашиваю всех, с кем она встречалась, и пытаюсь нарисовать себе более четкий ее портрет.

— Тяжелая работенка... Не хотел бы я быть на вашем месте...

Он вытер руки тряпкой.

— Мы ведь не станем говорить об этом стоя? Идемте в дом, жена нальет нам по стаканчику.

— Вы полагаете, мсье Лалоб, что ваши отношения с Сесиль Луазен — тема, которую можно обсуждать в присутствии жены?

— Марии-Жозефы? Да ей на это плевать! Идемте, не ломайтесь!

Дом, в котором жил Лалоб, примыкал к гаражу. Он ввел меня в гостиную, обставленную довольно безвкусно.

Не успели мы сесть, как вошла мадам Лалоб. С первого взгляда становилось ясно, что именно о такой жене и мог мечтать Франсуа. Кругленькая пышка тридцати пяти лет. Импозантная фигура, грудь, как на картинах мастеров начала века, и две отличные щеки, почти не оставившие места для короткого носа и скорее живых, чем красивых глаз.

— А вот и моя жена, Мария-Жозефа Лалоб, — весело объявил Франсуа Лалоб.

Я встал, чтобы поприветствовать хозяйку, но хозяин снова усадил меня.

— Мы не особенно следим за этикетом. Дай-ка нам белого вина, толстуха!

Мадам Лалоб улыбнулась и спросила:

— Я и себе налью?

— Конечно!

Франсуа, не сдержавшись, громко хлопнул супругу по заднице, а она заурчала от удовольствия. Поистине, семья без

комплексов. Когда жена вышла из комнаты, Лалоб счел необходимым добавить:

— На свете нет никого лучше моей толстухи... Не знаю, что бы со мной было, если бы не она: у меня деньги буквально текут сквозь пальцы... Друзья, девушки, пирушки... К концу года остается совсем негусто. К счастью, Мария-Жозефа каждый месяц старается хоть немного откладывать, чтобы нам было на что жить в старости. Такие женщины на дороге не валяются. Конечно, для секс-бомбы она немного толстовата, но ведь это не так уж и важно, правда? Развлечения — дело преходящее... Вы женаты?

— Нет.

— Сколько вам лет?

— Сорок пять.

— Ну, дружище, пора жениться, иначе вам скоро придется искать невесту в доме для престарелых. Шучу, шучу, но вам надо поторопиться. Некоторое время приятно жить холостяком, но... Если решитесь, желаю вам найти такую же, как моя...

Этот Лалоб начинал выводить меня из себя.

— Могу я задать вам один нескромный вопрос? Если мадам Лалоб обладает таким количеством добродетелей, в чем я, конечно, не сомневаюсь, почему же вы интересуетесь другими женщинами?

Похоже, мой вопрос сильно позабавил хозяина, и, поскольку в этот момент в комнату вошла его жена с подносом, на котором стояли бутылка и три стакана, он призвал ее в свидетельницы:

— Знаешь, что он тут болтает?

— Я не подслушивала под дверью.

— Он упрекает меня за то, что я бегаю за другими юбками, хотя мне посчастливилось обладать тобой.

— Я хорошо его знаю, приятель. Он неисправим. Так зачем же устраивать сцены? Я спокойно переношу свои неприятности, зная, что в любом случае он вернется ко мне... И потом, должна вам сказать, он нравится женщинам. Они без ума от него... Но только не воображайте, что это заходит слишком далеко... Я крепко держу поводья. И, если вижу, что его занесло на опасную дорожку, сразу же натягиваю их. Он брыкается, но слушается.

Я одобрил философию мадам Лалоб, а ее муж спросил меня:

— Она неглупа, моя толстуха? погоди, дай я тебя поцелую! — Нисколько не стесняясь, хозяин встал и поцеловал жену в толстые щеки, затем продолжил: — Мсье Феррьер пришел сюда, чтобы поговорить со мной о Сесиль Луазен.

— О той блондиночке, что хотела тебя похитить?

— Совершенно верно.

— Она хотела похитить вас? — вмешался я.

— Мария-Жозефа несколько преувеличивает.

— Я преувеличиваю? Но, если бы меня не оказалось рядом, тебя бы ловко обвели вокруг пальца. А почему вы интересуетесь этой девчонкой, мсье Феррьер?

— Она исчезла.

— Это серьезно?

— Боюсь, что да.

— Бедная малышка... Ты знаешь что-нибудь, что могло бы помочь мсье Феррьеру, Франсуа?

— Ей-богу, не знаю... не представляю... Вы сказали, что это может быть очень серьезно?

— Серьезно, как и всегда, когда кто-нибудь бесследно исчезает.

— А, понятно. Вы нагнали на меня страху! Я уж подумал, что она покончила с собой... Это бы сильно меня удивило!

Почему он выглядит таким взволнованным? Не смеются ли они надо мной? Может быть, я просто попался на удочку двух хитрецов, разыгрывающих наивных простаков? По какой причине Лалоб подумал о самоубийстве? Если он на самом деле такой, каким хочет казаться, то есть эгоист, пользующийся всеми благами жизни, почему вдруг такое волнение? Атмосфера в комнате менялась прямо на глазах.

— Я вас слушаю.

— Должен вам сказать, мсье Феррьер, что я, как и все жители Сен-Клода, очень горжусь нашей командой по регби. И всякий раз, когда она играет на своем поле или где-нибудь поблизости, хожу на матчи. Мы как раз разбили команду из Вульта, и я встретил одного знакомого парня... Ланкранка, Гастона де Ланкранка, он вроде бы из дворян, но не кривляка. Занимается выращиванием черно-бурых лис в Куайрьере... Наши машины чуть не столкнулись, но мы оба были так счастливы, что даже не стали ругаться. Наоборот, выпили вместе по стаканчику, и он познакомил меня со своей подружкой. Это была Сесиль Луазен. Вот как все произошло.

— Что?

— Что... что?

— Вы сказали, что так все произошло, а я вас спрашиваю, что именно произошло.

— Ну вот, мы с Сесиль познакомились, и я стал пудрить ей мозги.

Мария-Жозефа буквально урчала от восторга.

— Мой Франсуа — просто ужас! Ни одна девушка перед ним не устоит!

— Вы часто встречались с Сесиль?

— То тут пропустим по стаканчику, то там... но чисто дружески. Несколько раз гуляли вместе... Иногда целовались... Но, можете мне поверить, между нами не было ничего серьезного.

— А почему вы перестали встречаться?

— Она чересчур настойчиво интересовалась моими доходами.

— И несколько охладела, когда узнала, что мастерская принадлежит мне, — дополнила объяснение мужа мадам Лалоб. — Все они одинаковы. Когда узнают, что у моего Франсуа нет ничего, кроме прекрасных глаз, начинают находить его значительно менее соблазнительным, не так ли, толстяк?

Я перехватил взгляд, полный ненависти, который Лалоб бросил на свою сундугу. Значит, хозяйкой была Мария-Жозефа...

Этот факт прояснял многие вещи, в том числе и странное поведение супругов. Он зависел от нее.

— Тебе не следовало говорить об этом,— проворчал муж.

— Лучше расставить все точки над «i».

Франсуа в ярости стукнул кулаком по столу.

— Может быть, ты заткнешься? Какое кому дело до наших отношений? Он пришел сюда, чтобы поговорить о Сесиль Луазен, а не о нас.

Я попытался успокоить их.

— Да, давайте поговорим о Сесиль Луазен. Что бы вы сказали, мсье Лалоб, если бы я попросил вас высказать мнение о Сесиль?

— Славная девушка, всегда готовая посмеяться. Конечно, она думала о своей выгоде, но ведь это нормально, не так ли? И, поскольку я ей нравился... она хотела, чтобы мы жили вместе... Но только я не могу жить, как все. Я связан, понимаете? Связан! И все из-за денег мадам!

Куда подевался веселый Лалоб, оптимистично смотрящий на жизнь? Куда подевалась сговорчивая, добродушная толстуха? Передо мной были ненавидящие друг друга мужчина и женщина. Он не мог уйти, потому что у него не было ни гроша; она не хотела его выпогнать, потому что боялась остаться одна.

— Ты был очень рад, когда получил мои деньги, а?

— Ну и что? Считаешь, я не заслуживаю денег за то, что живу с таким чудовищем, как ты?

— С чудовищем, которое тебя содержит!

— Слушай, Мария-Жозефа, мне все надоело! В один прекрасный день я соберу чемодан и сбегу!

— С чем? — хмыкнула она. — У тебя и рубашки своей нет!

Это замечание, должно быть, окончательно вывело его из себя, и он залепил жене пощечину, а она в ответ швырнула ему в лицо стакан. Я вовсе не хотел участвовать в этой, вероятно, далеко не первой драке и попытался успокоить их.

— Мадам Лалоб... Мсье Лалоб... Прошу вас!

— Оставьте нас в покое! — грубо крикнул Франсуа.

— Какого черта он тут делает? — поддержала его жена.

Я взял шляпу и пошел к двери. Охваченный угрызениями совести, Лалоб произнес:

— Подождите, я провожу вас.

Я решил, что не стоит прощаться с толстой мадам Лалоб. Мы вышли во двор и остановились перед мастерской.

— Не обижайтесь, не хотелось вам этого показывать, но ничего не вышло... Мы терпеть друг друга не можем...

— Почему же вы в таком случае продолжаете жить вместе?

Он пожал плечами.

— Я в таком возрасте, когда уже не хватает смелости вырваться на свободу. Я нуждаюсь в деньгах... Девочки вроде Сесиль — мое утешение...

— Если я правильно понял, мсье Лалоб, вы с сожалением расстались с Сесиль Луазен?

— Да, можно сказать...

— И не пытались вновь встретиться с ней?

— Раз или два, но все было уже совсем по-другому.
— Вы случайно не давали ей понять, что готовы расстаться с женой и начать с ней новую жизнь?

— Никогда в жизни!
— Ну ладно! Вы ведь назначили ей встречу в Уайонаксе, если быть уж совсем точным, в кафе «Шмен де Фер»...

Лалоб поднял руки, словно призывая Бога в свидетели.

— Нет. Что это на вас нашло? Вы спятили?

— Но только у вас не хватило смелости встретиться с ней. Вы ее бросили!

— Что с вами, старина? Вы начинаете мне надоедать! Что это вы плетете? По какому праву суете нос в мою личную жизнь?

— Будьте вежливы!

— Вежливы? Какого черта я буду вежливым с типом, который взялся неизвестно откуда! А что, если я попрошу ваши документы?

— Вы ведь не думаете, что я приехал сюда, чтобы похитить вашу жену?

— Ну вот, теперь он начинает меня оскорблять! А не хочешь ли получить кулаком в рыло? Я не заставляю себя долго упрашивать.

— Грубиян! Мсье слишком глуп, чтобы разрешить спор словами!

— Ах, я еще и глуп!

Его удар пришелся в подбородок, и я упал. Он рассмеялся:

— За что боролся, на то и напоролся, старина!

Придя в себя, я встал и бросился на Лалоба. Но тут раздался отчетливый голос, холодно произнесший:

— Довольно, мсье Феррьер!

Я обернулся и увидел, что к нам приближается инспектор Сессье.

— Мне кажется, я успел вовремя, чтоб не дать вам совершить большую глупость... Что же касается вас, Лалоб, рекомендую успокоиться раз и навсегда. Мне надоели ваши постоянные драки.

— Но, господин инспектор, он оскорбил меня!

— В таком случае подайте на него жалобу. Идите домой... Это в ваших же интересах.

Хозяин мастерской, немного поколебавшись, повернулся и пошел к дому.

Когда мы дошли до предместья Марсель, Сессье тихо произнес:

— Я же предупреждал вас, мсье Феррьер.

— Согласен... Но дайте мне время до послезавтра.

— Почему не до завтра?

— Потому что, боюсь, полученный удар может вызвать внеочередной приступ.

— Ладно, пусть будет до послезавтра. Поезд отходит в два часа дня.

— Я уеду этим поездом.

Мы вышли на улицу Пре, и Сессье остановился.

— Надеюсь, вам не станет плохо от удара этого дурака Лало-

ба... Но, если заболите, позвоните мне в комиссариат. Если же все будет в порядке, я приду послезавтра на вокзал проводить вас.

- Хотите убедиться, что я действительно уехал?
- Совершенно верно.

Мне не удалось заснуть. Я злился, что так и не понял, каким человеком была Сесиль Луазен: безмозглой девчонкой, какой описывал ее Лалоб, извращенкой, каковой ее считала тетка, мадам Ирель, расчетливой женщиной, как думал Ланкранк, мечтательницей, которую не мог забыть Бенак? Может быть, она была разной, в зависимости от того, с каким мужчиной общалась, кого хотела завоевать?

Но кто из них на самом деле был любовником Сесиль? Кто являлся отцом ребенка, которого она носила? Кто, охваченный паникой, убил Сесиль, а вместе с ней и ребенка?

ГЛАВА 7

На следующее утро я встал в подавленном состоянии и, испытывая сильное отвращение ко всему на свете, попросил счет в отеле и позвонил Сессье.

— Алло? Комиссариат? Я хотел бы поговорить с офицером Сессье.

— Кто у телефона?

— Мишель Феррьер.

— Не кладите трубку, пойду посмотрю, пришел ли он.

Через две-три минуты трубку взял Сессье.

— Алло? Сессье слушает... Вы нездоровы, мсье Феррьер?

— К счастью, здоров. Просто хотел сказать, что отказываюсь от дополнительного времени, которое вы столь любезно мне предоставили, и уезжаю сегодня же двухчасовым поездом.

— Рад за вас и желаю счастливого пути.

— Спасибо. А я желаю вам преуспеть в деле, в котором я потерпел фиаско.

— Надеюсь, нам удастся распутать его, мсье Феррьер.

Тяжело вздохнув, я положил трубку. Эти типы всегда воображают себя умнее других.

Вызвав такси, я велел ехать на вокзал, оставил чемодан в камере хранения и, чтобы скоротать время перед отъездом, решил просто побродить по городу. При мысли о том, с какой жалостливой улыбкой будет смотреть на меня Пьер, я испытывал неприятное чувство. К тому же я буквально слышал хихиканье Оноре Вириа.

Улица Райбер и проспект Бельфор привели меня на бульвар Трюше. Было очень тепло. Громко смеясь, мимо спешили парочки. Должно быть, будущее виделось им столь же солнечным, как сегодняшней день. А Сесиль в это время лежала в морге в Уайонаксе. Усевшись на скамейку, я твердо решил, что буду просто греться на солнышке, но тут же торговец предложил мне газету «Прогресс». Я купил ее и постарался заинтересоваться новостями политики, но мне это плохо удавалось. Перевернув страницу,

я наткнулся на колонку, посвященную новостям сен-клюдской жизни, и мне сразу же бросился в глаза заголовок: «Девушка, пришедшая в отчаяние, покончила с собой в одной из гостиниц Уайонакса. Она приехала из Сен-Клода». Я с жадностью прочел репортаж. В газете приводилось имя девушки, но о беременности не сообщалось. Репортаж заканчивался обещанием опубликовать подробности в следующем номере. Без сомнения, Сандрей потребовал, чтобы пресса еще сутки молчала о подробностях убийства. Он еще питал какие-то иллюзии, славный Пьер...

Мне вдруг захотелось остановить машину и съездить на виллу «Макс», но стыдливость удержала меня. Триумф был бы слишком легким и слишком жестоким. Возможно, теперь мадам Ирель поняла, что ее племянница была слишком несчастна? Возможно, в этой смерти она видела подтверждение своего мнения о Сесиль, которая вопреки церковным догмам сама наложила на себя руки. Заберет ли она тело, чтобы захоронить его, или, опасаясь общественного мнения, позволит захоронить Сесиль в общей могиле? Она вполне на это способна. Старая же служанка, напротив, должно быть, ревет в три ручья. Думаю, что не поехал на виллу «Макс» главным образом из-за нее.

Часы пробили половину десятого, их бой отвлек меня от мрачных мыслей. Сняв газету, я бросил ее в урну и, чтобы успокоиться, пошел куда глаза глядят.

Почему я оказался на улице Гласьер? Не знаю. Но вдруг на двери одного из домов взгляд упал на табличку: «Хюбер Виже, учитель музыки и сольфеджио». Хюбер Виже? Кто мне рассказывал о нем? Я долго стоял, роясь в памяти, и наконец вспомнил. Мадам Ирель говорила, что Сесиль брала уроки музыки у Виже и он считал ее очень способной. Может быть, хоть этот сможет рассказать, какой была настоящая Сесиль.

Не раздумывая, я вошел в подъезд и стал подниматься по темной лестнице. Учитель музыки жил на четвертом этаже. Да, не скажешь, что у него денег куры не клюют. Уже на площадке второго этажа стали слышны дрожащие ноты мучимого каким-то учеником пианино. Вечная пытка учителей...

Звонок прозвучал гулко, как в пещере, никак, впрочем, не отразившись на деятельности человека, терзавшего клавиатуру. Потом я услышал тихие шаги. Дверь отворилась, и на пороге показалась бледная женщина неопределенного возраста.

- Мсье Виже дома?
- Вы по какому делу?
- По личному.

Она подозрительно посмотрела на меня.

- Мой муж сейчас дает урок.
- Я подожду...
- В таком случае...

Она наконец решила впустить меня и, проведя через коридор с выцветшими обоями, толкнула дверь с облупившейся краской, прошептав:

- Садитесь, пожалуйста.

Зловещего вида комната больше всего напоминала аквариум,

так мало в ней было света. Чудовищные цветы в горшках были похожи на пупальца.

— Вы уже встречались с Хюбером, мсье? — спросила мадам Виже.

— Нет, мадам.

Самое неприятное заключалось в том, что разговор сопровождался гаммами, которые ничуть не приглушали закрытые двери.

— Будет ли нескромным спросить у вас, что вы хотели?

— Вы читали сегодняшнюю газету?

Похоже, мой вопрос сбил ее с толку.

— Просматривала.

— Может быть, вы обратили внимание на рубрику «Происшествия», героиней которой стала жительница вашего города?

— Вы говорите о бедняжке Сесиль?

— Да.

— Вы ее родственник?

— Нет.

— Тогда почему?..

— Мне поручили найти ее. Когда я начал поиски, то и не подозревал, что она умерла. Это ужасно...

— Да, ужасно... Такая молодая... Вся жизнь впереди, но все-таки... если судьба уготовила ей существование, подобное моему, я не жалею, что она избежала его, пусть даже таким ужасным образом.

— Вы очень желчны, мадам.

— Нет, просто я потеряла надежду. Чего вы ждете от Хюбера, мсье?

— Ничего конкретного, мадам, я просто думал, что с помощью музыки мсье Виже, возможно, лучше, чем все остальные, смог увидеть настоящее лицо девушки.

В этот момент в гостиную вошли две дылды лет пятнадцати и, увидев меня, замерли как вкопанные, не зная, что делать. Мадам Виже радостно закудаhtала:

— Мои дочери, Антуанетта и Ида.

Они неловко поклонились. Тонкие, плохо одетые, с огромными зубами, болезненного вида. Желая казаться любезным, я спросил:

— Эти очаровательные девочки так же музыкальны, как их родители?

Мадам Виже снова вздохнула.

— Нет... Бедняжки не особенно талантливы, но, благодарение Богу, у них есть другие достоинства!

— Я в этом не сомневался!

Меня поблагодарили кивком головы. В это мгновение мы вдруг осознали, что в квартире воцарилась тишина. Мсье Виже закончил урок. Мадам Виже встала. Я хотел было последовать за ней.

— Нет, нет, прошу вас, не беспокойтесь, я пришлю мужа к вам. Кажется, сегодня у него больше нет учеников.

Она вышла вместе с дочками, и я надолго остался один. Из коридора доносился невнятный шепот. Бесспорно, мадам Виже рассказывала мужу о причине моего прихода. Наконец вошел

Хюбер Вижэ. Я с трудом верил своим глазам. Пятидесятилетний мужчина, казалось, сошел со страничек старых семейных альбомов в бархатных переплетках: такими обычно изображали музыкантов до первой мировой войны. На нем была просторная рубашка типа гимнастерки с черным бантом вместо галстука. И лицо у него было, как у музыканта с картинки. Густые, романтично вьющиеся волосы, гладко выбритое лицо, нежный взгляд, взгляд побежденного.

— Здравствуйтесь, мсье... Жена только что сказала мне... Вы по поводу этой бедняжки...

Голос его дрогнул.

— Кто бы мог подумать... в таком возрасте... Это ужасно!

— Да, ужасно. Вы хорошо ее знали?

— Думаю, да. Она была воплощением юношеской чувствительности, ее мечты, надежды, иллюзии... Сесиль не сознавала, насколько уродлив мир... Не верила в человеческую жестокость...

— Но ее конец...

— Без сомнений, она вдруг поняла всю правду жизни и не смогла пережить этого откровения.

— Значит, вы не думаете, что она была меркантильна?

— Она была само благородство, сама доверчивость, сама увлеченность!

— У нее были тайны от вас?

— Не думаю.

— Значит, вам известно, что у нее был любовник?

Он буквально подпрыгнул на стуле.

— Любовник? У Сесиль? Это безумие!

Внутренне я восхищался наивностью этого славного человека, воображавшего, что знает о своей ученице все.

— Мне дали это понять.

— Люди воистину неблагодарны.

Бедный учитель музыки. Я надеялся, что ему удастся сохранить иллюзии относительно Сесиль, но боялся, что завтрашняя газета нанесет ему чудовищный удар...

Мне нужно было немного пройтись, чтобы привести мысли в порядок. Выйдя от Вижэ, я пошел в сторону района Мулен. Мне еще раз пришлось признать свое поражение. Из всех встреченных мной мужчин самым симпатичным оказался Хюбер Вижэ, он выглядел самым искренним, самым незаинтересованным. Его нежность к покойной не была похожа на отношение к ней остальных.

В половине первого я был на улице Пре и, проходя мимо «Кафе Америкен», решил пропустить стаканчик, сочтя, что вполне заслужил его. Подойдя к бару, я обернулся и посмотрел в зал. Каково же было мое изумление, когда я увидел, что за одним столиком сидели Гастон де Ланкранк, Жорж Бенак, Франсуа Лалоб и... Хюбер Вижэ. Раскрыв рот, я смотрел на этих мужчин, которые — я теперь понимал это — в той или иной степени обманули меня. Они собрались не случайно и, должно быть, говорили о смерти Сесиль. Мало-помалу я успокоился и благословил случай, подтолкнувший меня зайти в это кафе.

Пришлось бы покинуть Сен-Клод, так и не узнав о странном сообщничестве мужчин, в течение двух последних лет любивших или делавших вид, что любят Сесиль Луазен. Если бы Сесиль умерла естественной смертью, она бы принадлежала им всем и каждому из них. Но ее убили, и я был уверен, что убийца — среди этих четверых. Мне хотелось угадать, кто он.

Взяв свой стакан, я направился к ним. Они обратили на меня внимание только тогда, когда я оказался у самого столика. Бенак и Виже сидели ко мне лицом. Увидев меня, они опустили глаза.

— Вы снова пришли действовать нам на нервы? — проворчал Лалоб.

— Может быть, предпочитаете собраться в полицию?

— А зачем нам идти в полицию?

— Ну, например, чтобы поговорить о смерти Сесиль Луазен. Лалоб украдкой взглянул на других и замолчал. Я взял стул и просунул его между Лалобом и Бенаком, которые, ворча, подвинулись.

— Господа, не стану ходить вокруг да около. Я встречался с каждым из вас. Вы все были влюблены в Сесиль Луазен. Вы все по тем или иным причинам, в которых я не могу вас упрекнуть, бросили ее... Все, кроме одного.

И тут заговорил Лалоб:

— Кто?

— Тот, кто назначил Сесиль Луазен свидание в Уайонаксе, чтобы сбежать с ней.

Я вглядывался в их лица. На всех было написано одинаковое изумление. Убийца легко не сдается. Бенак скромно задал вопрос, которого я давно ждал:

— Откуда вы знаете?

— Я был последним, с кем перед смертью говорила Сесиль.

— Это еще не причина для самоубийства, если человек не пришел на свидание, — вмешался Лалоб.

— Вы не правы. Ведь она настолько верила ему, что согласилась иметь от него ребенка!

Я почувствовал, как они окаменели на своих стульях.

— Это неправда, — прошептал Бенак.

— Правда, мсье Бенак. Сесиль была любовницей одного из вас, человека, обещавшего ей то, чего она хотела. Возможно, в тот момент он говорил искренне, но потом, когда надо было уезжать, он испугался... и отказался от приключения, не заботясь о бедной девушке и о том, что с ней будет.

Тут вмешался Гастон Ланкранк.

— Это не решение вопроса. Уайонакс не так уж далеко. Сесиль в любой момент могла вернуться.

— Нет, мсье Ланкранк, не могла.

— По какой же причине?

В этот момент я понял, какую тоску испытывает убийца, тоску, которая скоро превратится в панику, как только я открою им правду.

— Потому что любовник Сесиль не уехал, опасаясь скандала, возможно, он боялся ухудшить свое материальное положение...

Вы правы, мсье де Ланкранк: не явившись на свидание, он не решал проблему. Возвращение озлобленной и разочарованной Сесиль, без сомнения, вызвало бы скандал, которого он так опасался. Значит, любовник был вынужден помешать ей вернуться.

— Хотел бы я знать, как ему это удалось,— хмыкнул Лалоб.

— Убив ее, мсье Лалоб.

— Что? — воскликнули все хором.

— Вы с ума сошли! — пробормотал хозяин автомастерской.

— Беру на себя смелость рассказать вам то, что вы узнаете из завтрашней газеты... Сесиль Луазен была убита.

Хюбер Виже заплакал.

— И вы действительно считаете, что один из нас... — тихо произнес Бенак.

— Я в этом уверен.

— Тогда назовите убийцу.

— Это невозможно... Меня могут преследовать по закону... Но могу точно сказать, что он женат...

Гастон Ланкранк внезапно оттаял, оживился.

— ...что он несчастлив в семье... Что Сесиль была для него надеждой на лучшее будущее. Я уверен, что он сам поверил в свою смелость, обманул себя собственными обещаниями... Он стал любовником мадемуазель Луазен, будучи твердо уверенным, что устроит свою жизнь с ней... Но потом проходили дни, недели, месяцы... Он размышлял, сравнивал жизнь, наполненную приключениями и случайностями, со спокойной обеспеченной жизнью, которую он вел рядом с ненавистной супругой... И его смелость постепенно уменьшалась... Он уже не испытывал непреодолимого желания сбежать... Но не осмеливался признаться в этом Сесиль, бесспорно, опасаясь, как бы она не отправилась к его жене и не рассказала ей о ребенке, которого носила, и о письмах, которые не оставляли сомнений в отцовстве одного из вас, господа... Когда этот человек увидел, что его загнали в угол, он потерял голову... Назначил Сесиль свидание в Уайонаксе, в кафе... Она ждала его там два часа... А когда поняла, что он бросил ее, то была в отчаянии... Но он приехал в Уайонакс с твердым решением покончить с угрозой, которую несла молодая женщина... Он следил за ней, когда она вышла из кафе... Он видел, как я подошел к Сесиль... он следил за нами... Так он узнал, где она остановилась на ночь, и, пробравшись в отель, пошел к ней... Она открыла ему и была вне себя от радости, что ее тревоги не оправдались. Он же, воспользовавшись ее доверчивостью, задушил ее.

— Задушил! — прохрипел Виже.

— Да, задушил, мсье Виже. Можете себе представить, каковы были последние прожитые Сесиль минуты, когда она поняла, что любовник хочет ее убить.

Воцарилось молчание. Я слышал только, как они тяжело дышат.

— Вы сообщили об этом в полицию? — спросил Лалоб.

— Нет.

— Почему?

— Виноват один из вас. Не хочу, чтобы в дело были замешаны и остальные.

— Мсье Феррьер, — спросил Бенак, — не знаю, правы ли вы, но тем не менее... что вы предлагаете?

— Через час с четвертью я уезжаю в Уайонакс. Пусть виновный тоже придет на вокзал... Мы вместе подумаем, что следует предпринять, чтобы смягчить удар... Конечно, ему придется расплачиваться, но мы попытаемся найти самую низкую ставку.

— А если вы ошибаетесь?

— Я не ошибаюсь. Один из вас обещал Сесиль бросить все, чтобы начать с ней новую жизнь. Этого человека я буду ждать.

ГЛАВА 8

Я приехал на вокзал на двадцать минут раньше. Меня охватило лихорадочное нетерпение. Я не находил себе места. Придет ли он? И если придет, то кто? Я надеялся, что им окажется Франсуа Лалоб, самый отвратительный из всех. Но время шло, и постепенно я приходил в отчаяние.

— Счастлив встретиться с вами, мсье Феррьер.

Я обернулся. Мне улыбался Сессье.

— Вы решили проверить, сдержу ли я слово?

— Нет, просто уезжаю вместе с вами.

— Чтобы следить за мной?

— Вы можете отказаться от моего общества.

— Почему вы вдруг решили ехать?

— Мой коллега Вириа пригласил меня к себе.

— В Уайонакс?

— В Уайонакс.

— Почему?

— Другьям вопросов не задают. Их приглашения либо принимают, либо нет. Я принял. Вы пришли на вокзал с большим запасом времени.

— Я кое-кого жду, но, боюсь, он не подойдет, если увидит вас.

— Правда?

Пришлось ввести его в курс дела, иначе мое ожидание могло стать совершенно бесполезным. Когда я закончил, Сессье, ничуть не рассердившись, сказал:

— Вы не имели права говорить о преступлении, но, поскольку речь идет всего о нескольких часах, бранить вас я не стану. И все-таки вы очень интересный человек, мсье Феррьер. Сколько вам лет?

— Сорок пять.

— Просто чудо, что человек, дожив до сорока пяти, может оставаться таким наивным...

— Наивным?

— Вы действительно думаете, что убийца Сесиль Луазен придет, чтобы признаться в своем преступлении?

— Надеюсь. А вы окажите любезность и спрячьтесь, чтобы не спугнуть мою дичь.

Он исчез в здании вокзала, а я стал ждать.

За пять минут до прихода поезда возле меня остановилось

такси, из которого вышел Хюбер Виже. Расплатившись с шофером, он подошел ко мне.

— Слава Богу! Я боялся, что приеду слишком поздно.

— Виже, вы ведь не станете утверждать, что это вы?

— Нет... Обождите... Я пришел сказать, что вы ошибаетесь...

Я не убивал Сесиль и не знал, что она ждет ребенка, но я хотел сбежать с ней, убежденный, что смогу начать новую жизнь.

Этот пятидесятилетний мужчина с бантом вместо галстука казался мне смешным и одновременно вызывал жалость.

— Я уговаривал ее сбежать со мной, я твердо решил бросить все, чтобы не сдохнуть здесь от удущья.

— И она верила вашим обещаниям?

— Невероятно, правда? Но ей тоже очень хотелось сбежать.

— И вы... в последний момент вы испугались?

— Нет, я не испугался... мне стало стыдно. Я уже старик, а она очень молода. Я понял, что не имею права. И потом, моя озлобленная жена, мои бедные девочки. Это было бы преступлением, а я не преступник.

— Вы вели себя как идиот, Виже! Понимаете? Идиот! Ваша Сесиль, такая чистая, имела любовника и ждала от него ребенка! И, насмехаясь над вами, старикашкой, крутила любовь с тем, который ее убил! Ну и хохотал же убийца, сидя с вами за одним столом! Хотите знать мое мнение, Виже? По отношению к малышке вы все оказались трусами! Убил ее лишь один из вас, но вы все помогли ему в этом!

— Возможно, вы правы, мсье...

271

Я смотрел, как уходит этот жалкий человек. Его круглая спина была, казалось, воплощением мировой скорби.

— Ну что, он признался? — прошептал мне на ухо инспектор Сессье.

— Это не он, — проворчал я.

— Конечно... Знаете ли, мсье Феррьер, преступники редко признаются в своих преступлениях вот так, спонтанно.

— Но все они выглядели перепуганными только что, в кафе.

— Возможно, так оно и было?

— Потому что среди них находился преступник!

— Или просто потому, что все они немного любили Сесиль Луазен.

— Короче говоря, вы не считаете, что в ее смерти виновен кто-то из них?

— О! Мсье Феррьер, я хочу только одного — арестовать убийцу.

— В таком случае он может спать совершенно спокойно!

— Чтобы успокоить вас, скажу, что он вовсе не спит спокойно, а скорее всего совсем не спит.

Короткое путешествие прошло безо всяких приключений. Я ненавидел Сессье за его наглую уверенность. В течение всего пути мы не обменялись и двумя словами.

Выйдя из здания вокзала, я протянул руку своему спутнику.

— Прощайте, мсье Сессье, не думаю, что мы еще когда-нибудь встретимся.

— Кто знает?

Папаша Жаррье встретил меня не так, как я рассчитывал. Когда я вошел в гостиницу, он стоял в вестибюле.

— А, это вы...

— Да, я!

— Ну что, нашли убийцу?

— Нет.

Он хмыкнул.

— Я бы очень удивился, если бы вы сказали что-то другое.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего... В конце концов меня эта история не касается, у меня и так достаточно неприятностей... Надолго приехали?

— Мое присутствие вас смущает?

— Честно говоря, да!

— Ну что ж. Пойду поищу приюта в другом месте.

— Вы очень меня обяжете.

— Жаррье... Я полагаю, мы расстанемся, но сохраним хорошие отношения?

— Возможно.

— Что же произошло за время моего отсутствия?

— Много чего.

— Что же?

— Другие, более сведущие люди расскажут вам об этом. Прощайте!

Выйдя на улицу, я столкнулся с мадам Жаррье, которая шла из магазина.

— Мишель! Я так рада вас видеть! Но что это вы таскаетесь с чемоданом?

— Ваш муж выставил меня за дверь!

— Это еще что такое? Выставил за дверь? Кто ему дал право?

— Он хозяин в своем доме.

— А я, кто я тогда? Идемте.

Последовавшее объяснение было коротким и бурным. Жаррье, чувствующий себя не очень уверенно, покорился. Я получил номер, закрылся в нем и сразу заснул.

Меня разбудил телефонный звонок. Прежде чем снять трубку, я посмотрел на часы: шесть часов вечера.

— Алло!

— Не кладите трубку, — холодно произнес Жаррье, — с вами будит говорить из комиссариата.

Я услышал характерные щелчки соединения.

— Мсье Феррьер?

— Да.

— Здравствуйтесь, это полицейский Маллеран.

— А, Маллеран... Как дела, старина?

— Отлично, мсье Феррьер, а у вас?

— Так себе. Чем могу служить?

— Не мне, комиссару.

- Что случилось?
- Он хочет, чтобы вы пришли к нему.
- Прямо сейчас?
- Если вас не затруднит.
- Ладно. Только немного приведу себя в порядок.
- Спасибо, мсье Феррьер.
- Почему он сам не позвонил мне?
- Я полагаю, он очень занят.

Показалось ли мне? На самом ли деле он был чем-то смущен? Глупости... Глупости... Почему он должен быть смущен, если Пьер занят?

Дежурный полицейский проводил меня в кабинет Пьера, и я очень удивился, увидев, что Сессье сидит рядом с Вириа. Сандрей встал:

- Мишель! Счастлив тебя видеть. Как доехал?
- Ей-Богу...
- Ладно, садись.

Я сел на стул, на который он мне указал.

— Итак, Мишель, расскажи о своем путешествии в Сен-Клод.

— Ты вызвал меня затем, чтобы послушать рассказ о моих прогулках по Сен-Клоду? Боюсь, что не смогу рассказать ничего нового. Сессье, вероятно, уже ввел тебя в курс дела?

— Ты забываешь о том, что я не имею права ему приказывать. Он мне не подчиняется.

— Ба! Следить за подозреваемым — услуга, которую друзья вполне могут оказать друг другу.

- Ты считаешь себя подозреваемым?
- Не я, а он.
- Не нервничай!

— Разве я похож на человека, который нервничает?

— Ты взволнован... Кричишь... Сессье еще не говорил мне о тебе. Видишь, твой рассказ я услышу первым. Ну, давай, я слушаю.

Что-то мне тут не понравилось. Казалось, Пьер, как и Жаррье, стал относиться ко мне не так, как раньше. И все-таки я как можно подробнее рассказал об изысканиях, которые провел в Сен-Клоде. Когда я закончил, Пьер объявил:

— Бедный Мишель, боюсь, твое путешествие было совершенно бесполезным. Никто из этих людей, очевидно, не является убийцей Сесиль Луазен.

- Что ты можешь об этом знать?
- Сессье проверил их алиби. Они безупречны.
- Но...

Сандрей взял листок бумаги, лежавший у него на столе, и стал читать вслух:

— «В ночь преступления Гастон де Ланкранк находился в Морезе, Жорж Бенак был в гостях у друзей, Франсуа Лалоб играл в кеч¹ и за недостойное поведение был задержан службой поряд-

¹ Вид американской борьбы.

ка, что же касается Хюбера Виже, то в девять часов вечера он давал последний в этот день урок музыки».

Я был в ярости. Они смеются надо мной!

— Почему Сессье не рассказал мне об этом?

— Ты ведь так хотел сам вести расследование, он не стал тебя переубеждать... Кстати, в чем ты так хотел убедиться?

— Ну и вопрос! Во-первых, что убийца, как и жертва, приехал из Сен-Клода...

— Дело в том, Мишель, что мы совершенно не уверены в этом. Вероятно, убийца — житель Уайонакса.

— Уайонакса? Ты с ума сошел! Если бы у Сесиль была назначена встреча с кем-нибудь из местных, она не стала бы ждать его в кафе! И потом, если этот тип из Уайонакса, то он поехал бы за ней в Сен-Клод.

Двое других молча смотрели на меня. Их вид повергал меня в отчаяние.

— Я полагаю, — тихо продолжал Пьер, — мы все допустили одну и ту же ошибку — соединили в одном лице соблазителя и убийцу.

— Что?

Сандрей успокаивающе махнул рукой.

— Подумай, Мишель... Сесиль Луазен ждала мужчину, он не пришел, и, я думаю, ты прав, он живет не в Уайонаксе. Но, раз он не встретился с Сесиль, откуда ему было знать, в какой отель ты ее отвел? И откуда он мог знать о том, что в этом отеле есть дверь, ведущая в сарай? Нет, очевидно, убийца не тот человек, которого Сесиль ждала в кафе. Совершенно ясно, что он постоянный клиент отеля, в котором вы остановились.

— Это ни в какие рамки не лезет! Зачем ему убивать Сесиль, если они вообще не были знакомы?

— Возможно, она немного знала его, иначе не открыла бы дверь.

— Ничего не понимаю.

— Повторяю, любовник и убийца не одно и то же лицо.

Сессье встал и подошел к двери. В тот момент я не обратил на это внимания.

— Послушай, Пьер, давай рассуждать логически... Только отец ребенка, которого искала Сесиль, мог быть заинтересован в том, чтобы избавиться от нее.

— Но никак не мог встретиться с ней в отеле.

— Тогда, может быть, ты мне скажешь, зачем человеку, у которого не было ничего общего с Сесиль, убивать ее?

— Я не сказал, что он решил ее убить...

— Я не совсем тебя понимаю. И потом, не забудь: я не отходил от Сесиль с того момента, как она вышла из кафе, а отель, насколько мне известно, она не покидала.

— Она не выходила из отеля, Мишель.

— Ну, так каковы твои выводы?

— К сожалению, я давно уже пришел к определенным выводам, старина.

Почему такой тон? Почему он сказал: «К сожалению, старина»? И тут я понял, что Сессье стоит позади меня. Я дрожал как

осиновый лист. Пьер встал, подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Успокойся, Мишель.

— Пьер... Ты ведь не думаешь... что это... что это я?..

Он сочувственно посмотрел на меня и скорее прошептал, чем произнес:

— Да.

Все поплыло у меня перед глазами, и я вцепился в стул, чтобы не упасть.

— Но... почему? Зачем мне убивать женщину, которую я никогда раньше не видел?

— Она была похожа на Луизу.

— Она была похожа...

— Либо ты решил, что она похожа на Луизу, либо — что она Луиза...

Вириа не отводил от меня глаз, очевидно, готовый в любую минуту броситься на меня. Повернувшись к двери, я увидел Сессье. Они заманили меня в ловушку. Я схожу с ума... Я не убивал Сесиль! Я уверен, что не убивал Сесиль!

— Это неправда, Пьер!.. Ты ведь отлично знаешь, что это неправда... Эта девушка нравилась мне...

— До тех пор, пока ты не начал мучиться головной болью... Ты пригласил ее поужинать... Она рассказала тебе о своей любви к другому мужчине... Она сказала тебе, что ждет ребенка... И в твоём воспалённом мозгу произошло смещение понятий: Сесиль стала похожей на Луизу, ведь она хотела сбежать, как сбежала десять лет назад Луиза... Ты пришел в ярость.

— Это ложь! — завопил я.

— Ты ничего не помнишь, Мишель, но ведь ты хотел ее ударить. То ли Жаррье, то ли его жена, я уже не помню точно, вмешались, чтобы успокоить тебя... Протокол их допроса в папке. Похоже, другие клиенты были возмущены твоим поведением.

Жестокая тоска сдавила мне грудь. Я посмотрел на свои руки, они приводили меня в ужас... Неужели это я... Я... Я!

Я покачивался, сидя на стуле, и чувствовал себя загнанным зверем. Они только ждут команды, чтобы броситься на меня.

— Зачем же я совершил это бесполезное путешествие в Сен-Клод? Раз убийца я, кого я хотел там найти?

— Ты искал доказательства собственной невиновности. Ты не помнил об убийстве, но в глубине души у тебя было какое-то волнение. Иначе почему бы ты скрыл от нас настоящее имя Сесиль? И откуда ты узнал его?

— Я... я подслушал его... на почте... в окошке для писем до востребования.

— А может быть, она сказала тебе его во время ужина, когда ты вдруг стал называть ее Луизой? Подумай, Мишель... Может быть, ты смутно подозревал, что замешан в этой драме, и отправился в Сен-Клод в надежде найти преступника, признание которого дало бы тебе возможность спокойно вздохнуть. Ты спрашивал не их, а самого себя и хорошо понимал их, потому что они твои братья по несчастному браку. Несмотря на лекар-

ства, которые дал Жаррье, ты встал среди ночи и пошел к той, которая в твоих глазах уже полностью превратилась в Луизу. Она, должно быть, удивилась, увидев тебя, потому что знала, что ты болен. Возможно, ей было жаль тебя, и она говорила словами, которые обычно употребляла Луиза. Тогда, чтобы заставить ее замолчать, ты сжал ей горло...

— Нет!

Пьер схватил меня за лацканы пиджака и приподнял со стула.

— Постарайся, Мишель! Ты должен вспомнить! Была ночь... Ты зажег ночник... Надел тапочки... Ты не очень хорошо понимал, где находишься, и еще некоторое время сидел на кровати...

На лице Пьера выступили капельки пота. Я потерял всякое понятие времени, злость охватила меня, но я уже не мог сопротивляться. Без сомнения, Сандрей прав: я убийца, потерявший память.

— ...Ты встал, выскользнул в коридор... Постучал в ее дверь, вошел и вообразил, что перед тобой Луиза... Ее чемодан стоял открытым на столе, как и тогда, десять лет назад, когда Луиза сообщила тебе о своем решении уехать...

Я слушал. Казалось, по мере того как он говорит, в тумане моей памяти наступает некоторое просветление. Я видел эту сцену. Но все произошло десять лет назад... Или совсем недавно?

— ...Ты не хочешь, чтобы Луиза уходила, потому что ты любишь ее, Мишель... Ты говоришь ей, объясняешь, но Сесиль пугается... Она готова закричать... И тогда, чтобы заставить ее замолчать, ты хватаешь ее за горло... и душишь... душишь...

Теперь мне казалось, что и на самом деле...

— ...Когда она упала на кровать, ты бросился к ее вещам... у тебя было только одно желание: узнать, к кому уходит от тебя Луиза. — Пьер очень увлекся, пытаясь заставить меня вспомнить драму, главным действующим лицом которой был я. — ...Ты открыл ее сумку, Мишель, достал ее бумажник и стал смотреть. Ты не сознавал, что это Сесиль, а не Луиза, потому что хотел во что бы то ни стало узнать, кто твой соперник. Фотографии не было... Она сожгла ее, мы нашли пепел... Ты порывлся в ее чемодане и нашел письма, связанные желтой ленточкой, письма от соперника. Ты взял первое письмо и прочел... помнишь, Мишель, ты словно испытал удар кинжалом, когда узнал, как он называл ее: «Моя дорогая, только моя»?

— Откуда ты знаешь об этом, Сандрей?

Эти слова произнес не я, а Вириа. Мы с Пьером замерли на минуту, словно вопрос Вириа не умещался в наших мозгах. Я видел, как лицо Пьера постепенно приобретало нормальное выражение. Он медленно вздохнул, выпрямился и, оставив меня, повернулся к Вириа.

— Это вы со мной осмелились разговаривать в таком тоне, инспектор?

— С тобой, я повторяю вопрос: откуда ты знаешь, что она сожгла фотографию своего любовника? Кто рассказал тебе, какой ленточкой были связаны письма? И кто рассказал тебе о существовании этих писем, ведь мы их не нашли?

Хладнокровие уже вернулось к Пьеру, и он воскликнул:

— Инспектор Вириа! Приказываю вам замолчать! Я отстраняю вас от должности вплоть до решения командования, которому сегодня же будет направлен рапорт. Инспектор Сессье, призываю вас в свидетели.

Сессье покачал головой.

— Будет лучше, если вы ответите на вопросы моего коллеги, комиссар.

— Ага! Значит, вы сообщники. Но при чем тут вы, Сессье?

— Вы убийца, комиссар, вы убили эту несчастную девушку и приписали свое преступление другу, воспользовавшись состоянием его здоровья. Если хотите знать мое мнение, комиссар Сандрей, вы самый низкий подонок из всех, кого я встречал.

— Честное слово, вы оба сошли с ума, — возмутился Пьер.

Вириа встал, подошел к Сандрею и, слегка толкнув его в грудь, сказал:

— Садись!

Пьер, подчинившись, подошел к своему креслу и буквально упал в него.

— А теперь слушай: мы с Сессье расставили для тебя ловушку, потому что я подозревал, что виновен именно ты. Мы сделали вид, что поверили в историю с Феррьером, убившим как бы в гипнотическом состоянии. Ты прав: убийца не мог не знать, где остановилась Сесиль Луазен, а знали об этом только Феррьер и ты. Ты утверждал, будто убийца и любовник — разные люди, но такое предположение верно только в том случае, если убийца — Феррьер. А если не он? В виновность Феррьеря я не верил, честно говоря, маловероятно, чтобы его охватило желание убивать через десять лет после того, как ушла жена. Я говорил с его начальником и услышал только положительные отзывы. Я спросил у доктора Вегейля, мог ли Феррьер, приняв двойную дозу пипольфена, совершить обдуманное преступление. Доктор высказался однозначно: если Феррьер действительно принял снотворное, то должен был спать мертвым сном, а Жаррье поклялся, что дал ему двойную дозу. И наконец, волнение, которое проявил твой друг, его искреннее желание найти убийцу тоже свидетельствовали в его пользу. Мы с Сессье считали его виновность все более и более проблематичной, а ты с настойчивостью, казавшейся нам подозрительной, хотел сделать из него сумасшедшего преступника. А ведь ты говорил, что он твой лучший друг...

Пьер... Пьер... мой старый друг... Я слушал, и каждое слово Вириа ранило мою душу... Пьер, которому я так доверял. Пьер, который спас мне жизнь.

По мере того как говорил Вириа, комиссар съеживался в своем кресле. Я не хотел больше ничего слышать, потому что понимал: Вириа прав. Пьер действительно убил Сесиль Луазен, свою любовницу.

— Если Феррьер не убийца, то убийцей мог быть только ты. Ты всегда любил женщин. Твои приключения трудно пересчитать. Я съездил с твоей фотографией в Сен-Клод, и Сессье нашел гостиницу, в которой вы занимались любовью. Хозяйка узнала тебя по фотографии.

Я вдруг подумал о Каролине, которая сейчас готовит мужу ужин, и заплакал.

— Сесиль Луазен хотела уехать из Сен-Клода. Ты пообещал, что уедешь с ней. Не знаю, каким образом ты собирался избавиться от нее, когда она надоела бы тебе. Вероятно, просто бросил бы ее, как бросал многих других. Но тут возникла неприятная неожиданность — она ждала ребенка. Когда она сообщила об этом, тебя охватила паника. Ты не хотел ради девчонки, которая была для тебя лишь развлечением, терять должность и богатую жену... Когда Сесиль сообщила, что придет и будет ждать тебя в кафе, ты понял, что пропал. Не знаю, каким образом, но тебе удалось сохранить инкогнито. Она, без сомнения, не знала ни твоего имени, ни места работы... Ты присылал ей письма до востребования в Сен-Клод. Заперевшись в кабинете, ты с ужасом думал о том, как выйти из положения, и тут появился Феррьер. Возможно, ты уже готов был обратиться к нему за помощью. Случайно встретив Феррьерера, ты узнал о его встрече с Сесиль и воспользовался случаем. Ты решил не только убить девушку, но и пожертвовать другом. Хитро, а? Твоя жена призналась, что той ночью ты выходил из дому, потому что тебя срочно вызвали в комиссариат. Но пошел ты не в комиссариат, а в гостиницу. Ты заботливо позвонил Жаррье, якобы для того, чтобы узнать, что произошло за ужином, как он уложил спать Феррьерера и в каком номере остановилась Сесиль.

Жалкое зрелище. Вся ненависть Вириа воплотилась в этих логичных пояснениях. Наконец ему удалось взять столь долгожданный реванш... Мне было тошно от его столь явного удовлетворения. Поистине пиршество гнины.

— Но мы не знали, как вынудить тебя признаться. Пришлось сделать вид, что мы поверили в виновность Феррьерера. Мы надеялись на сцену, которую ты разыграл. Нужно было, чтобы этот несчастный признался в преступлении, которого не совершал. И произошло странное явление. Убеждая Феррьерера в том, что он убил Сесиль, добиваясь, чтобы он пережил заново сцену, произошедшую десять лет назад, ты, сам того не замечая, уподобил себя ему и описывал свои действия... Я всегда считал тебя плохим полицейским, Сандрей, но сегодня мы получили подтверждение этому.

Длинный рассказ Вириа кончился, воцарилась тишина. Пьер, кажется, был очень далеко отсюда. Потом он шевельнулся, скользнул взглядом по инспекторам и пристально посмотрел на меня. Через несколько секунд он прошептал:

— Мишель... прости.

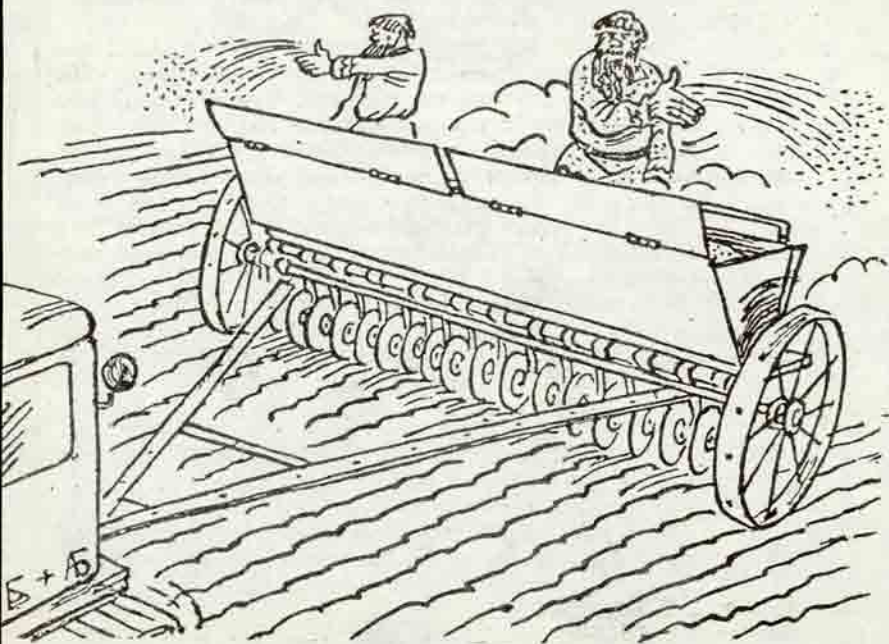
Я ехал в поезде в направлении Бург-ан-Бресс. Пьера посадили в тюрьму сразу же после того, как он признался.

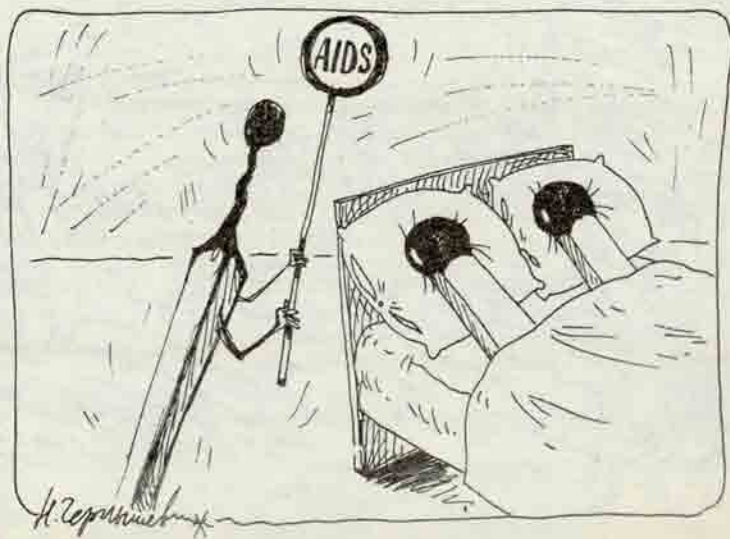
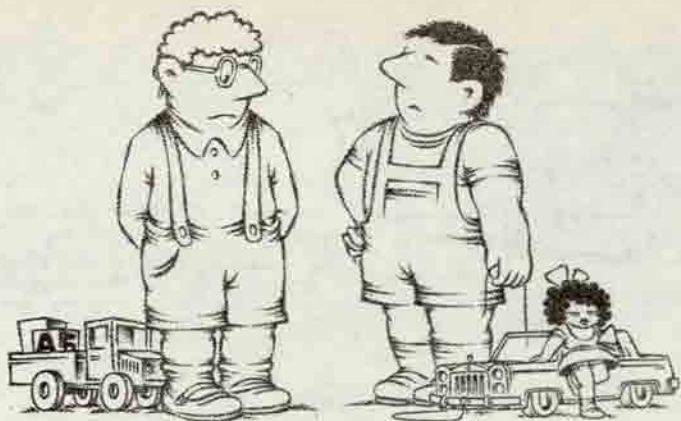
Я никогда больше не приеду в Уайонакс.

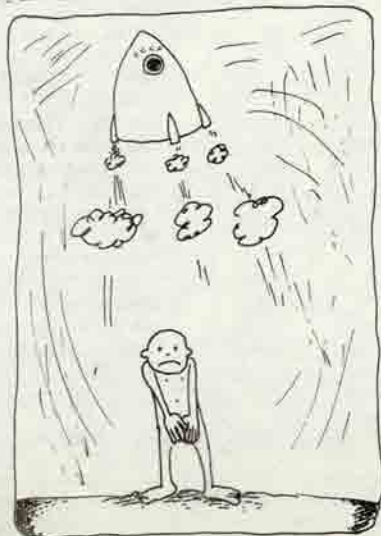
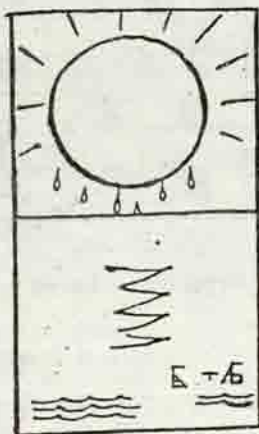
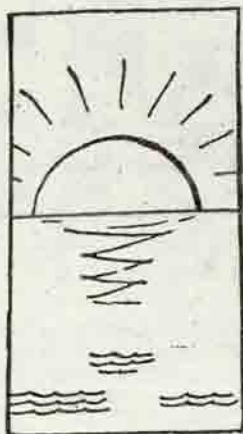
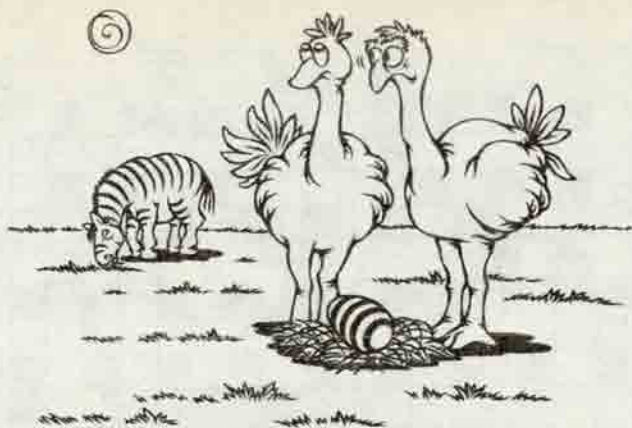
Луиза унесла часть моей молодости. Пьер убил все, что еще оставалось. Мне больше не за что ухватиться. Теперь я старик.

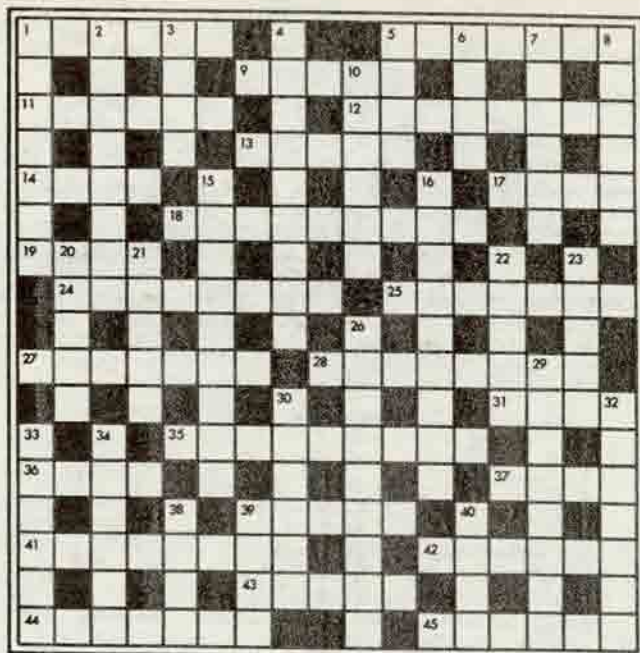

Нам рисуют: А. БОРИСЕНКО,
С. МАМОНТОВ,
С. ХАСАБОВ,
Н. ЧЕРНЫШЕВ

ЗРУДИТ По горизонтали.

1. Столичный житель государства, где любят мирные танки. 5. Патриарх литературы, после чтения произведения которого А. Пушкин чувствовал, будто он «глядел в ужасную мрачную пропасть». 9. Минерал, чьи кристаллы порой срываются в «розы». 11. Лесная птица, любительница облепихи. 12. Голландец Виллем ван де Велде как художник. 13. Человек, посвященный в тайны алхимии, врачевания, магии. 14. Каждое из растений, «выкидывающих коленца». 17. Оброк по-западноевропейски. 18. Композитор, чья первая опера «Восстание Восе» была и первой таджикской оперой. 19. ... во владение — передача недвижимости новому владельцу на основе судебного решения. 24. Путешественник, достигший полюса с Нансеном и без него. 25. Предмет иронии в словах М. Салтыкова-Щедрина: «Охраняя общество от наплыва идей вредных, она вместе с тем предостерегает молодых и неопытных публицистов от могущих случиться с ними неприятностей». 27. Кривой конь лезет в огонь (загадка). 28. Неразумный начальник для разумных подчиненных. 31. Имя Тюрлепена, шута Людовика XIII. 35. Желанная купель для пчелиного хоботка. 36. Один из зверей, приносящих немецким детям пасхальные яйца. 37. Почти каждый мужчина в Сулеймании. 39. Героиня трагедии Софокла, Еврипида, Сенеки, Расина, Цветаевой. 41. Служака с «бронированной» головой. 42. Один из основателей международного права. 43. Способ, каким травили зайца науда-

чу, крича и хлопая арапником и держа борзых наготове. 44. Доктор, чья «настоящая» фамилия Дулитл. 45. Стекланный пузырь, «раздутый» до дармовщины.

По вертикали.

1. Советский актер, игравший и в девяносто два года. О причине своей бодрости он говорил: «Никогда не делал гимнастику, никогда не женился и никогда не обедал дома». 2. Русский князь, родившийся в Париже. Только он знает, где лежит на дне испанский галеон «Пречистая дева» с золотом и произведениями искусства ацтеков. 3. Старинное название ростовщического дела. 4. Песнопение XIII века, обработанное в 1781 году бродячим немецким поэтом К. Киндлебом и «подаренное» студентам. 5. Многоголовое «существо», которое способно то сокращаться, то раздуваться. 6. Лилия, символ чистоты и невинности в русской поэзии. 7. Второе дыхание — это ... энергии. 8. Марафет в изобразительном мире. 10. Узловое место всех дорог Манупура. 15. Немецкий философ, направленный в ноябре 1944 года по «массовому призыву» на рытье укреплений. 16. Сын известного русского поэта, настоящий автор мемуаров Оммер де Гелль. 20. Часть лестницы между двумя площадками. 21. Французский художник, последовательно переболевший пуантилизмом, фовизмом, кубизмом, а в сорокалетнем возрасте увлекшийся наследием Караваджо и Энгра. 22. Приток Вишеры, впадающий в реку, на которой в 1913 году поэт В. Каменский испытал первый русский глассер, сконструированный им. 23. Дорический, ионический, коринфский ... 26. Способ борьбы, корни которого идут из древнего государства сельджуков. 29. Вера и ... — первые фазы в продвижении идей. 30. Место в департаменте Приморская Сена, попавшее в живопись импрессионистов. 32. Американская птица, так быстро бегущая, что ее догоняет не всякая собака. 33. Первый цветок любви. 34. Аким — кукушка, Петр — ... (Л. Толстой «Хаджи-Мурат»). 38. Булавочный ... (о мелком, но с подначкой замечании). 39. Предмет шуточного задания. 40. Жилище, которое Н. Некрасов в поэме «О погоде» перепутал с чумом.

283

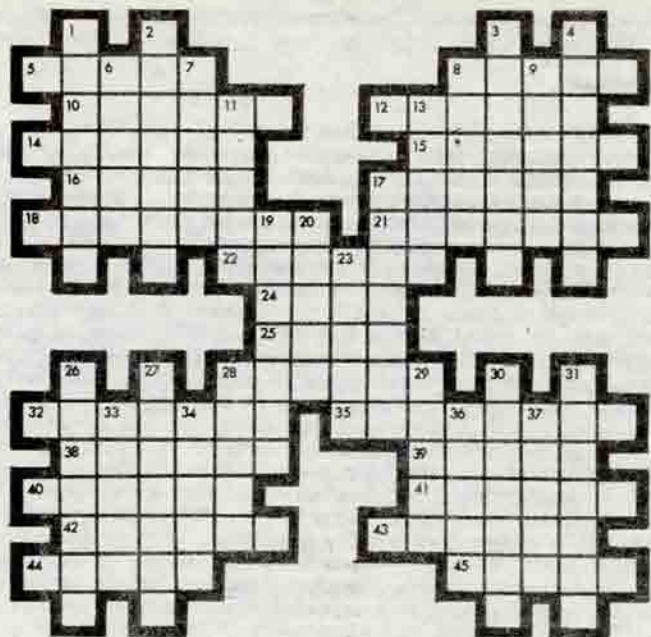
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали.

1. Асны. 4. Шахлин. 8. Ибсен. 12. Ласкер. 13. Муравьев. 14. Анчар. 15. Джаз. 18. Маре. 19. Карпакова. 20. Ядро. 25. Золотарь. 26. Одетта. 28. Деверь. 29. Расстрата. 32. Хадж (паломничество в Мекку). 36. Картофель. 37. Лаос. 38. Минх. 40. ...Цнори... (города в долине Алазани). 42. Червонец. 43. ...мрамор... 44. Нанна. 45. Аннона. 46. Ванна (в форме башмака).

По вертикали.

2. Писсарро. 3. ...Нтем... 4. Шнур. 5. Храм. 6. Ильхан. 7. Элодея. 9. Бонапарт. 10. Еманка. 11. Адрес. 16. Пастернак. 17. Свидетель. 21. «Дзяды». 22. Олово. 23. Страх. 24. Шахад. 27. ...фанфарон... 30. Талисман. 31. Станца... 33. Жихарь. 34. Ульчи. 35. Боярин. 39. Гобо. 40. Цена. 41. Юрта.

КРОССВОРД
Составил
А. ЯДЫКИН,
Климовск
Московской
области

По горизонтали.

5. Роскошно изданная книга большого формата.
8. Бесправный, угнетенный человек.
10. Парижское издательство, известное словарями и энциклопедиями.
12. Владыка в корейских мифах, ведающий 360 земными делами.
14. Писатель, яркий представитель «потерянного поколения».
15. Профессия Демосфена, чье искусство, по словам его соперника Пифея, отдавало чадом светильника.
16. Долго день, да ... коротка (пословица).
17. Верхняя часть корабельной мачты.
18. Немецкий придворный живописец, архитектор и гидротехник эпохи Возрождения.
21. Тропическая американская кошка, которую почти невозможно разглядеть на дереве, где днем она обычно спит.
22. Самоцвет. По восточным поверьям, оберегает от падения с лошади, примиряет супругов, укрепляет зрение.
24. Зимний сорт груш.
25. Восточная «река черного дракона».
28. Известный советский летчик, освоивший к семи годам все аллюры лошади.
32. Овощ, который в Летнем саду выращивали для Петра Первого.
35. Мать Манефа как духовное лицо в романе П. Мельникова «В лесах».
38. ... Гуру — главный бог у батаков острова Суматра.
39. Принадлежность игры, популярной у канадских манахов в конце XIX века.
40. Обувь, которую физикохимик И. Каблуков непременно снимал при входе в трамвай.
41. Один из первых артистов Бакинского армянского театра.
42. Цветок. С корнями долго стоит в воде, не теряя декоративных качеств.
43. Боковая

улица в деревне. 44. Блок, калитка (по В. Далю). 45. Героиня пьесы М. Булгакова, где среди действующих лиц есть Мертвое тело.

По вертикали.

1. «... архангела Михаила Иисусу Навину» — «знамя Салеги», хранящееся в Третьяковской галерее. 2. Народ в Индии, чей главный индуистский праздник посвящен богу Ганеше. 3. Одержимый. 4. Рождественский подарок в Германии футбольному арбитру, «просмотревшему» наибольшее число нарушений. 6. Заповедник в Таджикистане. 7. Короткое женское платье типа куртки на Руси. 8. Известный мрамором остров в Эгейском море. 9. Минерал, чье название значит «отливающий золотом». 11. Пожитки. 13. По морю идет, идет, а до берега дойдет, тут и пропадет (загадка). 17. Созвездие. Космонавты называют его «летающим крылом». 19. Первобытная женщина. 20. Предмет обстановки в спальне булгаковской Маргариты. 23. Муравьед с самым длинным среди обитателей суши языком. 26. Оружие, которое изучал и конструировал Леонардо да Винчи. 27. Насекомое-вредитель. У самок нет ног, а часто и глаз. 28. Бальзаковский герой, «Христос отцовской любви». 29. У сербов — вампир, у удмуртов — убыр, у марийцев — ... 30. Другое название бухты Мапуту — одной из лучших гаваней Индийского океана. 31. Ядовитый сорняк, чье цветение напоминает пламя свечи. 33. Греческий музыкант и поэт с острова Крит. По легенде, мог с помощью песни избавлять от чумы. 34. Потерянное «в пылу сраженья» оружие Гаруна (М. Лермонтов. «Беглец»). 36. Стужа. 37. Наносный песок на реке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали.

5. Синтез. 7. Чеснок. 9. Козлобородник. 12. Метан. 13. Волан. 15. Галенит. 17. Бегемот. 18. Лян. 19. Осетр. 20. Гольф. 23. Осьмина. 25. История. 27. Боян. 28. Хлор. 29. Джейран. 31. Икебана. 33. Эссен. 36. Брасс. 38. Тив. 39. Реторта. 40. Повесть. 41. Агнец. 44. Фиакр. 45. Реконструкция. 46. Щепкин. 47. Азурит.

По вертикали.

1. Шифон. 2. Этель. 3. Всадник. 4. Полив. 6. Забрало. 7. Червень. 8. Железо. 9. Капельмейстер. 10. Консерватория. 11. Мантия. 14. Колибри. 16. Ляле. 20. «Гаянз». 21. Филин. 22. Стрелец. 24. Ноа. 26. Сок. 29. Дорога. 30. Осис. 32. Ацтеки. 34. Стенсен. 35. Евтерпа. 37. Морозка. 42. Цефай. 43. Уксус. 44. Фидий.

Шахматная эпиграмма

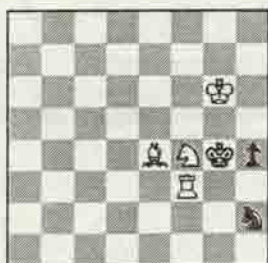
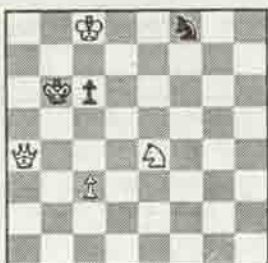
Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных миниатюр, присланных на II Международный конкурс «Смена»-93. Приводим также ответы на задачи, опубликованные в прошлогоднем декабрьском номере журнала. Правильные решения этих задач пристали в редакцию «Смены» **М. Алексеев** (Минск), **М. Власов** (г. Кудымкар Пермской обл.), **А. Егоров** (Владивосток), **В. Кожакин** (Магадан), **Ю. Лялюшкин** (Екатеринбург), **В. Симонов** (Самара), **В. Станкевич** (Челябинск). Нетрудно заметить, что ряд наших читателей успешно выступает в обоих конкурсах — решения и составления задач. Это неудивительно, многие известные шахматные композиторы вышли именно из решателей.

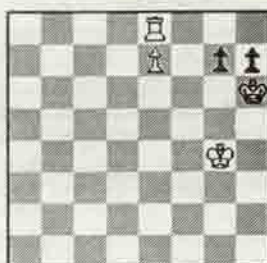
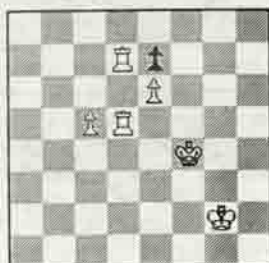
РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

«СМЕНА» № 12, 1992

91. В. Желтоножко. 1.Kd5
92. А. Дашковский. 1.Фh6!, 1.Kpf8? h6!
93. С. Ткаченко. 1.Фс3
94. Н. Чернявский. а) 1.Фg8!, 1.Лd4?; Крb3!; б) 1.Фg8!; в) 1.Фg8!; г) 1.Фg8!
95. В. Каменский. 1. Лg2 Крd4 2. Лg3, 1...Крf4 2. Фb3, 1...Крe3 2. Крe5, 1...Крf3 2. Фе2
96. В. Симонов. 1.Са1 b2 2. Лb1
97. Н. Зиновьев. 1.Ле1 — 2.Лh1 Крg8 3. Лh8x, 1...Крg8 2. Сg6 Крf8 3. Ле8x, 1...Крh6 2. Лh1 Крg5 3. Лh5x. 1.Ch5? — 2.Лe8? Крh5! 1. Cf7? — 2.Ле5? Крg7!
98. В. Кожакин и О. Сакс. 1.Kf4? f6 2. Сс4(d5) f5 3. Лf1(f3)x, 1...f5! 1.Kf6! Крe2 2.Ke4 f5 3. Сс4x, 1...Крg2 2. Kg4 f5 3.Cd5x
99. Ю. Лялюшкин. 1.Фh1 b4 2. Фс6 Кра5 3. Фb6, 1...Кра5 2.Крb3 b4 3. Крc4, 1...Крb4 2.Фс1
100. П. Пирогов и С. Шедей. 1.Ла6! e6 2.Крe6 Крc4 3. Ла4, 2...Крb4 3.Cd4, 1...Крb4 2.Крe6 Крc5 3.Сс3
101. М. Онищенко. 1.Ch1! d5 2. Cf6! d4 3. Крh3 d3 4. Крg2 Крe4 5. Крg3x
102. Б. Линдгрэн. 1.Крb7? — пат!; 1.Фg3? Крh5 2. Крb7 h6! 3.Крc6? — пат!; 1.Фg2? Крh5 2.Крb7 Крh4 3.Крc6 h5! 4.Крd5? — пат!; 1. Фg1? Крh5 2.Крb7 Крh4 3.Крc6 Крh3 4.Крd5 h5 5. Крe4 h4! 6. Крf3? — пат! 1. Фg8!... 5. Крe4 Крh2 6. Крf3 Крh1 7. Фg2x

25. Д. БАСАЕВ*Элиста, Калмыкия***Мат в 2 хода****26. В. МЕЛЬНИЧЕНКО***г. Котовск Одесской обл.***Мат в 2 хода**

б) Ke4-d3, в) Ke4-ab

27. В. ПИЛЬЧЕНКО*г. Сухой Лог
Екатеринбургской обл.***Мат в 2 хода****28. В. МЕЛЬНИЧЕНКО***г. Котовск Одесской обл.***Мат в 3 хода****29. В. КОЖАКИН и О. САКС***Магадан***Мат в 3 хода****30. М. ВЛАСОВ***г. Кудымкар Пермской обл.***Мат в 4 хода**

Продолжение.
Начало на стр. 178

288

которого проявили интерес к произведениям и личности Нико, как-то даже выдали материальную помощь. Общество часто заседало, вело нескончаемые беседы, разумеется, об искусстве. Однажды пригласили и Пиросмани. Нико долго слушал, о чем говорили собравшиеся, а затем сказал: «Вот что нам нужно, братья. Посредине города, чтобы всем было близко, нужно построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться. Купим большой стол, большой самовар, будем пить чай. Много пить, говорить о живописи и об искусстве.— И добавил тихо:— Но вам этого не хочется, вы о другом говорите». Общество в долгу не осталось. В газете, в которой раньше была опубликована доброжелательная статья о творчестве Пиросмани, появилась карикатура на него. Грубая насмешка оскорбила Нико. Он понял, что «собратья по искусству» не считают его равным себе, и с тех пор избегал встреч с кем-либо из художников.

Пиросмани «открыли» совершенно случайно. После его смерти уже прошло несколько лет, когда в привокзальный духан заглянули несколько молодых художников. На темной, закопченной стене висели клеенки, «раскрашенные» Пиросмани. Молодые люди пришли в восторг. И после этого начали искать в подвалах, погребках, лавчонках, ресторанах работы Нико. Скупали их, надо заметить, не торгуясь. И впервые в Тифлисе заговорили о Художнике. Они не только скупали работы, но буквально по крупицам собирали сведения о Нико, спрашивали о нем духанщиков, зеленщиков, чистильщиков сапог. На расспросы

о последних днях Пиросмани его приятели угрюмо отвечали:

— Где же ты был раньше, кацо? Теперь ищешь каждую вывеску Нико. А когда он был еще жив, ты его не искал, а он пропадал от голода. И закопали его на задворках кладбища за два рубля. Могилу, кацо, не ищи, не найдешь...

НИКО ПИРОСМАНИШВИЛИ. *Кахетинский эпос (Алазанская долина).* ▲

Кахетинский эпос (Алазанская долина). ▼

Русско-японская война. Морской бой. ▼

Музыкальная антенна представляет:

MT2

КОТОРЫХ ВЫ

НЕ ЗНАЕТЕ.

(стр. 192.)

ИНДЕКС 70820